

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

М. А. Клинова

**Уровень жизни
городского населения РСФСР
(1946–1991 гг.)
в отечественной историографии**

Рекомендовано

Редакционно-издательским советом

Уральского государственного экономического университета

Екатеринбург

2014

УДК 94(470)
ББК 63.1(2)6
К 47

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
кафедры экономики и методики обучения экономическим дисциплинам
Уральского государственного педагогического университета

Л. Н. Мартюшов

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой права и методики его преподавания
Уральского государственного педагогического университета

В. Н. Ильченко

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор

А. В. Трофимов

Клинова, М. А.

К 47 Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.)
в отечественной историографии [Текст] : [монография]
/ М. А. Клинова ; [науч. ред. А. В. Трофимов] ; М-во образования
и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : [Изд-во
Урал. гос. экон. ун-та], 2014. — 353 с.

ISBN 978-5-9656-0202-5

Рассматривается специфика процесса изучения отечественными учеными проблем динамики уровня жизни городского населения РСФСР в 1946–1991 гг., когда вследствие модернизации и урбанизации формировался советский городской социум с присущими ему образом жизни и культурой потребления. Важную роль в понимании особенностей развития городского населения, векторности и эффективности советской социальной политики играет анализ динамики уровня жизни населения (материальные доходы и уровень потребления). Начиная с середины 1940-х гг. исследователи разных направлений гуманитарных наук обращались к изучению данной темы, в результате сегодня можно говорить о проблематике уровня жизни как об одной из наиболее дискуссионных тем отечественной историографии XX в.

Для историков, экономистов, краеведов, студентов вузов, а также всех интересующихся историей нашей страны.

УДК 94(470)

ББК 63.1(2)6

ISBN 978-5-9656-0202-5

© М. А. Клинова, 2014

© Уральский государственный
экономический университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Раздел 1. Отечественные историки о материальном благо- стоянии городского населения РСФСР в 1946– 1991 гг.	22
1.1. Исследование динамики материальных доходов горожан.....	22
1.2. Ценовая доступность товаров и покупательная спо- собность городского населения РСФСР в 1946–1991 гг.: векторы и динамика изменений	69
1.3. Изучение нетрудовых доходов городского населения РСФСР	101
1.4. Дискуссии о советской бедности и нищете	127
Раздел 2. Проблемы развития сферы услуг и уровня потреб- ления городского населения РСФСР 1946–1991 гг. в отечественной историографии.....	174
2.1. Динамика потребления и товарный дефицит	174
2.2. Исследование потребностей и нормирования потреб- ления	262
2.3. Изучение развития городской сферы услуг	276
2.4. Дискуссии о качестве советских товаров.....	292
2.5. Компаративный анализ международных показате- лей уровня жизни населения (материальные доходы, потребление).....	306
Заключение.....	326
Приложения.....	338

ВВЕДЕНИЕ

О НАМЕРЕНИЯХ АВТОРА

На современном этапе истории России, который характеризуется коренной переоценкой важнейших исторических событий, происходит сложный процесс отказа от многих устаревших, идеологизированных и мифологизированных положений в освещении советского периода отечественной истории, меняются взгляды на исторические события и на проблемы советской социально-экономической истории второй половины XX в.

Исследования социальной истории, как правило, сопряжены с разработкой проблематики «образа жизни», «качества жизни», «стиля жизни», «уровня жизни» населения на том или ином отрезке времени, так как без изучения данных категорий, подразумевающих определенный комплекс социально-культурных, экономических и аксиологических стандартов и проявлений, невозможно верное понимание векторности и динамики социальных процессов.

В то же время означенные категории, выступая в качестве общего социального измерения, не синонимичны друг другу. Оправданно признанной в отечественном гуманитарном дискурсе является позиция, согласно которой «образ жизни» является наиболее всеобъемлющей социальной категорией, включающей в себя комплекс социально-культурных ценностей и приоритетов, отражающих картину мира, т. е. особенности социальных стереотипов, традиций, привычек, потребностей и интересов населения. По отношению к столь масштабной и структурно сложной категории, как «образ жизни», все остальные из отмеченных выше понятий представляют собой лишь конкретизацию и детализацию отдельных ее аспектов: экономических – «уро-

вень жизни», социологических — «качество жизни», социально-психологических — «стиль жизни» и социально-экономических — «уклад жизни»¹.

Безусловно, для создания детальной ретроспективной картины советского социального прошлого периода 1946–1991 гг. желательно было бы провести комплексное исследование различных аспектов образа жизни населения, но в данной работе внимание будет сосредоточено лишь на одном из них — уровне жизни, отражающем в первую очередь материальный срез жизнедеятельности советского социума.

Акцент на разработке проблем данной сферы советской социальной реальности не случаен, это обусловлено комплексом причин. Во-первых, уровень жизни является важной интегральной характеристикой, производной от политического, социально-экономического и культурного уровня государства. Во-вторых, уровень жизни определяется более или менее конкретными показателями (объем доходов, уровень цен, объем потребления и пр.), вследствие чего динамика показателей, имевшая место в 1946–1991 гг. в данной сфере, может быть сегодня более объективно количественно и качественно оценена в рамках иерархической шкалы «богаче — беднее», «дешевле — дороже» и пр. В-третьих, динамика показателей уровня жизни в советской стране была обусловлена социально-экономическим курсом государства и государственным регулированием (изменения цен, доходов, ассортимента товаров), в результате чего на основании трансформаций в уровне жизни населения можно сделать более объективные выводы относительно векторности, эффективности реализации и последствий советской социальной политики в 1946–1991 гг. И, наконец, изучением данной сферы жизни советского общества, как ни одной другой, занимались отечественные исследователи (это, в свою очередь, актуализирует историографический ракурс разработки проблематики уровня жизни).

¹ *Образ жизни* : теорет. и методол. проблемы соц.-психол. исследования / [отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович]. Киев : Наукова думка, 1980 ; *Толстых В. И.* Образ жизни : Понятия. Реальность. Проблемы. М. : Политиздат, 1975 ; *Трофимов А. В.* Советский образ жизни : науч. и мифол. аспекты осмысления // Экономика и культура. Екатеринбург, 2010.

Актуальность историографического исследования проблем уровня жизни городского населения РСФСР в 1946–1991 гг. обусловлена научным значением анализа указанной темы. Имеющийся значительный комплекс исторической, экономической, демографической и социологической литературы, рассматривающей теоретические и практические аспекты уровня жизни городского населения РСФСР, дает возможность провести историографический анализ работ по данной проблематике, проанализировать накопленные историографические факты и источники, оценить степень их изученности, а также выявить направления исследований, проводимых в данной области исторических знаний и определить перспективы дальнейших научных разработок. Вместе с тем в отечественной историографии существуют различные, порой взаимоисключающие, мнения относительно векторности и динамики развития уровня жизни городского населения в исследуемом периоде, чем обусловлена необходимость критического анализа литературы с целью изучения вклада исследователей, их трудов в становление и развитие науки по интересующей нас теме. Многие аспекты уровня жизни городского населения (в обозначенных территориальных и хронологических рамках) не стали предметом историографического анализа. Данное исследование является попыткой заполнить имеющийся пробел в историографии этой научной проблемы.

В советской политико-экономической модели государство определяло направления, методы и механизмы решения социально-экономических проблем. Исходя из этого ясна необходимость рассмотрения и анализа исследований, посвященных проблемам уровня жизни в масштабах РСФСР. Ограничение территориальных рамок исследования РСФСР обусловлено рядом факторов. Во-первых, границы РСФСР в целом соответствуют границам нынешнего Российского государства, что позволяет проводить корректные сравнения и параллели при анализе социально-экономических процессов в РСФСР и РФ. Во-вторых, рассмотрение проблемы в масштабах всего СССР было бы существенно осложнено сбором современных историографических и исторических источников, находящихся за рубежом Российской Федерации. В-третьих, ограничение территории границами

РСФСР обусловлено тем, что применительно к исследуемому историческому периоду можно говорить о доминировании в РСФСР (в отличие от ряда республик СССР) городского населения, находящегося в фокусе советской социальной политики.

Как отмечалось выше, «уровень жизни» как социально-экономическая категория является одним из важнейших критериев оценки эффективности функционирования советской экономической модели, ее потенциальных возможностей и пределов. Понятие «уровень жизни» достаточно многопланово, и его содержание и объем по-разному трактуются исследователями. Отличающиеся ракурсы рассмотрения проблемы обусловили тот факт, что в научном мире возможны самые разнообразные трактовки уровня жизни: от философско-мировоззренческих до формально-статистических. На наш взгляд, комплексным и наиболее отвечающим целям и задачам данной монографии может выступать определение, предложенное Б. А. Райзбергом и Л. Ш. Лозовским (и несколько дополненное нами в соответствии с тематикой историографического исследования), согласно которому уровень жизни населения – это «уровень благосостояния, потребления благ и услуг, а также совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей людей на определенной стадии развития общества»¹.

Относительно набора потребностей и показателей, включенных в категорию «уровень жизни», в литературе также существуют различные точки зрения. В ряде случаев данное понятие определяется через демографические, природно-климатические, экологические характеристики. Но неотъемлемыми, базовыми элементами уровня жизни (в чем сходятся все исследователи) являются показатели уровня потребления и материального благосостояния населения.

Показатели уровня потребления, безусловно, являются определяющими в характеристике экономического и социального статуса населения на том или ином отрезке времени. По справедливому замечанию Н. А. Мендковича, «исторически пи-

¹ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Современный экономический словарь. М., 1997. С. 351.

тание и потребление в целом – не только набор черт быта эпохи, но важная составляющая биологической жизни населения, влияющая на демографию, спокойствие, а в конечном счете – на всю жизнь человека»¹.

Уровень материального благосостояния в индустриальном обществе (каковым являлся СССР второй половины XX в.) определяет потенциальные возможности доступа населения к продуктам потребления, маркируя социально-экономический статус групп и субъектов в социуме. Это также позволяет говорить о данном параметре как о существенном и неотъемлемом показателе уровня жизни населения.

Важно отметить, что в результате происходивших в СССР процессов модернизации и урбанизации советское общество в послевоенное сорокалетие стало городским как с точки зрения статистики расселения, так и с демографической и культурологической позиции. В советской стране формируются городской образ жизни и городской способ потребления, со временем все более отличающие горожан от сельских жителей. Преимущественно городской социум, наиболее остро чувствуя последствия социального регулирования, находился в фокусе советской социальной политики. Поэтому можно утверждать, что динамика уровня материального благосостояния и потребления горожан РСФСР на протяжении периода 1946–1991 гг. наиболее полно отражает цели, специфику реализации и последствия советского социального проекта. С учетом сказанного выше в данном исследовании внимание будет сосредоточено на историографическом анализе проблематики уровня жизни городского населения РСФСР в 1946–1991 гг.

Проведение современного историографического исследования требует знания наиболее признанных историко-концептуальных моделей и умения оперировать ими. Сегодня российские авторы, занимающиеся исследованием теоретико-методологических проблем исторической науки, обосновывают выделение различных однолинейных и многолинейных теорий историче-

¹ Мендкович Н. А. Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

ского процесса, в частности формационной, цивилизационной, либеральной, модернизационной, неэволюционизма, мир-системного подхода¹.

Работа исследователя в многоконцептуальном поле предоставляет большие возможности для более объективного и многогранного понимания путей развития и достижений исторической мысли, внутренних механизмов, определяющих познавательные и прогностические функции исторической науки. Но, как известно, любая методология и созданные на ее основе теория и концепция имеют свои естественные пределы, а поэтому ни одну нельзя абсолютизировать. Это особенно актуально для историографического исследования, одной из задач которого выступает выявление и констатация объективного вклада историков и их трудов в становление и развитие исторической науки независимо от теоретико-методологической парадигмы исследований.

Автор монографии опирается на принципы историографического исследования, получившие отражение в современной историографической и методологической литературе. Среди важнейших принципов в первую очередь следует выделить принцип историзма, подразумевающий изучение процесса накопления знаний, выявление качественных изменений в разработке той или иной проблемы, определение заслуг ученого по сравнению с предшествующим, а не последующим уровнем исторических знаний. Также принципом исследовательской методологии является научная объективность, предполагающая свободу исследователя от «социального заказа», ангажированности, умение непредвзято произвести анализ имеющихся исторических и историографических источников и точный учет всех условий, в которых находится объект познания.

¹ Крадин Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и математика: модели и теории / [отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков]. М., 2008; Павленко Ю. В. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // Философия и общество. 1997. № 3; Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7; Розов Н. С. На пути к синтезу макроисторических парадигм // Философия и общество. 1998. № 4; Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005; Они же. Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург, 2012.

В качестве конкретных методов историографического исследования автором использовались: сравнительно-исторический метод, позволяющий проводить исторические сравнения, сопоставления, изучать историографические факты в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они возникли; проблемно-хронологический метод, предполагающий «расчленение» более или менее широкой темы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Применение метода структурного анализа способствует раскрытию внутренних механизмов эволюции исследовательских подходов и методов в изучении проблемы, помогает выявить их взаимосвязь с процессами, происходящими в РСФСР в исследуемый период.

Вопрос о «селекции» материала, необходимость ответить на который возникает перед исследователем, достаточно непрост и вряд ли имеет однозначный ответ. С одной стороны, наиболее полная и объективная картина тенденций изучения, динамики и векторности исследовательского поиска относительно уровня жизни горожан РСФСР второй половины XX в. может быть воссоздана лишь при абсолютно полном отображении материи гуманитарного дискурса рассматриваемого периода. Это побуждает расширять круг историографических источников как с позиции их дисциплинарной принадлежности, так и с учетом диапазона жанров и форм публикаций. Именно этим объясняется включение в орбиту исследования не только исторических, но и экономических, социологических, философских и культурологических разработок различных форм (печатные, электронные ресурсы) и жанров (монографии, статьи, рецензии, тезисы и др.), а также обращение к историческим источникам, среди которых делопроизводственные материалы, законодательные акты, статистика, материалы периодической печати, источники личного происхождения, публицистика.

С другой стороны, убежденность в невозможности «объять необъятное», а также уверенность в справедливости высказанного Е. В. Сальниковой мнения о том, что «любое культурное явление (коим, безусловно, является и научное пространство. — М. К.), принадлежащее к определенному историческому перио-

ду, несет в себе – в большей или меньшей степени – типические черты, этого периода»¹, толкает если не к ограничению, то к определенной селекции источников исследования.

Иными словами, автор данной работы не ставил задачу исчерпать и осмыслить весь объем гуманитарных исследований, прямо или косвенно относящихся к заявленной проблематике, опубликованных в РСФСР – РФ начиная с середины 1940-х гг. по настоящее время. Была предпринята попытка обозначить контуры исследовательского интереса и выявить магистральные тенденции осмысления проблематики уровня жизни городского населения РСФСР на протяжении периода 1946–1991 гг.

О «СОВЕТСКОСТИ» И «СОВРЕМЕННОСТИ»

Периодизация выступает важной составляющей как конкретно-исторического, так и историографического исследования, структурируя работу и систематизируя опыт предшественников. В современном научном сообществе наиболее общей периодизацией является признанное деление новейшей отечественной истории на «советский» и «современный» этапы, отражающее и свершившиеся в нашей стране социально-политические трансформации, и, безусловно, метаморфозы, произошедшие в отечественном гуманитарном дискурсе. В то же время по отношению к историографическим разработкам вопрос о рубеже между выделенными периодами вызывает дискуссии и не получает однозначного ответа со стороны исследователей.

Не вдаваясь в нюансы предлагаемых авторами гипотез, мы остановимся подробнее на проблематике периодизации данного исследования, а также научной оправданности выделенных периодов применительно к изучению историографии уровня жизни городского населения РСФСР в период 1946–1991 гг.

В рамках данного исследования наиболее приемлемым видится выделение двух историографических этапов: «советского»,

¹ Сальникова Е. М. Советская культура в движении : от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. 2-е изд. М., 2010. С. 13.

охватывающего большую часть второй половины XX в. до начала 1990-х гг., и «современного» – с начала 1990-х по 2000-е гг. Каждый период характеризуется наличием определенной институциональной организации, структурирующей научное пространство в масштабах РСФСР – РФ, а также специфических концептуально-методологических форм, определяющих методы, источники основы и интерпретационные векторы исследований, проводимых по проблемам уровня жизни горожан.

Рассмотрим подробнее специфику советского историографического периода, его особенности в рамках изучения означенной темы.

В советский историографический период методологические предпосылки развития науки выступали как экзогенный фактор, задавались «сверху» в виде решений партийных форумов, высказываний партийных руководителей, что существенно сужало возможности творческого поиска. На содержание исследований этого времени влиял общий теоретический уровень исторической науки, а также необходимость соблюдения принципа партийности, требовавшего от ученого работать в жестко ограниченных методологических границах.

Как отмечают В. Д. Камынин и Е. А. Цыпина, «советская историческая наука этого времени оказалась очень зависимой от идеологического и политического влияния концепции „Краткого курса“ в изучении исторического процесса, что в значительной степени повлияло на научную ценность публикуемых работ. Многие важные периоды советской истории либо оказались слабо разработанными, либо были искажены, либо вообще не изучались»¹.

Тем не менее справедливая критика советской историографии не может вести к недооценке, а тем более игнорированию ее положений.

Мы разделяем мнение уральских историографов А. В. Иванова и А. Т. Тертышного, считающих, что несмотря на сложные условия, в которых развивалась историческая наука в советский

¹ Камынин В. Д., Цыпина Е. А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е гг. XX в. в отечественной историографии. Екатеринбург, 2004. С. 16.

период, «это вовсе не означает, что в какой-то момент историческая наука в СССР умерла»¹.

Аналогичного мнения относительно советского этапа отечественной историографии придерживаются С.П. Бычков и В.П. Корзун²; они отмечают, что существование государственного контроля и планирования деятельности научного сообщества, а также узость методологических поисков наложили отпечаток на стилистику и форму изложения материала (цитатничество), но тем не менее не лишили общественные науки самостоятельности и научности, и наряду с конъюнктурной идеологической линией в советский период продолжала существовать наука, сохраняющая идеалы объективности.

Справедливо и утверждение Г. Д. Алексеевой, которая пишет, что изучать советскую историографию нужно хотя бы для того, чтобы привлечь внимание общества к судьбам «ученых, работавших в советское время, их научным интересам, творческому самовыражению, самооценкам. Это поможет воссоздать тот тип историка, который сложился и эволюционировал в советское время под влиянием условий и других факторов, диктовавших науке и историкам определенный тип творческой деятельности, поведения, влияния на науку»³.

Для советского историографического этапа была характерна централизованная институциональная среда, интегрирующая научное пространство, которая включала Академию общественных наук, а также ряд ведущих институтов страны: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР, Институт международного рабочего движения, Институт экономики и т. д.

В регионах в 1970–1980-е гг. создаются отраслевые НИИ и отделения АН СССР. Достаточно активно исследовательская деятельность по интересующей нас проблематике велась на кафедрах исторических и экономических вузов РСФСР.

¹ Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917–1921 гг.) : опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002. С. 4.

² Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. : учеб. пособие. Омск, 2001.

³ Алексеева Г. Д. Предисловие // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 4.

К началу 1970-х гг. в стране в целом сложилась стройная система научно-исследовательских учреждений, построенная по отраслевому и проблемному принципам. Принятая форма организации способствовала комплексному исследованию проблем специалистами различных областей экономики, истории, внутренней политики и т. д. В исторической, экономической и социологической науке советского периода на первый план выдвигаются коллективы и именно коллективами авторов в центральных советских научно-исследовательских учреждениях создаются концепции и масштабные комплексные труды¹. На базе данных учреждений разрабатываются отдельные аспекты социально-экономической проблематики, в частности проблемы доходов и материального благосостояния горожан.

В советской историографии можно выделить несколько концептуальных моделей – концепцию «развернутого строительства коммунизма», существовавшую в 1950–1960-е гг., и сменившую ее в 1970-е гг. и действовавшую в 1980-х концепцию «развитого социализма». Данные концептуальные построения определяли специфику отечественных общереспубликанских и региональных исследований проблематики уровня жизни горожан, разворачивающихся как в теоретической, так и в фактической плоскостях.

В рамках советского периода публикуются первые работы, посвященные историографическому анализу проблематики уровня жизни городского населения (преимущественно рабочего класса). В частности, в 1970–1980-е гг. к данной проблеме обращаются В. В. Алексеев, С. С. Букин, Л. И. Гвоздкова, Л. А. Лыкова, Г. А. Сивохина, А. В. Трофимов². Авторами анализировалась лите-

¹ *История СССР с древнейших времен до наших дней* : [в 10 т.]. М., 1966–1973 ; *История СССР. Эпоха социализма*. М., 1974 ; *Экономическая история СССР*. М., 1967 ; *История социалистической экономики* : [в 7 т.]. М. : Наука, 1976–1980.

² *Алексеев В. В., Букин С. С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980 ; *Гвоздкова Л. И., Лыкова Л. А.* Состояние и задачи изучения истории рабочего класса Урала (на этапе развитого социализма) // Урал и проблемы региональной историографии. Советский период. Свердловск, 1986 ; *Сивохина Г. А.* Советская историография о рабочем классе СССР периода зрелого социализма // *Вопр. истории*. 1982. № 2 ; *Трофимов А. В.* Рост реальных доходов трудящихся Среднего Урала (1959–1965) // *Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма*. Свердловск, 1982 ; и др.

ратура по вопросам динамики заработной платы рабочих РСФСР и регионов периода «развитого социализма», рассматривались вопросы увеличения выплат из общественных фондов потребления (ОФП), улучшения качества потребления и работы сферы бытового обслуживания, расширения торговой сети городской сферы услуг. Оценивая степень изученности проблемы, авторы констатировали, что большинство вопросов, раскрывающих уровень жизни горожан, исследовано экономистами, а историки в разработке проблемы сделали только первые шаги.

Перемены, происходящие в «перестроечный» период в нашей стране, затронули и научную сферу, внеся коррективы в сложившийся образ советской историографии. Присущая ей система институциональной организации науки сохраняется, но в концептуально-методологическом плане происходят ощутимые подвижки.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. на волне гласности, а также в связи с ослаблением партийно-государственного контроля появляется новая концептуальная схема объяснения социально-экономических процессов и динамики уровня жизни в стране. В отечественной литературе оформляется парадигма «тоталитаризма», в рамках которой применительно к нашей теме обозначается концепция «дефицита». В русле этой объяснительной модели ставилась под сомнение эффективность плановой советской экономики в вопросах достижения высокого уровня жизни населения как следствие громоздкости и генетической склонности данной конструкции к сбоям в снабжении и дефициту. Социально-экономическая политика государства в рамках данной объяснительной модели оценивалась, как правило, с негативной стороны.

Политизация, доминирующая в «перестроечной» историографии, зачастую не позволяла авторам избежать излишней категоричности в оценках. Вместе с тем в период «перестройки» за счет ранее не разрабатываемых тем обогатилась эмпирическая составляющая исследований, выросло число источников.

В эти годы обозначился некоторый отход от традиционных советских методологических принципов. Но, на наш взгляд, период со второй половины 1980-х до начала 1990-х гг. при всей его

специфике является завершением советского историографического этапа, так как, во-первых, сохраняются исследования, написанные с традиционных для советской историографии методологических позиций; во-вторых, можно согласиться с В. С. Прядеиным в том, что в годы «перестройки» историческая наука зачастую лишь меняла знаки с «плюса» на «минус»¹, но при смене оценок сохранялся вектор исследований. По словам А. П. Логунова, решающего прорыва в изучении истории в годы «перестройки» не произошло, да и не могло произойти, поскольку потенциал реагирования исторической науки на давление «сверху и извне» был ограничен рядом объективных факторов, таких, например, как содержание советской историографической традиции, которая предопределяла для всего поколения активно работающих историков вполне устойчивое представление о критериях научности (наличие внутренней самооцензуры), многолетняя изоляция советских историков от основных направлений мировой исторической мысли XX в.² Поэтому данный «перестроечный» период мы не выделяем в самостоятельный историографический этап, а рассматриваем как завершающий аккорд советского историографического периода и предшествующий современному.

«Промежуточное» положение «перестроечной» литературы обусловило ряд ее переходных признаков, а именно критицизма и чрезмерной политизации практически всех проблем советской истории, поскольку переходный период, по мнению С. В. Тютюкина, сопровождался появлением «грязной пены» и «конъюнктурных подделок»³.

В то же время характерной и наиболее ценной чертой перестроечной литературы было то, что она содержала новые подходы, многие из которых были реализованы в последующее десятилетие.

¹ Прядеин В. С. Историческая наука в условиях обновления : филос. основы, принципы познания и методы исследования (историогр. анализ). Екатеринбург, 1995. С. 4.

² Логунов А. П. Кризис исторической науки, или Наука в условиях общественного кризиса : отечеств. историография второй пол. 80-х – нач. 90-х гг. // Сов. историография. М., 2000. С. 455.

³ Тютюкин С. В. Современная отечественная историография РСДРП // Отечеств. история. 1998. № 6. С. 55.

Современный историографический период отличается существенными изменениями, произошедшими как в концептуально-методологической сфере, так и в институциональной организации отечественной науки.

В 1990-е гг. по объективным геополитическим и экономическим причинам исчез партийно-государственный контроль за историко-экономической наукой, но в то же время произошла дезинтеграция единого научного пространства. Институциональная система, существовавшая в СССР (РСФСР), частично сохранилась. Разработка исследований социально-экономической проблематики ведется сегодня Российской академией наук, центральными и региональными институтами РАН, а также на кафедрах исторических и экономических вузов страны.

В то же время появились и новые структуры – независимые научно-исследовательские организации, по изучению социально-экономических проблем. В частности, можно назвать созданный в 1990 г. Институт экономики переходного периода (ИЭПП), возглавляемый Е. Т. Гайдаром, в числе институциональных учредителей которого Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, CASE – Центр социально-экономических исследований (Варшава, Польша) и OFCE – Французский институт экономической конъюнктуры (Париж, Франция). Также в 1990 г. был создан Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ), возглавляемый В. Н. Бобковым, специализирующийся на изучении проблем уровня и качества жизни населения РФ. В 1996 г. учреждена независимая исследовательская организация – Институт финансовых исследований (ИФИ) под руководством А. П. Вавилова, созданный с целью проведения исследований по проблемам инвестиций, ценообразования и т. д. Это наиболее крупные структуры, хотя в целом по стране существует несколько сотен независимых научных организаций (применительно к исследованию интересующей нас проблематики), задачи которых варьируют от «проведения экономических исследований» до «формирования общественного мнения».

Появление независимых научно-исследовательских организаций, с одной стороны, отражает современные процессы либерализации и ликвидации государственного контроля за об-

ественными науками, что, безусловно, является положительным моментом, а с другой — из-за отсутствия сегодня централизованного научного пространства данные организации освобождены от ответственности как за квалификацию их кадрового состава, так и, собственно, за научную достоверность проводимых исследований.

Существенные изменения произошли в методологической сфере. Монополия господствующей в СССР методологии была утрачена. В отечественном исследовательском поле укрепляются новые концепции и объяснительные модели — модернизационная, либеральная, цивилизационная, в русле которых переоценивается советский опыт социально-экономического строительства. Наметились тенденции более глубокого анализа социально-экономических проблем; происходит пересмотр сложившихся полярных взглядов по вопросам динамики уровня жизни городского населения, а именно апологетических суждений сформулированных в русле концепции «развитого социализма» и нигилистского оценочного ракурса завершающих лет «перестройки».

Происходит расширение источниковой базы исследований вследствие введения в научный оборот ранее недоступных архивных материалов и привлечения результатов зарубежных исследований, а также материалов социологических опросов и бюджетных обследований. Это позволяет современным авторам с разных ракурсов рассматривать проблемы уровня жизни городского населения РСФСР в период 1946–1991 гг.

В ряде публикаций исследователи обращаются к рассмотрению историографической проблематики означенной темы. Например, в конкретно-исторических исследованиях Л. А. Гордона, А. А. Данилова, Е. Ю. Зубковой, Э. В. Клопова, А. В. Молодчика, А. В. Пыжикова, Д. Э. Смышковского, В. А. Шестакова¹ был предпри-

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых : ист.-социол. очерки экон. положения нар. большинства. М., 2000. Т. 1 : Меняющаяся страна в меняющемся мире : предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни ; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001 ; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество : политика и повседневность 1945–1953. М., 2000 ; Молодчик А. В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004 ; Смышковский Д. Э. Экономическая политика

нят историографический анализ ряда аспектов уровня жизни городского населения РСФСР в отдельные годы интересующего нас периода. В их работах обобщен советский опыт изучения проблемы, отмечены достижения и издержки в рассмотрении проблем уровня жизни.

Среди региональных историографических исследований можно отметить работы А. С. Ващук, Л. Н. Мартюшова, М. Р. Струговой и др.¹

Однако до настоящего времени отсутствуют специальные историографические разработки по ряду важных аспектов проблемы уровня жизни городского населения РСФСР и регионов (нетрудовые доходы, ценовая политика, дефицит, бытовое обслуживание, общественное питание), что позволяет говорить о фрагментарности историографических разработок по означенной теме.

Вместе с тем ведущие историографы постоянно подчеркивают необходимость проведения историографических исследований, которые выполняют функцию сбережения наработанного наследия и способствуют переоценке важнейших проблем и событий².

Кроме того, предпринятый анализ историографии показывает, что далеко не все работы, появившиеся за последние десятилетия, отличаются высоким научным уровнем, поскольку проблема уровня жизни населения в СССР стала постоянно обсуждаемой темой публицистики.

Вследствие изложенного выше рассматриваемая научная проблема представляется актуальной как с точки зрения заполнения лакун, существующих в плоскости отечественных историографических исследований по проблематике уровня жизни

СССР и РФ и уровень жизни населения в 1985–2003 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 ; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.

¹ Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50–70-е гг. (историография проблемы). Владивосток, 1998 ; Мартюшов Л. Н. Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. Екатеринбург, 1999 ; Стругова М. Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953) : на примере Краснодарского края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.

² Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 3 ; Иванов А. В., Тертышный А. Т. Указ. соч. С. 5.

горожан, так и с точки зрения важности переосмысления уже существующих позиций и мнений исследователей, высказанных по означенной теме.

СТРУКТУРА

Структура монографического исследования обусловлена задачами данного проекта. Как отмечалось выше, среди разнообразных элементов, относительно которых определяется понятие «уровень жизни», нами были выделены два наиболее важных – материальное благосостояние и потребление. Историкографическому анализу означенных проблем применительно к городскому населению РСФСР 1946–1991 гг. посвящены два соответствующих раздела работы. Внутри разделов материал разбит на параграфы, выделенные по проблемному принципу. В последнем параграфе второго раздела «Компаративный анализ международных показателей уровня жизни населения (материальные доходы, потребление)» рассмотрены вопросы материального благосостояния и потребления горожан в ключе международного сравнения. (Возможно, это несколько нарушает структуру работы, но в русле рассмотрения темы видится логичным и оправданным.)

Внутри параграфов при изложении материала использован проблемно-хронологический принцип: частные подпроблемы и локальные темы рассматриваются в русле советской, а затем и современной историографической традиции. (При рассмотрении некоторых аспектов уровня жизни (общественное питание, бытовое обслуживание) превалирует советская историография, другие (бедность, нищета в РСФСР) начали изучаться только в рамках современного историографического периода.)

Для наглядности и большей иллюстративности при сравнении историографических и исторических данных приведены таблицы и графики, соответствующие двум приложениям, помещенным в конце работы.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Особую признательность выражаю Андрею Владимировичу Трофимову – научному руководителю моего диссертационного проекта «Историография уровня жизни городского населения (1946–1991 гг.): общероссийский и региональный аспекты», послужившего основой данного исследования. За помощь в решении методических вопросов, возникающих в процессе работы над монографией, выражаю глубокую признательность моим коллегам – сотрудникам кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета. Данному исследовательскому проекту было бы не суждено состояться без содействия и внимания моих родных. За неизменную поддержку и понимание я признательна моему супругу Евгению Львовичу Клинову, моей маме Нине Витальевне Вельбой и, конечно же, сыну Григорию, чье появление на свет научило меня по-настоящему ценить время.

РАЗДЕЛ 1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О МАТЕРИАЛЬНОМ БЛАГОСОСТОЯНИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В 1946–1991 гг.

1.1. ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ДОХОДОВ ГОРОЖАН

Материальные доходы — одна из важнейших составляющих уровня жизни горожан. В городской среде именно материальные доходы обеспечивают доступ к товарам и услугам, а также определяют уровень потребления в обществе, являясь инструментом удовлетворения потребностей граждан.

Исследователи дают разные определения материальных доходов. В частности, авторы работы «Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР» (М., 1974) реальные доходы определяют как «то количество материальных благ, в которых реализуются денежные и натуральные доходы (за вычетом налогов), полученные в форме оплаты труда, выплат из общественных фондов (пенсии, стипендии, пособия и т. п.), доходов от личного подсобного хозяйства и других доходов, используемых населением для удовлетворения материальных и культурных потребностей. Реальные доходы, кроме того, включают материальные затраты учреждений сферы обслуживания и, следовательно, частично отражают потребление бесплатных услуг, столь характерное для социалисти-

ческого общества. В целом реальные доходы показывают часть национального дохода, непосредственно используемую на потребление и накопление населением»¹.

Н. И. Бузляков и В. Ф. Майер дают более лаконичное определение: «Реальные доходы отражают весь объем материальных благ, присваиваемых населением и составляют долю населения в национальном доходе»².

Из приведенных определений следует, что структурно проблема материального благосостояния населения достаточно многопланова. Но в отечественной историографии тематика материальных доходов горожан в 1946–1991 гг. преимущественно рассматривается как проблема оплаты труда. И хотя очевидно, что лишь заработной платой не ограничивается перечень источников пополнения бюджета советских городских жителей, в большинстве случаев именно заработанные деньги (зарплата), составляют большую его часть, определяя уровень потребления и имущественный статус семьи. Поэтому в продолжение закрепившейся историографической традиции в данном разделе работы будут рассмотрены различные оценочные суждения, подходы и гипотезы, высказанные отечественными исследователями за последние более чем 65 лет относительно динамики заработной платы городского населения РСФСР периода 1946–1991 гг.

Первыми к разработке проблем оплаты труда населения подошли экономисты. В своих работах они начали рассмотрение теоретических проблем сущности и организации оплаты труда в социалистическом обществе. Сам факт разработки вопросов заработной платы в публикациях начала 1950-х гг. объяснялся вынужденной необходимостью материального стимулирования труда, который «еще не превратился в первую жизненную потребность для всех членов общества»³. Данная позиция нашла отражение в учебнике «Политическая экономия» (1954) и в целом, на достаточно длительный период, определила теоретический ракурс исследования проблем заработной платы

¹ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., 1974. С. 462, 469.

² Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Повышение уровня жизни советского народа. М., 1965. С. 9.

³ Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянова. М., 1954.

в СССР. Именно через призму материального стимулирования труда (существующего наряду с моральным стимулированием) рассматривают теоретические проблемы оплаты труда авторы экономических публикаций 1950-х – начала 1960-х гг. – Ф. Анастасенко, А. Бланкштейн, С. А. Хейнман¹.

Именно в период 1950-х – начала 1960-х гг. в качестве перспективы политического развития в СССР оформляется концепция строительства коммунистического общества, характеризующегося существованием общенародной собственности, заменой товарного обращения продуктообменом и распределением по потребностям. Для достижения данной цели необходимым признавалось планомерное развитие экономики, а также создание системы материальных и моральных стимулов к труду на коллективистских началах и повышение жизненного уровня всего населения. Перспективным вектором изменения доходов виделся их рост, который в то же время не распространялся на все категории населения. Реформирование заработной платы происходило посредством уменьшения дифференциации доходов трудящихся (рабочих различных отраслей, служащих и т. д.), что сопровождалось повышением окладов в основном средне- и низкооплачиваемых категорий рабочих.

Реформирование в сфере оплаты труда активизирует исследовательский интерес к данной проблематике. Большинство авторов, обращаясь к теоретическим или методологическим вопросам динамики доходов, положительно комментируют вектор их изменения, объясняя необходимость реформ тем, что «при социализме исчезают крайние группы с чрезмерно высокими и чрезмерно низкими доходами и потреблением, а остаются лишь различия в доходах, зависящие от количества и качества затрачиваемого труда»². В то же время нельзя не отметить отдельные работы, авторы которых не столь одобрительно отзывались о последствиях уменьшения дифференциации

¹ Анастасенко Ф., Бланкштейн А. Принцип материальной заинтересованности в колхозном производстве. Л., 1954; Вопросы методологии изучения и измерения производительности труда. М., 1956; Хейнман С. А. Организация производства и производительность труда. М., 1961.

² Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. М., 1965.

в оплате труда. В 1961 г. экономист И. В. Ворошилин в статье «Социалистический характер распределения по труду», опубликованной в журнале «Вопросы философии», высказал мнение, что «уменьшение дифференциации доходов ведет к нарушению принципа распределения по труду и к уравниловке, подрывающей материальную заинтересованность рабочих»¹. Естественно, выводы Ворошилина были признаны теоретически «неправильными» и активно критиковались. В частности, В. Ф. Майер подчеркивает, что повышение заработной платы низкооплачиваемых рабочих не имеет ничего общего с «уравнительностью», а необходимо для того, чтобы «низкооплачиваемые группы трудящихся могли позволить себе потребление продуктов питания и основных потребительских товаров промышленного производства в соответствии с разработанными наукой нормами»².

Если в вопросах теории начисления заработной платы при социализме были возможны разночтения, то в вопросах оценки фактической структуры и динамики оплаты труда в советской научной литературе было значительно меньше дискуссий. Характеризуя реальный уровень доходов, советские исследователи зачастую рассматривали его через призму деятельности партии, комментируя материалы съездов.

В 1950-е гг. выходят в свет первые публикации, в которых авторы анализируют послевоенные правительственные мероприятия в области совершенствования оплаты труда. В работах Л. Е. Гурина и Ф. Я. Обловацкого освещена реформа пайковых надбавок отдельным категориям рабочих и служащих, проведенная в 1947 г.³ Авторы однозначно положительно характеризуют данные правительственные мероприятия, обозначая, что их проведение свидетельствует о восстановлении экономики страны. Исследователи отмечают произошедшее в результате реформы существенное увеличение доходов населения, правда, при этом не приводят конкретные цифры, подтверждающие ди-

¹ Ворошилин И. В. Социалистический характер распределения по труду // *Вопр. философии*. 1961. № 2.

² Майер В. Ф. Заработная плата в период перехода к коммунизму. М., 1963.

³ Гурин Л. Е. Вопросы организации заработной платы на машиностроительных предприятиях. М., 1950 ; Обловацкий Ф. Я. Государственная торговля СССР за 35 лет // 35 лет советской торговли. М., 1952.

намику роста. В целом для публикаций начала 1950-х гг. была характерна узость источниковой базы. Авторы делали выводы относительно роста благосостояния в СССР, исходя, скорее, из теоретической логики законов социализма, чем конкретных фактов. Впоследствии регулярное издание ЦСУ СССР статистических ежегодников, а также публикация результатов Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г. значительно расширили источниковую базу исследований.

В 1960-е гг. появляются работы, в которых более обстоятельно рассмотрены проблемы благосостояния городского населения страны. Среди наиболее крупных отечественных экономических публикаций можно отметить исследования Н. И. Бузлякова, О. Е. Губаревой, В. Е. Комарова, Д. Крук, Н. Г. Кузнецовой, Н. С. Лагутина, Б. М. Левина, Е. Л. Маневича, П. С. Мстиславского, А. С. Мотылева, Г. С. Саркисяна, С. П. Фигурнова, У. Г. Чернявского, Д. Черткова и др.¹ Работы написаны доступным языком, а некоторые авторы, прибегают к вопросно-ответной форме изложения материала с целью большей популяризации содержания, так как данные публикации преследовали не только информативные, но и пропагандистские цели. Общим для всех изданий является тезис о том, что конечная цель производства в СССР – повышение благосостояния (в том числе материального), которое реализуется через оплату труда.

Наряду с теоретическими вопросами исследователи анализируют конкретные меры по повышению уровня жизни населения (рост реальных доходов, увеличение фонда оплаты по труду, рост общественных фондов потребления (ОФП), повышение ре-

¹ Ардеев А., Россинский М., Янгуразов А. На благо народа. Уфа, 1964 ; Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ. соч. ; Губарева О. Е. Источники роста народного благосостояния в СССР. М., 1968 ; Крук Д., Чертков Д. От чего зависит уровень жизни трудящихся в СССР. М., 1964 ; Лагутин Н. С. Проблемы сближения уровня жизни рабочих и колхозников. М., 1965 ; Левин Б. М. Уровень жизни : доходы, потребление, досуг. М., 1970 ; Маневич Е. Л. Жизненный уровень советского народа. М., 1959 ; Мотылев А. С. Для блага народа. М., 1967 ; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М., 1961 ; Он же. Распределение материальных и духовных благ в период развернутого строительства коммунизма // Партийная жизнь. 1959. № 12 ; Партигул С. П. Статистика материального и культурного уровня народа. М., 1956 ; Саркисян Г. С. Рост благосостояния советского народа. М., 1967 ; Саркисян Г. С., Кузнецова Н. Г. Потребности и доход семьи. М., 1967 ; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960 ; Он же. Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962.

ального содержания денежных доходов), рассматривая их в ракурсе общей политики, нацеленной на рост материального благосостояния народа. Обосновывается тезис о необходимости «сглаживания» различий в заработной плате. Функцию нивелирования уровня материального благосостояния, по мнению исследователей, должны были реализовать ОФП¹.

Некоторые изменения в ракурсе рассмотрения проблематики материальных доходов советского городского населения произошли в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в связи с заменой стратегической концепции «развернутого строительства коммунизма» на концепцию «развитого социализма».

На официальном партийно-государственном уровне идея построения развитого социализма в СССР, которая была публично высказана Л. И. Брежневым в 1967 г., позднее зафиксирована в ранге решений и постановлений съездов КПСС и Конституции СССР 1977 г. Высшей целью стратегии объявлялся неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, который должен быть достигнут на базе роста производительности труда, улучшения качества и эффективности работы всех звеньев народного хозяйства. Такой подход к начислению доходов «от производительности труда» внес определенные коррективы в рассмотрение проблемы дифференциации заработной платы.

В общереспубликанских и региональных экономических публикациях 1970-х – первой половины 1980-х гг. исследователями делается акцент на необходимость такой организации заработной платы и выплат из ОФП, которые обеспечивали бы наиболее полное удовлетворение потребностей населения, способствуя вместе с тем дифференциации удовлетворения этих потребностей в зависимости от трудового вклада работника в общественное производство. Такой ракурс рассмотрения проблемы нашел отражение в работах Б. Д. Дондакова, П. М. Кузовлева, Н. Ф. Кулешова, Л. Э. Кунельского, А. И. Левина, Л. Н. Леоновой, В. Ф. Майера, А. Г. Оруджиевой, И. А. Пыховой, Г. С. Саркися-

¹ Бузляков Н. И. Общественные фонды потребления. М., 1964; Петрович В. Б. Проблемы совершенствования оплаты труда в колхозно-кооперативном секторе. Киев – Одесса, 1978.

на, В. В. Радаева, Н. Е. Рабкиной, И. М. Римашевской, В. С. Ростецкой, А. Ф. Титкова, У. Г. Чернявского, И. Н. Шутова и др.¹

Накопление эмпирического материала позволило в 1960–1980-е гг. выпустить в свет обобщающие работы по истории развития экономики и народного хозяйства СССР², в ряду которых выделяется многотомная «История социалистической экономики СССР»³.

Как правило, определяющим ракурсом в изложении материала в этих работах становится акцентирование внимания на роли партийного руководства в развитии народного хозяйства. В отдельных главах данных изданий косвенно рассмотрены общие вопросы повышения благосостояния советских граждан.

Приводимая информация о доходах населения, как правило, сводится к констатации фактов повышения заработной платы и выплат из ОФП, проиллюстрированных данными официальной статистики.

¹ *Ендонов Ч. В.* Рост благосостояния советского народа – высшая цель экономической политики партии. Улан-Удэ, 1975; *Калиновский Н. П.* Районные различия реальной заработной платы рабочих и служащих. М., 1966; *Костин А. А.* Организация оплаты труда. Формы и методы материального и морального стимулирования рабочих. М., 1973; *Кузовлев П. М., Оруджиева А. Г., Ростецкая В. С.* Влияние уровня жизни на миграционные процессы в Свердловской области // *Уровень жизни населения и трудовые ресурсы круп. экон. региона.* Свердловск, 1976; *Кулешов Н. Ф., Дондаков Б. Д.* Заработная плата – основной источник доходов трудящихся при социализме // Там же; *Кунельский Л. Э.* Социально-экономические проблемы заработной платы. М., 1972; *Он же.* Заработная плата и стимулирование труда: соц.-экон. аспект. М., 1981; *Левин А. И.* Научно-технический прогресс и личное потребление. М., 1979; *Майер В. Ф.* Уровень жизни населения СССР. М., 1977; *Пыхова И. А., Леонова Л. Н.* Некоторые проблемы повышения эффективности труда в сфере услуг // *Формирование и использование квалифиц. кадров в нар. хоз-ве.* Свердловск, 1982; *Рабкина Н. Е., Римашевская И. М.* Основы дифференциации заработной платы и доходов населения. М., 1972; *Радаев В. В.* Потребности как экономическая категория социализма. М., 1970; *Саркисян Г. С.* Уровень, темпы и пропорции роста реальных доходов при социализме. М., 1972; *Столяров И. И.* Личное потребление и социалистическое воспроизводство. М., 1983; *Титков А. Ф.* Стимулирование роста производительности труда и повышение благосостояния трудящихся // *Уровень жизни населения...*; *Укрепление трудового характера социалистического образа жизни* / под ред. П. В. Савченко. М., 1987; *Чернявский У. Г.* Потребности, спрос, товароборот в социалистическом обществе. М., 1971; *Шутов И. Н.* Личное потребление при социализме. М., 1972.

² *История народного хозяйства СССР* / под ред. Ф. Я. Полянского. М., 1960; *История народного хозяйства СССР (1917–1959)* / под ред. А. П. Погребинского. М., 1960; *История народного хозяйства СССР (1917–1963)*: учеб. пособие для экон. вузов / под ред. А. П. Погребинского. М., 1964; *Шаги* пятилеток. М., 1968.

³ *История социалистической экономики СССР*: [в 7 т.]. М., 1972–1980.

В 1960–1970-е гг. появляются первые исторические исследования, в которых в числе прочего освещены вопросы доходов населения в послевоенный период.

Среди обобщающих работ можно отметить исследования М. А. Двойнишникова, В. С. Лельчука, В. Г. Широкова и др.¹

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве публикаций советского периода не фигурировало определение «городское население», так как общепринятым в советском гуманитарном дискурсе было структурирование советского социума по классовому принципу – рабочие, колхозное крестьянство (реже выделялись служащие и интеллигенция). Данная структура подразумевала также географическое, точнее – территориальное, разделение в плоскости «город – село». В результате такого социального сегментирования проблематика уровня жизни и благосостояния городского населения в исторических публикациях была сведена к освещению преимущественно рабочего класса, который рассматривался советской историографией в качестве главного субъекта и объекта социально-исторического творчества XX в.

Историческому осмыслению проблематики оплаты труда рабочего класса РСФСР в послевоенные годы посвящены работы Б. И. Гвоздева, Б. Н. Казанцева, А. В. Смирнова, М. И. Хлусова и др.² Анализируя социально-экономические реалии периода и результаты реформ в области оплаты труда рабочих, авторы не обходят вниманием реформу 1947 г., но в силу смены политической конъюнктуры и изменения подходов к проблеме оплаты труда в сторону большей дифференциации, оценивают результаты реформы иначе чем их коллеги-экономисты в начале

¹ *Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма; Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР, конец 30-х – нач. 60-х гг.*: [в 2 т.]. М., 1984; *Двойнишников М. А., Широков В. Г.* Восстановление и развитие народного хозяйства СССР – великий подвиг партии и народа (1946–1955 гг.). М., 1967; *Королёв Б., Лялин Н.* Партия в период построения социализма в СССР (1946–1958 гг.). М., 1967; *Лельчук В. С.* Сменив мечи на орала. Рассказ о 4-й пятилетке (1946–1950). М., 1967; и др.

² *Гвоздев Б. И.* Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945–1948) // *Вестн. Моск. ун-та.* 1971. № 5; *Казанцев Б. Н.* Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951–1958 гг. // *История СССР.* 1966. № 3; *Смирнов А. В.* Рабочие промышленности СССР. 1945–1970 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1984; *Хлусов М. И.* Развитие советской индустрии. 1946–1958. М., 1974.

1950-х гг. Ученые отмечают, что данное мероприятие, повысив уровень заработной платы, породило множественность тарифных сеток и внесло разнорядность в оплату труда рабочих, находившихся в одинаковых условиях.

Нарушилась закономерная пропорция между темпами роста производительности труда и заработной платой, так как заработная плата рабочих была повышена в больших размерах, чем позволял достигнутый уровень производительности труда, а это, в свою очередь, привело к несоответствию спроса и предложения и товарному дефициту.

Активизируются и региональные исторические разработки, в которых авторы касаются проблем оплаты труда рабочих в первые послевоенные годы:

В. А. Ежов в своем диссертационном исследовании затрагивает некоторые аспекты оплаты труда рабочих Ленинграда в 1945–1955 гг.¹;

А. В. Дмитриев, В. А. Саматов, А. М. Янгалин рассматривают данную проблему на материалах Среднего Урала и Башкирии²; Л. Н. Раднаева и Б. Д. Семашкин – на материалах Бурятской АССР и Восточного Забайкалья³;

Г. А. Докучаев отмечает положительную динамику, произошедшую в послевоенные годы в оплате труда рабочих Сибири и Дальнего Востока⁴.

Достаточно подробно в рамках советского историографического этапа изучены проблемы оплаты труда рабочих РСФСР

¹ Ежов В. А. Рабочие Ленинграда в годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1945–1955): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1968.

² Дмитриев А. В. Материально-бытовое положение рабочих машиностроения Среднего Урала в четвертой пятилетке // Рабочий класс Урала (1937–1975). Свердловск, 1979; Саматов В. А. К вопросу о составе рабочего класса тяжелой индустрии Урала (1946–1950 гг.) // Из истории борьбы рабоч. класса Урала за создание материально-техн. базы социализма. Свердловск, 1974; Янгалин А. М. Рабочий класс Башкирской АССР в период послевоенного восстановления народного хозяйства и завершения строительства социализма в СССР (1946–1958): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

³ Раднаева Л. Н. Рабочий класс Бурятской АССР в 1946–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1983; Семашкин Б. Д. Промышленность и рабочие Восточного Забайкалья в послевоенные годы (1946–1958): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.

⁴ Букин С. С. Жизненный уровень рабочего класса в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1984; Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1945–1950. Новосибирск, 1972.

в «хрущевский» период (особенно в годы семилетки 1959–1965 гг.) и последующие 1970-е гг.

На региональном уровне данная тема рассмотрена в работах Д. Р. Ракшаева, М. М. Ефимкина, И. И. Комогорцева (Сибирь)¹, Р. Г. Кузеева, М. И. Минеева, Е. К. Миннибаева, М. Б. Ямалова (Башкирия)², О. П. Сулеймановой (Кировская область)³, С. Д. Бегияна, Л. А. Лыковой, В. Ю. Суворова, А. В. Трофимова (Урал)⁴, Л. А. Максимова (Коми АССР)⁵ и др. На основании анализа различных источников (областных статистических сборников, материалов периодической печати и отчетов областных партийных организаций) авторы приходят к выводу, что в 1950–1960-е гг. в РСФСР

¹ Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980. Новосибирск, 1989; Комогорцев И. И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965). Новосибирск, 1971; Рабочий класс Сибири. 1961–1980 / под ред. И. И. Комогорцева. Новосибирск, 1986; Рахшаев Д. Р. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Вост.-Сибир. экон. р-на (1956–1961 гг.) (по материалам отраслей пром-сти и стр-ва) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.

² Кузеев Р. Г. Рабочий класс Башкирии в борьбе за подъем промышленности на современном этапе (1957–1961) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962; Он же. Развитие рабочего класса Башкирии. 1951–1965 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1972; Он же. Промышленность и рабочий класс Башкирии на современном этапе // Из истории Башкирии. Уфа, 1963; Он же. Формирование и развитие советского рабочего класса в Башкирской АССР. Уфа, 1975; Кузеев Р. Г., Ямалов М. Б. Рабочий класс Башкирской АССР на современном этапе. Уфа, 1983; Минеев М. И. Рабочий класс содовой промышленности страны (1959–1965). Уфа, 1970; Миннибаев Е. К. Социальная политика и рост рабочего класса СССР в 1951–1965 гг. Уфа, 1984; Он же. Деятельность государства по повышению уровня жизни советских рабочих. Уфа, 1986; Он же. Политика Советского государства по социальному развитию рабочего класса СССР в 60–80-е гг. Уфа, 1985.

³ Сулейманова О. П. Рост материального благосостояния рабочего класса Кировской обл. в годы семилетки (1959–1965) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1975; Она же. Сокращение рабочего дня и упорядочение заработной платы на предприятиях Кировской обл. в годы семилетки (1959–1965) // Исследования по истории Урала. Пермь, 1974. Вып. 3.

⁴ Бегиян С. Д. Рост материального благосостояния трудящихся Урала (1959–1965 гг.) // Ист. наука на Урале за 50 лет (1917–1967). Свердловск, 1967. Вып. 1; Лыкова Л. А. Рост благосостояния трудящихся Урала в годы девятой пятилетки : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск 1984; Она же. Рост благосостояния рабочего класса в период совершенствования социализма // Рабочий класс Урала в период совершенствования социализма. Свердловск, 1988; Суворов В. Ю. Деятельность профсоюзных организаций Урала по повышению материального благосостояния рабочего класса 1959–1970 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1987; Он же. Повышение благосостояния трудящихся Урала в 60-е гг. (к постановке проблемы) // Социально-экономические проблемы совершенствования развитого социализма в исследованиях молодых ученых Урала. Свердловск, 1985; Трофимов А. В. Рост реальных доходов трудящихся Среднего Урала (1959–1965) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. Свердловск, 1982.

⁵ Максимова Л. А. Рабочие нефтегазовой промышленности Коми АССР в годы восьмой пятилетки (1966–1970) Л., 1984.

произошло увеличение числа высоко- и среднеоплачиваемых рабочих. Это способствовало выравниванию доходов различных социальных слоев и групп советского общества. В последующие 1970-е гг. продолжился рост доходов рабочих всех отраслей промышленности, хотя исследователи отмечают, что темпы этого роста в сравнении с экономическими реалиями «хрущевского» правления несколько снижаются.

В 1960–1980-е гг. в изучении вопросов благосостояния приобретает актуальность проблема разработки бюджетов рабочих и включения их результатов в исторические и экономико-социологические исследования¹.

ЦСУ СССР и статистическими управлениями в республиках регулярно обследовались бюджеты более 20–25 тыс. семей рабочих и служащих, но подавляющее количество обследуемых (более 80%) составляли рабочие промышленности. Общее число обследуемых бюджетов семей постоянно увеличивалось. По данным Б. Н. Казанцева, в 1950-е гг. оно составляло 14,8 тыс. бюджетов, в 1965 г. – 16,6 тыс., а в 1970 г. достигло 19 тыс.² Институционально разработка данной проблемы велась в ряде научных центров страны – Москве, Новосибирске.

Вопросам уровня жизни рабочих, их доходам, обеспечению продовольственными и промышленными товарами, а также сравнительному анализу бюджетов в военный и послевоенный периоды посвятила свое исследование В. А. Васильева³. Впервые она проанализировала потребительские корзины работников различных предприятий, их покупательную способность, выявив основные статьи денежных расходов (продовольствие, одежда, коммунальные платежи и т. д.).

¹ Работы по бюджетной тематике публиковались и в 1950-е гг., но были чрезвычайно редки. Среди них можно отметить работу С. В. Постникова, посвященную методам отбора семей для обследования их бюджетов, а также фактическое исследование бюджета рабочей семьи, проведенное Н. Татарской и А. Гурьяновым (см.: *Постников С. В. О методах отбора семей рабочих, служащих и колхозников для обследования их бюджетов // Вестн. статистики.* 1953. № 3 ; *Татарская Н., Гурьянов А. Бюджет рабочей семьи.* М., 1957).

² *Казанцев Б. Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социс.* 1993. № 4. С. 4.

³ *Васильева В. А. Бюджеты рабочих – прежде и теперь.* М., 1965.

Существенный вклад в изучение проблемы внесли такие российские исследователи, как В. В. Алексеев, С. Я. Матюха, С. С. Букин. С. Я. Матюха в своих работах обозначил различия в организации бюджетных обследований семей колхозников и рабочих¹. Позднее новосибирские исследователи С. С. Букин и В. В. Алексеев одними из первых после С. Г. Струмилина (проводившего исследования по бюджетной проблематике в 1920-е гг.) обратили внимание историков и экономистов на необходимость использования потребительских бюджетов как источника разрабатки и введения в научный оборот первичных материалов, отложившихся в архивах. В своей совместной работе они предприняли попытку решить эту задачу применительно к послевоенным бюджетам семей рабочих в Сибири². Впоследствии С. С. Букин расширил рамки своего исследования, проведя анализ указанных бюджетов с 1946 по 1960 г.³ В целом сибирскими учеными в 1970–1980-е гг. достаточно активно разрабатываются теоретические проблемы уровня жизни и материальной обеспеченности населения. Исследованиями на основе анализа семейных бюджетов занимается группа ученых из Новосибирского института экономики и организации промышленного производства – авторским коллективом под руководством Ф. М. Бородкина, Л. М. Рувинской делаются попытки изучить структурные сдвиги в потреблении и доходах населения⁴.

На материалах Дальневосточного региона проблемы благосостояния городского населения рассмотрены в работе И. П. Нерадовской⁵.

В Уральском регионе существенный вклад в разработку проблемы бюджетов рабочих внес Б. С. Павлов. Он сопоставил

¹ Матюха И. Я. Статистика бюджетов населения. М., 1967.

² Алексеев В. В., Букин С. С. Указ. соч.

³ Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. 1946–1960 гг. Новосибирск, 1984; *Он же*. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск, 1991.

⁴ Рувинская Л. М., Бородкин Ф. М. Исследование структурных сдвигов в потреблении на основе анализа семейных бюджетов. Новосибирск, 1988.

⁵ Нерадовская И. П. Социально-экономические особенности повышения жизненного уровня трудящихся в период развитого социализма (1961–1980) // Социальная активность рабочих-дальневосточников и рост их благосостояния. Владивосток, 1987.

уровень благосостояния молодых рабочих разных поколений – 1930-х и 1970-х гг., используя в качестве критерия заработную плату и доходы с личного подсобного хозяйства в бюджете семьи рабочего. Анализируя материалы бюджетов, автор пришел к выводу о значительном улучшении благосостояния рабочих и изменении их образа жизни, ставшего в 1970-е гг. в сравнении с 1930-ми гг., несомненно, более городским¹.

На протяжении 1960–1980-х гг. проблемы благосостояния городского населения активно изучаются социологами. Масштабные социологические исследования проводятся Институтом общественного мнения под руководством Б. А. Грушина, созданным в Москве при Издательстве «Комсомольская правда». Для нашей работы представляет интерес проведенное в 1960 г. исследование «Как изменился уровень вашей жизни?», результаты которого были опубликованы в работе Б. А. Грушина и В. В. Чикина «Во имя счастья человеческого»². В проведенном опросе приняли участие 1 399 чел. различных возрастов и специальностей. Обработанные результаты позволили авторам сделать вывод: большая часть опрошенных горожан отмечает рост доходов и ощущает на себе рост благосостояния в связи с увеличением доходов и сокращением рабочего дня.

В масштабах страны в 1960–1980-е гг. активное изучение вопросов благосостояния рабочего класса ведется на базе Института международного рабочего движения АН СССР. Результатом исследований стала публикация в 1977 г. коллективной монографии «Социальное развитие рабочего класса СССР. Рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе». Данная работа стала обобщением накопленного материала по проблеме доходов рабочих. Она выполнена на основе сочетания социологических и исторических источников. Авторы рассматривают рост оплаты труда и выплат из ОФП в комплексе социальных проблем развития рабочего класса, привлекая к исследованию широкий круг статистических

¹ Павлов Б. С. Опыт конкретно-социологического изучения изменения уровня жизни молодых рабочих двух поколений (30-х и 70-х гг.) // *Уровень жизни населения и трудовые ресурсы круп. экон. региона. Свердловск, 1976.*

² Грушин Б. А. *Во имя счастья человеческого.* М., 1960.

публикаций, подвергнутых в ряде случаев вторичной обработке, а также материалы проведенных на промышленных предприятиях социологических обследований. Значительное внимание авторы уделили анализу деятельности профсоюзов, направленной на повышение реальных доходов рабочих и служащих, увеличение фондов материального поощрения и ОФП рабочих¹.

В результате проведенных в советский период бюджетных обследований и социологических опросов существенно обогатилась источниковая палитра для изучения проблем материальных доходов населения. Впоследствии данные материалы использовались историками и экономистами. Хотя, как отметят в своей статье Л. И. Гвоздкова и Л. А. Лыкова, «использование этих источников в работах историков было не достаточным»².

Характерно, что независимо от методики изучения проблем благосостояния, в трактовке результатов политики доходов авторы не выходили за рамки официально обозначенного идеологического курса относительно перспектив и динамики развития материальных доходов населения. Исследователи отмечали непрерывное увеличение доходов советских граждан, реализуемое за счет как повышения заработной платы, так и выплат из ОФП.

Изменение в трактовке результатов исследования доходов населения происходит во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Фактически в данные годы обозначился своеобразный переход между советской и современной историографической традицией. В литературе, наряду с сохранением традиционных для советской историографии подходов, вследствие эволюции политических и экономических процессов в стране происходит формирование новых оценочных суждений относительно динамики материальных доходов городского населения.

Основным «носителем» новых ракурсов и оценок становится публицистика. Количество публицистических работ значительно увеличивается во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Авторы этих изданий преследовали иные цели, нежели сообщение

¹ Социальное развитие рабочего класса СССР. Рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе : ист.-социол. очерки / под ред. Э. В. Клопова, Л. А. Гордона, Е. Б. Груздевой [и др.]. М., 1977.

² Гвоздкова Л. И., Лыкова Л. А. Указ. соч. С. 98.

и накопление знаний. Они исходили не столько из исследований прошлого, сколько из идеалов будущего, стремясь максимально воздействовать на общественное мнение. Стилистику публицистических работ определяет полемика, рьяно ведущаяся авторами с явными или вероятными противниками. По замечанию российского литературного критика И.А. Дедкова, «полемизируя с противником, она (публицистика. – М.К.), по необходимости, видит в нем не столько заблуждающегося теоретика, сколько носителя и защитника вредных воззрений, распространение и утверждение которых пагубно для общества». Избегая трафаретности взглядов, презирая робость и осторожность суждений, публицисты стремились к яркости создаваемых образов, что обусловило вынужденную стилистическую напористость, самоуверенность, субъективность, а зачастую и неаргументированность выводов в публицистических изданиях.

Революционность мнений отечественной публицистики второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. вылилась в волну достаточно экспрессивной критики, буквально взорвавшей безмятежную гладь советского гуманитарного дискурса. В тематический диапазон публицистических изданий вошли наиболее острые социально-экономические и политические вопросы, имеющие решающее значение для анализа текущей жизни. Значительное место в них было уделено концептуальной критике социальной справедливости, которая на практике идентифицировалась с уравнильностью. Появляется ряд теоретических работ, посвященных философским аспектам проблематики социального равенства¹. Активизируются и эмпирические исследования, в которых острой критике подверглась советская политика уменьшения дифференциации доходов населения – «уравниловка», корни которой, по мнению авторов, «находятся в тотальной административно-бюрократической системе и при-

¹ Анурин В. Ф. Справедливость и общественные фонды потребления // Социс. 1990. № 12; Давыдов А. А. Неравенство доходов: макросистемное объяснение // Там же. 1994. № 4; Дай Т., Циглер Г. Социализм и равенство в свете кросс-национальных исследований // Там же. 1991. № 8; Керимов Д. А. О свободе, равенстве и равноправии // Там же. 1994. № 4; Муздыбаев К. Идея справедливости // Там же. 1992. № 11; Римашевская Н. М. Справедливость или равенство? // В человеческом измерении. М., 1989; Трошкин Е. И. Коллективизм или гражданское общество // Социс. 1991. № 9.

сущих ей методах управления»¹. Было зафиксировано, что основы уравнительного распределения доходов населения были заложены в послевоенный период в результате проведения мероприятий по повышению минимальной заработной платы, ставок и окладов низко- и среднеоплачиваемых работников, а также мероприятий по урегулированию зарплаток, проводимых правительством в конце 1960-х – 1970-е гг.

Новые подходы к рассмотрению проблемы динамики и регулирования благосостояния были реализованы преимущественно в исследованиях молодых авторов. В частности, такой новаторской работой является книга, написанная В. А. Козловым, Г. А. Бордюговым, Е. Ю. Зубковой «Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР» (М., 1989). Исследователи акцентируют внимание на необходимости более взвешенного подхода к оценке количества и качества труда, его нормированию, а также усилению взаимосвязи начисления доходов и производительности труда. В качестве аргумента авторы приводят данные о динамике производительности труда, изменении норм выработки и системы оплаты на предприятиях, позволяющие прийти к выводу, что на протяжении 1950-х – первой половины 1960-х гг. система «производительность труда – оплата» была сбалансированной, но во второй половине 1960-х – 1970-е гг. были пересмотрены тарифные сетки и увеличены объемы доходов рабочих без учета производительности труда, что привело к полному дисбалансу системы и снижению экономической эффективности в 1970–1980-е гг. Авторы подчеркивают, что занижение норм выработки привело к тому, что при массовом перевыполнении индивидуальных норм выработки рабочими ряд предприятий систематически не выполняли плановые задания. При этом в промышленности начиная с 1970-х гг. существовало множество различных доплат, надбавок и более полусотни дополнительных систем премирования, большинство которых не имели экономического обоснования и не являлись доплатой за более высокие результаты труда, выступая в качестве компенсации за малопривлека-

¹ Морин Ю. М. Социальная справедливость и оплата по труду // Социс. 1990. № 3.

тельный труд¹. По мнению А. Г. Аганбеяна, И. Л. Мартюшовой, Е. К. Миннибаева, Н. М. Римашиевской, Л. А. О니кова и других исследователей², вследствие уменьшения дифференциации в заработной плате была нарушена взаимосвязь между уровнем образования и оплатой труда.

В «перестроечной» публицистике, а также материалах прессы статьи об «уравниловке» полны негодования, раздражения и сокрушений об «украденном» в результате уравнивания благосостояния. По справедливому замечанию М. М. Назарова, достаточно показательной и красноречивой иллюстрацией сформированной в общественном мнении точки зрения относительно «уравниловки» является следующая цитата из публицистического сборника «Иного не дано» (1988 г.), в которой изложены размышления по поводу ожидаемых рыночных перемен: «Вероятно, усилятся имущественная дифференциация, появятся большие заработки. Но мы так натерпелись от уравниловки, от фактического поощрения лентяев и бракоделов, что хуже того, что было, уже ничего не будет, не может быть. Умная налоговая политика, повышение количества и качества товаров и услуг, рост эффективности экономики помогут обойти некоторые острые углы»³. Индивидуализация всех сфер жизни, понимаемая как отказ от «уравниловки» и коллективизма виделись авторам-либералам «перестроечного» периода единственно верным путем развития общества, ведущим к процветанию. В качестве примера, иллюстрирующего данное утверждение, можно привести цитату из статьи Е. И. Трошкина, изданной в 1991 г., в которой автор пишет: «Оскорбленное тотальным коллективистским обманом нравственное сознание зовет к немедленному роспуску коллективов

¹ *Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР* / под ред. В. А. Козлова, Г. А. Бордюгова, Е. Ю. Зубковой. М., 1989.

² *Аганбеян А. Г. Научно-технический прогресс и ускорение социально-экономического развития*. М., 1985 ; *Мартюшова И. Л. Рабочие цветной металлургии Урала в годы семилетки (1959–1965)* : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988 ; *Миннибаев Е. К. Деятельность Советского государства по социальному развитию рабочего класса СССР в 60–80-е гг.* : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1989 ; *Народное благосостояние. Тенденции и перспективы* / [отв. ред. Н. М. Римашиевская, Л. А. Оников]. М., 1991 ; *Социальное развитие советской интеллигенции*. М., 1986.

³ *Бовин А. Е. Перестройка : правда о социализме и судьба социализма // Иного не дано* / под ред. Ю. Н. Афанасьева М., 1988.

и превращению всех в индивидов, которые потом сами установят легальные принципы своего сосуществования, т. е. к решительному броску в гражданское общество»¹. В движении к рынку, понимаемому как неотъемлемая часть гражданского общества, необходимо было без сожаления порвать с уравнилельно-коллективистским прошлым и настоящим². Кардинальному «про рыночному» реформированию должны были быть подвергнуты все общественные институты, включая и такие консервативные сферы жизни как ценностно-нравственные ориентиры. С этой целью, по выражению Н. Шмелева, «мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что всё, что экономически неэффективно, — безнравственно, и наоборот, что эффективно — то нравственно»³.

Термин «уровнировка» в «перестроечной» историографии коннотирует к понятиям несправедливости и обмана. В. А. Зоц и А. С. Капто, ссылаясь на данные ВЦИОМ, приходят к выводу, что сложившуюся систему распределения доходов в обществе подавляющее большинство как городских, так и сельских жителей страны считает либо не совсем справедливой (45%), либо совсем несправедливой (52–53%). По оценкам населения (1989–1990 гг.), за годы «перестройки» лучшие возможности для увеличения доходов получили кооператоры, дельцы теневой экономики, торговые работники и работники партийного и государственного аппарата (на это указали от 70 до 50% опрошенного

¹ Трошкин Е. И. Коллективизм или гражданское общество // Социс. 1991. № 9. С. 63.

² Впоследствии, когда жажда перемен «любой ценой» несколько поулеглась, данное стремление к рынку, звучащее как призыв к индивидуализму (социал-дарвинизму(?)) получило неоднозначную оценку в отечественной и зарубежной историографии. В. Э. Шляпентох, изучающий российскую действительность, предположил, что в период «перестройки» российские либералы оказались в плену насаждаемых советской идеологией представлений о капитализме как о звериной общественной системе, в которой глубокое неравенство культивируется, прежде всего, бизнесом. Они игнорировали тот факт, что на Западе власти озабочены проблемой уменьшения социальной поляризации, и «уровнировка» в Скандинавских странах, во Франции и Германии, по сути дела, несколько не слабее советской. В результате «перестроечный» призыв отказаться от социальных гарантий, понимаемых как навязчивая государственная опека, можно рассматривать как отступление не от советского социализма, а от современного западного общества (см.: Шляпентох В. Э. Равенство и справедливость в России и США // Социол. журн. 1998. № 3/4). Данное мнение сегодня разделяют и отечественные исследователи советской социальной истории (см.: Назаров М. М. Социальная справедливость : современный российский контекст // Социс. 1999. № 11).

³ Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 175.

населения). В то же время 2/3 респондентов высказали мнение, что обычные люди («такие, как я») не получили хороших возможностей повысить свои доходы, зарплаты¹. А. А. Миронов на основании результатов проведенного в 1988 г. социологического исследования молодых рабочих промышленных предприятий страны также приходит к выводу, что большинство респондентов считает свою зарплату несправедливо заниженной (и лишь 8,6% думают, что их зарплата завышена)².

Аналогичные опросы проводятся В. Н. Козловым и Б. С. Павловым среди рабочих и служащих Челябинска, Златоуста, Магнитогорска, Кыштыма и ряда других городов Урала. Результаты опроса позволили авторам сделать вывод: население не довольны своими низкими доходами. Но в то же время авторы обращают внимание, что среди недовольных своей заработной платой значительно больше граждан, в чьих семьях душевой доход составляет более 100 р. на человека, в то время как среди семей с душевым доходом 50 р. недовольных меньше³. Такие результаты позволили социологам прийти к заключению о существенной субъективности самооценки доходов населения, которую необходимо учитывать при конечных выводах относительно реального экономического положения граждан (и результаты современных социолого-психологических разработок во многом подтверждают это).

Превалирование в общественном мнении периода «перестройки» убеждений о повсеместно несправедливо заниженном в результате «уровнировки» объеме заработной платы актуализирует вопрос о том, какой уровень доходов в суждении горожан ассоциируется с понятиями «справедливый», «достойный», «нормальный», «хороший». Результаты ряда преимущественно социологических разработок позволяют пролить свет на данный аспект проблемы.

Судя по результатам исследования А. А. Миронова, объемы желаемого рабочими повышения доходов рознятся: каждый

¹ Зоц В. А., Капто А. С. Труд – главная точка отсчета... // Социс. 1991. № 4.

² Миронов А. А. От зарплаты до зарплаты // Социс. 1990. № 1. С. 85.

³ Козлов В. Н., Павлов Б. С. Завод и семья: грани сотрудничества. Челябинск, 1989. С. 68.

десятый респондент считает справедливым повышение своей заработной платы на 50%, а каждый пятый – в два раза¹.

Интересные исследования, выявившие отношение населения к желаемому уровню своего материального благосостояния проводились социологами во второй половине 1980-х гг. В 1987 г. в центральных регионах страны был проведен опрос граждан с различными доходами с целью выяснения желаемого и достаточного, по их мнению, размера заработной платы. Результаты опроса, опубликованные в книге «Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества» (М., 1991), свидетельствуют, что значительная часть респондентов желает повысить свои доходы, считая, что их труд стоит большего, но в качестве желаемой заработной платы опрошенные назвали не астрономическую сумму, а среднестатистическую по стране зарплату в 170 р. Комментируя результаты, авторы приходят к выводу, что протест против «уравниловки» и желание «значительно» повысить свои доходы при ближайшем рассмотрении во многом декларативны, так как фактически идея «уравниловки» укоренилась в нормативном сознании советских граждан, воспринималась как социальная справедливость². «Советские люди, – пишет Ю. М. Морин, – привыкли, что зарплату нужно получать, а не зарабатывать»³, а это способствует воспроизводству психологии «уравниловки».

Косвенно с данным выводом соглашается В. Ф. Шаповалов, отмечая, что протестуя против «уравниловки», население и даже образующаяся категория частных предпринимателей лукавят, так как в реальности «их вполне устроит тот уровень дохода, который и сейчас, и в будущем обеспечит вполне сносный (по сравнению с уровнем значительной части населения) уровень существования»⁴.

Но не все исследователи солидаризируются с мнением об «уравниловке», бытующем в сознании советских граждан. Например, И. М. Попова отстаивает кардинально противополож-

¹ Миронов А. А. От зарплаты до зарплаты // Социс. 1990. № 1. С. 84–87.

² Социальная сфера : политическое и духовное развитие общества. М., 1991.

³ Морин Ю. М. Указ. соч. С. 16.

⁴ Шаповалов В. Ф. Откуда придет «дух капитализма»? (о духовно-культурных предпосылках рациональных рыночных отношений) // Социс. 1994. № 6. С. 27.

ную точку зрения, отмечая, что зачастую, аргументы в пользу уравнительности – это ничем не подтвержденные высказывания по поводу «мнения народа», используемые в качестве политических спекуляций. Ссылаясь на результаты проведенных ею исследований, И. М. Попова пишет, что во всех социально-профессиональных группах удельный вес ориентированных на уравнительность падает (за исключением колхозников и рабочих совхозов). Причем в таких группах, как ИТР («производственники») и руководители предприятий, падает в наибольшей степени»¹.

В 1980–1981 и 1986–1987 гг. под руководством И. Т. Левыкина проводятся всесоюзные социологические исследования (охватившие более 1 000 чел.), направленные на выявление представлений о социальной справедливости различных категорий советского социума. Результаты данных разработок позволили М. В. Покровской сделать заключение, что люди хотят получать больше, чем получают, руководствуясь не столько объективными оценками своей отдачи на рабочем месте, сколько сообщениями справедливости–несправедливости (трактуемыми, очевидно, односторонне). Выявленная в процессе исследования разница между объемами реальной и желаемой заработной платы в среднем не превышала 1/3 фактического заработка (хотя эта величина варьировала в зависимости от образования, размера реальной заработной платы и оценки справедливости оплаты труда)².

Анализ полученных данных позволил М. В. Покровской заключить, что в 1980-е гг. в СССР сложились и параллельно существовали два стереотипа социальной справедливости распределения: «Один, отстаиваемый многими учеными и работниками

¹ Попова И. М. «Уравнительность» – иллюзия массового сознания // Социс. 1992. № 3. С. 76.

² Выявленное М. В. Покровской несущественное различие объемов реального и желаемого заработка советских граждан подтверждает справедливость рассуждений Т. Веблена относительно факторов и мотиваций, детерминирующих объемы потребления населения независимо от классовой принадлежности. По его мнению, определяя желаемый уровень благосостояния, «мы ориентируемся на тот идеальный уровень расходов, к которому мы почти приблизились, или который мы готовы достичь ценой небольших усилий» (см.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 103).

управления,— усиление дифференциации заработка и доходов как средства стимулирования материальной заинтересованности в качестве и результатах своего труда. Другой, характерный для значительной части населения, — повышение зарплаток в сторону (сознательного или несознательного) сокращения различий в их размерах, а главное — в среднедушевых семейных доходах»¹. Что касается причин, обусловивших превалирование в сознании населения страны уравнительных тенденций в распределении доходов, то М. В. Покровская склонна их обнаруживать в первую очередь в экономических реалиях советской действительности. Она отмечает, что основной причиной преобладания в сфере общественного сознания завышенно-уравнительных тенденций является абсолютное и относительное фактическое снижение уровня и качества жизни людей. Снижение динамики роста доходов и усиление товарного дефицита привело к сокращению различий между видами товаров и услуг, на которые ориентируются разные социально-демографические и социально-экономические группы граждан, а также к сближению потребительских запросов всех категорий населения. Данные сугубо экономические причины и обусловили относительно нивелированные представления населения о благополучии, фиксируемые социологами и трактуемые как «психология уравниловки». На наш взгляд, данная гипотеза, подкрепленная результатами масштабного социологического исследования, в большей степени приближена к отражению реальной советской действительности, нежели однобокие заявления о наличии или отсутствии уравнительной психологии советского общества. Обнаружение параллельно существующих, но разнонаправленных тенденций относительно понимания населением социальной справедливости позволяет в более сложной форме реконструировать собирательный исторический портрет советского социума, вместе с тем развенчивая сложившийся и устоявшийся миф о его абсолютной идейно-психологической однородности.

¹ Покровская М. В. Социальная справедливость в потреблении и ее стереотипы // Социс. 1990. № 3. С. 48.

В отечественной историографии периода «перестройки» изменяется отношение к роли общественных фондов. Функция «сглаживания дифференциации доходов», однозначно положительно оцениваемая в предыдущие годы, пересматривается. Значительное количество авторов «перестроечных» изданий отмечают, что нужно сократить объемы бесплатных услуг, предоставляемых населению через ОФП, так как расширение этого сектора экономически нецелесообразно¹. Но не все исследователи склоняются к выводу о необходимости столь радикального решения. Т. В. Грошина, Т. Н. Серебренникова, А. С. Ревайкин, В. М. Рутгайзер, С. С. Шаталин замечают, что платность социально приоритетных услуг оказывается экономически эффективной только в том случае, если они предоставляются не вместо ОФП, а наряду с ними².

Еще одной важной особенностью отечественной «перестроечной» историографии стало усиление критики источниковой базы исследований, посвященных изучению доходов населения. В первую очередь авторы ставят под сомнение достоверность и полноту данных официальной советской статистики, лежащих в основе большинства отечественных исследований. В. И. Селюнин и Г. И. Ханин³ приходят к выводу, что статистические показатели вследствие регулярных приписок и неверных расчетов искажают реальную картину экономики СССР, в связи с чем необходимы дополнительные исследования на основе альтернативных расчетов. Не столь категорична в выводах Н. М. Римашевская. Она отмечает отдельные недостатки использования официальных статистических данных в вопросах изучения материального благосостояния населения (а именно — усредненность и недифференцированность статистических показателей),

¹ *Блинова Т. С.* Роль социально-экономических нормативов в развитии распределения фонда жизненных средств // *Взаимосвязь распределения по труду с обществ. фондами потребления в социалист. обществе.* Ярославль, 1988 ; *Петрищев В. А.* Плановые нормы развития социалистического производства. М., 1983.

² *Серебренникова Т. Н., Шаталин С. С.* Актуальные проблемы социальной политики в социалистическом обществе // *Изв. АН СССР. Сер. Экономическая.* 1986. № 53 ; *Ревайкин А. С., Грошина Т. В.* Региональные особенности формирования и использования общественных фондов потребления. М., 1987.

³ *Селюнин В. И., Ханин Г. И.* Лукавая цифра // *Новый мир.* 1987. № 2.

предлагая при проведении исследований уровня жизни населения использовать в качестве источника индивидуальные семейные бюджетные обследования, которые дают более конкретные данные с меньшей степенью погрешности¹.

Критика, высказанная в адрес советской статистики, не привела к полному отказу от данного источника в исследованиях периода «перестройки», в то же время способствуя поиску альтернативных методов и источников изучения проблем благосостояния (посемейных бюджетных обследований городского населения, материалов социологических опросов и т. д.). Во многих работах рубежа 1980–1990-х гг. в качестве альтернативы официальной статистике авторы ссылаются на данные зарубежных исследователей и наших бывших соотечественников, живущих за рубежом. Желание рыночного благополучия и идеализация капиталистических реалий усиливали безоговорочное доверие отечественных авторов к результатам проведенных «там» разработок. Фальсификация, ошибки, намеренное искажение и подтасовка фактов в угоду той или иной конъюнктуре – всё это в «перестроечный» период казалось «болезнями» отечественного гуманитарного дискурса, которые не могут поразить зарубежное научное пространство, где царят свобода слова и демократия. Поэтому, ссылаясь на результаты зарубежных разработок, авторы, как правило, не подвергали приводимые цифры критическому анализу, преподнося их как истину в последней инстанции (хотя современные исследования позволяют сделать вывод, что эти данные далеко не всегда свободны от фальсификаций и конъюнктурных передегиваний).

Сегодня, когда стихли «перестроечные» баталии относительно злободневных экономических проблем современности, авторы вновь обращаются к изучению советской социальной истории. И можно с уверенностью констатировать, что проблема материальных доходов населения в 1946–1991 гг. не утратила своей актуальности по сей день, хотя акценты в изучении данной темы расставлены иначе в силу изменения методологической

¹ Римашевская Н. М. Справедливость или равенство? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 110.

парадигмы исследований и расширения методической и источниковой базы. В концептуально-методологическом плане в современной отечественной историографии произошел резкий поворот в рассмотрении всего комплекса социальных проблем советского периода. Появление новых концептуальных подходов (модернизационного, либерального), а также расширение источниковой базы за счет введения в научный оборот ранее недоступных архивных материалов, привлечения данных зарубежной статистики, материалов социологических опросов и бюджетных обследований – всё это позволило с разных ракурсов подойти к рассмотрению проблем материального благосостояния городского населения РСФСР в 1946–1991 гг.

Наибольший исследовательский интерес сегодня вызывает период послевоенного восстановления государства, а точнее – социально-экономические реформы, проводимые правительством в эти годы.

Среди мероприятий послевоенного периода, отразившихся на заработной плате населения, исследователи отмечают введение денежной надбавки категориям населения с низким и средним уровнем доходов, следовавшее за повышением цен осенью 1946 г.

В монографии Е. Ю. Зубковой достаточно подробно освещены социально-экономические реалии послевоенных лет и вопросы благосостояния советских граждан. Опираясь на архивные данные, она приводит цифры, характеризующие объемы выплат – от 300 до 60 р.¹ в зависимости от объема заработной платы и рода занятий. Но, комментируя цифры, Е. Ю. Зубкова оценивает данную надбавку как недостаточную, так как при повышении цен она не могла компенсировать затраты на приобретение товаров.

После введения надбавок зарплата отдельных категорий горожан достигла и даже превысила 900 р., но объем потребительской корзины, исчисленной Е. Ю. Зубковой, составлял в послевоенный период 700 р.; в результате только менее четверти горожан могли позволить себе приобрести жизненно необходимый

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... С. 72.

набор продуктов по пайковым ценам, не говоря уже обо всем остальном.

К аналогичному выводу приходит В. П. Попов. Анализируя материалы ЦСУ СССР, автор отмечает, что доходы горожан в 1946 г. были крайне низкими. Даже с учетом того, что объем потребительской корзины, по расчетам В. П. Попова, составлял в 1946 г. от 116 до 206 р., 40% рабочих и служащих страны имели такой фактический месячный заработок, из которого половина и более должна была пойти на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму¹.

Выводы В. П. Попова подтверждают расчеты А. В. Молодчика. Автор отмечает, что около 43% рабочих и служащих страны жили впроголодь, так как самые низкооплачиваемые рабочие получали менее 100 р., т. е. намного ниже прожиточного минимума. По мнению А. В. Молодчика, именно крайне низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 г. только 71,1% демобилизованных из армии приступили к труду, несмотря на стремление правительства задействовать как можно большее число рабочих рук². В то же время А. В. Молодчик отмечает, что в отличие от рабочих и служащих уровень материального обеспечения военнослужащих был относительно высоким.

В послевоенный период 306,4 тыс. офицеров и 543,5 тыс. чел. из семей офицеров получали пенсию Министерства вооруженных сил. Размер офицерской пенсии не превышал 900 р., но в сравнении со среднемесячным заработком рабочего или служащего это была очень высокая сумма. Пособия и пенсии полагались также семьям военнослужащих в связи с призывом в армию или гибелью кормильца семьи. Таких граждан летом 1946 г. насчитывалось 6,7 млн чел., из которых в городах и рабочих поселках проживало 2,5 млн чел.

Размер городских пособий колебался в пределах 100–250, пенсий – 50–300 р.³

¹ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечеств. история. 2001. № 3. С. 72.

² Молодчик А. В. Указ соч. С. 20.

³ Там же.

Ощутимую негативную корректировку в объем бюджета рабочих и служащих в послевоенный период вносила проблема нерегулярных выплат заработной платы и принудительных государственных займов.

В. П. Попов пишет, что, по сведениям ЦСУ СССР за июнь 1946 г., полностью получили заработную плату 24 млн рабочих и служащих страны из 30,6 млн, числившихся в 1946 г. во всех отраслях народного хозяйства¹.

А. А. Данилов и А. В. Пыжиков отмечают, что только за 1946–1947 гг. в СССР было выпущено два займа на нужды восстановления и развития народного хозяйства, средства которых (45 млрд р.) составляли половину военных займов 1942–1945 гг.²

Проблематика материального благосостояния горожан в послевоенные годы получила широкое освещение в региональных разработках³. Преимущественное внимание исследователей уделено изучению вопросов динамики материального статуса рабочих в послевоенные годы. Авторы солидарны во мнении, что во второй половине 1940-х гг. во всех регионах РСФСР доходы рабочих были достаточно низкими, и большая их часть уходила на

¹ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечеств. история. 2001. № 3. С. 72.

² Данилов А. А., Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 126.

³ Ветошкина О. В. Социально-экономическое положение рабочих оборонной промышленности Удмуртии в 1945–1950 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010 ; Галлямова А. Г. Татарская АССР во второй пол. 1940-х – середине 1980-х гг. : трансформация процесса в соц.-экон. и культур.-идеол. сферах : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011 ; Занозин Н. В. Опыт промышленного и социального развития Горьковской области в 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002 ; Карпенко И. А. Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг. : соц.-демогр. и бытовой аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007 ; Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946–1991 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2012 ; Он же. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих в 1953–1964 гг. : от Сталина до Брежнева : ист.-экон. исследование. Екатеринбург, 2010 ; Мезенцева И. В. Развитие золотодобывающей промышленности Забайкалья : 1941–1955 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005 ; Новинская Т. Ю. Благосостояние населения Пензенской обл. : 1946 – нач. 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002 ; Пелих И. В. Социальная политика в СССР в 1945–1953 гг. : на материалах Краснодар. края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 ; Стругова М. Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953) : на примере Краснодар. края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007 ; Федченко М. Н. Молодые производственники Урала, 1945 – нач. 60-х гг. : ист. опыт социализации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курган, 2001 ; Шалак А. В. Условия жизни населения Восточной Сибири, 1940–1950 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000 ; и др.

покупку самых необходимых продовольственных и промышленных товаров¹.

В большинстве своем в оценке социальных реалий периода авторы приходят к выводу, что рассуждать о материальном благосостоянии городского населения в послевоенные годы можно с определенными оговорками, учитывая, что само понятие «благосостояние» применительно к послевоенному уровню жизни горожан весьма относительно, и говорить о нем можно лишь в сравнении с крестьянством, материальное положение которого было катастрофически низким.

Более ощутимо благосостояние горожан выросло в начале 1950-х гг. в связи со снижением цен и увеличением заработной платы. С целью большей иллюстративности, публикуемые исследователями данные, отражающие объемы заработной платы городского населения в 1952–1953 гг., сведены нами в таблицу (табл. 1 прил. 1). Анализ объемов доходов различных профессиональных групп населения позволяет говорить о значительной дифференциации в оплате труда: от 351 р., составляющих заработную плату работника общепита, до 1 300 р., получаемых инженером, и 8 000 р. — шахтером стахановцем. Но сопоставление приведенных цифр как таковых не позволяет оценить реальные покупательные возможности и уровень благосостояния горожан. С этой целью большинство авторов прибегает к сопоставлению объемов заработной платы со стоимостью продовольственной корзины. По расчетам В. Шарапова, ее сумма в 1953 г. была равна 510 р. (перечень товаров, составляющих эту сумму, автор не уточняет). При сопоставлении зарплаток с суммой продовольственной корзины очевидно улучшение покупательной способностей горожан, которым стали доступны не только продукты, но и промышленные товары.

¹ Нужно отметить, что приводимые авторами цифры, отражающие объемы доходов рабочих тех или иных регионов РСФСР в послевоенные годы, не слишком разнятся, в то время как авторские интерпретации и комментарии этих данных существенно различаются: от констатации «скромного заработка в сложные послевоенные годы» до живописания «вынужденного голодного существования в условиях геноцида тоталитарного режима». Означенные интерпретационные формы достаточно красноречиво маркируют авторскую склонность и принадлежность к различным концептуально-методологическим схемам, существующим в современной отечественной историографии.

На наш взгляд, в оценке фактических последствий послевоенных реформ можно согласиться с мнением Е. Ю. Зубковой, утверждающей, что, несмотря на сложности послевоенного восстановления, одной из важных целей реформирования являлась необходимость повышения уровня жизни населения. Автор оговаривает при этом, что под «населением» в данном контексте понимается сугубо городское население (в частности, рабочие), находящиеся в фокусе социальной политики государства, в то время как крестьянство вынуждено было стать донором для данной реформы.

Формулируя таким образом цели, можно констатировать их достижение, так как в целом реформы 1946–1953 гг. повысили доступность товаров для горожан и улучшили их материальное положение.

Неоднозначные оценки в современной историографии получила политика повышения заработной платы рабочих и служащих, проводимая во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Сегодня в работах, авторы которых являются сторонниками формационного методологического направления, отчетливо выделяется группа исследователей, идеализирующих дохрущевское прошлое и рассматривающих мероприятия хрущевского периода как период политических и экономических ошибок. Так, М. Кудрявцев, А. Миров, С. Миронин, Р. Скорынин¹ достаточно негативно оценивают преобразования в области оплаты труда, проведенные во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Авторы отмечают, что в результате этих реформ была разрушена сталинская система «малоэмиссионного социализма», эффективно работающая, так как существовала угроза жесткого наказания руководителя за невыполнение задания по снижению себестоимости, а также угроза снижения зарплаты рабочим, не повышающим свое мастерство. В постоянной угрозе и заключалась суть изобретенного Сталиным нерыночного давления на всех работников, заставляющего их выкладываться «по полной». Хрущев же отменил пересмотр норм выработки и государственные займы,

¹ Кудрявцев М., Миров А., Скорынин Р. «Стать Америкой», оставаясь Россией : путь к процветанию : [в 2 т.]. М., 2006 ; Миронин С. Как Хрущев разрушил социализм. URL : www.rus-crisis.ru.

ослабив тем самым зависимость заработной платы рабочих от производительности труда (зарплата не падала, а то и росла при тех же результатах труда), что вело к избытку денег на потребительском рынке и дефициту. В обществе в результате «хрущевских» реформ начала формироваться оценка, что социализм — это «когда все работают меньше, но получают больше». Впоследствии попытка разрушить такой «потребительский» стереотип обошлась дорого государству — трагедией в Новочеркасске.

Справедливости ради следует заметить, что тезис об административном давлении как неотъемлемой части советской экономической системы был сформулирован еще в «перестроечное» время Г. Х. Поповым¹. Впоследствии М. Эллман и В. Конторович отметили, что «административный нажим» играет в централизованной экономике ту же стимулирующую роль, что и конкуренция в рыночной. Многие современные российские авторы (А. Г. Вишневский, В. Т. Рязанов, Г. И. Ханин²), а также западные экономисты и политологи (П. Грегори, Ст. Мерль, М. Харрисон³) убедительно доказывают, что такое «наличие контроля и принуждения» обеспечивало СССР успехи в экономической сфере.

Однако далеко не все исследователи склонны идеализировать сталинскую политику начисления доходов; существует и прямо противоположная точка зрения в рамках либеральной объяснительной модели. А. С. Ващук, А. Г. Григорьева, А. В. Молодчик, А. В. Пыжиков, М. Р. Стругова⁴ отмечают, что существовавшие в сталинский период моральное стимулирование,

¹ Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4 ; *Он же*. Система и зубы // Наука и жизнь. 1988. № 3. С. 56–64.

² Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998 ; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и рос. хоз-во в XIX–XX вв. СПб., 1999 ; Ханин Г. И. Советское экон. чудо : миф или реальность // Свободная мысль — XXI. 2003. № 9.

³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006 ; Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечеств. история. 1998. № 1 ; Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экон. история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 6.

⁴ Ващук А. С. Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997 ; Ващук А. С., Слабнина Д. А. Стратегия благосостояния, реальность социальной жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы. Владивосток, 1992 ; Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003 ; Молодчик А. В. Указ. соч. ; Стругова М. Р. Указ. соч.

а также усиление контроля без применения материальных стимулов были явно недостаточными и не выполняли функции стимулирования труда¹. Хотя М. Кудрявцев, А. Милов, С. Миронин, Р. Скорынин, ссылаясь на данные официальной советской статистики, отмечают, что в первой половине 1950-х гг. средняя заработная плата в промышленных отраслях непрерывно росла (повысившись в пятой пятилетке на 11,8%), по мнению Пыжикова, это повышение объясняется не ростом фактической оплаты труда, а увеличением доли квалифицированных работников и ростом численности занятых в северном и восточном регионах страны, а также в добывающей, металлургической, машиностроительной и атомной промышленности². Поэтому повышение доходов горожан в «хрущевское» десятилетие было продиктовано объективной необходимостью усиления личной материальной заинтересованности рабочих в результатах своего труда. К аналогичным выводам в оценке необходимости реформ в сфере оплаты труда приходит большинство авторов, обращающихся к изучению данных проблем как в формате общереспубликанских исследований, так и в региональных разработках.

В региональном разрезе социальные реформы «хрущевского» десятилетия, приведшие к увеличению доходов горожан, сегодня находятся под достаточно пристальным вниманием исследователей. Опираясь в качестве источников на статистику, материалы бюджетных обследований и воспоминания современников, авторы анализируют сравнительную динамику изменения доходов населения в регионах РСФСР, а также соотношение темпов увеличения заработной платы граждан, занятых в различных отраслях народного хозяйства. Рассматривая проблему динамики материальных доходов горожан на уровне отдельных городов³ или областей РСФСР⁴, авторы приходят к вы-

¹ Пыжиков А. В. Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964) // Вопр. экономики. 2002. № 4.

² Там же. С. 138–140.

³ Павлов Е. В. Социально-экономические проблемы малых городов Мордовии конца 50-х – середины 70-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2002 ; Хорева Н. В. Экономическое и социально-культурное развитие Арзамаса, вторая пол. 1950-х – 1970-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2003.

⁴ Вацук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х гг. XX в.). Владивосток, 1998 ; Захарова М. С. Социальная структура общества

воду, что произошедшее в результате реформ 1950-х гг. повышение доходов благоприятным образом отразилось на уровне жизни горожан, повысив их покупательную способность и усилив материальную заинтересованность.

Как и в рамках советского историографического этапа, значительное внимание исследователей сегодня сосредоточено на изучении рабочего класса РСФСР и динамики уровня материального благосостояния данной категории городского социума. Означенную проблему затрагивают Д. М. Коробов, Л. Н. Мартюшов, Л. В. Харьянова и др.¹ Авторы солидарны, отмечая объективную необходимость упорядочения заработной платы, аргументируя это тем, что тарифная система, действовавшая в 1950-е гг., была разработана в 1931–1932 гг. и к середине 1950-х гг. уже полностью устарела.

Оплата труда рабочих осуществлялась за счет значительно-го перевыполнения устаревших норм выработки, выплаты малоэффективных премий и других доплат к основному заработку, что открывало широчайшие возможности для произвола со стороны администрации.

Упорядочение заработной платы, начатое в 1956 г., усилило материальную заинтересованность рабочих. В то же время исследователи отмечают, что в ходе упорядочения заработной платы рабочих практически повсеместно проводилось снижение тарифных разрядов, были «упорядочены» льготы, уменьшены размеры районных коэффициентов, отменены в ряде районов зональные надбавки, что привело к снижению заработной платы некоторых рабочих.

Марийской АССР в 1956–1970 г. : ист. опыт трансформации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2005 ; *Коновалова О. В.* Социально-экономическое развитие Карачаево-Черкессии во второй пол. 50-х – первой пол. 80-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002 ; *Куликова Е. А.* Основные тенденции и противоречия развития советского общества в конце 1950–1960-х гг. (на примере Ставроп. края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2012 ; *Мамяченков В. Н.* Материальные условия жизни населения Свердловской области... ; *Сафонова Е. А.* Социально-экономическое развитие Пензенской области в период реформ 1953–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001.

¹ *Коробов Д. М.* Обеспечение промышленности Восточной Сибири рабочими кадрами и решение их социально-бытовых проблем (1950–1970 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005 ; *Мартюшов Л. Н.* Указ. соч. ; *Харьянова Л. В.* Рабочая молодежь Алтая : труд и социальный облик : середина 1950-х – середина 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Значительно менее детально в современной отечественной историографии рассмотрена проблема доходов других категорий советского городского социума, в частности интеллигенции. Косвенно данные вопросы применительно к реалиям «хрущевского» десятилетия рассмотрены в работах И. В. Адамович, Ю. Ю. Батуриной, Д. В. Кибы¹.

Авторы сходятся во мнении, что, несмотря на некоторое увеличение заработной платы, произошедшее в 1950–1960-е гг., интеллигенция (творческая, научная, педагогическая) была по сравнению с рабочим классом достаточно низкооплачиваемой категорией советского общества (либо имела равные с данной группой доходы, не соответствующие уровню образования интеллигенции).

Проблемы материального благосостояния городского населения РСФСР периода «хрущевского» правления сегодня получили рассмотрение в русле истории повседневности. В данном методологическом ракурсе к изучению темы обращаются А. М. Доценко, А. Г. Григорьева, О. В. Кузнецова².

Авторы акцентируют внимание на произошедшем улучшении материального благосостояния и росте покупательной способности населения. В то же время заявленный ракурс «истории повседневности» реализуется преимущественно в русле классической методологии с опорой на статистику, материалы бюджетных обследований.

Проблематика отношения населения к динамике собственного материального статуса в означенных исследованиях фактически не освещается (это еще раз свидетельствует о множе-

¹ *Адамович И. В.* Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой пол. 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005 ; *Батурина Ю. Ю.* Научно-педагогическая интеллигенция Нижнего Поволжья в 1956–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011 ; *Кибя Д. В.* Материальные условия труда и быта художественной интеллигенции Дальнего Востока в 1950-е гг. // Учен. зап. Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. 2010. № 1–2(1) ; *Она же.* Художественная интеллигенция Дальнего Востока в условиях постсталинского политического режима : 1953–1969 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006.

² *Григорьева А. Г.* Указ соч. ; *Доценко А. М.* Повседневная жизнь советского города нач. 1950-х – первой пол. 1980-х гг. (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышев. обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007 ; *Кузнецова О. В.* Повседневная жизнь первоцелинников (1954–1965) : на материалах Оренбург. обл. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.

ственности подходов к пониманию повседневности, существующих в современной отечественной историографии).

В оценке последствий «хрущевских» социальных реформ, и в частности повышения заработной платы, у исследователей сегодня нет единого мнения. В. И. Баранова приходит к выводу, что социальная политика партии и правительства в период нахождения Н. С. Хрущева у власти имела серьезную политическую подоплеку. Поэтому проведение популярных в народе мер, таких как повышение пенсий и зарплат, сочеталось со стремлением государства окончательно монополизировать право на раздачу материальных благ и тем самым усилить контроль над обществом¹. В. П. Мамяченков отмечает, что в «хрущевский» период повышение доходов не было достаточным, уровень материального обеспечения значительной части населения (как городского, так и сельского) оставался достаточно низким.

На наш взгляд, оценки «достаточности» либо «недостаточности» предпринятого в «хрущевский» период повышения доходов в значительной степени относительны и обусловлены как спецификой источников, лежащих в основе исследований, так и ракурсом, принятым для интерпретации данных. В то же время не вызывает сомнения, что в 1950–1960-е гг. в результате реформ оплаты труда уровень материального благосостояния городского населения РСФСР возрос (как в абсолютном значении, так и в сравнении с предыдущим послевоенным периодом).

Произошедшее увеличение заработной платы, наряду с другими «хрущевскими» социальными реформами, значительно повлияло на формирование советского городского социума с присущей ему спецификой потребностей и потребления.

Вопросы, касающиеся динамики доходов городского населения РСФСР в «брежневский» период, в настоящее время получили рассмотрение как в общереспубликанских², так и в регио-

¹ Баранова В. И. Исторический опыт разработки и реализации социальной политики СССР в 1953–1991 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

² Куринова И. А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики : 1964–1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004 ; Сокольников М. В. Исторический опыт экономических реформ в СССР в середине 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 ; Ульянова М. В. Тенденции и противоречия реформирования экон. модели развитого социализма в СССР в 1965–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

нальных аналитических исследований¹. Также можно отметить исследовательские работы, в которых затронуты проблемы материального благосостояния отдельных категорий городского социума (рабочих, служащих, интеллигенции)².

Опираясь на документы, материалы бюджетных обследований, данные советской статистики³, а также источники личного происхождения, авторы склоняются к мнению, что основным вектором изменения доходов населения в «брежневский»

¹ Базов Ю. В. Основные тенденции социально-экономического развития в 60-е – нач. 90-х гг. XX в. в Приволжском регионе : на примере Кировской, Нижегородской обл., Марий Эл, Мордовской и Чувашской респ. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005 ; *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг. Анализ соц.-экон. и демогр. факторов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003 ; *Боронова М. М.* Социально-экономическое развитие Республики Бурятия в 1960–1990 гг. : ист. опыт и проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2002 ; *Власов Л. Г.* Новый район освоения : ист. опыт, уроки (по материалам зап. участка БАМа 1970–1980-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004 ; *Гаврилова Н. Ю.* Социальное развитие районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2003 ; *Славкина М. В.* Социальные аспекты «косыгинской» реформы середины 1960–1970-х гг. Анализ динамики показателей уровня жизни населения // Экон. история : обозрение / под ред. Л. И. Бородки-на. М., 2002. Вып. 8.

² *Асатрян И. Г.* Промышленное развитие Горьковской обл. в 1970-е гг. и роль соревнования в мотивации труда : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 ; *Мамяченков В. Н.* Денежные расходы на культурные нужды и товары в семьях рабочих и служащих промышленных предприятий Свердл. обл. в 1960–1980-х гг. // Культура Урала в XVI–XXI вв. : ист. опыт и современность : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. В. Г. Чуфарова : [в 2 кн.]. Екатеринбург, 2008. Кн. 2 ; *Фаненштыль О. А.* Инженерно-техническая интеллигенция Тюмен. обл. (1965–1985) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2012 ; *Филатова А. В.* Исторический опыт подготовки научных кадров в СССР в 1964–1985 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011 ; и др.

³ Официальная советская статистика – источник, достоверность которого ставилась под сомнение в публикациях начала 1990-х гг., сегодня достаточно часто используется отечественными исследователями в конкретно-исторических разработках. Н. А. Мендкович, рассуждая о достоверности данных советской статистики, пишет, что «доверие к ним большинства ученых вполне обосновано в силу отсутствия принципиальных противоречий между статистическими показателями, отражающими уровень жизни населения, и цифрами, приводимыми во внутренних документах хозяйственных и партийных организаций СССР» (см.: *Мендкович Н. А.* Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods). Экономист Д. Диденко также склоняется к мнению, что советская статистика доходов населения вполне соответствует реальной действительности, так как целенаправленно изменить структурную динамику и приписывать нужные показатели систематически достаточно сложно, в результате чего на значительных хронологических периодах манипулирование статистическими данными имеет определенные пределы. По мнению Д. Диденко, «при всех оговорках, картина доходов, построенная на базе советской статистики, вырисовывается относительно четкая, в то время как официальной отечественной статистике оплаты труда и распределения доходов, составленной в 1990-е гг., доверять можно еще меньше» (см.: *Диденко Д.* Мифы и реалии «индустрии знаний». URL : <http://national.invr.ru/index.php?id=373>).

период был их продолжающийся рост. (Этот тезис не противоречит выводам исследователей, работавшим над изучением данной темы в рамках советского историографического этапа.) В то же время, в отличие от предшественников, сегодня исследователи не столь однозначны в своих заключениях относительно и социально-экономических реалий периода, и материального положения горожан в данные годы.

И. А. Куринова приходит к выводу, что в 1960–1980-е гг. политика государства в отношении материального обеспечения различных социальных групп отличалась адресностью и носила сложный, противоречивый характер.

Привилегированное положение при этом занимали научно-техническая интеллигенция и рабочие, задействованные в сфере оборонного производства. Вместе с тем, как показало исследование, приоритетным направлением социальной политики являлся рост численности и повышение благосостояния рабочего класса в СССР, особенно высококвалифицированных рабочих и трудящихся предприятий военно-промышленного комплекса, которые пользовались наибольшими материальными благами и находились под покровительством профсоюзов¹.

М. В. Сокольников, также отмечая неравномерность роста доходов населения, несколько иначе расставляет акценты. По его мнению, существенное повышение уровня жизни во второй половине 1960-х гг. было характерно для работников объектов промышленности и сельского хозяйства, сумевших в значительной мере воспользоваться преимуществами, которые им предоставляли новые хозяйственные отношения в стране.

Данный факт, наряду с тем, что в 1960-е гг. в СССР существенная часть населения была занята в непроизводительной сфере и находилась на государственной службе, явился одной из важнейших причин того, что кардинального и всеобщего повышения уровня жизни населения в результате проведения экономических реформ «брежневского» периода не произошло.

¹ Куринова И. А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики : 1964–1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 23.

В то же время появившаяся дифференциация в доходах работников входила в конфликт с официальной идеологией и увеличила число сторонников свертывания начатых экономических преобразований и фактическому возврату к командно-административной модели управления народным хозяйством¹.

Достаточно популярной в современной отечественной историографии является точка зрения, сторонники которой склонны рассматривать последствия «брежневских» реформ в области материального благосостояния доходов не через понятие «дифференциация», а скорее через антонимичные ему термины «уравниловка» или «уравнительное распределение».

Л. И. Бородкин, рассматривая вопрос об эволюции дифференциации в оплате труда промышленных рабочих в 1920–1970-х гг., отмечает, что в течение всего советского периода существовал конфликт между уравнительной и дифференцированной политикой в области вознаграждения за труд.

Попытка введения дифференцированной политики доходов в середине 1960–1970-е гг. («косыгинская» реформа) была свернута, и в результате тарифной реформы 1972–1975 гг. были введены три тарифные сетки (незначительно отличающиеся друг от друга), что обозначило победу уравнительного принципа в распределении доходов². Аналогичного мнения в оценке политики начисления заработной платы придерживаются историки Н. Н. Волошина, Л. Н. Мартюшов, В. А. Шестаков³, отмечая, что при общем росте денежной заработной платы в промышленности (на 274,8% с 1955 по 1985 г.) наиболее быстрыми темпами росла заработная плата рабочих (на 285%), а медленнее всего — заработная плата инженерно-технических работников (на 185,5)⁴.

¹ Сокольников М. В. Исторический опыт экономических реформ в СССР в середине 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 24.

² Бородкин Л. И., Дробышевская Т. А. Советская экономика в 1930–1970 гг. Взгляд из XXI в. : междунар. конф. в Звенигороде (22–24 июня 2001 г.) // Экон. история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 7. С. 12.

³ Волошина Н. Н. Стимулирование труда на предприятиях Южно-Уральского экономического района в 60 - 80-е годы XX века (на материалах Челябинской области) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск., 2006; Мартюшов Л. Н. Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. Екатеринбург, 1999; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.

⁴ Мартюшов Л. Н. Указ. соч. С. 135.

Достаточно активно в современной научной литературе обсуждаются вопросы негативной уравнительной политики в области начисления доходов научных работников. Авторы работы «Научные кадры СССР: динамика и структура» отмечают, что неверные приоритеты в области вознаграждения за труд нанесли существенный вред развитию науки. Снижалась аспирантская стипендия: если в 1971 г. ее размер составлял 67–79% средней заработной платы по стране, то к 1985 г. он уменьшился до 45–53%, и лишь в 1987 г. размеры аспирантской стипендии были увеличены на 30–50%. Также постепенно уменьшалась заработная плата в науке относительно доходов лиц, занятых в других отраслях. Если до 1967 г. средняя зарплата в сфере науки была на первом месте среди отраслей промышленности, то в конце 1980-х гг. уровень средней зарплаты в науке был на 3–4-м месте, а 5-е место (сразу за научными работниками) занимали работники сельского хозяйства¹.

Аналогично «снижалась» заработная плата занятых в системе образования и ИТР (относительно оплаты труда рабочих специальностей). С. И. Никонова, отмечая динамику снижения, приводит следующие данные: в 1940 г. зарплата в советской системе образования составляла 97% среднего показателя по промышленности, в 1960 г. – 79%, а в 1985 г. – всего 63%². М. Н. Руткевич, обращаясь к проблеме доходов инженерно-технических работников, приводит следующие данные: заработная плата ИТР до Великой Отечественной войны была в 2–2,5 раза выше, чем у рабочих, занятых в основных отраслях материального производства, а к середине 1980-х гг. они практически сравнялись³. По мнению С. И. Никоновой и М. Н. Руткевича, именно в послевоенный период перераспределение ресурсов в советской экономике происходило в ущерб интеллектуальному производству. Это привело к негативным последствиям: неоправданно снижался уровень относительной заработной платы той категории работников, от которой в решающей мере зависели

¹ *Научные кадры СССР : динамика и структура*. М., 1991. С. 192.

² *Никонова С. И.* Социальная структура советского общества в 1965–1985 гг. // Проблемы современной экономики. 2006. № 1(17). С. 35.

³ *Руткевич М. Н.* Социальная структура. М., 2004. С. 165.

темпы научно-технического прогресса, в результате чего, по мнению Д. Диденко, к 1970-м гг. можно говорить о нарастании процессов деинтеллектуализации советской экономики, объясняющей снижение ее конкурентоспособности¹.

В тот же период в странах Запада шел обратный процесс — увеличение присутствия интеллектуальных отраслей в экономике и возрастание роли образования в дифференциации оплаты труда. На эту тенденцию обращает внимание В. Л. Иноземцев². Рассматривая проблему динамики доходов на примере США, он отмечает, что в 1980-е гг. «почасовая» заработная плата (с поправкой на инфляцию) выросла на 13% для мужчин, имеющих высшее образование, и упала на целых 18% для мужчин, имеющих неполное среднее образование. В результате дифференциация доходов в США во многом была обусловлена дифференциацией в образовании. В группу наиболее высокооплачиваемых служащих (1% населения США) входили преимущественно образованные люди, высококвалифицированные специалисты и управленцы. В. Л. Иноземцев оценивает эту усилившуюся дифференциацию доходов в зависимости от уровня образованности как одно из проявлений «революции интеллектуалов» при переходе к постиндустриальному обществу.

В целом, по мнению большинства исследователей, основным негативным последствием уравнительной политики доходов в СССР стала потеря мотивации высококвалифицированных работников к активной научной, творческой и интеллектуальной деятельности, что, в свою очередь, привело к неутешительным результатам относительно темпов развития экономики и общества в целом. Данная гипотеза, популяризируется в отечественной историографии и преподносится как аксиома в силу своей кажущейся абсолютной логичности, хотя ряд авторов, «проверяя» ее на практике, пришли к результатам, ставящим под сомнение достоверность данного утверждения. Еще в 1960-е гг. В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов на основании результатов обследования советских рабочих пришли к выводу, что «размер зара-

¹ Диденко Д. Мифы и реалии «индустрии знаний». URL : <http://national.invr.ru/index.php?id=373>).

² Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М., 2001.

ботной платы сам по себе не является значимым фактором, формирующим ориентацию работника на заработок»¹. Впоследствии Л. Е. Душацкий, изучив проблему взаимосвязи материального стимулирования научных работников и уровня их самореализации путем анализа данных, полученных им в ходе социологических опросов, также пришел к выводу, что несоответствие материальных стимулов выполняемой работе не является основным препятствием самореализации научных работников, существенно уступая таким причинам, снижающим мотивацию активной деятельности, как плохая организация труда и низкое качество оборудования². (Важность фактора материального стимулирования была несколько выше у неостепененных сотрудников, но и у данной группы он не занимал ведущей позиции.)

Результаты относительно недавнего социологического исследования А. В. Реброва, проведенного на базе анкетирования сотрудников 21 предприятия различных отраслей экономики в 11 регионах России, также дают основания утверждать, что «ни фактический уровень оплаты труда, ни зарплатные ожидания, ни уровень удовлетворенности им не влияют на инструментальную ориентацию работников»³. По мнению А. В. Реброва, стратегия трудового поведения работника не меняется в зависимости от уровня оплаты. Низкий уровень оплаты труда тесно связан с намерением сотрудника уволиться и не влияет на его отношение к труду. В свою очередь, важными факторами формирования трудовой мотивации являются положение работника в общей иерархии организации и свойственная этому положению степень ответственности и самостоятельности, а также регулярность выплаты заработной платы. Более выраженная ориентация на заработок обостряется и выступает в качестве компенсации на рабочих местах, где человек не имеет возможности проявить самостоятельность и ответственность⁴. Результаты проведенных исследований позволяют иначе взглянуть на

¹ Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 286.

² Душацкий Л. Е. Материальные стимулы как фактор реализации научного работника // Социс. 1991. № 5. С. 8–17.

³ Ребров А. В. Факторы формирования мотивации работников // Социс. 2011. № 3. С. 47.

⁴ Там же. С. 49.

последствия советской политики начисления доходов, получившей в отечественной историографии ярлык «уравниловки».

В отечественном гуманитарном дискурсе нет единого мнения и относительно причин существовавшей в советской стране тенденции снижения дифференциации в оплате труда работников интеллектуальной сферы и промышленных рабочих. Большинство авторов (Л. Н. Мартюшов, М. Н. Руткевич¹), ссылаются на «контролируемость» советской экономики, склоняясь к выводам об экономически не выверенной правительственной политике заработной платы, которая привела к весьма плачевным последствиям.

Иначе рассматривает данную проблему Д. Диденко. Несмотря на «планируемость» советской экономики, в ней действовали законы спроса и предложения, причем не только на микро-, но и на макроуровне, в частности на рынке труда. Поэтому, чтобы привлечь рабочих на предприятия, им нужно было повысить зарплату. В свою очередь, снижение относительной зарплаты работников интеллектуальных отраслей в 1970–1980-е гг. в значительной степени являлось следствием роста их численности².

На наш взгляд, выводы Д. Диденко подтверждаются фактами, и обращение к историческому материалу позволяет в этом убедиться. Действительно, в 1970-х гг. удельный вес людей, имеющих полное и неполное среднее образование среди занятых в советском народном хозяйстве, увеличился с 65 до 80%. В конце 1970-х гг. в стране было более 5 млн студентов, каждый десятый работающий имел высшее образование. Деятельность каждого четвертого работника была связана с умственным трудом³. Благодаря массовому распространению высшего образования общая численность специалистов, имеющих университетский или институтский диплом, с 1970 по 1980 г. возросла с 6,9 млн до 12,0 млн, т. е. на 74%. СССР вчетверо превзошел США по числу дипломированных инженеров. Но экономике столько инженеров

¹ *Мартюшов Л. Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. Екатеринбург, 1999 ; *Научные кадры СССР...* ; *Руткевич М. Н.* Социальная структура. С. 165.

² *Диденко Д.* Мифы и реалии «индустрии знаний». URL : <http://national.invur.ru/index.php?id=373>).

³ *Голубев А. В.* Россия, век XX... // Отец. история. 1997. № 5. С. 90.

не требовалось. Многие из них работали техниками, чертежниками, лаборантами, канцеляристами, в то время как доля рабочих, занятых в промышленности, строительстве, сельском и лесном хозяйстве, неуклонно снижалась. Повышение спроса на рабочие специальности на рынке труда и уменьшение конкурентного спроса на ИТР привело к корректировке доходов и уменьшению дифференциации заработной платы этих групп.

Д. Диденко отмечает, что в общемировом разрезе дифференциация доходов имеет тенденцию роста в периоды системных трансформаций, когда закладываются основы для будущих высоких темпов экономического роста. В то же время в периоды устойчивого развития в рамках стабильной социально-экономической системы дифференциация доходов имеет тенденцию снижения. Как правило, в силу комплекса причин это сопровождается и снижением темпов экономического роста¹. Расчеты Д. Диденко позволяют утверждать, что по показателям дифференциации и оплаты труда в 1930-е гг. ситуация в Советском Союзе была сравнима с США, страной с достаточно ощутимой разницей в оплате труда. Именно этот высокий уровень дифференциации доходов в нашей стране в 1930-е гг. обусловил высокие темпы развития экономики в 1950-е гг., тогда как дальнейшая политика, направленная на уменьшение дифференциации доходов населения, нашла отражение в последующем снижении темпов экономического роста. Отчасти с данной гипотезой можно согласиться, хотя прямая зависимость высокой дифференциации доходов граждан и экономических успехов страны вызывает сомнение. В частности, неверно утверждать, что в 1990-е гг. колоссальный рост дифференциации доходов в России сопровождался стремительным экономическим ростом.

Иное мнение относительно соотношения неравенства в оплате труда и экономического развития было высказано Нобелевским лауреатом Саймоном Кузнецом² еще в 1955 г. Он от-

¹ Диденко Д. Мифы и реалии «индустрии знаний». URL : <http://national.invr.ru/index.php?id=373>).

² Kuznets S. Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. New York : National Bureau of Economic Research, 1953 ; Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality (Presidential address) // American Economic Review. 1955. Vol. 45.

метил, что на ранних этапах индустриального развития дифференциация оплаты труда относительно высока, а затем наблюдается тенденция к ее снижению при сохранении высоких темпов экономического роста.

Гипотезы, предлагаемые исследователями, показывают прямо противоположные результаты. Именно поэтому, с точки зрения экономиста О. Ордина, все существующие теории, объясняющие влияние неравенства на экономический рост, не могут считаться удовлетворительными. Связь неравенства с экономическим развитием прослеживается лишь на уровне локальных эмпирических исследований отдельных стран, а обобщающей глобальной теории нет¹.

Возвращаясь к историографии материальных доходов городского населения, отметим, что сформулированная на рубеже 1980–1990-х гг. гипотеза о «подавляющей уравниловке» доходов в РСФСР (СССР) в наше время нуждается в пересмотре. Если тезис о недостаточно дифференцированной оплате физического и интеллектуального труда в РСФСР на сегодняшний день можно считать достаточно аргументированным, то этого нельзя сказать об остальных элементах системы (например, насколько уравнительным было соотношение оплаты труда в системе «руководитель – подчиненный», «рабочий – колхозник», а также как соотносятся доходы рабочего и таких низкооплачиваемых групп городского населения, как уборщицы, вахтеры). Интересные результаты, вероятно, даст сравнение сегодняшних тарифных сеток, применяемых для исчисления оплаты труда в бюджетных организациях, и советских тарифных сеток исходя из определенного для каждого периода уровня цен.

Рассматривая вопросы доходов и благосостояния, исследователи сегодня обращаются к характеристике ОФП, так как значительное количество благ в советской стране распределялось через них. Отношение исследователей к данной системе распределения неоднозначное. Ю. В. Яременко, придерживаясь либеральной точки зрения на проблемы развития СССР, отмечает,

¹ *Ордин О.* Неравенство и экономический рост. Подходит ли кривая Кузнецца для российской экономики? // Институт финансовых исследований : [сетевой журнал]. 2001. № 11. URL : www.finansy.ru/publ/pmacro003.htm.

что уже в 1970-е гг. система распределения потребительских благ через ОФП стремительно устаревала, а эффективность ее в 1980-е гг. была минимальной¹. Л. А. Гордон и Э. В. Клопов приходят к выводу, что отчасти бесплатными льготными благами из общественных фондов компенсировались низкие заработки в стране.

Для формирования правильного представления о характере дискуссий обратимся к приводимому исследователями конкретно-историческому материалу. По данным Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, все надбавки, в расчете которых к заработкам безоговорочно приплюсовывались пенсии, стипендии, номинальные бюджетные расходы на просвещение, здравоохранение, жилье и т. п., фактически увеличивали месячную заработную плату в середине 1980-х гг. лишь на 60–70 р. В результате средняя заработная плата советских граждан, в 1980-е гг. составлявшая 200 р., увеличивалась до 265–270 р.², что, по мнению Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, не меняло картины благосостояния кардинально.

Иначе оценивает объемы выплат из фондов потребления экономист Е. В. Гильбо. Он сопоставляет выплаты из ОФП в РСФСР середины 1980-х гг. с государственными выплатами в РФ сегодня. Автор приходит к выводу, что годовая сумма выплат из ОФП в 572 р. на человека в год, т. е. 47,6 р. в месяц (это гораздо меньше сумм, приводимых Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым), при адекватном пересчете в 5–6 раз превышает выплаты из бюджета сегодня, что свидетельствует о существовавшей в СССР заботе государства о своих гражданах. Точку зрения Е. В. Гильбо поддерживают Т. И. Заславская, С. Г. Кара-Мурза, Д. О. Чураков³, отмечая, что советское государство создало для населения гибкую систему социальных гарантий и страховок,

¹ Яременко Ю. В. Экономические беседы : [зап. С. А. Белановского]. М., 1998.

² Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых... С. 126.

³ Гильбо Е. В. 3\$ = 1 «деревянный» рубль // Дуэль : [сетевой журнал]. 2005. № 13. URL : www.duel.ru/200513/213_3_1 ; Заславская Т. И. Социентальная трансформация российского общества : деятельностно-структурная концепция. М., 2002 ; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация : [в 2 кн.]. М., 2002. Кн. 2 : От Великой Победы до наших дней ; Чураков Д. О. Рабочий класс в процессах модернизации России : исторический опыт // Экон. история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 6.

в результате чего, даже лишаясь заработка на время, граждане не лишались средств к существованию, и наличие ОФП это подтверждает.

В целом, современные точки зрения на проблему ОФП иллюстрируют основные подходы к рассмотрению советской экономической модели: либеральный, сторонники которого критикуют любое нерыночное распределение благ, и (если можно его так назвать) патерналистский – на наш взгляд, более аргументированный, в рамках которого исследователи признают существование в СССР системы социальных гарантий, одним из элементов которой являются ОФП.

Анализ отечественных историографических источников позволяет утверждать, что проблемы материального благосостояния городского населения РСФСР периода «перестройки» на сегодняшний день являются наименее изученными в конкретно-историческом плане (что, по всей видимости, отчасти обусловлено узостью источниковой базы).

Частично данные вопросы освещены в общереспубликанских и региональных исследованиях, посвященных изучению социально-экономических проблем советского социума в рамках более масштабных исторических периодов¹. В оценке материального положения горожан авторы сходятся во мнении, отмечая, что население ощущало ухудшение материального положения, обусловленное ростом цен и обострившимся дефицитом потребительских товаров. Следствием ухудшения материального положения стали рост преступности и усиление протестной активности населения.

Применительно к тематике материального благосостояния населения в отечественных публикациях получила рассмотрение проблема забастовочной активности граждан РСФСР в период «перестройки».

Интерес исследователей сосредоточен на протестах шахтеров. В статьях В. Г. Бритвина, Г. В. Кубась, М. Логинова, Л. Л. Мальцевой, Д. Мендела, Л. С. Наводкина, О. Н. Пуляевой,

¹ Вацук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке...; Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни населения Свердловской области...; и др.

А. Н. Русначенко, В. Н. Шаленко, В. В. Якуничкина¹ освещаются шахтерские забастовки 1980-х гг., их причины, требования бастующих, количество участников и пострадавших. И. А. Дьяконова, опираясь на архивные данные и материалы зарубежной статистики, предпринимает комплексный анализ развития угледобывающей отрасли и приходит к выводу, что низкие доходы работников угольной промышленности обусловлены высокими издержками производства и фактической убыточностью отрасли (в отличие от нефтегазовой отрасли)².

А. М. Кацва, И. М. Козина детально анализируют специфику и динамику социально-трудовых конфликтов, развернувшихся в стране в 1980–1990-е гг., рассматривая данные процессы как новую волну рабочего движения, явившегося результатом не соответствующей ожиданиям населения правительственной политики³.

Альтернативную трактовку причин шахтерской забастовочной активности предлагает Д. А. Левчик, выдвигая гипотезу о наличии «режиссуры» в забастовках 1980-х гг., а точнее – причастности спецслужб к организации данных мероприятий⁴. Несмотря на различия в предлагаемых авторами ракурсах рассмотрения проблемы, общим для большинства исследователей является тезис об обусловленности протестов и забастовок горожан в период «перестройки» нерешенностью материальных проблем (снижением доходов, ростом цен, обострением товарного дефицита).

¹ Бритвин В. Г. Забастовки на предприятиях с позиций трудящихся // Социс. 1990. № 6; Кубась Г. В. Рабочие комитеты Кузбасса // Там же; Логинов М. Прокопьевск. Стачка. От частного к общему // Дружба народов. 1990. № 5; Мендел Д. Забастовки шахтеров: впечатления, комментарии, анализ // Социс. 1990. № 7; Мальцева Л. Л., Пуляева О. Н. Что привело к забастовке // Социс. 1990. № 6; Наводкин Л. С. Забастовка: совместный трудный поиск решений (размышления очевидца забастовки шахтеров Донбасса) // Науч. коммунизм. 1990. № 2; Русначенко А. Н. Стачка шахтеров на Украине в июле 1989 г. // Отечеств. история. 1993. № 1; Шаленко В. Н. Производственные забастовки как объект социологического анализа // Социс. 1990. № 7; Якуничкин В. В. Противоречия забастовочного движения в Западном Донбассе (весна 1991 г.) // Социс. 1991. № 12.

² Дьяконова И. А. Зарботки шахтеров и нефтяников: влияние на исход трудовых конфликтов // История СССР. 1991. № 5.

³ Кацва А. М. Социально-трудовые конфликты в современной России. Истоки, проблемы и особенности. М., 2002; Он же. Протестное движение рабочего класса // Социс. 2008. № 3; Козина И. М. Забастовки в современной России // Социс. 2009. № 9.

⁴ Левчик Д. А. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социс. 2003. № 10.

Подводя итоги историографического анализа проблематики доходов и заработной платы городского населения РСФСР периода 1946–1991 гг., можно отметить, что в целом данная тема получила достаточно широкое освещение в отечественной историографии. В то же время очевидна неравномерность разработок по данной тематике как в хронологическом плане, так и в плане глубины и основательности исследований.

В хронологическом плане наиболее детально на сегодняшний день изучен послевоенный период, что, с одной стороны, иллюстрирует возрастание исследовательского интереса к данному историческому этапу, а с другой – позволяет предположить, что причиной активизации изучения данного этапа является расширение источниковой базы за счет введения в оборот новых архивных источников, отражающих послевоенные реалии, в том числе и в их социальной проекции. Социальные реалии периодов «хрущевского» и «брежневского» правления, а также «перестройка» в историческом плане изучены менее подробно. В тематическом разрезе наибольшее внимание авторы уделяют изучению фактической динамики заработной платы рабочих, в то время как динамика доходов остальных профессиональных групп городского социума изучена в отечественной историографии менее подробно. Недостаточно изученной на сегодняшний день остается и проблематика самооценки населением уровня доходов относительно стереотипов нормального и желаемого уровня благосостояния, сформировавшихся в различные исторические периоды, что позволяет обозначить вектор актуальных исследований по советской социальной истории второй половины XX в.

1.2. ЦЕНОВАЯ ДОСТУПНОСТЬ ТОВАРОВ И ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В 1946–1991 гг.: ВЕКТОРЫ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Благосостояние и покупательная способность населения зависят не только от доходов, но и от уровня цен на продовольственные и промышленные товары в каждый отдельно взятый исторический период. Поэтому, наряду с проблемами материальных доходов советских граждан, исследователи не оставляли без внимания рассмотрение вопросов эволюции ценовой политики в СССР на протяжении 1946–1991 гг.

Цена как экономическая дефиниция на протяжении всего советского периода являлась объектом спора относительно ее содержания, формирования и функций в социалистическом обществе.

На страницах советских экономических изданий в 1950–1960-е гг. развернулись теоретические дискуссии по проблемам соотношения цены и стоимости (З. В. Атлас, В. М. Богатырев, Я. А. Кронрод, Д. Д. Кондрашев, П. С. Мстиславский, С. Г. Струмилин¹), планирования ценообразования (Л. Б. Альтер, Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов, Н. Я. Петраков²). В результате полемики к 1970-м гг. было сформировано общее видение проблемы и обозначены основные подходы к рассмотрению содержания и функций.

Цена, как определяют ее авторы словаря «Политическая экономия» (М., 1979), есть «денежное выражение стоимости това-

¹ Атлас З. В. Закон стоимости и проблемы рентабельности производства при социализме // Закон стоимости и его роль при социализме / под ред. Н. А. Цаголова. М., 1959; Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР / под ред. Я. А. Кронрода. М., 1959; Кондрашев Д. Д. Цена и стоимость в социалистическом хозяйстве. М., 1963; Мстиславский П. С. Существующая система цен имеет объективную экономическую основу // Закон стоимости и его роль при социализме / под ред. Н. А. Цаголова. М., 1959.

² Дискуссия об оптимальном планировании. М., 1968; Канторович Л. В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1959; Немчинов В. С. Общественная стоимость и плановая цена. М., 1970; Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1972; Петраков Н. Я. Рентабельность и цена. М., 1964.

ра»¹. Дальнейшая характеристика сводится к уточнению механизма ценообразования в условиях капитализма, империализма, а также социализма, при котором цена является инструментом планового воздействия государства на экономику (спрос, предложение), отражает уровень общественно необходимых затрат труда и способствует формированию оптимальной структуры производства и потребления. Это определение является наиболее общим и отражает все содержательные и функциональные аспекты цены. Но в данной работе будет исследована лишь одна из перечисленных функций цены – «способствовать формированию оптимальной структуры потребления», или точнее – влияние цен на уровень покупательной способности городского населения за исследуемый период.

В СССР наиболее ощутимые изменения в соотношении уровня цен и доходов населения происходили в периоды реформирования денежной системы либо государственного ценового регулирования. В 1946–1991 гг. наибольшим вниманием исследователей отмечены такие события, как денежная реформа 1947 г., повышение цен в 1962 г. и ценовой рост 1980-х гг.

Денежная реформа 1947 г. сопровождалась выходом преимущественно экономических публикаций, авторы которых писали о необходимости данного мероприятия, опираясь на аргументы экономического характера².

Непосредственная характеристика денежной реформы, хотя и слишком краткая, дана Я. А. Кистановым в работе, изданной в 1952 г. Автор ограничивается коротким тезисом: «...постановление определило новый уровень цен на товары, соответствующий уровню издержек производства и обращения товаров доходам населения»³. Каких-либо цифр, отражающих динамику изменений, Я. А. Кистанов не приводит. Поэтому из данного автором описания не вполне ясно, повысились ли цены на товары и возросла ли покупательная способность населения.

¹ *Политическая экономия* : словарь / под ред. М. И. Волкова [и др.]. М., 1979. С. 424.

² *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны // Избр. произведения. М., 1979. С. 577.

³ *Кистанов Я. А.* Основные этапы развития советской торговли // 35 лет советской торговли. М., 1952. С. 49.

В последующие годы в советской экономической литературе утвердилась более развернутая характеристика реформы. Б. И. Гоголь, В. Г. Лопаткин, Л. С. Мазель, В. Ф. Майер, П. С. Мстиславский, Я. Л. Орлов, С. П. Фигурнов и др.¹ отмечают, что денежная реформа 1947 г. нанесла сокрушительный удар по спекулянтам, обесценив их сбережения в «кубышках», и создала благоприятные условия для торговли по единым ценам без карточек, а проведенное в 1947–1953 гг. шестикратное снижение цен на товары массового потребления способствовало повышению покупательной способности и значительному подъему материального благосостояния граждан.

Зачастую исследователи, ограничиваясь общими рассуждениями о положительных последствиях реформ, не приводят конкретных фактов, их подтверждающих. И лишь немногие авторы в качестве аргументов ссылаются на данные об объемах средств, «сэкономленных» населением страны в результате реформы (в миллиардах рублей)² либо на процентные показатели снижения цен в сравнении с 1946 г.³

Экономические последствия реформы отражены в воспоминаниях современника тех событий — Д. С. Павлова, занимавшего в послевоенный период пост заместителя председателя Бюро по пищевой промышленности при Совете Министров СССР. Он отмечает, что введение единых цен и расширение ассортимента повысило объем продаж товаров (сахара, круп, жиров, хлеба). Если до отмены карточек продавалось в месяц 945 тыс. т

¹ Лопаткин В. Г. Советская торговля — один из важнейших участков социалистической экономики. М., 1954 ; Мазель Л. С. Регулирование розничных цен на товары народного потребления на разных этапах развития советского хозяйства // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1957 ; Майер В. Ф. Зарплатная плата в период перехода к коммунизму... ; Москвин В. Развитие советской торговли. М., 1954 ; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... ; Он же. Распределение материальных и духовных благ... С. 12–20 ; Обловацкий Ф. Я. Указ. соч. ; Орлов Я. Л. Личное потребление и товарооборот // Сов. торговля. 1954. № 2 ; Россинский М. Б. Некоторые вопросы расширения производства товаров народного потребления и улучшение бытового обслуживания населения (на материалах Башкирской АССР) // Вопр. экономики пром-сти. Свердловск, 1963 ; Сажин Б. П., Темкина И. М. Изменение объема и структуры товарооборота Свердловской области в период развернутого строительства коммунистического общества // Там же ; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата... ; Он же. Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962.

² История народного хозяйства СССР (1917–1959)...

³ Гоголь Б. И. Советская торговля и ее роль в народном хозяйстве. М., 1948. С. 54.

всех видов хлеба, то в январе 1948 г. продажа хлеба достигла 1 514 тыс. т¹, и только в феврале продажа начала снижаться, войдя в марте в расчетные пределы.

В ряде экономических публикаций дан более глубокий экономический анализ последствий реформ. А. Н. Камушер, В. Е. Мотылев, С. П. Фигурнов, оценивая последствия ценовой реформы, сопоставляют уровень цен 1940 г. со «сниженными ценами» конца 1940-х – начала 1950-х гг. Но интересен тот факт, что исследователи приходят к разным выводам относительно объемов и характера данного соотношения. С. П. Фигурнов в своей монографии пишет, что в 1947 г. «все цены в сравнении с уровнем 1940 г., были снижены на 321%, в том числе на продовольственные товары – на 371%, непродовольственные – 253%, а цены на хлеб, масло и мясо, в сравнении с 1940 г., были уменьшены втрое»². К противоположным выводам приходят экономисты А. Н. Камушер и В. Е. Мотылев. Так, Мотылев отмечает что, несмотря на многократные снижения цен, проводимые правительством, даже «в 1950 г. средний уровень розничных цен оставался на 86% выше уровня 1940 г., причем по продовольственным товарам он был выше на 103%, по непродовольственным – на 65%»³. А. Н. Камушер также склонен полагать, что общий уровень розничных цен был выше уровня 1940 г. не только в 1950 г., но даже в 1960 г., хотя, как отмечает автор, ниже довоенных уже в середине 1950-х гг. были цены на некоторые товары, пользующиеся наибольшим спросом: хлеб, картофель, баранину, овощи, фрукты, колбасу, птицу, кровати, гвозди, шифер и т. д.⁴ Исследователи, приводя такие разные сведения, не обозначают ссылки на источники, что затрудняет возможность перепроверки данных.

С целью уточнения приводимых авторами цифр обратимся к сборнику документов и материалов «Продовольственная безопасность Урала в XX в.» под редакцией Г. Е. Корнилова и В. В. Маслакова (Екатеринбург, 2001), в котором опубликовано «Информационное письмо ЦСУ СССР в Президиум Совета Министров СССР

¹ Павлов Д. С. Стойкость. М., 1983. С. 203.

² Фигурнов С. П. Реальная заработная плата... С. 158.

³ История народного хозяйства СССР (1917–1959)... С. 216.

⁴ История социалистической экономики СССР... С. 547.

о соотношении розничных цен на продовольственные товары в СССР» от 29 сентября 1964 г. Анализ документа позволяет сделать вывод, что на протяжении 1947–1954 гг. цены были снижены в 2,3 раза, но даже в 1954 г. оставались выше уровня 1940 г. на 38%, в том числе по продовольственным товарам — на 41%, по непродовольственным — на 34%, а так как во второй половине 1950-х гг. государственные розничные цены повысились еще на 3%, разрыв в уровне цен по сравнению с 1940 г. только увеличился¹.

Сопоставление данных А. Н. Камушера, В. Е. Мотылева, С. П. Фигурнова с материалами документа позволяет сделать следующий вывод: цифры, приводимые С. П. Фигурновым, далеки от реальности и отражают скорее желаемые, чем действительные результаты реформы. Гораздо в большей степени соответствуют действительности данные В. Е. Мотылева и А. Н. Камушера, хотя утверждение Камушера, что «цены на отдельные товары уже в середине 1950-х гг. были ниже довоенных», также опровергается материалами документа; из него следует, что цены на такие продукты, как хлеб, картофель и баранина, не только не снизились в сравнении с уровнем 1940 г., но и были повышены². Тем не менее большинство советских исследователей, рассуждая о последствиях реформы, отмечает снижение цен и возрастание покупательной способности городского населения.

В то же время не стоит преувеличивать однозначность и положительность оценок советскими авторами последствий реформы. Экономисты Н. И. Бузляков, Н. С. Лагутин и В. Ф. Майер пишут, что при всех плюсах позитивный эффект реформы был ограниченным, так как «от снижений розничных цен выигрывает тот, кто больше покупает», т. е. слои населения с более высокими доходами, а не все граждане³. Еще более критично оценивают результаты политики послевоенного снижения цен В. Т. Корниенко и А. Н. Малафеев, отмечая, что такая непродуманная политика «сталинского руководства» привела к дисбалансу стреми-

¹ *Продовольственная безопасность Урала в XX в. : документы и материалы / под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. С. 295–296.*

² Там же. С. 297–298.

³ *Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ. соч.; Лагутин Н. С. Бюджет советской семьи. М., 1967.*

тельно растущего спроса и не так динамично развивающегося предложения, обострив проблему товарного дефицита. Поэтому впоследствии власти были вынуждены отказаться от массового снижения цен. Но в целом такая критика послевоенной советской ценовой политики носила умеренный характер и не ставила под сомнение основы советского ценообразования, указывая лишь на некоторые просчеты, допущенные в прошлом.

Помимо послевоенного снижения государственных цен, в историко-экономической литературе советского периода рассмотрена проблема изменения цен колхозного рынка. Как отмечают авторы вышеназванного словаря «Политическая экономия», данные цены, не являясь фиксированными, «складываются непосредственно под влиянием спроса и предложения товара», и, хотя на их формирование оказывает влияние «организованный рынок», они имеют собственную динамику и отличия по регионам¹. Среди публикаций центральных изданий можно отметить экономические работы А. Викентьева и Н. С. Лагутина². Авторы пишут, что в результате снижения государственных цен цены колхозного рынка также были значительно снижены, но конкретно об объемах снижения исследователи ничего не сообщают.

Более детально данная проблема рассмотрена в региональной историографии. В частности, о снижении цен колхозного рынка Урала в послевоенный период пишут А. В. Бакунин, М. Н. Денисевич, Р. П. Толмачева³. Например, Толмачева, используя в качестве источника данные региональной периодической печати, а также материалы бюджетных обследований крестьянских семей отдельных областей Урала, приходит к выводу, что существенное снижение колхозных цен, произошедшее в послевоенный период и продолжавшееся до 1960-х гг., повысило по-

¹ *Политическая экономия* : словарь... С. 425.

² *Викентьев А.* Очерки развития советской экономики в IV пятилетке. М., 1952 ; *Лагутин Н. С.* Бюджет советской семьи...

³ *Бакунин А. В., Денисевич М. Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения : тенденции и перспективы развития (30–80-е гг.). Свердловск, 1990 ; *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985). Екатеринбург, 1991 ; *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979 ; *Она же.* Колхозы Урала в 50-е гг. Томск, 1981.

купательную способность городского и крестьянского населения¹. Но несмотря на снижение, уровень цен колхозного рынка был гораздо выше государственных. К аналогичному выводу приходит в своей работе и М. Н. Денисевич.

На характеристике монографии М. Н. Денисевича хотелось бы остановиться подробнее. Работа посвящена ретроспективному анализу индивидуальных (личных) приусадебных хозяйств населения в 1930–1980-е гг., а также рассмотрению некоторых аспектов материального благосостояния населения региона и ценовой политики государства. М. Н. Денисевич, опираясь на собственные расчеты, приходит к выводу, что уровень рыночных цен на продовольственные товары в Свердловске был достаточно высок. До реформы на колхозных рынках Свердловска были самые высокие в РСФСР цены на говядину (55 р. за 1 кг). Впоследствии в результате реформы 1947 г. произошло некоторое сближение колхозных цен со сниженными государственными, хотя, как отмечает Денисевич, на рынках Уральского региона цены оставались одними из самых высоких по стране². Тем не менее анализ бюджетов рабочих и служащих, проведенный М. Н. Денисевичем, свидетельствует о том, что независимо от высокого уровня рыночных цен достаточно большой объем продовольственных товаров горожане приобретали на рынке.

В целом проблема реформирования государственных цен в послевоенные годы значительно лучше освещена в общероссийской литературе. Именно в центральных публикациях отражены вопросы динамики государственных цен, в то время как в работах уральских авторов данная тема фактически не рассмотрена. Вероятно, такое положение вещей не в последнюю очередь связано с особенностями государственного ценообразования – уровень цен был фиксированным и идентичным (с оговоркой на пояс), и как таковой уральской специфики не наблюдалось. К тому же применительно к исследуемому периоду справедливо утверждать, что происходило формирование региональной историографии, в задачи которой входило изучение

¹ Толмачева Р. П. Колхозы Урала в 50-е гг. С. 149.

² Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 101.

и социально-экономических проблем на местном материале. Поэтому проблемы динамики государственных цен изучались преимущественно в Центре, где перед исследователями стояли другие задачи (масштабирования, обобщения векторности и динамики социально-экономических процессов в рамках СССР – РСФСР) и имелась соответствующая источниковая база, а на региональном уровне более детально освещены проблемы уровня цен колхозного рынка.

Обращаясь к характеристике ценовой политики 1960-х гг., важно отметить, что большинство авторов советского историографического периода склонны характеризовать ее как «стабилизацию розничных цен» – масштабных изменений не происходило, в то время как на некоторые товары цены продолжали снижаться. Н. С. Лагутин¹ подробно описывает все снижения цен с 1954 по 1966 г. по группам товаров. В. Т. Корниенко и С. П. Фигурнов² рассуждают о повышении доступности товаров, оценивая «выигрыш» населения от ценовых снижений. Советские авторы, акцентируя внимание на локальных ценовых снижениях, зачастую обходили стороной повышение цен на мясомолочные продукты, проведенное в 1962 г. Судя по небольшому количеству публикаций, посвященных данной проблеме, это не являлось популярной темой историко-экономических исследований советского периода, хотя рассмотрение ценовой политики не будет полным без анализа этой реформы.

В качестве причин, вызвавших «временное» ценовое повышение 1962 г. (именно так его определяют исследователи), Н. И. Бузляков и В. Ф. Майер называют резкий подъем закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, обусловленный необходимостью укрепления материальной заинтересованности колхозников в результатах производства³. Рассуждая об объемах ценового повышения, Н. И. Бузляков и В. Ф. Майер приводят в своей работе расчеты, из которых следует, что если принять уровень государственных розничных цен 1952 г. за 100%, то в 1958 г. индекс цен

¹ Лагутин Н. С. Бюджет советской семьи... С. 57.

² Корниенко В. Т. Цена и народное потребление. М., 1963 ; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата... ; Он же. Строительство коммунизма...

³ Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ. соч. С. 30.

составил 87% и в 1962 г. — также 87%. На основании этих расчетов авторы делают вывод: повышение цен на продовольственные товары никак не изменило общего ценового уровня, так как повышение цен на продукты компенсировалось снижением розничных цен на непродовольственные товары (штапельные ткани и изделия из них)¹.

Иначе рассматривает причины проведения реформы и оценивает объемы ценового повышения О. П. Сулейманова. В качестве причины данного правительственного мероприятия она называет не «необходимость укрепления материальной базы сельского хозяйства», как Н. И. Бузляков и В. Ф. Майер, а искусственное занижение розничных цен на протяжении предыдущих периодов². Относительно оценки объема ценового повышения О. П. Сулейманова также не склонна соглашаться с точкой зрения вышеназванных экономистов. Она отмечает, что цены на мясные продукты и животное масло повысились на 25–30%, и, хотя правительством были приняты компенсаторные меры, призванные уменьшить издержки населения (снижение цен на сахар (5%), штапельные ткани (20%)), «общий индекс розничных цен на товары, продаваемые в государственной и кооперативной торговле, повысился примерно на 25%»³, значительно превысив уровень 1958 г. Сравнение результатов исследований обнаруживает расхождение в показателях. Но более важным видится тот факт, что при существенном расхождении в цифрах, авторы едины в их интерпретации и не пишут о негативных экономических последствиях реформы, отмечая рост покупательной способности и благосостояния населения.

В сравнении с реформой 1947 г. правительственные ценовые мероприятия 1962 г. не получили столь широкого рассмотрения в советской историко-экономической литературе и не популяризовались авторами. Исследователи предпочитали обходить эту тему стороной, акцентируя внимание на более частных ценовых повышениях, либо в своих трактовках реформы старались

¹ Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ. соч. С. 30.

² Сулейманова О. П. Рост материального благосостояния рабочего класса... С. 15.

³ Там же. С. 16.

не выходить за рамки официального курса, избегая более глубокого анализа проблемы.

Большее количество преимущественно экономических работ посвящено рассмотрению советской ценовой политики во второй половине 1960–1980-х гг. Наиболее лаконичная характеристика периода дана в седьмом томе многотомного издания «История социалистической экономики СССР». Е. И. Капустин (автор раздела) ограничивается следующей формулировкой: «Политика цен в этот период направлена на то, чтобы последовательно обеспечивать в основном стабилизацию розничных цен на товары массового потребления, при некоторых повышении и снижении цен на отдельные виды товаров и услуг»¹. Несколько более подробно проблема освещена в многочисленных экономических публикациях Н. И. Бузлякова, О. Е. Губаревой, Д. Крук, Н. С. Лагутина, В. Ф. Майера, И. П. Труфанова, Д. Черткова². В качестве источника авторы обращаются к статистическим ежегодникам «Народное хозяйство РСФСР» и «Народное хозяйство СССР» за разные годы, ссылаясь на публикуемую в них информацию об индексе цен. Характеризуя современную им ситуацию, исследователи отмечают, что доступность товаров для граждан ежегодно увеличивается за счет снижения цен по отдельным группам товаров, «проводившегося с учетом спроса», в чем и проявляется забота государства о населении (в частности, такие снижения проводились в 1965, 1966, 1971 и другие годы).

В некоторых публикациях встречаются критические замечания относительно ценовой политики периода 1960–1980-х гг. В частности, Н. И. Бузляков и В. Ф. Майер, а также экономист А. И. Струев³ отмечают, что вследствие несколько непродуманного и завышенного уровня цен на ряд промышленных товаров в торговой сети возникают сверхнормативные товарные запасы. Поэтому с целью решения данной проблемы цены необходимо несколько «подкорректировать». Экономист Ю. А. Елагин прихо-

¹ *История социалистической экономики...* С. 619.

² Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ соч.; Губарева О. Е. Источники роста народного благосостояния...; Крук Д., Труфанов И. П. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973; Лагутин Н. С. Бюджет советской семьи...; Чертков Д. От чего зависит уровень жизни трудящихся в СССР. М., 1964.

³ Струев А. И. Торговля и спрос. М., 1965.

дит к выводу, что изменение структуры цен, произошедшее с 1960 по 1968 г., привело к снижению доли непродовольственных товаров в общем объеме товарооборота¹.

Важно отметить, что выявляя частные недостатки в ценовой политике периода 1960–1980-х гг., авторы не склонны трактовать их как недостатки существующей советской экономической системы. Наличествующая локальная критика не носила масштабный характер, и исследователи, обозначая некоторые негативные моменты, в целом одобряли правительственную ценовую политику, отмечая значительные успехи СССР в плане увеличения доступности товаров для населения и роста товарооборота.

Изменение ракурса в оценке советской ценовой политики 1960–1980-х гг. имеет место в ряде публикаций второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. На волне гласности усиливаются критicism и скепсис в оценках советской экономической действительности, и, как следствие, изменяется содержание публикаций, посвященных советской ценовой политике. Параллельно уменьшается количество обстоятельных историко-экономических исследований, уступая место публицистике, что определило экспрессивную стилистику и тональность изложения материала. В публикациях второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. подвергся острой критике тезис о том, что цены на продовольственные и промышленные товары в СССР имеют тенденцию снижения, и покупательная способность населения с течением времени возрастает. Большинство исследователей, характеризуя советскую ценовую политику, приходит к противоположным выводам. Стремительный рост цен на продовольственные и промышленные товары, произошедший в 1970–1980-е гг., отмечают в своих статьях В. А. Березин, Л. Гольдин, Е. И. Данилов, Ф. А. Крутиков, С. И. Мозохин, Я. Л. Орлов, Э. В. Самигуллин, Л. Т. Шинелева², а также авторы коллективных работ, опубликованных в данный период¹.

¹ *Елагин Ю. А.* Перспективы развития рынка товаров культурного и спортивного назначения // Ассортимент товаров народного потребления и вопросы совершенствования организации торговли. Свердловск, 1971. Вып. 19. С. 33–34.

² *Березин В. А., Мозохин С. И.* Рынок товаров народного потребления : потребности и возможности // ТиБО. 1990. № 7 ; *Гольдин Л.* За всё приходится платить... // Горизонт. 1989. № 6 ; *Крутиков Ф. А.* Маркетинг в деятельности социалистических предприятий // ТиБО.

Ряд исследователей склонны объяснять повышение цен на товары улучшением их качества², но большинство авторов склоняется к мнению, что качество товаров, производимых в СССР, только снизилось. Так, по мнению авторов научно-аналитического обзора «Социальная сфера в условиях перестройки» (М., 1991), 3/4 роста товарооборота в 1988 г. было обеспечено повышением цен при снижении количества и качества потребительских товаров³.

В своих публицистических статьях В. А. Березин, Е. И. Данилов, С. И. Мозохин и Л. Т. Шинелева отмечают, что при увеличении цен снизилось не только качество, но и объемы производимой продукции⁴. В качестве примера авторы приводят данные, свидетельствующие, что с 1986 по 1987 г. выпуск эмалированной посуды в стране был увеличен по стоимости на 2,5 млн р., но снижен по количеству на 1 млн шт.⁵

Произошедший рост цен отмечают и социологи. По мнению А. Г. Каннабиха и М. В. Яковлевой, тот факт, что в 1960–1970-е гг. для потребителя значительную роль играли качество и ассортимент продукта, а во второй половине 1980-х гг. — цена, косвенно свидетельствует об удорожании потребительских товаров для населения⁶.

Признание удорожания жизни (как абсолютного, так и относительного) приводит к критике основы основ советского ценообразования — патерналистской системы государственных дотаций.

По мнению В. П. Попова и Н. В. Шмелева, именно «благодаря» сознательному отклонению цен от стоимости товаров, в со-

1990. № 4 ; Орлов Я. Л. Улучшение качества товаров народного потребления // ТиБО. 1987. № 2 ; Самигуллин Э. В. Формирование и регулирование рынка потребительских товаров // ТиБО. 1991. № 6.

¹ *Гласность*. Насущные вопросы и необходимые ответы... ; *Народное благосостояние*. Тенденции и перспективы... ; *Социальная сфера в условиях перестройки* (советские исследования 1989 г.) : науч.-аналит. обзор. М., 1991.

² Орлов Я. Л. Улучшение качества товаров... С. 7.

³ *Социальная сфера в условиях перестройки*... С. 23.

⁴ Березин В. А., Мозохин С. И. Указ. соч. С. 21–34.

⁵ Данилов Е. И., Шинелева Л. Т. Активная социальная политика и сфера услуг // ТиБО. 1989. № 6. С. 60.

⁶ Каннабих А. Г., Яковлева М. В. Потребитель : возможности и перспективы // ТиБО. 1990. № 1. С. 5.

ветской системе ценообразования были изначально заложены значительные диспропорции. В результате, с одной стороны, цены на многие товары в несколько раз превышают себестоимость (алкогольные напитки, автомашины, меха), а с другой – непрерывно растут дотации из государственного бюджета на поддержание искусственно заниженных розничных цен ряда базовых товаров и услуг – мяса, молока, масла, картофеля, транспорта, жилья и т. д. Из расчетов авторов следует, что по мясомолочным продуктам государственные затраты к середине 1980-х гг. превышали розничные цены в 2–3 раза, а общий объем дотаций на оптовые и розничные цены возрос с 3,6 млрд р. в 1965 г. до 73 млрд р. в середине 1980-х гг., т. е. более чем в 20 раз¹. В. П. Попов и Н. В. Шмелев считают, что несбалансированная и затратная для государства, система ценообразования не лучшим образом отразилась на экономике СССР, о чем свидетельствуют реалии 1980-х гг.

Активно критикуют правительственную политику дотаций Л. М. Бадалов, А. А. Дерябин, Ю. В. Пешехонов и другие авторы², отмечая, помимо катастрофических затрат государства, тот факт, что «ценовые дотации снижают значимость труда как основного фактора распределения благ»³, стимулируя развитие теневого сектора экономики. Поэтому некоторые авторы⁴ призывают отказаться от государственных доплат и повысить искусственно заниженные розничные цены, которые провоцируют товарный дефицит и создают благоприятные условия для развития спекуляции.

Хотя у данной точки зрения есть оппоненты, не согласные с тем, что повышение цен решит экономические проблемы. В первую очередь, противниками столь радикального решения

¹ Попов В. П., Шмелев Н. В. Великий плановый эксперимент // Погружение в трясины (анатомия застоя). М., 1991. С. 125.

² Бадалов Л. М., Полькова Е. Н. Дефицит и качество товаров // ТиБО. 1991. № 6 ; Дерябин А. А. Сначала исправим ценообразование // ЭКО : Экономика и орг. пром. пр-ва. Новосибирск, 1989. № 3 ; Пешехонов Ю. В. Финансово-кредитные методы формирования доходов населения // Финансы СССР. 1987. № 9 ; Социальная сфера в условиях перестройки...

³ Социальная сфера в условиях перестройки... С. 23.

⁴ Гольденберг И. А. Классовая сущность «симбиоза» (теневая экономика в административно-командной системе) // Социс. 1991. № 1. С. 41 ; Социальная сфера в условиях перестройки... С. 24.

являются авторы, доказывающие, что цены в СССР и так достаточно высоки¹.

Также ряд исследователей сомневается в эффективности ценового повышения. В частности, новосибирский экономист А. А. Дерябин доказывает, что рост цен «не устранил общего дефицита, который будет воспроизведен в новом ценовом масштабе»².

Многие авторы призывают отказаться от политики повышения цен, ссылаясь на опыт зарубежных стран. Например, экономист Д. Жаркович³ отмечает, что негативный опыт перехода к рыночной экономике посредством либерализации цен, имевший место в Югославии, свидетельствует, что от данного пути лучше отказаться, так как это еще более усугубляет социально-экономическую ситуацию в стране. Но, к сожалению, зарубежный опыт не был в достаточной мере проанализирован отечественными политиками при выборе модели экономического реформирования. А с помощью единичных публикаций не удалось сформировать общественное мнение, нацеленное на радикальные перемены.

После того как «схлынули» волны публицистической критики злободневных экономических проблем современности, во второй половине 1990-х гг. в отечественной историографии вновь начинают превалировать тенденции осмысления прошлого.

Авторы, «вооружившись» арсеналом различных отечественных и зарубежных источников, а также легализованными в «перестроечный» период методиками и методологиями, обратились к изучению советского послевоенного сорокалетия, пытаясь оценить весомость достижений СССР в области обеспечения уровня жизни граждан, определяемого, в числе прочего, и с помощью показателей ценовой доступности товаров для населения.

Сегодня значительный интерес исследователи проявляют к изучению послевоенной истории СССР, не обходя вниманием

¹ *Каннабих А.Г., Яковлева М.В.* Указ. соч. ; *Попов В.П., Шмелев Н.В.* Великий плановый эксперимент // Погружение в трясину (анатомия застоя). М., 1991.

² *Дерябин А. А.* Указ. соч. С. 41–51.

³ *Жаркович Д.* Проблемы осуществления контроля за ценами в СФРЮ // Цены и ценообразование за рубежом. 1988. № 12.

социальные реформы периода, но обращаются к рассмотрению данной темы в русле иных методологических подходов.

В рамках советской историографической традиции авторы значительно больше раскрывали экономическую сторону ценовой реформы, ограничиваясь освещением динамики цен на протяжении периода и оценивая показатели послевоенного развития относительно 1940 г. Сегодня исследователей больше интересует общая социальная проекция проблемы послевоенного реформирования. Ученые дискутируют не столько о том, был ли в конце сталинского периода достигнут уровень цен 1940 г., сколько о ценовой доступности товаров для населения, при этом оперируя не индексными коэффициентами, а отслеживая динамику роста–снижения цен в рублевом эквиваленте. Также необходимо отметить, что на современном историографическом этапе авторы не сводят ценовые реформы послевоенного периода к рассмотрению снижения цен в 1947–1953 гг., более детально анализируя предшествующие этому мероприятию изменения пайковых и коммерческих цен (политика относительно которых не всегда была идентичной).

Динамика изменения пайковых и коммерческих цен в период 1946–1947 гг. отражена в работах Е. Ю. Зубковой, В. П. Попова, О. В. Хлевнюка, Д. В. Милохина, А. Ф. Сметанина. Авторы анализируют значительный объем архивных источников, среди которых, помимо статистических данных, заявления и письма рабочих в партийные органы. Исследователи приходят к выводу, что в результате неурожая 1946 г. и из-за предстоящего значительного снижения хлебозаготовок, в сентябре 1946 г. была начата кампания за экономию хлеба, в соответствии с которой пайковые цены были значительно повышены (в 2,5–3 раза по разным группам продуктов)¹, а для компенсации этого несколько снижались коммерческие цены. С целью большей иллюстративности авторских позиций цифры, характеризующие произошедшую в послевоенные годы динамику ценового роста–снижения, отражены в табл. 2 прил. 1. Приводимые данные подтверждают справедливость авторских выводов, согласно которым незначи-

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... С. 70.

тельное (на 10–20%) снижение коммерческих цен не компенсировало ощутимого (в 3 раза) повышения пайковых цен.

Согласно данным опубликованных сегодня документов, пайковые цены на хлеб были повышены даже более чем в 3 раза. В частности, из «Информационного письма ЦСУ СССР в Президиум Совета Министров СССР о соотношении розничных цен на продовольственные товары в СССР» от 29 сентября 1964 г., опубликованного в сборнике документов и материалов «Продовольственная безопасность Урала в XX в.», следует, что «в сентябре 1946 г. цены продовольственных товаров нормированной торговли были повышены в 3 раза, а на хлеб даже в 3,8 раза»¹ (что превышает данные Е. Ю. Зубковой и О. В. Хлевнюка). Безусловно, такое ценовое повышение весьма ощутимо ударило по кошелькам граждан, так как хлеб являлся в военное и послевоенное время основным продуктом питания для большинства населения страны.

При рассмотрении проблем послевоенного регулирования цен интерес представляют работы Е. А. Осокиной. В фокусе изучения автора – вопросы снабжения населения в 1928–1935 гг., но схожесть ситуации (наличие в 1930-е гг. карточного снабжения и пайковых цен, параллельно существующее с открытой коммерческой торговлей) позволяет озвучить результаты исследования Е. А. Осокиной в данной работе. При этом в 1934 и 1946 гг. похожим было и соотношение пайковых и коммерческих цен. Е. А. Осокина приводит данные по картофелю (равные 1:8), которые соответствуют соотношению цен на черный хлеб в 1946 г. (табл. 2 прил. 1). О причинах существования коммерческой торговли Е. А. Осокина пишет следующее: «Острый товарный дефицит и специфика нормированного распределения приводили к тому, что, несмотря на высокие цены, оборачиваемость коммерческих товаров была выше, чем пайковых, и выше средней оборачиваемости всех товаров. Очереди были нормальным явлением для коммерческих магазинов»². Поэтому коммерческая торговля выполняла в стране важные государственные задачи;

¹ Продовольственная безопасность Урала в XX в. ... С. 295.

² Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993. С. 102.

она призвана была поглощать избыточный покупательский спрос, а также аккумулировать денежные средства в руках государства путем монопольной продажи дефицитных товаров по повышенным ценам. Е. А. Осокина справедливо замечает, что в открытой торговле особенно нуждались те категории населения, которые не отоваривались или частично отоваривались по карточкам (интеллигенция, крестьяне). Вместе с тем коммерческая торговля «сбивала» цены колхозного рынка, снижая доходы крестьянства от рыночной торговли продуктами своего труда¹. На наш взгляд, схожесть экономической ситуации 1930-х и второй половины 1940-х гг. дает основания экстраполировать выводы Е. А. Осокиной относительно целей введения коммерческой торговли и на 1940-е гг.

Авторы сегодня не обходят вниманием и социальные последствия денежной реформы 1947 г., существенным образом повлиявшей на покупательную способность населения. Оценивая события тех лет, сторонники либерального подхода делают вывод, что денежная реформа носила ярко выраженный конфискационный характер. Так, В. П. Попов отмечает, что проводимый обмен денег в соотношении 1:10 существенно ударил по кошелькам населения, но наиболее ощутима для бюджета граждан была переоценка вкладов. По подсчетам В. П. Попова, это мероприятие принесло казне доход в 3,6 млрд р. А. К. Соколов и В. С. Тяжельникова отмечают, что «конфискационные последствия реформы на долгие годы стали шоком для общества»².

Иначе оценивают социальные последствия реформы А. А. Данилов и А. В. Пыжиков, отмечая, что «денежная реформа принесла известные выгоды вкладчикам сберегательных касс, так как при обмене вклады размером до 3 тыс. р. включительно оставались без изменения, т. е. переоценивались рубль за рубль, а свыше 3 тыс. р. до 10 тыс. переоценивались: 3 р. старых денег — 2 р. новых. Если размер вклада превышал 10 тыс. р., то действовало

¹ Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993. С. 104.

² Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории, 1941–1991 : учебник. М., 1999. С. 53.

соотношение 2:1»¹. В то же время А. А. Данилов и А. В. Пыжиков отмечают, что реформа была направлена на решение государственных, а не социальных задач, и именно с этого ракурса следует рассматривать ее последствия, среди которых укрепление политических позиций руководства внутри страны и международного положения СССР. Данную точку зрения разделяют сегодня многие авторы. С этого ракурса рассматриваются социальные последствия денежной реформы 1947 г. в работах большинства исследователей, обращающихся к изучению социально-экономических реалий послевоенных лет на материалах регионов РСФСР².

В конце 1947 г. была отменена карточная система, цены стали едиными, при этом объем их вновь изменился. В советской историографии исследователями подчеркивались положительные социально-экономические последствия данных мероприятий для населения, но на современном историографическом этапе авторы не приходят к однозначному мнению в оценке реформ 1947 г.

Г. И. Ханин пишет, что после довольно заметного роста розничных цен в 1946 г., вызванного последствиями засухи, государственные розничные цены стабилизировались, а положение на потребительском рынке улучшилось³. С мнением Г. И. Ханина об улучшении ситуации на потребительском рынке можно согласиться, так как объективно возросло количество предлагаемых населению продовольственных и промышленных товаров, но его утверждение о «стабилизации цен» не вполне понятно. Если под стабилизацией понимать статику, т. е. отсутствие роста–снижения цен после реформы, то выводы Г. И. Ханина не верны — цены менялись. Скорее всего, под стабилизацией автор

¹ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 108.

² Стругова М. Р. Денежная реформа 1947 г. в Краснодарском крае // Социально-психологические и экон. аспекты развития соц. сферы Краснодар. края в соврем. условиях. Краснодар, 2004 ; Устинова Л. В. Общественно-политические процессы в российской провинции : 1943–1953 гг. (на примере Курской обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007 ; Чайка Е. А. Денежная реформа и ее последствия на Кубани в годы послевоенной модернизации (1945–1950 гг.) // История и обществознание. Армавир, 2003. Вып. 2 ; и др.

³ Ханин Г. И. Советское экономическое чудо : миф или реальность // Свободная мысль — XXI. 2003. № 9. С. 52.

подразумевал введение единых цен вместо пайковых и коммерческих, но в этом случае термин «стабилизация» не вполне отражает суть данного мероприятия.

Пореформенную динамику цен исследователи оценивают по-разному. А. В. Пыжиков считает, что новые государственные цены в большинстве своем были даже выше коммерческих, утвержденных после войны, в связи с чем росло недовольство населения¹. А. К. Соколов и В. С. Тяжельникова² пишут о повышении цен в 1947 г. на все без исключения продукты питания. В. П. Попов, Е. Ю. Зубкова, О. В. Хлевнюк отмечают, что цены на многие промышленные товары, в том числе на одежду, обувь, трикотажные изделия, повышались по сравнению с пайковыми, а цены на продовольственные товары устанавливались ниже пайковых³.

На наш взгляд, наиболее аргументированное фактическое подтверждение (относительно динамики цен на продовольственные товары) находит точка зрения Е. Ю. Зубковой, В. П. Попова и О. В. Хлевнюка. В частности, предпринятое нами сопоставление данных, приведенных авторами (см. табл. 2 прил. 1), подтверждает тот факт, что на отдельные продовольственные товары (хлеб, макароны) цены в 1947 г. снизились, и большая часть продуктов продавалась по пайковым ценам (хотя на некоторые, судя по показателям таблицы, цены были повышены (например, на сахар)).

В то же время мнение А. К. Соколова и В. С. Тяжельниковой о повышении в 1947 г. цен на все продукты питания не находит фактического подтверждения.

Что касается новых цен на промышленные товары, то они были выше пайковых, и можно согласиться с Е. Ю. Зубковой и О. М. Вербицкой⁴ в том, что цены были не вполне доступны для большинства населения.

¹ Пыжиков А. В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // *Вопр. истории.* 2002. № 2. С. 35.

² Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Указ. соч. С. 50.

³ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... С. 85 ; Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы... С. 68 ; Хлевнюк О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» // *Отечеств. история.* 2001. № 3. С. 78.

⁴ Вербицкая О. М. Российское крестьянство : от Сталина к Хрущеву. М., 1992.

В свою очередь, утверждение А. В. Пыжикова, что новые цены на промышленные товары были даже выше коммерческих, не вполне соответствует реальному положению вещей. В частности, из вышеупомянутого «Информационного письма ЦСУ...» следует, что «цены на непродовольственные товары были повышены в декабре 1947 г. до уровня коммерческой торговли»¹, но не превышали их. В этой связи нуждается в перепроверке утверждение В. П. Попова о том, что цены на промышленные товары были ниже коммерческих в 3 раза².

Нужно отметить, что в некоторых работах, претендующих на историческое осмысление проблем послевоенного периода, встречаются грубые фактические ошибки в освещении ценовой реформы 1947 г. В частности, М. Я. Геллер и А. М. Некрич в работе «Утопия у власти» пишут следующее: «Осенью 1947 г. были установлены единые цены на продукты вместо существовавших ранее отдельных карточных и коммерческих цен. В результате стоимость основных продуктов питания существенно возросла для большинства городского населения. Цена на 1 кг черного хлеба увеличилась с 1 до 3,40 р., на 1 кг мяса с 14 до 30 р., на 1 кг сахара с 5,50 до 15 р.»³.

Таким образом, в описании М. Я. Геллера и А. М. Некрича две реформы цен – 1946 и 1947 гг. – объединены в одну, которая была проведена «осенью 1947 г.»; при этом авторы приводят цифры, отражающие изменение пайковых цен, произошедшее в 1946 г. Очевидно, что детальное и исторически аргументированное изучение социально-экономических реалий послевоенных лет не входило в цели данного исследования; эти реалии, вероятно, лежат в иной плоскости и могут быть объяснены в русле концепта антисоветского мифотворчества⁴.

¹ Продовольственная безопасность Урала в XX в. ... С. 295.

² Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы... С. 68.

³ Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000. С. 467.

⁴ Данный концепт сегодня является одним из инструментов понимания текстов, авторы которых предлагают различные интерпретации прошлого. А. В. Трофимов, рассуждая о технологической изнанке исторического мифа, пишет, что одним из этапов мифотворчества является подготовка материалов и поиск аргументов из исторических фактов, аналогий, необходимых для легитимации в массовом сознании той или иной ситуации (экономической, политической, идеологической, реформ, революций и т. п.). А. В. Трофимов выделяет три этапа возникновения и функционирования исторических мифов, которые определяют

Отдельно проанализируем ценовые снижения 1948–1954 гг. Факт снижения цен отмечен всеми исследователями, рассматривавшими данную тему. Приводимые авторами цифры, отражающие динамику ценового снижения на промышленные и продовольственные товары, сведены нами в табл. 2 прил. 1. Авторские данные относительно уровня цен, не намного разнятся. Исследователи сходятся и в оценке коэффициента ценового снижения – 2,3 раза, хотя, по мнению некоторых ученых, коэффициент ценового снижения и, соответственно, масштаб положительного воздействия на рост покупательной способности населения были выше. Например, В. М. Уралов в своей работе «Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг.» (1995), чтобы зафиксировать колебания кривой благосостояния, предложил измерять динамику покупательной способности населения через отношение заработной платы к стоимости ежемесячного минимального набора продуктов питания (МНПП). В данный набор, отличающийся устойчивостью потребления на протяжении всего исследуемого периода 1913–1993 гг., автор включает девять основных продуктов питания (мясо, молоко, яйца, рыба, сахар, подсолнечное масло, овощи, мука, картофель) в определенном количестве из расчета на суточное потребление 2 850 калорий¹. Определяя стоимость МНПП в каждый период, автор вычисляет покупательную способность населения. По мнению В. М. Уралова, после Великой Отечественной войны (в 1947 г.) МНПП стоил

тип восприятия исторического опыта Советского Союза: советский (1945–1991 гг.) – была развернута антикапиталистическая пропаганда, подчеркивались достоинства, достижения и перспективы советской и политической системы; антисоветский, или либеральный, миф (условно 1990-е гг.), характеризующий СССР как недемократическое, основанное на страхе и всеобъемлющем контроле государство с неэффективной экономикой; постсоветский (современный), объединивший достижения первых двух этапов, в рамках которого авторы акцентируют внимание на позитивных сторонах советского образа жизни, достижениях в экономике и благосостоянии граждан, сравнивая советские реалии с современными рыночными, не в пользу последних. Нужно добавить, что миф нацелен на создание максимально убедительной картины прошлого для широких масс читателей, а это достигается зачастую с помощью художественных приемов – красочных аналогий, личных воспоминаний и ироничных (запоминающихся) сравнений – в ущерб фактической аргументации и при практически полном отсутствии источников (см.: Трофимов А. В. К проблеме мифологизации советского исторического опыта // Проблемы соц.-экон. и полит. развития России и Урала в XIX–XX вв. : история, историография : интернет-конф. Екатеринбург, 2007. URL : www.usue.ru).

¹ Уралов В. М. Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг. : аналит. справ. М., 1995. С. 18–20.

58,22 р. (в ценах 1990-х гг.), в 1953 г. цена его составила 21,59 р. На заработную плату рабочих крупной промышленности, приходящуюся на семью из двух человек, в 1953 г. можно было купить 2,94 МНПП. Это был максимальный показатель для рабочих крупной промышленности за весь предшествующий период с 1913 г.¹ В сравнении с 1947 г. коэффициент ценового снижения, по мнению В. М. Уралова, в начале 1950-х гг. составил 2,6 (несколько выше, чем цифра, рассчитанная большинством авторов – 2,3).

В оценках масштабности и положительности эффекта проводимого ценового снижения для городского населения, а также в характеристике целей данного правительственного мероприятия отечественные авторы расходятся более существенно.

М. Кудрявцев, С. Миронин, Р. Скорынин, А. П. Паршев, Г. И. Ханнин, В. Шарапов² склонны рассматривать период сталинского правления как эталон экономической эффективности. Многократное снижение цен, существенно повысившее уровень жизни населения, является, по их мнению, одним из аргументов, эффективного функционирования плановой экономической системы и свидетельствует об «относительной сбалансированности товарно-денежного обращения в этот период». В то же время Е. Ю. Зубкова, В. П. Попов и А. П. Пыжиков³ отмечают, что эффект от реформы был в большей степени пропагандистским и с экономической точки зрения несостоятельным, так как перед снижением цены были значительно повышены.

Е. Ю. Зубкова справедливо замечает, что «ценовая политика в условиях нерыночной экономики является мощным рычагом в руках государства, позволяющим не только решать чисто экономические проблемы (регулировать спрос и предложение), но и манипулировать общественным мнением. Повышение цен вы-

¹ Уралов В. М. *Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг.* : аналит. справ. М., 1995. С. 20.

² Кудрявцев М., Миронин С., Скорынин Р. Сталинский плановый малоэмиссионный социализм. URL : <http://rus-crisis.ru/?p=616> ; Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М., 1999 ; Ханнин Г. И. Советское экономическое чудо : миф или реальность ; Шарапов В. Миг между прошлым и будущим. URL : www.comunist.ru/lenta/print.php?857.

³ Зубкова Е. Ю. *Послевоенное советское общество...* ; Попов В. П. *Сталин и советская экономика в послевоенные годы...* С. 51–76 ; Пыжиков А. В. *Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ...* С. 33–43.

зывает немедленное разочарование и недовольство населения, в то время как снижение цен всегда встречается с одобрением. Эмоциональное воздействие снижения цен на современников оказалось настолько глубоким, что до сих пор значительная часть людей старшего поколения ссылается на эти снижения как на главный аргумент, являющийся доказательством заботы Сталина о благе народа»¹. Анализируя претензии и требования населения по поводу недостаточного снижения цен на отдельные товары (керосин, мыло, сахар), Е. Ю. Зубкова приходит к выводу, что политика, рассчитанная на обретение имиджа «заботы о благе народа», работает во вред сама себе, так как «в людях постепенно формируется привыкание к такого рода «благоденствиям» («маленьким праздникам»), растет комплекс иждивенчества, а по мере удовлетворения первейших потребностей растут и запросы. Приняв волевое решение о регулярном снижении цен, власти затянули себя в ловушку: угроза прогрессирующей инфляции стала реальностью. По логике вещей надо было бы отказаться от этой практики, но тогда мог пострадать престиж государственной власти. Решение продолжало сохранять силу по инерции, а люди, также по инерции, продолжали каждый год ждать нового снижения цен»².

К аналогичному мнению приходят экономисты В. А. Слепов и Т. Е. Николаева, отмечая, что систематическое снижение розничных цен способствовало утверждению «псевдооптимизма» по поводу неисчерпаемости природных ресурсов страны, а также подрывало экономику сельского хозяйства³.

В. П. Попов считает, что положительные социальные последствия послевоенных реформ переоценены. Поскольку «в Советском Союзе экономическая политика всегда играла вспомогательную роль для политического строительства, чтобы прикрыть узкие и сверхкорыстные цели достижения своего абсолютного господства, власть была вынуждена прибегать идеологической маскировке, отождествляя собственные интересы с интересами

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... С. 87.

² Там же. С. 89.

³ Слепов В. А., Николаева Т. Е. Ценообразование : учеб. пособие. М., 2005.

многомиллионного населения»¹. Повышение уровня жизни граждан не входило в планы государства; наоборот, происходило ограбление народа. Государству было выгодно сохранять тяжелое материальное состояние, потому что озабоченное только выживанием, такое общество не способно думать о чем-либо еще. Задача партийной идеологии — не дать массам понять, что тяжелые условия жизни созданы для них искусственно, чтобы сделать «индустриального бойца» подвластным воле верхов². Рассматривая социально-экономические проблемы послевоенного периода с крайне либеральных позиций, В. П. Попов акцентирует внимание на экономических источниках ценового снижения 1947–1953 гг.; он отмечает, что снижение цен проводилось целиком за счет деревни при регулярном повышении налогов с крестьянства, а это, в свою очередь, привело к снижению заготовительных цен и скачкообразному падению цен колхозного рынка, материально ущемляя колхозников. Тезис об ограблении населения В. П. Попов подкрепляет следующими цифрами: в результате повышения цен в 1946 г. прибыль государства должна была составить 65 млрд р., в то время как расходы на повышение заработной платы рабочих и служащих в том же году составили всего 43 млрд р.³ (путем нехитрых математических вычислений мы получаем разницу, равную прибыли в 22 млрд р.). О затратах государства, «израсходованных» на ценовые снижения 1947–1953 гг., В. П. Попов не пишет, хотя уже упоминавшиеся нами уральские исследователи Д. В. Милохин и А. Ф. Сметанин в своей монографии отмечают, что «сама денежная реформа 1947 г. и связанное с ней первое снижение цен нанесли государственному бюджету 57 млрд р. чистого убытка, а очередные снижения цен причинили ущерб казне в 1949 г. в 48 млрд р., а в 1951 г. — 80 млрд р.»⁴. В. П. Попов склонен объяснять затраты изъятием средств из деревни. Но в работах В. Ф. Зимы, Д. В. Милохина и А. Ф. Сметанина приведены данные о том, что общая сумма

¹ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы... С. 69.

² Там же. С. 64, 72.

³ Там же. С. 76.

⁴ Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Коми. Колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958: соц.-экон. аспекты развития. М., 2005. С. 102; *Новейшая история Отечества: XX в.* / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М., 1998. Т. 2. С. 249.

сельхозналога составила в 1951 г. 8,3 млрд р.¹ Безусловно, значительная часть средств из деревни также изымалась через займы, но объемы сельхозналога и затрат государства на снижение цен отличаются на порядок.

В целом ценовые снижения 1947–1953 гг. не укладываются в либеральную схему В. П. Попова о сознательном угнетении всего населения, так как очевидно, что в результате снижения цен повысилась покупательная способность городского населения (а если верить О. Е. Зубковой, даже сформировали комплекс иждивенчества – не лучшее качество для «индустриального бойца»). В этой связи не понятно, зачем государству, не заинтересованному в повышении уровня жизни населения, такой «побочный эффект», как повышение покупательной способности граждан. Если же объяснять реформы снижения цен «пропагандистской компанией», то очевидна не соответствующая целям огромная цена, за них уплаченная (если суммировать цифры, приводимые Д. В. Милохиным и А. Ф. Сметаниным, – 185 млрд р.). Таким образом, теория В. П. Попова о геноциде населения со стороны государства имеет ограничения и в значительно большей степени соответствует государственной послевоенной политике в деревне, направленной на ущемление крестьянства; применительно же к городскому населению гипотеза автора не выдерживает никакой критики.

Подводя итоги рассмотрению проблемы снижения государственных розничных цен в 1947–1953 гг., нужно отметить, что, несмотря на улучшение материального благосостояния рабочих, розничные цены и в 1954 г. оставались выше уровня 1940 г. на 38%, в том числе по продовольственным товарам на 41%, по непродовольственным – на 34². Анализ приведенных авторами данных позволяет утверждать, что государственные цены на некоторые продукты питания и в конце сталинского правления превышали пайковые цены лета 1946 г. (см. табл. 2 прил. 1). Этот факт необходимо учитывать при характеристике социально-

¹ Зима В. Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – нач. 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 4. С. 121; Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Указ. соч. С. 99.

² Продовольственная безопасность Урала в XX в. ... С. 295–296.

экономических достижений послевоенного периода во избежанные крайностей в суждениях и однобоких оценок.

Для проводимого историографического исследования также представляет интерес анализ динамики цен колхозного рынка. Данная тема не получила глубокого освещения в отечественной историографии. В. П. Попов упоминает об этом косвенно, отмечая «скачкообразное снижение цен» колхозного рынка в связи со снижениями 1948–1953 гг., и ничего не пишет об объемах этого снижения. В. Н. Мамяченков отмечает, что цены колхозного рынка в Свердловской области в связи со снижением государственных цен уменьшились в 3 раза¹, но оставались выше государственных розничных цен. К аналогичному выводу относительно пропорции государственных и рыночных цен приходит в своей статье Н. В. Хомякова, рассматривая проблему на материалах Чкаловской и Челябинской областей².

Кардинально противоположного мнения о соотношении государственных и рыночных цен придерживается В. Шарапов, подчеркивая, что «цены на колхозных рынках в 1953–1955 гг. почти не отличались от розничных государственных, и те потребители, которые не хотели стоять в очереди за дешевыми продуктами, могли с небольшой переплатой приобрести продукты на колхозном рынке (а иногда рыночные товары были даже дешевле), причем продукты высококачественные, не испорченные нитратами, не замороженные, а свежие»³. Но, на наш взгляд, выводы В. Шарапова, не подкрепленные конкретными цифрами, не вполне отражают реальную действительность, так как, во-первых, наличие более или менее ощутимой разницы в объемах цен рыночных и государственных было доказано еще в публикациях советского периода. Во-вторых, проведенное нами сравнение цен государственной торговли, действовавших в 1953 г. (табл. 2 прил. 1), с ценами на колхозных рынках Свердловска (табл. 3 прил. 1),

¹ *Мамяченков В. Н.* Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Екатеринбург, 2002.

² *Хомякова Н. В.* Продовольственное обеспечение населения Южного Урала с 1945 по 1953 г. (на примере Чкаловской и Челябинской обл.) // *Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.* Оренбург, 2006. С. 112–117.

³ *Шарапов В.* Миг между прошлым и будущим. URL : www.comunist.ru/lenta/print.php?857.

позволяет утверждать, что рыночные цены были выше государственных в среднем на 30–50%.

Также в современной историко-экономической литературе рассматриваются проблемы ценовой доступности товаров для населения во второй половине 1950-х – 1960-е гг.

В исследовании В. М. Уралова дана оценка покупательной способности населения относительно стоимости минимального набора продуктов питания. Автор отмечает, что в 1955 г. покупательная способность населения составила 2,87 МНПП, а к 1960 г. снизилась до 2,23 МНПП¹. Снижение покупательной способности советских граждан В. М. Уралов, как и большинство исследователей, связывает с повышением цен на мясомолочные продукты в 1962 г. (цены на мясо выросли на 30%, а на молоко и молочные продукты – на 25%).

Сегодня исследователи обращаются не только к событийной стороне реформ, но и пытаются реконструировать картину общественных настроений современников тех событий.

В этой связи представляет интерес работа Ю. В. Аксютин «Хрущевская „оттепель“ и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.» (М., 2004), в которой на базе проведенных в 1998 и 1999 гг. опросов людей различных профессий автор оценивает общественное мнение советских граждан по поводу социально-экономических и политических мероприятий периода.

Относительно повышения цен в июне 1962 г. Ю. В. Аксютин отмечает, что оно вызвало недовольство не только в Новочеркасске, но и в других городах листовки «антисоветского» содержания с призывами к забастовке появились после повышения цен в Минске, Риге, Челябинске, Донецке, Тамбове и др. Лояльно и с пониманием к официальным заявлениям о необходимости и временности повышения цен отнеслись, по данным Ю. В. Аксютин, только 24% опрошенных в 1998 г. и 26% опрошенных в 1999 г.² Значительная же часть опрошенных (34%) заявлениям правительства не поверила. В то же время, по мнению Ю. В. Аксютин, не стоит преувеличивать общественный резонанс дан-

¹ Уралов В. М. Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг. : аналит. справ. М., 1995. С. 20.

² Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 414.

ного события: 8 и 4% опрошенных в 1998 и 1999 гг. соответственно отмечают, что их повышение не коснулось, а 4 и 3% опрошенных повышения цен вообще не помнят. Эту группу, помимо тех немногих, кто «ходил в магазин только за водкой и сигаретами», составляли граждане, имеющие личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и «свое» мясо и молоко, а также военнослужащие, находящиеся в 1962 г. в армии, и работники закрытых военных предприятий.

Таким образом, по мнению Ю. В. Аксютин, повышение цен было достаточно негативно воспринято значительной частью населения. В то же время автор справедливо замечает, что отношение советских граждан к повышению цен во многом определялась их социальным положением и возможностями самообеспечения.

Еще одной темой, замалчиваемой в советской историографии, является негативная реакция населения на данные ценовые повышения. Сегодня достаточно активно авторами разрабатываются вопросы массового недовольства населения страны. Можно отметить работы В. А. Козлова, И. Мардарь¹, а также многочисленные публикации архивных материалов, посвященные массовым недовольствам населения², в частности Новочеркасским событиям³. Данная проблема активно разрабатывается и на региональном материале. В работах С. В. Горшкова и Н. Н. Попова, а также в статье А. И. Прищепы⁴ рассмотрены проблемы массового недовольства населения в 1950–1960-е гг., обусловленного не в последнюю очередь повышением цен.

Рассмотрение проблем материального благосостояния советских граждан не будет полным без освещения вопросов ценовой доступности товаров для населения страны в 1960–1991 гг.

¹ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999; *Он же*. Незвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006; *Мардарь И.* Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск, 1992.

² *О массовых беспорядках с 1957 г.* // Источники. 1995. № 6. С. 12–17; *Лебедев В.* «Объединяйтесь вокруг Христа – большевики повысили цены». Отношение населения СССР к повышению цен на продукты питания в 1962 г. // *Неизвестная Россия. XX в.* 1993. № 3.

³ *Новочеркасская трагедия 1962 г.* // Ист. архив. 1993. № 1. С. 110–136; № 4. С. 143–177.

⁴ *Горшков С. В., Попов Н. Н.* Социально-политические отношения на Урале в 1945–1965 гг. // *Урал на пороге третьего тысячелетия.* Екатеринбург, 2000. С. 123–125; *Прищеп А. И.* Забастовки на Урале в 1940–1960 гг. // *Вопр. истории.* 1998. № 6. С. 26–33.

Авторы по-разному подходят к измерению покупательной способности советских граждан. Многие исследователи привлекают официальные статистические данные, где доступность цен измеряется процентным соотношением затрат в бюджете на питание. По данным официальной статистики, государственные цены были доступны, а расходы на питание в бюджете среднего советского человека постепенно снижались, составив в 1985 г. 33,7%¹.

Иначе подходит к изучению проблемы В. М. Уралов, определяя уровень цен и покупательную способность населения через отношение заработной платы к стоимости ежемесячного МНПП. Он приходит к выводу, что покупательная способность населения с 1960 по 1985 г. непрерывно возрастала, достигнув в 1985 г. максимального значения и гарантируя приобретение на среднюю заработную плату 5,25 МНПП, хотя темпы роста покупательной способности в 1960–1980-е гг. несколько снизились в сравнении с 1950-ми гг. и составили в среднем 3,5% годовых².

Средняя заработная плата в СССР в 1970–1980-е гг. составляла 150–200 р. в месяц. Сопоставляя эти данные с показателями уровня цен на продовольственные и промышленные товары в тот же период (табл. 4 прил. 1), можно сделать вывод, что большая часть продовольственных товаров по цене была доступна для населения (в отличие от послевоенного периода). В то же время нельзя не заметить, что одежда, обувь и электроприборы в 1970–1980-е гг. были относительно дороги для среднестатистического покупателя. Эту специфику «ценообразования» в СССР отмечают многие авторы. С. Г. Кара-Мурза и А. П. Паршев склоняются к мнению, что значительная ценовая разница между продовольственными и промышленными товарами в СССР объясняется представлением о том, что является товарами первой необходимости и всеми остальными (в рамках социалистической идеологии). Именно поэтому в СССР необходимые товары (хлеб, молоко) были дешевыми, а товары «не первой необходимости» (видеомагнитофоны и автомобили) сравнительно дороги для среднестатистического потребителя. Практически же

¹ Шубин А. В. Социальная структура СССР в канун перестройки // Отечеств. история. 1997. № 4. С. 131–146.

² Уралов В. М. Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг. : аналит. справ. М., 1995. С. 20.

эта ценовая разница была обусловлена тем, что государство выдавало дотации на производство необходимой продукции или «отказывалось от прибыли», обеспечивая гарантии пусть минимального, но всеобщего потребления. В то время как на Западе система ценообразования была иной и разрыв в ценах между молоком и автомобилем был не так велик, как в СССР¹. С выводами авторов относительно «идеологической» специфики ценообразования в СССР можно согласиться, но не следует забывать, что и за рубежом существовала система государственных дотаций, поэтому говорить об этом элементе экономической системы как о сугубо советском не приходится. Формулировка С. Г. Кара-Мурзы применительно к советской системе как «отказ от прибыли» видится не вполне корректной, так как приведенный автором единичный пример – цена на хлеб – не отражает всей картины ценообразования. В частности, сравнительно высокие цены на промышленные товары и электронику, а также повышение розничных цен на продовольственные товары в 1962 г. и высокие налоги, которыми облагалось крестьянство, не позволяют утверждать, что СССР являлся государством, «отказывающимся от прибыли».

Отношение современных исследователей к советской политике государственных дотаций неоднозначно. С. Г. Кара-Мурза оценивает систему ценовых дотаций с точки зрения морали, характеризуя ее как более гуманную по сравнению с рыночной.

По мнению А. Г. Вишневского, Е. Т. Гайдара, В. М. Кудрова, Я. Л. Орлова, Г. И. Ханина, А. В. Шубина, Н. П. Федоренко², такая ценовая политика в силу ее «нерыночности» вела к негативным последствиям – инфляции и росту дефицита.

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация... ; Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М., 1999.

² Вишневский А. Г. Серп и рубль... ; Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006 ; Он же. Долгое время. Россия в мире : очерки экон. истории. М., 2005 ; Кудров В. М. Крах советской модели экономики. М., 2000 ; Он же. Мировая экономика : учебник. М., 2000 ; Он же. Советская экономика в ретроспективе : опыт переосмысления. М., 1997 ; Орлов Я. Л. «Советская торговля» – наказание за «нерынок» // Соврем. торговля. 2005. № 3 ; Федоренко Н. П. Россия : уроки прошлого и лики будущего. М., 2000 ; Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008 ; Шубин А. В. Социальная структура СССР в канун перестройки... С. 131–146.

А. П. Паршев отмечает, что искусственно заниженные цены при росте зарплаты населения, вели к «покупательскому психозу», когда население при наличии буквально лишнего рубля может ринуться на какой-нибудь конкретный товар, сметая его с прилавков, а следствием «покупательского психоза» явился дефицит, т. е. отсутствие товара в магазинах. В целом, независимо от нюансов в оценках, большинство исследователей склонно полагать, что ценовая политика в СССР с проблемой дефицита связана косвенно. Значительная часть товаров была доступна по цене для потребителей. Доходы населения росли, и параллельно увеличивались денежные накопления, позволявшие людям покупать не только товары повседневного спроса, но и бытовую технику, одежду, автомобили.

Однако существует и иное мнение. В публикациях некоторых исследователей (Л. Кацва) сегодня изложена точка зрения о высоких темпах инфляции в СССР, что не только «компенсировало» рост доходов, но и ежегодно снижало их¹. С целью уточнения этих данных обратимся к работам А. Н. Илларионова, который анализирует влияние инфляционных процессов на экономический рост государств на протяжении 1950–1990-х гг. Относительно инфляции в СССР А. Н. Илларионов приводит следующие цифры: с 1951 по 1970 г. СССР занимал 2-е место в мире по темпам инфляции, т. е. темпы были одними из самых низких. Но в рамках данного периода показатели отличались: в 1951–1960 гг. коэффициент инфляции составил 2,7%, а с 1961–1970 гг. был равен 0%², в то время как с 1991 по 1996 г. среднегодовые темпы инфляции в России достигли 478,8% (166-е место из 178 стран мира). Сопоставляя темпы инфляции с темпами экономического роста, А. Н. Илларионов доказывает, что минимальный инфляционный рост наблюдается в периоды наиболее высокой экономической эффективности страны (как, например, в 1950–1970-е гг. СССР имел 3,6–4,0% прироста ВВП на душу населения). Высокая инфляция сопровождается падением темпов экономического развития (с 1991 по 1996 г. снижение среднегодовых темпов экономическо-

¹ Кацва Л. Советское общество второй пол. 1960-х – нач. 1980-х гг. // 1 сентября : [сетевой журнал]. 2007. URL : <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200103501>.

² Илларионов А. Инфляция и экономический рост // Вопр. экономики. 1997. № 8. С. 102.

го роста составило 8,5% (170-е место из 178 стран мира)). В целом гипотеза А. Н. Илларионова достаточно логична, хотя некоторые цифры вызывают сомнение. В частности, данные автора о том, что в 1961–1970 гг. коэффициент инфляции составил 0%, не вполне убедительны. Не укладывается в эти цифры повышение цен 1962 г., которое, безусловно, должно было отразиться на изменении инфляционного коэффициента (его признавали даже исследователи советского периода), тем более что массовых «компенсаторных» ценовых снижений в 1970-е гг. не было.

Подводя итоги предпринятого историографического анализа проблематики ценовой доступности товаров для городского населения РСФСР (1946–1991 гг.), можно отметить, что данная тема, привлекая внимание отечественных исследователей в советское время, не утратила своей актуальности и сегодня. Не в последнюю очередь причиной устойчивого исследовательского интереса к данной тематике является важность критерия ценовой доступности товаров при характеристике уровня жизни населения, а также оценке эффективности социально-экономической политики государства в целом.

На протяжении более полувека ученые предлагали различные способы изучения покупательной способности населения: через стоимость минимального набора продуктов питания, путем отслеживания динамики индекса цен и инфляции и т. д. Использование различных методик (каждая со своими сильными и слабыми сторонами) значительно обогатило исследовательскую палитру, позволив с разных ракурсов оценить проблему. В то же время в рамках обозначенного периода – 1946–1991 гг. – вопрос о ценовой доступности товаров для горожан изучен неравномерно.

Наиболее детально в конкретно-историческом плане на сегодняшний день изучен послевоенный период (денежная реформа 1947 г., ценовые снижения 1947–1953 гг.), менее подробно – ценовая динамика 1960-х гг., а ценовые трансформации 1970–1980-х гг. исследованы значительно менее подробно, что позволяет обозначить перспективу дальнейших историко-экономических изысканий в данной области.

1.3. ИЗУЧЕНИЕ НЕТРУДОВЫХ ДОХОДОВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР

Проблематика так называемых нетрудовых доходов советского населения является одним из маргинальных сюжетов советской социальной истории.

В подавляющем большинстве публикаций, посвященных рассмотрению вопросов благосостояния советского населения, понятие «доход» авторы определяют как синоним категории «зарплата», обходя вопросы иных по своей природе источников пополнения бюджета советских граждан.

В 1950-х – первой половине 1980-х гг. данная проблема фактически не рассматривалась в социологических, экономических или исторических работах, находясь исключительно в сфере интересов криминологии.

Более активное обращение исследователей к изучению темы начинается во второй половине 1980-х гг., что в значительной степени было обусловлено принятием весной 1986 г. постановления Совета Министров СССР по усилению борьбы с нетрудовыми доходами граждан: хищением, спекуляцией, взятками¹.

В официальном советском дискурсе под нетрудовыми доходами понимались доходы, полученные не от трудовой деятельности, а за счет спекуляции и любой другой деятельности, признаваемой незаконной, в частности кустарно-ремесленных промыслов, использования в корыстных целях машин и механизмов, принадлежащих государству, и т. д. Перечень нетрудовых видов деятельности по-разному понимался советскими гражданами.

Опубликованные результаты проведенных в конце 1980-х гг. опросов на тему понимания населением нетрудовых доходов свидетельствуют о том, что значительная часть опрошиваемых считала относительно трудовыми доходами не только взятки и левые» заработки, но и наследство от родителей, а также сбе-

¹ *О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами* : постановление Совета Министров СССР от 15 мая 1986 г. № 575 // Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1988. С. 234–235.

режения на книжке¹. По поводу сбережений в публикациях данного периода появляются даже предложения о их частичной или полной конфискации, так как это – деньги, «скопленные нечестным путем».

Однако далеко не все авторы разделяют такие радикальные призывы. Так, Н. Шмелев, ссылаясь на расчеты академика А. И. Анчишкина, пишет, что из 260 млрд р. вкладов населения в сберкассы (1987 г.) «воровские деньги» составляют лишь 20–30 млрд р., а остальное – действительно трудовые сбережения: на квартиру, на машину, на «черный» день. Поэтому конфискация существенной их части может лишь привести к непоправимо тяжелым последствиям².

Большинство публикаций, посвященных проблеме нетрудовых доходов, носит комментаторский характер. Авторы, цитируя материалы XXVII съезда КПСС и работы М. С. Горбачева, освещают моральные аспекты проблемы, рассуждая о нетрудовых доходах как о «социальной патологии», не соответствующей идеям социализма³, либо рассматривают проблему в правовой плоскости, описывая правонарушения и методы борьбы с ними⁴.

Более детальный анализ объемов «нетрудовых» доходов был предпринят рядом экономистов и социологов. Авторы коллективной монографии «Социальная сфера: политическое и ду-

¹ Гордон Л. А., Комаровский В. В., Назимов А. К. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М., 1988.

² Шмелев Н. Новые тревоги // Если по совести. М., 1988. С. 388.

³ Аганбегян А. Г. Научно-технический прогресс...; *Борьба с нетрудовыми доходами – всенародное дело* : метод. материалы в помощь лекторам и докладчикам. Оренбург, 1986; Гилинский Я. И., Малинина Т. М. Социально-экономические и правовые проблемы нетрудовых доходов // Правоведение. 1988. № 3; Гребенников В. Г., Пчелинцев О. С., Шаталин С. С. Интенсификация общественного производства : соц.-экон. проблемы. М., 1987; *Историки* отвечают на вопросы. М., 1988; Парначев В. Г. Малый бизнес в сфере услуг // ТиБО. 1991. № 10; Шульц В. Д. Укрепление социалистического принципа распределения по труду в условиях борьбы с нетрудовыми доходами // Труд и кадры в нар. хоз-ве. Свердловск, 1987.

⁴ Бутурлин А. Критерий – укрепление законности // Социалистическая законность. 1987. № 5; Гусев С. И. Актуальные проблемы борьбы правоохранительных органов с нетрудовыми доходами // Советское государство и право. 1987. № 2; Заикин Н. П., Кондрашков Н. Н. Ответственность за нетрудовые доходы и развитие индивидуального труда. М., 1987; Ляпунов Ю. Н. Юридические аспекты борьбы с нетрудовыми доходами // Советское государство и право. 1986. № 12; Манов Г. Н. Аксиомы советской теории права // Там же. 1986. № 9; Шохин А. Н. Социальные аспекты борьбы с нетрудовыми доходами // Социальные аспекты распределительной политики / [отв. ред. В. З. Роговин]. М., 1984; Яковлев А. М. Предупреждение экономической преступности // Советское государство и право. 1987. № 1.

ховное развитие общества», ссылаясь на расчеты специалистов НИЭИ при Госплане СССР, отмечают, что оборот теневой экономики по стране в середине 1980-х гг. составил 60–80 млрд р., в то время как в конце 1950-х гг. ущерб от экономических преступлений по РСФСР исчислялся 1,5–2 млн р.¹ Безусловно, такая негативная динамика поражает, но обобщенные данные ничего не говорят об объемах индивидуальных нетрудовых доходов. Попробуем их рассчитать. Опираясь на данные экономиста Е. Старикова о количестве людей, «занятых в теневой экономике» – примерно 30 млн чел.², путем нехитрых расчетов мы получаем среднюю сумму нетрудового заработка, которая равняется 2–2,6 тыс. р. в год, или от 167 до 217 р. в месяц (расчеты автора. – М. К.). Но, безусловно, эти расчеты являются усредненными и более чем приблизительными, не отражающими реальной социально-экономической дифференциации населения, занятого в данной сфере.

В работе Н. М. Римашевской приведены результаты локального обследования, по данным которого объемы индивидуальных нетрудовых доходов составляют примерно 10% общего объема заработной платы граждан, т. е. от 10 до 20 р. в месяц (расчеты автора. – М. К.). В то же время Н. М. Римашевская оговаривает, что, по свидетельствам экспертов, это лишь нижняя граница суммы неконтролируемых доходов³, и индивидуальные объемы нетрудовых заработков граждан сложно подсчитать. Можно согласиться с Т. Ю. Богомоловой, В. С. Тапилиной и А. Р. Михеевой, которые отмечают, что на объем дохода значительно влияет место, занимаемое индивидом в структуре «властных» групп, а также такие аспекты, как членство в КПСС, близость к сфере распределения товаров и услуг, личные связи и т. д.⁴ Одной из таких социальных групп, которая более, чем остальные катего-

¹ *Социальная сфера : политическое и духовное развитие общества...* С. 181.

² *Стариков Е.* Угрожает ли нам появление «среднего класса»? // *Знамя.* 1990. № 10. С. 192.

³ *Римашевская Н. М.* Справедливость или равенство? // *В человеческом измерении.* М., 1989. С. 106.

⁴ *Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С., Михеева А. Р.* Социальная структура : неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск, 1992.

рии населения, «обвинялась» авторами в присвоении доходов нечестным путем, является бюрократия.

В четвертом издании «Советского энциклопедического словаря» под редакцией А. М. Прохорова дается следующее определение бюрократии: «Буквально – господство канцелярии, специфическая форма социальных организаций в обществе, в которых центры исполнительной власти практически независимы от большинства их членов. В обществе, построенном на социальном неравенстве, власть сосредоточена в руках бюрократов – узкой привилегированной чиновничье-административной касты»¹.

В определении также отмечено, что главное орудие борьбы с бюрократизмом – «всестороннее развитие социалистической демократии и гласности, все большее привлечение трудящихся к управлению на всех уровнях, развитие критики и самокритики». Такая антибюрократическая позиция отражена в большинстве публикаций второй половины 1980-х гг.

Социолог И. В. Бестужев-Лада во введении к сборнику «Самый худший внутренний враг» пишет, что цели и интересы бюрократии как «узкого нетрудящегося слоя должностных лиц с антиобщественными интересами» не совпадают с интересами трудящихся масс². Такая характеристика бюрократии как «нетрудящегося слоя» изначально сводила все доходы этой категории населения к статусу условно трудовых. Как отмечает В. С. Лельчук, «бюрократ получает свою долю общественного богатства не за труд, а за место в системе производства и, следовательно, в социальной структуре, за должность, т. е. за свою принадлежность к управляющей системе»³. Эта своего рода «доля» состояла из многочисленных привилегий и ведения специфического образа жизни (источником которого являются доходы от экономических преступлений), протекционизма и коррупции, которые и создавали доходы, естественно, не считавшиеся трудовыми.

¹ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1989. С. 187.

² Самый худший внутренний враг. М., 1987. С. 6.

³ Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 450.

Отметим, что вопросы коррупции в советской общественной науке до второй половины 1980-х гг. не только не обсуждались, но даже не ставились. Анализ словарей, изданных до 1986 г., показывает, что в них либо отсутствует само понятие «коррупция», либо дается общая дефиниция, сопровождаемая обязательным упоминанием о том, что данное явление типично лишь для капиталистического общества. В «Советском энциклопедическом словаре», переизданном в 1985 г., можно прочитать: «... коррупция – преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения. Коррупция характерна для буржуазного государства и общества»¹. Первое признание массовых проявлений коррупции в советском обществе имело место лишь с 1986 г.² в результате начавшегося широкого освещения негативных явлений прошлого и современности в СССР. В частности, социально-экономические аспекты проблемы коррупции и бюрократического произвола рассмотрены в работах обществоведов А. П. Бунича, И. А. Гольденберга, В. Л. Макаренко, К. И. Микульского, А. В. Оболонского, В. З. Роговина, С. С. Шаталина, В. И. Шубкина³.

Наибольший интерес представляет проблема объемов теневых доходов бюрократии в советском обществе. Исследователи, убеждая читателя, что эти суммы огромны, с большей или меньшей степенью конкретизации подходят к данному вопросу. Так, авторы упоминаемой выше работы «Историки спорят. Тринадцать бесед» ограничиваются расплывчатой фразой, что «не-

¹ Советский энциклопедический словарь... С. 134.

² Но справедливости ради необходимо отметить, что некоторые проблемы коррупции, в частности такое ее проявление, как протекционизм (назначение работников на ответственные посты по мотивам личной преданности и приятельских отношений) освещались в литературе и в 1970-е – первой пол. 1980-х гг. (См.: *Киселев В. П.* О проявлениях протекционизма и борьба с ним. М., 1982; *Менадзе А.* Протекционизм и борьба с ним. Тбилиси, 1977; и др.).

³ *Бунич А.* Теневые опухоли легальной экономики // *Теневая экономика* : сб. ст. М., 1991; *Гольденберг И. А.* Классовая сущность «симбиоза» (теневая экономика в административно-командной системе) // Социс. 1991. № 1; *Макаренко В. Л.* Бюрократия и сталинизм. Ростов н/Д, 1989; *Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С.* Социальная политика КПСС. М., 1987; *Оболонский А. В.* Бюрократическая деформация сознания и борьба с бюрократизмом // Советское государство и право. 1987. № 1; *Шубкин В.* Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988.

трудовой доход бюрократии, будучи качественно иным по происхождению и структуре, чем доходы трудящихся, значительно выше, чем доля бюрократов в обществе»¹. В коллективной монографии «Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества», оценивая объемы доходов бюрократов, авторы отмечают: «Советская плутократия борется за накопление огромных состояний и ведение специфического образа жизни. В этой среде счет идет не на сотни и тысячи, а на сотни тысяч и миллионы рублей, выплачиваемых за вывод из-под уголовной ответственности наиболее крупных взяточников и расхитителей, за определение на руководящие должности, награждение орденами, присвоение высоких званий»². На фоне ряда громких разоблачений коррупции в верхах власти (Воронков, Щелоков, Медунов) стереотип восприятия чиновника как взяточника и казнокрада только укрепился, а вместе с ним в литературе и массовом сознании населения укрепилось представление о «фантастических доходах» чиновников, наличие которых, по мнению авторов, не нуждалось в подтверждении. В то же время проблема фактических доходов номенклатуры и чиновников не получила должного научного анализа в обществоведческих работах советского периода.

Вообще, рассмотрение доходов советских управленцев априори в русле нетрудовых обращает на себя внимание. Такой подход к изучению советской элиты, вероятно, можно объяснить «перестроечным» нигилизмом и желанием низвергать авторитеты. В то же время данный ракурс рассмотрения проблемы в значительной степени способствовал мифологизации социальной истории СССР, формируя представление о бытующем в стране вселили чиновничества и безграничном взяточничестве, факт наличия которого преподносился как аксиома.

Проведенный историографический анализ отечественных изысканий в данной области позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то что «перестройка» с ее волной разнонаправленной и повсеместной критики осталась в прошлом, исследова-

¹ *Историки спорят...* С. 450.

² *Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества...* С. 177.

тельский «отказ» властимущим в возможности трудового заработка сохранился и в современных разработках по советской истории. Во-первых, это позволяет говорить о сформировавшейся в отечественной историографии традиции (следуя которой доходы советской элиты рассматриваются в данном разделе монографии). Во-вторых, исходя из убеждения, что авторский ракурс в рассмотрении и интерпретации событий так или иначе взаимосвязан с общественным мнением, можно предположить, что фиксируемый историографический тренд маркирует отношение населения к власти в целом, определяемое через понятия казнокрадства и стяжательства, что, в свою очередь, дает пищу для размышлений об устойчивых вневременных представлениях и ментальных конструктах жителей нашей страны.

Переходя к историографическому анализу проблематики уровня жизни и доходов элиты в РСФСР, можно отметить, что сегодня авторы, обращаясь к данной теме, пытаются в целом осмыслить феномен советской номенклатуры, обозначая отличительные черты данной группы и выявляя эволюцию ее социального статуса.

По мнению А. Крэстевы, социальной спецификой номенклатуры (советской коммунистической элиты) является ее нерасчлененность, необособленность на отдельные функциональные группы. Не случайно данный термин всегда фигурирует в единственном числе. Поэтому применительно к советской стране, по мнению автора, о профессиональной элите, отличной от партийной, говорить не приходится¹.

А. Л. Твердохлеб и В. М. Шевырин отмечают, что формирование номенклатуры как господствующего класса (в том числе в экономическом плане) прошло определенную эволюцию. Смерть Сталина и последовавший за ней отказ от культа личности, введение коллективного руководства и ограничение полномочий органов террора изменили положение верхних слоев советского общества. Именно при Хрущеве они превратились в то, во что страстно желали, но не могли превратиться при Ста-

¹ Крэстева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социол. исследования. 1996. № 4. С. 21.

лине – в новый господствующий класс, стоящий у рычагов государственного устройства и материального благополучия. Впоследствии, при Брежневле, складываются уже относительно автономные бюрократические структуры на ведомственном уровне. Образуются связанные паутиной клановых, родственных, деловых связей субструктуры на городском, республиканском и другом уровнях. При этом, по мнению авторов, на протяжении второй половины XX в. наблюдалось все большее расхождение интересов бюрократии и общества. Именно в «брежневский» период происходит вырождение бюрократической системы в коррумпированную, где доминируют «частный интерес и привилегии»¹. О привилегиях, которые включают доступ к определенным товарам и услугам, надежность карьеры, «спокойную жизнь», удовлетворение от командования другими людьми пишут сегодня А. М. Буровский, М. С. Восленский, А. М. Тимофеев², касаясь в том числе и проблем материального благосостояния высшего класса советского общества.

В оценке уровня благосостояния номенклатуры (преимущественно периода «перестройки») и сегодня значительная часть авторов придерживается точки зрения о баснословных доходах членов советского партийно-государственного аппарата. Так, А. Л. Твердохлеб и В. М. Шевырин пишут следующее: «... их нельзя было измерить ни в рублях, ни в предметах потребления»³. По мнению Ю. Ш. Фигатнера, некоторых советских чиновников можно было возвести в ранг миллионеров⁴. Т. Ю. Богомолова, А. Р. Михеева, В. С. Тапилина приводят более конкретные данные относительно объемов доходов номенклатуры. Ссылаясь на расчеты зарубежных экономистов (в частности, Д. Лана), авторы пишут, что «зарботки советских партийных и государственных

¹ Твердохлеб А. Л., Шевырин В. М. Государственные служащие в России. 1722–1995: Динамика социального статуса (исторический очерк) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М., 1995. С. 17.

² Буровский А. М. Россия, которой не стало. М., 2005; Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Тимофеев А. М. Указ. соч. С. 57–69.

³ Твердохлеб А. Л., Шевырин В. М. Государственные служащие в России. 1722–1995: Динамика социального статуса (исторический очерк) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М., 1995. С. 16.

⁴ Фигатнер Ю. Ш. Номенклатура властно-собственнических отношений СССР: к анализу механизмов стратификации советского общества. М., 1992. С. 7.

чиновников в среднем в пять раз выше среднемесячной оплаты рабочих и служащих, а с учетом неденежных льгот этот разрыв увеличивается до восьми раз»¹.

Рассчитаем доходы чиновников исходя из того, что среднемесячная заработная плата рабочих в стране в 1980-е гг. составляла 170–200 р. При восьмикратном ее увеличении мы получаем доход, равный 1 360–1 600 р. Безусловно, это значительная сумма, но речь не идет о «миллионах». В масштабах года такие доходы не превышают 20 тыс. р.

Однако нужно учитывать тот факт, что объемы доходов чиновников значительно различались в зависимости от занимаемой должности в партийно-государственной иерархии. А. Л. Твердохлеб и В. М. Шевырин отмечают, что в Советском Союзе насчитывалось 18 млн функционеров, и вполне очевидно, что каждый из них не мог зарабатывать в 10 раз больше, чем простой рабочий. Говоря о максимальных доходах, мы имеем в виду верхушку партийной элиты, насчитывающей 300–400 тыс. чел., денежные и другие поступления которой, по мнению авторов, превышали доход среднего рабочего в десять и более раз².

В то же время в современной отечественной историографии получила развитие другая точка зрения, сторонники которой считают, что суждения о доходах чиновников и номенклатуры значительно преувеличены. Так, доктор философских наук и известный публицист С. Г. Кара-Мурза в своей статье, опубликованной в газете «Правда», по этому поводу замечает: «В перестроечный период были „раздуты“ привилегии партийно-хозяйственной номенклатуры (на деле весьма умеренные для правящего слоя), что неминуемо нашло отклик в связи с воспитанным социализмом глубоким чувством справедливости. В десятки раз большие привилегии нынешней власти и во сто раз большие „куски“ народного добра, отрываемые компрадорской буржуазией и мафией, не воспринимаются столь болезненно, ибо от капитализма ничего „иного ждать не приходится“»³.

¹ Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С., Михеева А. Р. Социальная структура : неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск, 1992. С. 179.

² Твердохлеб А. Л., Шевырин В. М. Указ. соч. С. 17.

³ Кара-Мурза С. Г. Рана сердца, а не разума // Правда. 1995. 5 апр.

В другой своей работе С. Г. Кара-Мурза вновь обращается к теме доходов советской номенклатуры, отмечая укоренившееся в массовом сознании существенное искажение в понимании проблемы: «Хрущев поохотился разок в Крыму, и это вошло в историю как преступление века. Когда Молотов умер в 1986 г., всё его состояние равнялось 500 р. – на похороны (да еще перед этим он отправил 100 р. в фонд Чернобыля»¹. С точки зрения автора, «сама принадлежность к номенклатуре благ не давала. Были слегка коррумпированные группы, и новым членам номенклатуры туманно намекали, что ты в такую коррумпированную группу можешь вступить – со всеми вытекающими последствиями. Нужно было перейти Рубикон. Но перед таким выбором стоит вообще любой человек на любом социальном уровне, в этом смысле советская номенклатурная система не отличалась от любой прочей»². По мнению С. Г. Кара-Мурзы, примерно половина советских номенклатурных работников не приняла соблазна коррупции, поэтому некорректно говорить о взяточничестве и казнокрадстве, а соответственно, и сверхдоходах применительно ко всем. В то же время автор никак не аргументирует данный тезис, а опирается лишь на личные впечатления, скорее даже – интуитивные предположения, что позволяет характеризовать его работу в русле упоминаемого выше концепта мифотворчества, точнее – его просоветского варианта.

В приведенных выше публикациях вопросы теневых доходов советской элиты рассматриваются достаточно обобщенно, без конкретных территориальных и хронологических привязок (либо в качестве аргумента исследователи ссылаются на материалы «перестроечного» периода), оставляя за рамками исследовательского фокуса проблему объемов теневых прибылей советской элиты в более ранние годы – 1946 г. – начало 1980-х гг.

На сегодняшний день отмечено появление немногочисленных конкретно-исторических разработок, в которых затронуты данные вопросы (хотя детальные исследования, сконцентрированные на изучении нетрудовых доходов советских руководи-

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация... С. 466.

² Там же.

телей и номенклатуры, до сих пор отсутствуют в отечественной историографии).

В плане исторического изучения масштабов коррупции в среде руководящих работников и партийной элиты более широкое освещение получил послевоенный период. Можно отметить статьи И. В. Говорова и Е. А. Ключева, в которых авторы на основании значительного объема источников убедительно доказывают, что укоренившееся в общественном сознании мифологизированное представление о «сталинском» периоде как о времени полной победы над коррупцией не находит документального подтверждения¹. Исследователи более детально характеризуют количественное распространение данного вида правонарушений, социальной принадлежности взяточполучателей и взяткодателей. Проблема объема теневых доходов советских руководителей остается вне исследовательского фокуса данных разработок, хотя приводимые авторами факты позволяют пролить свет на некоторые аспекты изучаемой темы. В частности, И. В. Говоров, ссылаясь на данные административного отдела ЦК, пишет о моральном разложении руководящих работников городских и районных организаций, проявившемся в «спаивании приближенных к себе угодных людей, разбазаривании и расхищения государственных средств, ценностей и продовольственных фондов на банкеты, кутежи и подарки. Так, по 15 районам Ленинграда было расхищено более 24 млн р. государственных средств, в том числе около 4 млн р. только на банкеты и попойки, растащено большое количество трофейного имущества и хранившихся в ломбарде золотых вещей, которые были розданы отдельным лицам в виде подарков. Разбазарено более 3,5 тыс. т хлеба и других продуктов и свыше 50 тыс. л водки»². Приведенные в цитате факты, являясь иллюстрацией образа жизни советских руководящих работников послевоенных лет,

¹ Говоров И. В. «Товарищ взятка»: взяточничество в жизни послевоенного Ленинграда (1946–1953 гг.) // Новейшая история России. Время, события, люди. СПб., 2010 ; Ключев Е. А. «Самоснабжение» как форма существования сталинской номенклатуры во второй пол. 1940-х гг. (по материалам Ленинграда и области) // Университетский историк : альманах. 2010. Вып. 6.

² Говоров И. В. Указ. соч. С. 353.

позволяют косвенно обрисовать масштабы их коррупционной деятельности.

В современной отечественной историографии официальные и теневые доходы советских руководящих работников в последующие 1960–1970-е гг. освещены еще менее подробно. Поэтому с целью оценки информационного потенциала источников по доходам советской элиты в рамках данного историографического исследования был предпринят локальный анализ региональной источниковой базы на примере материалов Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Хранящиеся в архиве отчеты региональных статистических управлений (являясь типичным источником, представленным в государственных архивах региона) позволяют сделать некоторые шаги в разработке данной темы.

Обратимся в первую очередь к проблематике официальных доходов руководящих работников региона в 1960-е гг. (являющейся на сегодняшний день не более изученной, чем вопросы теневых прибылей).

Статуправлением Свердловской области в 1960-е гг. были проведены статистические исследования заработной платы сотрудников аппарата управления различных отраслей народного хозяйства области. Проведенное сравнение размеров заработной платы позволяет утверждать, что доходы сотрудников аппарата управления различных отраслей экономики региона отличались: наиболее высокие заработки (из приведенных отраслей) были в 1967 г. в угольной промышленности (172,6 р.), черной металлургии (155,6 р.), а самые низкие – в сфере культуры (98,8 р.), что в целом свидетельствует о приоритетах финансовых вливаний государства.

Сопоставление размеров заработной платы сотрудников отрасли в целом и зарплаты управленцев позволяет утверждать, что доходы руководителей были больше на 10–30%, и темпы их роста были выше. Так, доходы сотрудников областного аппарата управления торговли увеличились за 1966–1967 гг. на 5,1%, культуры – на 3,2, здравоохранения – на 8%, а средняя зарплата всех работников этих отраслей выросла только на 4,2; 1,2 и 1,2%

соответственно¹. Эти цифры, на наш взгляд, свидетельствуют о преувеличении тезиса об «уравниловке в СССР», по крайней мере – применительно к данному хронологическому отрезку.

Содержащаяся в материалах ГАСО информация о теневых доходах сотрудников аппарата управления более скудна. Некоторые данные о взятках руководителей предприятий региона содержатся в делопроизводственных материалах – отчетах и докладных записках сотрудников облисполкома. В частности, в отчете начальника управления охраны общественного порядка Свердловского облисполкома Шишкарева отмечены случаи дачи взятки в 1963 г. начальнику Ирбитского мотоциклетного завода в сумме 7 и 5 тыс. р.² Но описываемые случаи взяток чрезвычайно редки. Хотя в действовавшие в Свердловске комитеты народного контроля регулярно поступали анонимные письма от населения с информацией о злоупотреблении служебным положением лиц, находящихся на руководящих должностях, но, как отмечено в одном из отчетов комиссии, «многие факты не подтвердились»³. Можно предположить, что материалы архивов МВД СССР – РСФСР, фиксирующие данные по доказанным эпизодам взяточничества, позволят более четко обрисовать реальные масштабы коррупции в стране в 1946–1991 гг.

Некоторые данные относительно материального положения советской элиты – сотрудников партаппарата и хозяйственных руководителей – содержатся в опубликованных сегодня воспоминаниях советских чиновников. В качестве примера можно привести мемуары секретаря Свердловского обкома КПСС В. М. Манюхина⁴. Рассуждая об уровне жизни и доходах советских управленцев, он отмечает, что оплата труда партаппаратчика была в несколько раз ниже, чем у хозяйственного руководителя. В частности, пишет В. М. Манюхин, получая в 1971 г. на должности секретаря партийного комитета завода 550 р., став в 1972 г. первым секретарем Чкаловского райкома КПСС Свердловска, он

¹ ГАСО Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 203. Л. 14; Оп. 10. Д. 774. Л. 2, 6, 8, 10, 12, 16, 26, 28, 32, 50, 52, 54; Д. 881. Л. 3, 4, 8, 10, 12, 14, 38, 52, 56, 58; Д. 882. Л. 8, 16, 22, 43, 53, 57, 65.

² Там же. Ф. Р-2097. Оп. 1. Д. 34. Л. 71.

³ Там же. Р-2097. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.

⁴ Манюхин В. М. Прыжок назад. Екатеринбург, 2002.

стал получать больше «сначала на 164 р., а через полгода – на 250 р., и всё. Те льготы и привилегии, которые были в общественном мнении раздуты и ставились в криминал партаппаратчику, не касались парторганизаций на местах»¹. В то же время В. М. Манюхин отмечает, что в ЦК, возможно, было иначе: «... до этого (до 1970-х гг. – М. К.) была система премий в виде „конвертов“, но мы уже этого не застали. Да и сумма эта, видимо, была невелика, поскольку среди прошлых руководителей-коммунистов не было видно богатеньких»².

Комментировать приводимые В. М. Манюхиным данные достаточно сложно (как, впрочем, и любую информацию, содержащуюся в мемуарах, воспоминаниях и иных источниках личного происхождения). В данном случае было бы неверным, руководствуясь лишь требованиями «исторической справедливости», уличать автора в намеренном замалчивании объема привилегий советской элиты (реализуемых в более качественном медицинском обслуживании, жилищных условиях, доступе к дефицитным товарам и т. д.). Более конструктивным видится рассмотрение данного произведения с иного ракурса – как образца письменного свидетельства жизнедеятельности определенной категории советского социума. В этой плоскости повествование В. М. Манюхина, не претендуя на статус научного исследования, имеет несомненную ценность с точки зрения презентации, самооценки и самоанализа представителя советской элиты. Логика размышлений и оценочные суждения автора могут служить существенным подспорьем в воссоздании портрета советского чиновника с определенными, соответствующими данной группе представлениями о социальной иерархии, нормах, правилах, богатстве и бедности. Смещение акцентов исследований от поиска так называемой событийной исторической правды к попытке ретроспективного изучения сознания, деятельностных стратегий и контура социальных предпочтений определенных категорий социума является актуальным трендом современных гумани-

¹ Манюхин В. М. «Крестный отец». Кадровая политика первого секретаря Свердловского Обкома КПСС Б. Н. Ельцина в 80-е гг. // ЧиновникЪ : [интернет-журнал]. 2002. № 5(21). URL : <http://chinovnik.uapa.ru/modern/author.php?id=235>.

² Там же.

тарных исследований, разрабатываемых, как правило, в русле феноменологической методологии. Данный исследовательский ракурс, несомненно, обогащая отечественный гуманитарный дискурс, позволяет выявить новые грани и нюансы палитры советской повседневности.

Возвращаясь к историографическому исследованию проблематики нетрудовых доходов городского населения РСФСР периода 1946–1991 гг., логично предположить, что ограничение разработки данной темы лишь теневыми доходами советской элиты будет не вполне справедливым. Безусловно, к растратам и хищениям, а также спекуляции и взяткам имели отношение значительно более широкие слои населения.

В советской историографии конца 1980-х гг. на волне кампании по борьбе с нетрудовыми доходами исследователи рассматривали некоторые аспекты этой проблемы. Авторы акцентировали внимание преимущественно на причинах распространения данного явления в советском социуме и способах борьбы с ним, опираясь в качестве источников на официальные цифры и материалы локальных социологических обследований, проведенных во второй половине 1980-х гг.

Применительно к реалиям второй половины 1940-х – середины 1980-х гг. советскими историками данная тема не освещалась; внимание исследователей она привлекла лишь в современных отечественных разработках.

Сегодня проблема нетрудовых доходов населения РСФСР и отдельных регионов в 1946–1991 гг. в подавляющем большинстве работ освещена в русле борьбы правоохранительных органов с преступностью. В данном ракурсе наиболее детально рассмотрен послевоенный период¹.

¹ Беркутов А. С. Борьба с уголовной преступностью в Молотовской обл. в послевоенные годы (1945–1953 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004 ; Бескорвайный А. П. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в послевоенном СССР : 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008 ; Васильев А. М. Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период. 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 ; Говоров И. В. Государство и преступность в сталинской России 1945–1953 гг. (на материалах послевоенного Ленинграда). СПб., 2008 ; Жудик А. Ю. Органы внутренних дел СССР в борьбе с преступностью (1945–1953) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 ; Зимин Д. В. Борьба с преступностью и охрана общественного порядка как основные направления деятельности милиции Пензенской обл. в послевоенные годы : 1945–1953 : автореф. дис. ... канд.

Независимо от территориальных рамок исследований авторы сходятся во мнениях, что в первые послевоенные годы в силу объективных сложностей экономического восстановления страны, а также высокого уровня маргинализации общества такие правонарушения, как воровство, растраты, хищения и спекуляция были достаточно частыми явлениями советской реальности. В большинстве означенных разработок авторы ограничиваются количественными данными (основанными на материалах ведомственной статистики МВД) о численности данных правонарушений, лишь вскользь касаясь проблематики объемов нетрудовых доходов населения.

Проблема теневых доходов населения рассмотрена в многочисленных исследованиях, посвященных функционированию «черного рынка» в послевоенные годы. Так, И. В. Говоров и Е. А. Клюев, обращаясь к изучению данной темы на материалах Ленинграда и Ленинградской области, приходят к выводу, что нелегальная торговля и спекуляция в послевоенные годы были широко распространенными формами извлечения прибыли¹. В качестве аргумента, свидетельствующего о вовлеченности в спекулятивную деятельность достаточно широких слоев городского населения, И. В. Говоров приводит следующее: «На панелях возле булочных скапливаются граждане, продающие с рук хлеб, конфеты, а также другие предметы. Работники магазинов, пытавшиеся навести порядок, подвергались оскорблениям и избиениям, а то и попадали в больницу с ножевыми ранениями»². Помимо продовольственных товаров, самым популярным предметом спекуляции в 1946–1947 гг. являлись продуктовые карточки. Также о масштабах распространения нелегальной торговли и, косвенно, о ее доходности красноречиво свидетельствуют циф-

ист. наук. Пенза, 2004 ; *Садовский С. О.* Деятельность территориальных управлений МГБ СССР в условиях общественно-политической жизни в 1945–1953 гг. (по материалам Костромской и Ярославской обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004 ; *Федин С. А.* Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг. : на материалах Нижнего Поволжья ; автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007 ; и др.

¹ *Говоров И. В.* Государство и преступность... ; *Клюев Е. А.* «Частники». Частное предпринимательство в условиях тотального дефицита // Уч. зап. С.-Петерб. им. В.Б.Бобкова филиала Рос. тамож. акад. 2010. № 1. С. 173–178 ; *Он же.* «Черный рынок» в послевоенном Ленинграде : 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

² *Говоров И. В.* Указ. соч. С. 134.

ры, приводимые И. В. Говоровым: «Только в январе – марте 1947 г. за спекуляцию в СССР было привлечено к уголовной ответственности 17 784 чел., были вскрыты 2 932 организованные спекулятивные группы. У привлеченных к уголовной ответственности спекулянтов при обыске было изъято 19 441 642 р. наличными, 23 743 р. золотыми монетами царской чеканки, 4 094 г золота в слитках, 325 т продуктов, промышленных товаров на сумму 15 334 014 р.»¹. И. В. Говоров и Е. А. Ключев, не раскрывая в деталях проблематику нетрудовых доходов населения, косвенно обозначили масштабы распространения данной деятельности.

На сегодняшний день наиболее подробно вопросы объемов и источников теневых доходов населения РСФСР проанализированы в монографии В. А. Осипова «Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири)» (Кемерово, 2003). Опираясь на широкий круг источников, В. А. Осипов убедительно доказывает, что гипотеза, сформулированная советологами (а позднее повторенная отечественными либералами) относительно социалистической экономики как экономики тотального контроля, абсолютной централизации, обобществления и планирования, нуждается в пересмотре. Автор отмечает, что теневая, нелегальная экономическая деятельность населения окутывала и масштабно превосходила ее легальные формы. Она могла быть индивидуальной и групповой, скрываться под формой социалистического предприятия и осуществляться самостоятельно. Она включала в себя такое легальное с точки зрения закона явление, как деятельность некооперированных кустарей и ремесленников. «Теневых» проявлений было значительно больше: занятие запрещенным промыслом; спекуляция; различные формы «лжекооператорства», а позднее и организация настоящих нелегальных частных предприятий². С учетом архивных материалов автор достаточно подробно описал «теневые» схемы и махинации граждан, направленные на извлечение прибыли, а также рассмотрел проблему

¹ Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской обл.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 18.

² Осипов В. А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири). Кемерово, 2003. С. 45.

определения объема доходов от данных видов деятельности, используя в качестве источников отчеты органов милиции и протоколы обысков, проводимых у «теневиков», а также исчисляя объемы прибыли как разницу между государственными и спекулятивными ценами на приобретенные горожанами товары. Потенциальные возможности доходов, приносимых частной хозяйственной деятельностью (в ее легальной и нелегальной форме), достаточно ярко иллюстрирует проведенное В. А. Осиповым сравнение доходов легальных кустарей-ремесленников Кемеровской области (сапожников, часовщиков, слесарей и т. д.) с доходами рабочих в 1950-е гг. По приведенным им данным в начале 1950-х гг. среднемесячный доход составлял: сапожников – 23 тыс.; портных – 8; слесарей – 2 тыс. р.¹; рабочие же Кемеровской области в 1956 г. зарабатывали в месяц: шахтеры – 1 594 р., металлурги Кузбасса – 1 421 р., машиностроители – 979 р., химики – 969 р.² Данный пример формирует более объективное представление о доходах «частников», позволяя предположить, что нелегальные и, соответственно, не облагаемые налогами заработки граждан от частной хозяйственной деятельности были гораздо выше.

Проблемы нетрудовых доходов населения РСФСР в «хрущевский» и «брежневский» периоды освещены в значительно меньшем количестве публикаций.

В русле борьбы правоохранительных органов с преступностью вопросов распространения хищений и спекуляции в советском социуме второй половины 1950–1960-х гг. касается С. В. Богданов³. Н. Лебина, косвенно затрагивая данную тему, отмечает, что начавшаяся в «хрущевский» период борьба с тунеядцами, валютчиками и фарцовщиками была проявлением своеобразного процесса конструирования аномалий и создания

¹ Размеры дохода исчислены относительно размеров уплаченных кустарями налогов, объем которых, по признанию финорганов, был занижен (см.: *Осипов В. А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири)*. Кемерово, 2003).

² *Осипов В. А. Частная хозяйственная деятельность...* С. 50.

³ *Богданов С. В. Попытки Н. С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР // Вестн. архивиста. 2012. № 3. С. 206–217.*

антигероев, которые были «необходимым элементом, характерным для советского властного дискурса»¹.

Рассматривая проблемы количественной динамики означенных социальных аномалий в советском социуме 1960–1970-х гг., А. Г. Стацура и И. В. Щербакова приходят к выводу об активации данных явлений в период «брежневского» правления². Аналогичного мнения относительно возрастания данных правонарушений в РСФСР на протяжении 1960–1970-х гг. придерживается А. М. Доценко, называя в качестве причин произошедшего «застой в экономическом развитии, подрыв веры в идеалы коммунизма, социальный пессимизм и апатию»³.

В русле разрабатываемой темы определенный интерес представляет статья Б. Н. Казанцева «„Частник“ в сфере бытового обслуживания», посвященная анализу форм и масштабов деятельности советских предпринимателей (как производителей различного рода товаров и услуг, так и перекупщиков) в 1950–1960-е гг. Источниковую основу исследования составили результаты бюджетных обследований семей рабочих, служащих и колхозников, проводимые ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР в 1950–1970-е гг. Большая часть работы Б. Н. Казанцева посвящена рассмотрению проблематики расходов семей советских тружеников на покупки продуктов, товаров и услуг у частных лиц. Вопросам «прибыльности» частной деятельности населения уделено значительно меньше внимания. Из всех возможных видов теневых заработков несколько подробнее автор анализирует объемы доходов спекулянтов. Б. Н. Казанцевым приведены суммарные цифры, отражающие совокупные годовые доходы советских граждан от спекулятивной торговли (исчисленные ЦСУ как разница между стоимостью товаров по спекулятивным и государственным рознич-

¹ *Лебина Н.* Антимирры : принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е гг. // Советская социальная политика : сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М., 2008. С. 264.

² *Стацура А. Г.* Борьба правоохранительных органов СССР с уголовной преступностью (1967–1977 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 ; *Щербакова И. В.* Советская предыстория челночества : от мешочников до кооператоров // Социс. 2008. № 4. С. 44–52.

³ *Доценко А. М.* Повседневная жизнь советского города нач. 1950-х – первой пол. 1980-х гг. (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.

ным ценам). В соответствии с полученными данными в 1954 г. прибыль спекулянтов-перекупщиков в масштабах СССР составила 4 млрд р.; в 1958 г. — 400 млн р.; в 1960 г. — 330; в 1965 г. — 140 млн р.¹; в 1970 г. — 220 млн р.; в 1975 г. — 260 млн р.² Комментируя данные цифры, Б. Н. Казанцев оговаривается, что, по всей видимости, реальные доходы «частников» были значительно более весомыми, так как «ЦСУ учитывало далеко не все перепродажи и сделки представителей теневой экономики»³.

Некоторые аспекты проблематики нетрудовых доходов населения рассмотрены в работе Е. А. Андрюхина в ракурсе развития предпринимательской деятельности советских граждан в 1950–1980-е гг.⁴ По расчетам автора, в данный период неофициальное предпринимательство составляло в народном хозяйстве СССР существенную долю, а в общих доходах населения составляло не менее 10%. Среди нелегальных форм заработка Е. А. Андрюхин наиболее подробно останавливается на характеристике кустарно-ремесленной деятельности и «фарцовки», акцентируя внимание не столько на количественной стороне и масштабах распространения данных явлений, сколько на описании жизни и деятельности подпольных советских предпринимателей (А. Климена, Ф. И. Кузнецова, В. Мельникова и т. д.). Е. А. Андрюхин приводит данные о размерах состояния Ф. И. Кузнецова (предпринимателя из города Рыльска, занимавшегося подпольным изготовлением и продажей валенок), в качестве источника приводя результаты обыска, произведенного в доме Ф. И. Кузнецова в начале 1960-х гг. «В ходе обыска было обнаружено и изъято 442 пары готовых валенок, 99,5 пары заготовок,

¹ Произошедшее в середине 1960-х гг. снижение доходов перекупщиков автор объясняет «насыщением прилавков государственной и кооперативной торговли различными товарами и изделиями» (см.: *Казанцев Б. Н. Частник в сфере бытового обслуживания // Социальные исследования. 1993. № 11. С. 56*).

² *Казанцев Б. Н. Частник в сфере бытового обслуживания. С. 55–56.*

³ Там же.

⁴ *Андрюхин Е. А. Предпринимательская деятельность населения СССР в 50–80-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011 ; Он же. Неофициальное предпринимательство в СССР в 50–80-х гг. XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2010. № 4/2. С. 9–12 ; Он же. Предпринимательская деятельность советских граждан в 60–80-х гг. XX в. // Там же. 2010. №4/1. С. 19–23 ; Он же. Зарождение и развитие предпринимательства в СССР в 50–80-х гг. XX в. // Там же. 2011. № 4/2. С. 9–12.*

более 1 000 различных образцов ценных вещей, 23 сберкнижки на имя Ф. И. Кузнецова, его жены, сына и дочери. В сберкассах Крупецкого, Кореневского, Львовского районов и г. Курска хранилось 428 225 р. и на 30 200 р. облигаций трехпроцентного займа. Кроме того, были изъяты 7 105 р. наличных денег, обнаружены закопанными в земле 8 кг 300 г золотой валюты дореволюционной чеканки, трое золотых часов и браслеты. Семья Кузнецова имела также домовладение, автомобили „Волга“ и „Москвич“, два мотоцикла „ИЖ-49“. Всего у предпринимателя было изъято денежных средств и ценностей на сумму 1,7 млн р. (в старых деньгах), без стоимости золотых монет весом 8,3 кг¹.

В аналогичном биографическом ключе рассмотрены вопросы профессиональной деятельности советских «предпринимателей» 1970-х гг. в статье С. Малоземова и Е. Малоземовой (авторы повествуют о Л. Н. Дунаеве – начальнике цеха выделки и крашения овчины и пушнины Саранского горпромкомбината, П. Снопкове – директоре Карагандинского горпромкомбината и др.)².

Безусловно, использованный авторами биографический ракурс рассмотрения темы проливает свет на проблему объемов теневых заработков советских граждан (хотя не вызывает сомнения, что приводимые примеры, касающиеся советских предпринимателей-миллионеров, единичны и характеризуют скорее исключения, нежели массовые явления нетрудовой деятельности граждан, в том числе и относительно объемов получаемой ими прибыли).

Сегодня в отечественных публикациях при характеристике теневой деятельности советских граждан превалирует культурологический ракурс, в соответствии с которым более пристальное внимание исследователи уделяют рассмотрению повседневных жизненных реалий советских цеховиков и фарцовщиков (их специфики «профессиональной» деятельности, сленга, досуга и т. д.)³,

¹ Андрюхин Е. А. Предпринимательская деятельность населения СССР в 50–80-е гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 21.

² Малоземов С., Малоземова Е. Охота на пушного зверя // Новое поколение. 2004. № 25.

³ Романов П., Суворова М. «Чистая фарца» : соц. опыт взаимодействия сов. гос-ва и спекулянтов // Неформальная экономика в постсоветском пространстве : проблемы исследования и регулирования / под ред. И. Олимпиаевой, О. Паченкова. СПб., 2003 ; Романов П.,

реконструированных на основе воспоминаний¹ и свидетельств современников. Но в означенных публикациях фактически не уделяется внимания проблематике реальных доходов данной категории советского социума².

По сравнению с фарцовкой и спекуляцией такие виды теневой деятельности населения, как растраты и хищения, получают значительно меньшее освещение в отечественной историографии. В хронологическом разрезе данные виды правонарушений несколько лучше освещены на материалах «перестроечного» периода (как в обобщающих экономических исследованиях, так и в региональных разработках). Авторы сходятся во мнениях, отмечая значительное увеличение количества растрат и хищений в различных сферах народного хозяйства³. Как считают ис-

Ярская-Смирнова Е. Трузера и крабы для советского потребителя : будни подпольного капитализма фарцовщиков // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма : взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007 ; *Они же.* Фарца : подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5(43).

¹ *Веллер М. И.* Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице. URL : <http://romanbook.ru/book/212462> ; *Нилов А.* Цеховики. Рождение теневой экономики. Записки подпольного миллионера. СПб., 2006 ; *Тихоненко В.* Тарзан в своем отечестве // Пчела. 1997. № 11.

² Фигура фарцовщика, воссозданная в публикациях, не лишена элементов художественного вымысла, способствующих созданию героического образа «бунтаря» и «диссидента от экономики», каким предстает фарцовщик – борец с несправедливой унификацией в одежде и серостью, бытующей в советской стране. Вероятно, конструирование в современных публикациях положительного образа фарцовщика-героя не случайно, так как именно такой персонаж понятен и близок представителям поколения, не заставшего советские реалии, и считающего (в соответствии с современными стандартами общества потребления) главным «злом» советской страны узость ассортимента предлагаемых моделей одежды, порождающих визуальную унификацию и потерю индивидуальности (о восприятии населением политических режимов сквозь призму господствующего в данном режиме способа потребления (см.: *Ушакин С. А.* Количественный стиль : потребление в условиях символического дефицита // Социол. журн. 1999. № 3/4 С. 235–250). В таком ракурсе рассмотрения советской социальной действительности фарцовщик предстает не нарушителем законодательства, преследующим шкурные, корыстные цели легкого заработка, а идейным борцом с мракобесием тоталитарной системы. Очевидно, что данный ракурс, не требуя соблюдения исторической достоверности (и источникового обоснования выдвигаемых гипотез), гарантирует устойчивый читательский интерес, в свою очередь предоставляя неограниченные возможности для произвольного ретроспективного конструирования и мифологизации советского прошлого.

³ *Калашиков В. В.* Исторический опыт борьбы с преступностью в РСФСР (1985–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008 ; *Михеев Д. В.* Борьба российских правоохранительных органов с экономическими преступлениями (1985–1999) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 ; *Моисеева Л. А.* История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985–2000 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004 ; *Никифоров О. А.* Развитие малого предпринимательства в Зап. Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2004 ; *Овчинников И. С.* Исторические предпосылки и развитие системы безопасно-

следователи, не в последнюю очередь рост данных видов правонарушений был связан с ухудшением экономической ситуации в стране и обострением товарного дефицита.

Фактическое отсутствие исследований, посвященных таким источникам теневых доходов населения, как растраты и хищения (применительно к более ранним периодам советской истории, т. е. 1940–1970-м гг.), дает основания для изучения состояния региональной источниковой базы, являющейся потенциальной основой для данных разработок.

Проведенный анализ возможностей региональной источниковой базы (Свердловская область) позволяет утверждать, что на сегодняшний день вполне доступны архивные материалы, позволяющие заполнить пробелы в разработке проблемы растрат и хищений городского населения Свердловской области. В частности, обращение к фондам Р-1128, Р-1813 и Р-2097 ГАСО дает такие возможности применительно к 1950–1970-м гг.

Некоторые данные о задолженности по растратам, хищениям и порче материальных ценностей содержатся в делопроизводственных материалах: докладных записках начальника Свердловского статуправления П. Исаева. В частности, в одной из них, посвященной периоду 1970–1971 гг., он отмечает, что сумма задолженности уменьшилась в 1971 г. в сравнении с 1970 г. на 1,9%¹. Но сопоставление приводимых П. Исаевым данных позволяет сделать вывод, что объемы задолженности в денежном эквиваленте не только не уменьшились, но возросли на 5% (с 2 610 тыс. до 2 734 тыс. р.)². Выявленные факты существенных расхождений приводимых чиновниками цифр и их интерпретации дают все основания предполагать, что представители местной власти в отчетах, направляемых в центр, стремились представить реальную картину событий в более выигрышном для себя свете (если не за счет корректировки и исправления отчетных показателей, то хотя бы путем более выгодной их интерпре-

сти предпринимательства в России, 80–90-е гг. XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002 ; Яременко В. С. Российская организованная преступность : история и современность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 ; и др.

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 272. Л. 7.

² Там же. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 272. Л. 7 ; Оп. 26. Д. 29. Л. 7.

тации). Обнаружение таких «интерпретационных искажений» еще раз убеждает в необходимости детального критического анализа при работе с архивными источниками.

Возвращаясь к проводимому исследованию информационного потенциала региональных источников, можно отметить, что анализ делопроизводственных материалов ГАСО позволяет выявить неравномерность объемов растрат и хищений по отраслям народного хозяйства в Свердловской области. Из отчетов работников Статуправления области за 1950–1970-х гг. следует, что наибольший процент по количеству данных преступлений и объемам хищений имеют торговля и промышленность (ежегодное количество преступных эпизодов в данных отраслях варьирует от нескольких десятков до нескольких тысяч случаев, а общие суммы хищений измеряются десятками и сотнями тысяч рублей в год). С целью большей иллюстративности данных цифры, характеризующие объемы растрат и хищений на предприятиях Свердловской области в 1950–1970 гг., отражены в табл. 5 прил. 1. Также для выяснения объемов теневых доходов была предпринята попытка рассчитать усредненную сумму хищений и растрат, приходящуюся на один случай в различных отраслях народного хозяйства. Естественно, полученный показатель не будет эквивалентен душевому доходу, так как хищения могли совершаться группой лиц. Полученные нами данные свидетельствуют о существенном отличии сумм – от 40 р. на предприятиях связи и 120–400 р. в промышленности до более чем полутора тысяч рублей и торговле (см. табл. 3 прил. 1).

Факты хищений и растрат в торговле отмечены в большинстве делопроизводственных материалов, содержащихся в исследуемых фондах ГАСО; при этом из вышеозначенных документов следует, что растраты и хищения осуществлялись разными способами: завышением списаний товаров на естественную порчу, прибыльной пересортицей, завышением цен (хлебную котлету продают по цене мясной), хищениями и мошенничеством. В зависимости от методов и суммы прибыли существенно отличались – от 204 р. за полгода¹ до 1 500 р. за два

¹ ГАСО. Ф. Р-1128. Оп 1. Д. 107. Л. 68.

месяца¹. Данные, приведенные в архивах, позволяют утверждать, что верхний предел сумм хищений в торговых организациях Свердловской области в 1950–1970-е гг. был гораздо выше. В частности, в справке о недостачах, растратах и хищениях в торгах и трестах столовых Свердловского городского управления торговли за 1962 г. отмечен случай раскрытия в Нижнетагильском горпромторге преступной группы во главе с директором магазина Абабиловой, совершившей хищение в размере 47 тыс. р.² Поэтому рассчитать душевой доход от хищений достаточно сложно.

Не просто вычислить и количество участников хищений, так как далеко не во всех раскрытых случаях было возбуждено уголовное дело или сотрудника увольняли с указанием причины. В справке о текучести кадров в Свердловском горпромторге отмечено, что за растраты и хищения было уволено в 1962 г. всего 8 чел., а общее количество выявленных случаев данных преступлений – 21³. Чаще виновным присуждали выплатить похищенную сумму государству, а в качестве наказания лишали премии⁴, либо просто списывали на издержки в убыток. Так, задолженность по растратам и хищениям в сумме 554 тыс. р. была в 1969 г. списана за счет предприятий и организаций, в том числе 133 тыс. р. отнесены на издержки производства вследствие недоказанности вины материально ответственных лиц, а 361 тыс. р. перечислены на убытки в связи с признанием должников не платежеспособными⁵.

В целом проведенное локальное исследование дает основания утверждать, что на сегодняшний день возможности источниковой базы позволяют заполнить лакуны в разработке данной проблематики на региональном, а в перспективе и на общереспубликанском уровне.

Наконец, выскажем некоторые соображения относительно нетрудовых доходов горожан, явившиеся результатом проведен-

¹ ГАСО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 107. Л. 121.

² ГАСО. Ф. Р-2097. Оп. 1. Д. 34. Л. 58.

³ Там же. Л. 17, 18.

⁴ Там же. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 107. Л. 68.

⁵ Там же. Ф. Р-1813. Оп. 26. Д. 29. Л. 6.

ной работы с историческими источниками. В первую очередь обращают на себя внимание фиксируемое в документах количество означенных правонарушений (хищений, растрат и т. д.), исчисляемое сотнями и тысячами эпизодов в год, а также значительные суммы хищений. Это позволяет, как минимум, говорить о необходимости пересмотра навязываемых мифологем и устоявшихся стереотипов о кристальном правосознании и безупречной законопослушности советских граждан (являющихся результатом продолжительной и эффективной идеологической работы государства по формированию эталона нравственности – «советского человека»). Возможно, это дает основания и более конкретно поставить вопрос: являлись ли вообще так называемые теневые и нетрудовые доходы социальной девиацией, либо их наличие было привычной и обыденной нормой советской повседневности? Вероятно, для более конкретных выводов по данному аспекту проблемы необходимо проведение масштабного исторического исследования, в рамках которого также не безынтересно было бы сопоставить «советские» показатели хищений с аналогичными современными данными.

Наряду с изложенным выше нуждается в пересмотре укorenившееся мнение о репрессивности советского социально-правового регулирования. Архивные данные убедительно свидетельствуют о том, что значительная часть эпизодов растрат и хищений не каралась годами лагерей и даже тюремным заключением. Государство скорее «журило», чем наказывало виновных (предупреждая, лишая премии, реже – увольняя), регулярно списывая недостатки в издержки. Безусловно, наличие показательных процессов над казнокрадами, фарцовщиками и т. д. не позволяет говорить об абсолютном правовом гуманизме в СССР. По всей видимости, рассмотрение в купе этих сюжетов правового регулирования позволит более рельефно и близко к реальности обрисовать взаимообусловленность советского социального пространства и правового контроля.

В качестве историографических итогов можно отметить достаточно низкую степень изученности в отечественной научной литературе проблемы нетрудовых доходов горожан. Обращаясь к данной теме, авторы, как правило, ограничиваются освещени-

ем частных сюжетов по отдельным видам нетрудовой деятельности (фарцовка, спекуляция, кустарные промыслы, хищения), оставляя за скобками изучение общей картины нетрудовой деятельности советского населения, в рамках которого мог быть предпринят анализ доходности различных ее видов. Также обращает на себя внимание тот факт, что разработки, направленные на изучение объемов теневой прибыли советских граждан, в большинстве своем опираются на какой-либо один вид источников: либо на отчеты органов милиции о проведенных обысках, либо на данные, исчисленные ЦСУ (разница между спекулятивными и государственными ценами), либо на воспоминания современников. При этом авторами зачастую не проводится системный критический анализ всего комплекса источников по теме.

Можно заключить, что исследование, позволяющее обозначить реальные масштабы нетрудовых заработков населения в 1946–1991 гг., еще ждет своего автора. И как показывает проведенный анализ доступных архивных источников, возможности для изучения данной темы сегодня существуют.

1.4. ДИСКУССИИ О СОВЕТСКОЙ БЕДНОСТИ И НИЩЕТЕ

Рассуждения о благосостоянии населения не будут полными без освещения проблематики уровня бедности. Характеристика этой самой низкой ступени уровня жизни позволяет детально охарактеризовать время, проживаемое населением, а также дать оценку эффективности социальной политики государства и уровня развития общества в целом.

В отечественной историографии до 1987 г. данная тема находилась под негласным запретом, поскольку само существование бедности в СССР отрицалось, хотя признавалось временное неравенство на пути к полной социальной однородности.

В публикациях советского периода о бедности отечественные авторы писали либо как о проблеме исключительно капиталистических стран, либо как о характеристике материального положения трудящихся в царской России. Применительно к со-

ветской реальности этот термин в литературе не употреблялся, так как в русле советской идеологии «социализм» и «бедность» являлись взаимоисключающими понятиями.

Более того, термин «бедность» отсутствует в справочных изданиях советского периода (БСЭ, СЭС), где можно найти лишь определения: «беднота» – в ежедневной газете ЦК ВКП(б) для крестьян (в Гражданскую войну и красноармейцев)¹ либо «беднота крестьянская»² при отсутствии теоретического определения бедности как таковой.

В изданиях современного историографического этапа авторы достаточно активно обращаются к данной проблеме. Сегодня, по весьма точному замечанию С. С. Ярошенко, «происходит своеобразное соперничество между различными инстанциями за право определения масштабов бедности.

Политики, работники органов социальной защиты, ученые и журналисты представляют различные аналитические конструкции бедности. Их рассуждения определяются как принятыми в нашем государстве идеалами социальной справедливости, практиками измерения бедности и социальной поддержки, так и реальными характеристиками данного социального феномена»³. Авторами предлагаются разнообразные, порой значительно отличающиеся друг от друга, подходы к изучению обозначенной темы.

Бедность можно определять в узком и широком значении. При узком подходе к ее определению рассматриваются только материальные лишения (депривации). Например, в «Современном экономическом словаре» дано определение бедности как «крайней недостаточности имеющихся у человека, семьи, региона, государства имущественных ценностей, товаров, денежных средств для нормальной жизни и жизнедеятельности»⁴. Данный

¹ *Советский энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1989.

² *Большая советская энциклопедия* / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. URL : <http://bse.sci-lib.com/article103346.html>.

³ *Ярошенко С. С. Бедные в социальной стратификации постсоветской России* // Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12. С. 158–174.

⁴ *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь*. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

подход широко используется сегодня в отечественных исследованиях, посвященных проблемам социального неравенства¹.

В более широком смысле бедность определяется авторами как философская и этическая категория, результат взаимодействия экономических, политических и социальных процессов. В качестве примера можно привести ряд определений. В экономических исследованиях Е. И. Бегловой под бедностью понимается «не только низкий уровень доходов и потребления, но и низкий уровень образования, недостаточное питание и плохое здоровье. Бедность как социальное явление включает также бессилие перед обстоятельствами и отсутствие права голоса, ощущение незащитности и страха»². В. Р. Шмидт определяет бедность как «недостаток материальных средств и неспособность успешно участвовать в экономической, социальной и культурной жизни, а также, по ряду характеристик, отчуждение и дистанцирование от основного хода общественной жизни»³. Лауреат Нобелевской премии по экономике и один из крупнейших исследователей проблем социального неравенства А. Сен подчеркивает, что бедность, в первую очередь, — это отсутствие функциональных возможностей — возможности долго жить, хорошо питаться, быть здоровым и грамотным⁴. Социолог С. С. Ярошенко обращает внимание на институциональные составляющие бедности, отмечая, что «бедность — это не только эмпирическая реальность, но и совокупность социальных норм, санкционирующих отношения между имущими и неимущими, органами социальной защиты, частными благотворительными организациями и низшими слоями населения, а также норм, выделяющих минимально допустимый уровень потребления благ и услуг»⁵.

¹ Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегия социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 49–56; Давыдова Н. М., Седова Н. Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Там же. 2004. № 3. С. 40–50; Мамедов О. Ю. После нищеты и бедность кажется богатством! // TERRA ECONOMICUS. 2008. Т. 6, № 2. С. 5–7.

² Беглова Е. И. Реформирование социальных процессов : осн. задачи измерений уровня бедности // Экон. науки. 2011. № 3. С. 23.

³ Шмидт В. Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии. URL : www.msses.ru/win/faculty/socialwork/shmidt-exclusion-2004.doc.

⁴ Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.

⁵ Ярошенко С. С. Теоретические модели бедности // Рубеж (альманах социальных исследований). 1996. № 8–9. С. 123.

Специалисты выделяют также социальную и экономическую, абсолютную и относительную бедность. Социальная бедность отождествляется прежде всего с традиционно малоимущими и слабозащищенными категориями населения (многодетными и неполными семьями с детьми, одинокими пенсионерами, инвалидами), испытывающими, с одной стороны, большую иждивенческую нагрузку, а с другой – особые сложности с трудоустройством. Экономическая бедность – понятие, относящееся к трудоспособным гражданам, не обеспечивающим себе социально приемлемого уровня жизни¹. В свою очередь, абсолютная бедность предполагает недостаток средств для поддержания минимального уровня здоровья и работоспособности, а относительная – невозможность следовать распространенным в конкретной стране стандартам жизни. Существующая поливариативность определения объемов и содержания понятия «бедность» позволяет согласиться с замечанием А. Разумова, по мнению которого «в нашей стране до сих пор отсутствует устоявшееся, общепринятое для всего научного сообщества представление о том, что такое бедность»².

Подробное рассмотрение теоретических подходов к проблеме бедности в данной работе не случайно. Приведенный анализ позволяет говорить о поливариативности в определении сущностного содержания и объема понятия «бедность» как в интерпретации представителей экспертного сообщества, так и в оценках населения. Максимально обобщенное понятие «бедность» может трактоваться сегодня через отличные друг от друга категории – от неудовлетворяющей потребности заработной платы и невозможности соответствовать принятым стандартам потребления до вопиющего голода, ставящего человека перед необходимостью вести борьбу за выживание (хотя между этими явлениями и существует косвенная взаимосвязь, синонимичными они не являются). В результате произвольное употребление термина нуждается в уточнении в каждом конкретном случае. Такая необходимость учета нюансов и оттенков в определении

¹ *Бедность* : альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998.

² *Разумов А.* Классификация основных подходов к определению и измерению бедности // Человек и труд : [электрон. журн.]. 2002. № 9. URL : www.chelt.ru/2002/9-02/razumov-9.html.

бедности осложняет процесс раскрытия темы и сопоставления результатов научных исследований, а также позволяет использовать данный термин как элемент социального мифотворчества и манипулирования общественным мнением.

Переходя от анализа дискуссий по вопросам объема и содержания понятия «бедность» к интересующей нас проблематике бедности в СССР, важно отметить еще один принципиальный момент. Многие исследователи считают, что теоретически бедность является продуктом общества с развитыми отношениями собственности и ярко выраженной социальной дифференциацией. Появление бедности возможно в процессе взаимоотношений рынка и общества. Значит ли это, что бедность не характерна для СССР по определению? Авторы работ, изданных на современном историографическом этапе, по-разному отвечают на поставленный вопрос. Но, независимо от точки зрения каждого, общим для всех авторов в «диагностике» советской бедности является выбор объекта анализа, каковым выступает объем заработной платы, так как безработица не составляла проблему советского общества, и основным, а зачастую единственным, источником дохода для большей части городского населения была именно зарплата.

Проблема низких доходов в СССР обозначена в исторической и историко-экономической литературе. В основе авторских исследований по данной проблематике лежат различные источники. К результатам проводимых в СССР социологических опросов относительно уровня личных доходов обращаются В. С. Магун, В. З. Роговин, А. М. Тимофеев. На основании проведенного анализа данных В. З. Роговин и А. М. Тимофеев приходят к выводу, что, «за редким исключением, каждый человек в Советском Союзе стремится к тому, чтобы увеличить свои доходы. Как и при капитализме, это составляло главное содержание жизни людей»¹. Следовательно, по мнению авторов, несмотря на популяризируемое в СССР регулярное повышение цен, до-

¹ Роговин В. З. Сталинский неонеп. М., 1994. С. 221 ; Тимофеев А. М. Институциональная коррупция социалистической системы // Советское общество : возникновение, развитие, ист. финал / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997. С. 530.

ходы горожан были очень низкими и не соответствовали их потребностям.

К аналогичным выводам относительно уровня доходов горожан приходит В. С. Магун, основываясь на результатах проведенных им в 1970-е гг. социологических опросов рабочих. Данные опросы были направлены на выявление значимости для трудящихся тех или иных трудовых ценностей. Анализ полученных результатов показал, что у рабочих лидировала ценность высокого заработка, а ценности активной самореализации и повышения квалификации занимали последние места по частоте выбора¹. Именно эти данные, по мнению исследователя, свидетельствуют о неудовлетворительно низких доходах опрашиваемых.

Комментируя выводы авторов, необходимо обратиться к характеристике лежащего в их основе источника – опросам населения. Безусловно, материалы опросов – это ценный источник для изучения уровня материального благосостояния, но ему присуща такая особенность, как субъективность респондентов. Н. В. Бондаренко по этому поводу замечает, что «количественные оценки различных уровней материального достатка образуют индивидуальную для каждого респондента шкалу доходов, отражающую его личные представления об уровне и степени дифференциации доходов в обществе»². К аналогичному выводу приходит В. С. Тапилина, определяя субъективную составляющую социального расслоения как систему представлений о неравенстве по материальному благосостоянию, его допустимости, обоснованности, масштабах, глубине, происхождению³. Очевидно, что самооценки граждан относительно своего местоположения в системе координат «богатство–бедность» не всегда могут соответствовать их реальным финансовым возможностям. На необходимость учета этой особенности при со-

¹ Магун В. С. Трудовые ценности российского населения // Вопр. экономики. 1996. № 1. С. 34–50.

² Бондаренко Н. В. Анализ субъективных оценок нормального дохода и прожиточного минимума // Мониторинг обществ. мнения : экон. и соц. перемены. 2001. № 1(51). С. 46.

³ Тапилина В. С. Представления о причинах бедности и богатства // Социол. журн. 1997. № 3. С. 124.

держательной интерпретации результатов опросов указывают многие исследователи.

Стремясь минимизировать искажение полученных в ходе опроса данных, исследователи работают над улучшением методики их проведения и предпринимают попытки рассчитать вектор смещения субъективных оценок населения по шкале «преувеличение – приуменьшение» в характеристике уровня доходов.

Выявить закономерности в искажении респондентами данных об уровне благосостояния пытались отечественные авторы еще в 1980-е гг. Так, социологи В. Н. Козлов и Б. С. Павлов¹ путем сопоставления материалов опросов и бюджетных обследований рабочих пришли к выводу, что уровень удовлетворения доходами не всегда пропорционален их объему. В публикациях 1990–2000-х гг. исследователями предлагаются различные гипотезы относительно факторов, влияющих на вектор субъективного искажения уровня благосостояния. В. М. Воронков и Э. А. Фомин отмечают, что наиболее частым является занижение доходов опрашиваемыми, так как, во-первых, «господствующая до сих пор «культура бедности» приучила «прибедняться»», а во-вторых, субъективное занижение уровня благосостояния вызвано страхом – «граждане испытывают страх и перед налоговой инспекцией, и перед вездесущим рэкетом, и „на всякий случай“ из-за неизжитого еще „страха вообще“, характерного для советского человека»². В результате, по мнению В. М. Воронкова и Э. А. Фомина, формируется ощущение собственной ущербности, и многие опрошенные относят себя к бедным без всяких оснований.

С. Н. Быкова и В. П. Любин отмечают противоположные тенденции – опрашиваемые стремятся избежать причислять себя к категории бедных, так как «пребывание в бедности, нищете считается предосудительным, в этом неприятно признаваться»³. Солидарны с мнением С. Н. Быковой и В. П. Любина и другие ав-

¹ Козлов В. Н., Павлов Б. С. Завод и семья: грани сотрудничества. Челябинск, 1989. С. 68.

² Воронков В. М., Фомин Э. А. Типологические критерии бедности // Социол. журн. 1995. № 2. С. 57–69.

³ Быкова С. Н., Любин В. П. Бедность по-русски и по-итальянски // Социс. 1993. № 2. С. 132–138.

торы. Так, М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова приходят к выводу, что россияне определяют порог бедности как «уровень жизни немного ниже их собственного»¹, т. е. не желают относить себя к этой категории. Более дифференцированно подходят к рассмотрению проблемы Л. Т. Волчкова и В. Н. Минина, полагая, что оценка уровня благосостояния зависит от самооценки респондента в целом, т. е. люди с невысокими притязаниями и неразвитыми потребностями могут быть вполне удовлетворены своим положением и относить себя к среднему слою, по объективным параметрам являясь бедными. Те же, кто ориентируется на высокие западные стандарты потребления и не имеет возможности их достичь, будут иметь заниженную самооценку и определять свой уровень доходов как недостаточный². Исследователи Н. В. Бондаренко, Е. В. Будилова, Л. А. Гордон, Г. В. Градосельская, Н. И. Даудрих, М. Д. Красильникова, А. Т. Терехин³ придерживаются мнения, что общего вектора в занижении – завышении уровня благосостояния не существует ни применительно к населению в целом, ни к отдельным социальным группам. Искажение уровня доходов авторы объясняют стремлением индивида, отождествляющего себя с определенной группой, подогнать под ее запросы свои нормы и ценности. В результате респонденты называют уровень доходов, который считают «приличным» для своей группы, завышая или, наоборот, занижая его. При этом Г. В. Градосельская выделяет еще и дополнительные факторы, влияющие в той или иной степени на субъективную оценку доходов: возраст, место проживания (столица – периферия), общий уровень профессиональной успешности и т. д. Очевидно, что

¹ Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Богатство и бедность в представлении россиян // Социс. 2004. № 3. С. 16–21.

² Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 50.

³ Бондаренко Н. В. Анализ субъективных оценок нормального дохода и прожиточного минимума // Мониторинг обществ. мнения : экон. и соц. перемены. 2001. № 1(51); Гордон Л. А., Терехин А. Т., Будилова Е. В. Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения // Там же. 1998. № 2(34); Градосельская Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния // Социол. журн. 2003. № 3; Даудрих Н. И. Косвенное измерение денежных доходов : объективные доходы и их оценки в региональном разрезе // Мониторинг обществ. мнения : экон. и соц. перемены. 2000. № 4(48). С. 31–38; Красильникова М. Д. Структура представлений о бедности и богатстве // Там же. 1997. № 1(27). С. 23–30.

учет всех этих факторов, детерминирующих субъективную оценку респондента, необходим при изучении проблем благосостояния, социальной структуры и стратификации.

Данное «теоретическое» отступление от темы не случайно, так как позволяет более критично относиться к таким источникам, как опросы, лежащие в основе многих исследований, посвященных проблемам благосостояния населения и уровня жизни в целом.

Возвращаясь к названным выше работам В. С. Магуна, В. З. Роговина, А. М. Тимофеева, можно отметить, что результаты, полученные авторами относительно уровня благосостояния советского населения, необходимо трактовать более корректно, с учетом специфики источника, лежащего в их основе. Исходя из этого данные, отражающие желание респондентов повысить свои доходы, с большей долей вероятности будут свидетельствовать именно о субъективном желании повышения доходов, причины которого могут быть различными, нежели об объективных объемах заработной платы и уровне благосостояния опрашиваемых.

В процессе изучения проблем бедности в СССР авторы пытаются опереться не только на материалы опросов, но и более объективные данные (как, например, объем доходов). Хотя использование данного критерия в качестве единственного в оценке уровня бедности оспаривается сегодня многими авторами, которые настаивают на проведении комплексного многоуровневого исследования, тем не менее такой показатель, как объем доходов, является довольно информативным и широко используемым экспертами. Как замечает Г. В. Градосельская, важность и достаточность использования в исследованиях показателя, отражающего объем среднедушевого дохода, заключается в том, что «понятие благополучия респонденты теснее всего связывают именно с уровнем дохода»¹.

Оценивая объемы доходов советского населения, исследователи чаще обращаются к реалиям 1980-х гг. С. Г. Кара-Мурза,

¹ Градосельская Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния // Социол. журн. 2003. № 3 С. 86.

характеризуя данный период, отмечает, что в целом, «если человек был готов напрячься, он мог заработать на жизнь „повышенной комфортности“ – купить дачу, автомобиль, пить коньяк вместо водки», но в то же время «уровень потребления людей с низкими доходами был действительно минимальным – на грани допустимого»¹. О количестве людей с «минимальными доходами» в стране в 1980-е гг. С. Г. Кара-Мурза не пишет, а также не уточняет, какой объем доходов являлся «гранью допустимого».

Более конкретные данные относительно количества нуждающихся приводит В. М. Уралов. Опираясь на данные советской статистики, он приходит к выводу, что в 1980-е гг. граждане, получавшие заработную плату ниже среднего уровня, составляли от 49 до 57% населения². А уральские историки А. М. Нечаев и Г. А. Нечаева в своей монографии «Художественная интеллигенция: проблемы жизнедеятельности» (Екатеринбург, 1998), опираясь на архивные данные, отмечают, что в конце 1980-х гг. ниже минимального месячного дохода (75 р.) и на грани минимального дохода (120 р.) находилось соответственно 37,6 и 36,5% художественной интеллигенции Среднего Урала³.

Приведенные авторами данные позволяют утверждать, что, во-первых, на сегодняшний день конкретно-историческое изучение проблем бедности в РСФСР периода 1946–1991 гг. является поверхностным; во-вторых, авторы лишь косвенно обозначают существование проблемы низких доходов определенной части советского городского общества, ограничиваясь общими формулировками и оперируя такими выражениями, как «ниже среднего», «на грани допустимого», «на грани минимального». Отчасти это объясняется методическими проблемами, заключающимися в отсутствии четких критериев бедности и однозначного способа исчисления «порога бедности» как в мировой практике, так и в среде отечественных исследователей. Сегодня некоторые российские авторы в качестве «черты бедности» определяют доходы, не превышающие официального прожиточного миниму-

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация... С. 248.

² Уралов В. М. Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг. : аналит. справ. М., 1995. С. 11.

³ Нечаев А. М., Нечаева Г. А. Художественная интеллигенция : проблемы жизнедеятельности. Екатеринбург, 1998.

ма; другие включают в категорию «бедных» граждан, тратящих более половины своего совокупного дохода на питание. Отсутствие единства в методике исследования бедности порождает десятикратные расхождения в оценке масштабов данного явления. Выявление адекватных и обоснованных критериев для ретроспективного изучения бедности — еще более сложная задача. Освещать данную проблему необходимо исходя из социального, культурного и исторического контекста периода, что не позволяет нам оставить без внимания советские разработки в изучении данной темы.

Исследования, посвященные расчетам прожиточного минимума, проводились и в СССР. Как отмечают Н. В. Чернина и Т. В. Ярыгина¹, первые попытки были предприняты в 1918 г. с целью регламентации оплаты труда и введения обязательного минимального размера заработка. Единой методологии расчетов не существовало, поэтому показатели разных ведомств и территорий отличались как по содержанию, так и по методике, а также исчислялись применительно к разным категориям рабочих. Разнилось и само понятие «прожиточный минимум». Как правило, в прожиточный минимум включался набор продуктов питания, предметов одежды, обуви, домашнего обихода, а в отдельных случаях и оплата услуг. Официально минимальная заработная плата приравнивалась к прожиточному минимуму, реальное соотношение заработка и прожиточного минимума существенно варьировало по территории страны. Таким образом, по мнению Т. В. Ярыгиной, изначально практическое применение критериев бедности всецело зависело от фактических возможностей территории². С конца 1920-х гг. изучение проблем бедности было прервано; прекращается публикация данных бюджетных обследований семей. Они возобновились лишь в 1950–1960-е гг. в ряде научно-исследовательских институтов. Статистической базой для изучения закономерностей формирования доходов и расходов семей, потребления материальных благ и услуг служили по-

¹ Чернина Н. В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социс. 1994. № 3. С. 54–61; Ярыгина Т. В. Бедность в богатой России // Обществ. науки и современность. 1994. № 2. С. 25–35.

² Ярыгина Т. В. Указ. соч. С. 27.

казатели бюджетных обследований. Как отмечает Н. М. Римашевская, начиная с 1958 г. осуществлялись выборочные обследования доходов семей рабочих и служащих за сентябрь, результаты которых давали представление о распределении доходов. Наблюдения за уровнем заработной платы и доходов вместе с бюджетными обследованиями в общей композиции создавали хорошую информационную базу, в том числе для оценки дифференциации жизненного уровня. Также в расчетах использовались впервые разработанные Институтом питания Академии медицинских наук СССР пищевые наборы для рабочего, экспертные оценки специалистов. Но полученная экспертами информация не была предназначена для широкого круга пользователей и зачастую получала гриф «ДСП» или «Секретно».

В результате в научный оборот вместо понятия «прожиточный минимум» были введены понятия минимального, нормативного, перспективного и рационального бюджетов¹. Сконструированные бюджеты, аккумулируя имеющиеся научные разработки по данной проблеме, были попыткой отразить минимальный потребительский потенциал советского общества. Как замечает Т. В. Ярыгина, доля расходов на питание в нормативном бюджете (минимальном) составляла в 1965 г. 56% при условии удовлетворения потребностей на уровне физиологических норм. Набор отражал сравнительно наименее благоприятную для тех условий структуру питания и состоял из наиболее дешевых продуктов². Стоимость бюджета определялась по прейскурантным государственным розничным ценам. По мнению Т. В. Ярыгиной, разработанные бюджеты носили преимущественно иллюстративный характер и не нашли практического применения ни для определения минимальных уровней доходов, ни как показатели границы нищеты³. Иное мнение выражает Н. М. Римашевская, отмечая, что данные бюджеты составляли основу для исчисления объема минимальной заработной платы. Исходной была следующая пропорция: «Минимум оплаты труда должен быть не ниже полутора минимальных бюджетов, чтобы обеспечивать

¹ Саркисян С. Т., Кузнецова Н. П. Потребности и доход семьи. М., 1967.

² Ярыгина Т. В. Бедность в богатой России... С. 27.

³ Там же.

воспроизводство работника и половину иждивенца в соответствии с показателями семейной нагрузки¹. В 1965 г. минимальный бюджет был установлен в размере 40 р., а минимальная заработная плата на его основе – 60 р.; в 1975 г. минимум был повышен до 50 р., а соответствующая ему заработная плата – до 70 р.; в конце 1980-х гг. минимальный бюджет равнялся 100 р., а минимальная заработная плата – 165 р.²

Разработанный нормативный бюджет, помимо того что влиял на объем минимальной заработной платы, определял порог материальной обеспеченности. Население, имеющее совокупные среднедушевые доходы ниже данного минимального бюджета, рассматривалось как малообеспеченное. Термин «малообеспеченность» стал фигурировать в советских нормативных документах и социально-экономической литературе в начале 1970-х гг., когда занялись разработкой программы помощи детям в малообеспеченных семьях. В данную категорию в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 25 сентября 1974 г. «О введении пособий на детей малообеспеченным семьям» были включены семьи, в которых месячный доход на одного члена составлял менее 50 р. (75 р. для жителей Сибири и Дальнего Востока)³. В п. 2 данного Указа уточняется, что это – семьи «рабочих и служащих; членов колхозов; военнослужащих; учащихся высших и средних специальных учебных заведений, училищ, школ и курсов по подготовке кадров; пенсионеров»⁴. По данным Н. М. Римашевской, доля малообеспеченных в стране росла на протяжении 1960–1980-х гг.: если в конце 1960-х гг. их количество составляло 29,6%, в конце 1970-х гг. – 32,1%, в конце 1980-х гг. – 30,7%⁵.

На сегодняшний день остается открытым и по-разному оценивается экспертами соотношение понятий «малообеспеченность» и «бедность» применительно к советской социальной реальности. Некоторые авторы считают их синонимами. Так,

¹ Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социс. 2004. № 4. С. 33.

² Там же.

³ Ведомости ВС СССР. 1974. № 52. С. 886.

⁴ Там же.

⁵ Римашевская Н. М. Указ. соч. С. 34.

О. Ю. Мамедов замечает, что употребление той или иной категории определяется только личным выбором исследователя: «Те, кто стесняется термина „бедность“, может прибегнуть к эвфемизму, используя слово „малообеспеченность“, – потребовалась рыночная революция 1991 г., чтобы экономисты и социологи стали, наконец, употреблять эту честную категорию – „бедность“»¹. Л. Т. Волчкова не считает данные категории синонимами, отмечая их тесную взаимосвязь: «Обеспеченность жизненными благами ниже нормы, принятой данным обществом, следует рассматривать как малообеспеченность. Воспроизводство малообеспеченности порождает проблему бедности»². Н. Е. Тихонова считает понятия «малообеспеченные» и «бедные» не идентичными и обозначающими отличные друг от друга по имущественному, материальному и социальному статусу группы: «Если от бедных малообеспеченные отличаются прежде всего возможностью обеспечить себе достаточное питание, поддерживать дома определенный имущественный стандарт и даже, при определенных условиях, расширять его за счет относительно доступного имущества, то от более благополучных россиян они отличаются невозможностью добиться хоть каких-то значимых улучшений в своей жизни»³. Но необходимо отметить, что социологические исследования Н. Е. Тихоновой, которые легли в основу данных выводов, проводились в 2008 г. и скорее отражали современную социальную структуру, в которой существуют и бедность, и малообеспеченность. Более актуальной для нашего исследования является задача дать ретроспективное толкование понятия «малообеспеченность» и выявить его соотношение с общеупотребимым сегодня термином «бедность». Это позволит сделать обоснованный вывод о правомерности или неправомерности причисления граждан, относимых в СССР к малообеспеченным, к категории бедных.

¹ Мамедов О. Ю. После нищеты и бедность кажется богатством! // TERRA ECONOMICUS. 2008. Т. 6, № 2. С. 5–7.

² Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегия социологического исследования бедности. С. 54.

³ Тихонова Н. Е. Малообеспеченные в современной России : специфика уровня и образа жизни // Социс. 2009. № 10. С. 37.

Данную проблему в своих трудах рассматривает Н. М. Римащевская, которая начала исследовать проблемы уровня жизни еще в 1960–1970-е гг. Она отмечает, что в советское время термин «малообеспеченность» использовался в двух значениях: первое – как потребление ниже общественно необходимого минимального уровня; второе (расширенное) толкование данного термина связывалось с существованием семей, уровень потребления которых был ниже наиболее распространенного (модального). В результате значение данного термина могло меняться в зависимости от контекста, являясь синонимом то бедности, то недостатка ниже среднего. Как справедливо замечает Ю. А. Левада, манипуляции с «малообеспеченностью» и «бедностью» являлись своеобразным „лукавым двоемыслием“, которое «всегда в определенной мере ограничивало всевластие официально декларируемых норм, оставляя некое пространство для нормативных сделок и компромиссов»¹. Вероятно, такое неоднозначное употребление термина позволило историкам, чьи работы упоминались ранее, опираясь на данные о количестве малообеспеченного населения, трактовать цифры в зависимости от целей исследования, характеризуя уровень благосостояния этой категории горожан по-разному: «ниже среднего», «на грани допустимого» или «на грани минимального».

Говоря о проблемах бедности, нельзя обойти вниманием работы социологов. Большинство из них фокусируются на изучении вопросов бедности в современной России, но обращение к результатам социологических изысканий видится перспективным и для раскрытия интересующей нас темы, так как зачастую в этих работах советская реальность выступает фоном, декорацией, оттеняющей современную социальную действительность.

Важный аспект освещения проблематики бедности – вопрос о ее истоках. Наиболее типичным ракурсом освещения проблемы считается выявление и сравнение «старых» и «новых» бедных, т. е. тех, кто был бедным уже в советское время, с теми, кто оказался в числе нуждающихся сегодня.

¹ Левада Ю. А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000, с. 19.

Ряд исследователей, стремясь доказать преимущества рыночной системы над плановой, пытаются обосновать в своих работах положение, что бедные в современной России – это представители домохозяйств, которые и в дореформенное, советское время принадлежали к бедным слоям населения, а именно: многодетные и неполные семьи, семьи опустившихся алкоголиков, инвалидов, а также неквалифицированных рабочих. Данного мнения придерживается Дж. Брейтуейт¹. Среди отечественных социологов мнение о преемственности и социальной идентичности «старых» и «новых» бедных разделяют С. Д.-Н. Дагбаева и Н. Е. Тихонова, оговаривая при этом, что после проведения рыночных реформ положение этих категорий населения ухудшилось, так как в советский период «глубина бедности была в большинстве случаев иной»².

Данная точка зрения не получает широкой поддержки в кругу отечественных исследователей, так как большинство авторов склонны видеть между «старыми» и «новыми» бедными гораздо больше отличий, чем сходств. По мнению Л. Т. Волчковой, Л. А. Гордона, В. Н. Мининой, Н. М. Римашевской, Н. В. Черниной, С. С. Ярошенко, структура бедности значительно изменилась³. В 1980-е гг. материальные трудности испытывали многодетные семьи, матери-одиночки, молодые супружеские пары, пенсионеры, инвалиды, т. е. материальные трудности были связаны с нетрудоспособностью или высокой иждивенческой нагрузкой, явившейся результатом жизненного цикла семьи (рождение ребенка, появление в семье студента и т. п.). На сегодняшний день категория «новых» бедных представлена, в основном, семьями работников бюджетных отраслей народного хозяйства, имеющих двух и более детей, а также домохозяй-

¹ Брейтуейт Дж. Старые и новые бедные России // Бедность в России. Государственная политика и реакция населения / под ред. Дж. Кругман. Вашингтон, 1998. С. 33–74.

² Дагбаева С. Д.-Н. Уровень жизни населения : пути решения проблемы бедности. Улан-Удэ, 2005 ; Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.

³ Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Указ. соч. ; Гордон Л. А. Четыре рода бедности в современной России // Социол. журн. 1994. № 4 ; Радаев В. В. Работающие бедные : велик ли запас прочности? // Социс. 2000. № 8 ; Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения... ; Чернина Н. В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социс. 1994. № 3 ; Ярошенко С. С. Бедные в социальной стратегии постсоветской России // Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12.

ствами, оказавшимися в ситуации нуждаемости вследствие систематической задержки в оплате труда. Как отмечают Л. Т. Волчкова и В. Н. Минина, «новые» бедные в основной своей массе – работающие люди старше 28 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование¹. Эта категория населения по своему образованию, квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее (в советское время) не входила в число нуждающихся. В. В. Радаев и Н. М. Римашевская² считают работающих бедных чисто российским феноменом, так как в большинстве развитых стран бедность связана в первую очередь с отсутствием работы.

По мнению Л. А. Гордона, передать специфику трансформации бедности, произошедшей в результате социальных перемен в России, можно более точно с помощью таких категорий, как бедность «слабых» и бедность «сильных». Л. А. Гордон считает, что бедность «слабых» – это «бедность нетрудоспособных и малотрудоспособных людей, инвалидов, больных, физически и психологически неустойчивых, а также работников, вынужденных нести непомерно большую нагрузку (кормильцы многодетных семей и т. п.)»³. Эту категорию можно назвать социальной бедностью, непосредственно обусловленной социально-демографическими свойствами определенных групп населения. Те или иные проявления бедности «слабых» неизбежны и представляют собой постоянную черту общественной жизни. В отличие от бедности «слабых» бедность «сильных», по утверждению Л. А. Гордона, «возникает в чрезвычайных условиях, когда полноценные (а то и выдающиеся) работники, обычно способные получать доход, дающий „нормальный“ жизненный стандарт, попадают в ситуацию, в которой не могут своим средне-нормальным трудом обеспечить принятый в данное время и в данном обществе уровень благосостояния. С этой точки зрения бедность „сильных“ можно обозначить как производствен-

¹ Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социс. 1999. № 1. С. 51.

² Радаев В. В. Работающие бедные: велик ли запас прочности? С. 29; Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения... С. 36.

³ Гордон Л. А. Четыре рода бедности в современной России... С. 18–36.

но-трудовую или экономическую бедность, подчеркивая тем самым ее непосредственную обусловленность кризисной ситуацией в экономике, когда работник не получает заработка обычного масштаба»¹. Произошедшие в России реформы, по мнению Л. А. Гордона, привели к изменению социальной структуры бедности — от бедности «слабых» она эволюционировала к бедности «сильных».

Несколько иначе рассматривают проблему эволюции бедности в нашей стране С. Н. Быкова и В. П. Любин. Авторы отмечают, что относить к категории бедных в СССР только так называемые «традиционные» группы — многодетные и неполные семьи, пенсионеров, инвалидов — не вполне обоснованно. Безусловно, среди пенсионеров, учащихся и многодетных семей доля живущих за чертой бедности выше, чем в остальных группах населения, однако большинство бедных — это работающие. По мнению исследователей, такое утверждение справедливо не только применительно к современности, но и к советским социальным реалиям. В качестве аргумента С. Н. Быкова и В. П. Любин ссылаются на материалы социологических исследований периода 1980-х гг. В частности, два всесоюзных опроса, проведенных в 1981 и 1987 гг. Институтом социологии АН СССР под руководством И. Т. Левыкина, в результате которых было опрошено более двадцати тысяч человек, позволили сделать заключение, что среди бедных в 1981 г. было 58% работающих, а в 1987 г. — 63%². Пенсионеры не составляли большую часть нуждающихся, так как в отличие от работающего человека обязательные расходы пенсионера значительно ниже — отсутствует необходимость тратить средства на соответствующую работе одежду, проезд, обеды в столовой и т. п.; кроме того, пенсионер, как правило, уже имеет нажитое имущество. Не составляли основную категорию бедных и учащиеся, так как большинству из них материально помогали родители. Авторы ставят под сомнение постулат об исключительной бедности многодетных и неполных семей. Ссылаясь на данные уже упоминаемых исследо-

¹ Гордон Л. А. Четыре рода бедности в современной России... С. 18–36.

² Быкова С. Н., Любин В. П. Бедность по-русски и по-итальянски. С. 136.

ваний, они отмечают, что среди бедных в 1980-е гг. многодетные семьи составляли от 40 до 59% и около 17% – неполные семьи, в то время как основная часть бедных – это люди около 30 лет, живущие в полных семьях с одним–двумя детьми до 16 лет (64%). Причины нужды именно этой социально-демографической группы в СССР, по мнению авторов, вполне объяснимы: «Их пожилые родители к этому времени или уходят на пенсию, или у них уменьшается возможность помогать. А появление детей вынуждает одного из супругов или оставить работу, или перейти на другое место с более удобным графиком (и часто хуже оплачиваемое), что также отрицательно сказывается на семейном бюджете»¹.

Некоторые исследователи предлагают еще один ракурс рассмотрения взаимосвязи проблем современной российской бедности с советскими социальными реалиями. В частности, в работах социологов получила достаточно широкое распространение точка зрения, что современная бедность в России не просто уходит своими корнями в советский период, но и появилась именно благодаря советскому прошлому в целом и советскому образу жизни в частности².

В качестве иллюстрации к данной точке зрения можно привести цитату из названной выше работы С. Н. Быковой и В. П. Любина. Они отмечают: «Одной из причин бедности, характерных для нашей страны, стал пропагандировавшийся многие годы идеал аскетизма, отказ от жизненных благ во имя светлого будущего потомков.

¹ Быкова С. Н., Любин В. П. Бедность по-русски и по-итальянски. С. 136.

² Мнение о том, что советский образ жизни предполагал аскезу, бесребреничество и равнодушное либо негативное отношение к материальным ценностям, достаточно популярно в современных отечественных исследованиях. Как считает С. Б. Абрамова, именно индифферентное отношение к деньгам отличает советский менталитет от русского (см.: Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность : поколенческий срез проблемы // Социс. 2000. № 7. С. 40). Столь категоричное заявление нуждается в серьезной аргументации, в том числе этнографического характера; отсутствие же таковой позволяет классифицировать данную работу как очередной вариант мифологизации советского прошлого, базирующийся на попытке «оживить» эталонный образец советского человека, предлагаемый официальным советским гуманитарным дискурсом и пропагандой, и, судя по всему, существовавший только в художественных произведениях соцреализма и не имеющий отношения к действительности.

С этим связано и стремление к уравниловке – неотъемлемая часть общественной психологии – оказывающее (нередко на уровне подсознания) сдерживающее влияние на желание использовать объективные возможности для роста личных доходов»¹.

Аналогичного мнения относительно причин, обусловивших существование как фактической бедности, так и «бедности запросов и потребительских ожиданий» населения современной России, придерживаются В. М. Воронков, Л. Гудков, М. Красильникова, Л. С. Окунева, М. Пчелина, В. В. Радаев, В. С. Сычева, Э. А. Фомин, Н. В. Чернина, Т. В. Ярыгина².

Однако, выявляя таким образом «советские» причины сегодняшней российской бедности, авторы, по-видимому, забывают, что применительно к отечественной истории пропаганда аскетизма и порицание потребительства не являются сугубо советским изобретением. Скромный достаток и бесребреничество культивировались в качестве общественно одобряемого нравственного достоинства еще задолго до 1917 г. в русле православной мировоззренческой традиции. Бедность не почиталась пороком; напротив, тяга к богатству считалась греховной, а деньги – испытанием для человека-христианина. Отрешиться от земных благ во имя духовного совершенствования – постулат не только монашеской аскезы, но и мирской жизни в ракурсе православной культуры. И данное отношение к материальному не являлось мнением сугубо церковных иерархов – оно было широко распространено. Так, Ф. М. Достоевский с возмущением писал о богатстве в «Дневнике писателя за 1876–1877 гг.»:

¹ Быкова С. Н., Любин В. П. Бедность по-русски... С. 137.

² Воронков В. М., Фомин Э. А. Типологические критерии бедности // Социол. журнал. 1995. № 2; Гудков Л., Пчелина М. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Мониторинг социально-экономических перемен. 1995. № 6; Красильникова М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. 2011. № 1; Мамедов О. Ю. После нищеты и бедность кажется богатством! // TERRA ECONOMICUS. 2008. Т. 6, № 2. С. 5–7; Окунева Л. С. На путях модернизации: опыт Бразилии для России. М., 1992; Радаев В. В. Работающие бедные ...; Сычева В. С. Обнищание «народных масс» России // Социологические исследования. 1994. № 3; Чернина Н. В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3; Ярыгина Т. В. Бедность в богатой России // Обществ. науки и современность. 1994. № 2. С. 25–35.

«Я лучше захочу всю жизнь прокочевать в киргизской палатке, чем поклоняться немецкому способу накопления богатств. Здесь везде у них в каждом доме свой фатер, ужасно добродетельный и необыкновенно честный. Вся здешняя семья в полнейшем подчинении у фатера. Все работают, как волы, и копят деньги, как жида. Право, неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления честным трудом»¹.

С учетом вышесказанного можно предположить, что истоки формирования обозначенных авторами «ментальных» причин современной бедности следует искать в глубокой истории. Также хотелось бы добавить, что ограничение предпринимаемого исследователями поиска современных российских экономических и социально-психологических проблем лишь рамками советского прошлого может вести к искаженному пониманию специфики отечественной социальной истории. Советский период (как советский социально-экономический проект), безусловно, имел свои особенности, тем не менее он не был лишен общих черт с дореволюционным российским прошлым. Этот факт исторической преемственности необходимо учитывать в постановке «диагнозов» и выявлении «генетических патологий» советской системы, проявившихся в современной российской действительности.

Продолжая историографический анализ проблематики советской бедности, можно заключить, что сегодня многие отечественные авторы придерживаются либеральных взглядов в объяснении и комментировании явлений советской реальности. В России данная концепция сохраняется и сегодня, но, на наш взгляд, о ее авральской и пиковой популярности можно говорить в прошедшем времени как о примете 1990-х гг. Именно в этот период в большом количестве появляются наиболее критические, антисоветские по содержанию и достаточно экспрессивные по стилистике изложения работы, авторы которых не обошли вниманием проблемы бедности в СССР. Например, С. С. Ярошенко в своей работе (1998 г.) пишет: «В Советской России бедность счи-

¹ Цит. по: Прохоров А. Н. Отношение русских к богатству и бедности // ЭКО. 2003. № 2. С. 55.

талась нормальным явлением, эталоном жизни в условиях административно-командной системы. Все основные институты: экономические (предприятие и система оплаты труда), политические, социально-культурные были ориентированы на воспроизводство равенства в бедности и оправдание нужды во имя неких идеалов справедливости. Система заработной платы поощряла лень, апатию и социальное иждивенчество, система образования готовила пассивного исполнителя, существующий механизм перераспределения ресурсов и сильная социальная политика поощряли экономическую зависимость»¹. Спустя десятилетие по этому же поводу в статье, изданной в 2010 г., автор отзывается не так эмоционально: «...бедности не было в СССР. ...В результате сильной социальной политики и относительно равного распределения благ прежде признавалась лишь так называемая „малообеспеченность“, расцениваемая как результат скорее жизненного цикла семьи (например, этапа рождения детей и увеличения иждивенческой нагрузки на работающих членов семьи), а не просчетов государственного регулирования, основанного на принципе реального социализма „каждому по труду“. И если в обществе реального социализма бедность была уделом большинства и можно было говорить о „равенстве в бедности“, то в постсоциалистических условиях это удел социальных меньшинств...»².

Сравнение приведенных разновременных текстов позволяет утверждать, что при сохранении общего либерального ракурса в работах С. С. Ярошенко обозначились некоторые изменения, проявляющиеся в выборе стилистически менее резких и экспрессивных эпитетов при характеристике советской социальной политики. Являются ли эти изменения свидетельством определенной внутренней динамики происходящей со временем в лоне либеральной традиции — мы не беремся утверждать, так как для подобных выводов анализа работ одного автора явно не достаточно. С большей долей вероятности можно говорить о стилистической корректировке в рассуждениях С. С. Ярошенко, про-

¹ Ярошенко С. С. Бедные в социальной стратегии... С. 166.

² Он же. «Новая» бедность в России после социализма // Laboratorium : Журнал социальных исследований. 2010. № 2.

явившейся в отказе от столь популярных в 1990-е гг. публицистических интонаций и выборе более эмоционально взвешенных словарных конструкций.

В текстах С. С. Ярошенко обращает на себя внимание еще одна особенность, позволяющая обозначить новый аспект в рассмотрении проблем бедности. В упоминаемой выше статье, изданной в 2010 г., она пишет следующее: «... бедности не было в СССР», а далее, в пределах одного абзаца замечает: «... бедность была уделом большинства». На наш взгляд, такое употребление термина, позволяющее формулировать антитезу в плоскости «все – никто», перечеркивает его смысл и лишает оснований для характеристики функциональности понятия, так как утверждение об отсутствии бедности, как и распространение данной категории на фактически все советское население, одинаково некорректно с научной точки зрения. Вероятно, в данном контексте высказывание о всеобщей бедности, как и о ее отсутствии, употребляется скорее как фигура речи, позволяющая автору усилить выразительность текста. В современных работах, посвященных изучению проблем социальной истории тяготение к обобщениям такого рода является достаточно частым при рассмотрении проблем бедности в СССР. Кроме С. С. Ярошенко, о «повсеместной», «подавляющей» и «беспросветной» бедности в СССР пишут также Т. В. Ярыгина, О. Ю. Мамедов¹. Как правило, данные работы, написанные в русле либеральной традиции, являются достаточно экспрессивными по стилистике изложения, но при этом уровень аргументации, опоры на факты и источники минимален. Позволим себе привести достаточно объемную цитату из работы Т. В. Ярыгиной, иллюстрирующую данное утверждение: «Для бывших социалистических стран проблема бедности в значительной степени не статистическая, не экономическая, а общественно-политическая. В обществе, где все ресурсы принадлежали государству, именно оно создавало и контролировало систему жизнеобеспечения населения. Степень богатства каждого гражданина зависела прежде всего от его лояльности по

¹ Мамедов О. Ю. После нищеты и бедность кажется богатством! // TERRA ECONOMICUS. 2008. Т. 6, № 2. С. 5–7.; Ярыгина Т. В. Бедность в богатой России // Обществ. науки и современность. 1994. № 2.

отношению к государственной власти. ...Была создана система, удовлетворяющая наиболее элементарные человеческие потребности – в пище, в одежде, в крыше над головой. Это была, с одной стороны, цена за обеспечение общественного спокойствия, с другой – форма еще более полного подчинения работников. Имея рабочие руки, определенные навыки и т. д., заработать себе на хлеб можно было, только включаясь в систему государственных связей, и столько, сколько эта система считала возможным выделить. А выделялось лишь на первоочередные потребности, всё остальное считалось чуждым сложившемуся образу жизни и с пренебрежением относилось к предметам роскоши. По существу, ограничивались развитие самих потребностей, возможности выбора. Прямо или косвенно создавались условия для консервации бедности и ее воспроизводства. Бедность широких слоев населения стала нормой и в конечном счете, несмотря на природные богатства и могущество бывшего СССР, заложила основы обеднения общества в целом. С этих позиций все широко пропагандировавшиеся атрибуты народного благосостояния (низкие цены на продукты питания, низкая плата за жилье, бесплатная медицина и образование) были всего лишь методами сохранения дешевизны рабочей силы и усиления ее эксплуатации. ...Впрочем, измученный, долгое время живший в нищете советский народ, полностью изолированный от внешнего мира, не мог объективно оценивать свое положение. Словно в кривом зеркале, равенство нищеты воспринималось как всеобщее благосостояние»¹.

На наш взгляд, ряд утверждений автора данного высказывания вызывает вопросы. В частности, не вполне соответствует реальности положение об ограничении потребностей. Историко-экономические и социологические исследования, проведенные по данной тематике, позволяют утверждать, что на протяжении послевоенных лет потребности советских граждан непрерывно возрастали, причем не вопреки официальному социально-политическому курсу, а скорее благодаря ему. Не

¹ Ярыгина Т. В. Бедность в богатой России // Обществ. науки и современность. 1994. № 2. С. 25–26.

вполне понятен выдвигаемый Т. В. Ярыгиной тезис об обусловленности уровня благосостояния «лояльностью по отношению к государственной власти». Если речь идет о номенклатурных должностях, занятие которых позволяло повысить уровень благосостояния, то данное утверждение не вполне обосновано по отношению к большей части советских обывателей. В то же время наличие достаточно объемного сектора теневой экономики в СССР позволяло гражданам получать доходы независимо от какого-либо вообще отношения к власти. Также вызывает замечания проблема хронологии, т. е. неопределенность периода, о котором Т. В. Ярыгина ведет речь. Очевидно, что временные координаты необходимы при рассмотрении процессов социально-экономической истории, так как социальная политика СССР на протяжении всего существования государства была различной по целям, задачам и методам реализации, и соответственно результаты ее менялись. Отсутствие в работе опоры на источники, а также хотя бы как-то обозначенного временного периода, наряду с использованием значительного количества метафор и пространных обобщений, позволяет говорить применительно к данному тексту о проблеме мифотворчества, а в представленном случае – либерального антисоветского мифотворчества. Одной из его особенностей является критика, направленная скорее не на советскую реальность, а на воссозданную авторами максимально усредненную, статичную советскую модель, построенную по принципу компиляции самых специфичных «нерыночных» элементов, когда-либо существовавших в советском прошлом (хотя факт их реального существования не является обязательным).

Справедливости ради стоит сказать и о просоветском мифотворчестве, представленном сегодня рядом отечественных авторов¹. Ярким примером является написанная С. Ю. Глазьевым, С. Г. Кара-Мурзой и С. А. Батчиковым работа под названием «Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг.» (М., 2003). Рассуждая о проблематике бедности, применительно

¹ См.: Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. М., 2003 ; Семигин Г. Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005.

к социальной истории нашей страны авторы пишут: «И наши традиционные культурные установки, и философские основания советского строя, выводимые из крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия исходили из совершенно другой установки: бедность есть порождение несправедливости, и потому она – зло. Таков был официально декларируемый принцип, и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом советские принципы и стихийное мироощущение людей полностью совпадали. По типу распределения благ советский строй жизни резко отличался от Запада. Во время реформы были отвергнуты советские принципы, и именно Запад был взят за образец „правильного“ жизнеустройства, якобы устраняющего ненавистную „уравниловку“. Не будем вилять – отрицание уравниловки есть не что иное, как оправдание бедности, придание ей законного характера. Надо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя. Напротив, советский строй – порождение этого взгляда на бедность. Признать нищету ближних как норму жизни – значит отвергнуть русскую культуру, корнями уходящую в Православие. Какие силы не давали в СССР людям скатиться в бедность, стоять в очереди за похлебкой и ночевать в уличных переходах? Старые принципы общины – она и помогала удержаться, и не позволяла опускаться. Так, в СССР низкие цены на жилье, транспорт и самые необходимые продукты почти уравнивали людей с низкими доходами по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными»¹.

Приведение столь объемной цитаты видится оправданным, так как авторская стилистика, логика изложения и специфика аргументации выдвигаемых авторами гипотез как нельзя более красноречиво характеризуют данную работу, позволяя, в том числе, определить и цели написания означенного текста. Предпринятая авторами попытка формирования у широкой чита-

¹ Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. С. 123.

тельской аудитории картины прошлого путем апелляции к весьма умозрительным понятиям добра и зла, а также к иностранным (и в свою очередь, не менее мифологизированным) категориям *общинности* и *русской культуры*, в ущерб конкретной фактической аргументации, позволяет говорить о данной работе как о примере современного отечественного просоветского мифотворчества, что не умаляет художественных достоинств этого произведения, но и не дает оснований оценивать данный текст как результат научного исследования.

В качестве резюме к рассуждениям о современном отечественном мифотворчестве можно привести цитату из статьи В. М. Воронкова и Э. А. Фомина: «Бедность в России – сегодня одно из самых мифологизированных явлений, предмет разного рода политических спекуляций. Эксперты, придерживающиеся различных „партийных“ ориентации, редко демонстрируют заинтересованность в адекватном отображении реальности. Типичной формой научного лукавства является преувеличение одних симптомов и преуменьшение других»¹. Приведенные выше примеры не позволяют усомниться в справедливости замечания В. М. Воронкова и Э. А. Фомина. Но только ли сегодня появилась проблема социального мифотворчества? По всей видимости, она существовала и в СССР. В советский период усилиями пропаганды в сознании населения формировались картины вопиющей бедности трудящихся капиталистических либо развивающихся стран. Ассоциативными атрибутами бедности были голод, холод, нищета, унижения и, наконец, смерть. Значительно более оптимистично выглядели созданные в русле советского мифотворчества сюжеты советских реалий, определяемые через понятия свободы, достатка, равенства и, в первую очередь, духовного богатства, которое несравнимо более ценно для советского человека, чем богатство материальное.

Использование понятия «бедность» в качестве неотъемлемого элемента социального мифотворчества вполне объяснимо. Отсутствие единого подхода к измерению бедности, абстрактность, относительность и нечеткость определения при одно-

¹ Воронков В. М., Фомин Э. А. Типологические критерии бедности... С. 57.

значно отрицательных его коннотациях позволяет говорить о данном понятии как об инструменте манипулирования общественным мнением, так как сегодня конструкт «бедность» не только не утратил пугающего ассоциативного ряда – нищета, голод, болезни, но и приобрел большую реальность и конкретность, не ассоциируясь лишь с социальными проблемами других стран. С помощью умелых манипуляций такими категориями можно не только описывать реальность, но и конструировать ее. Поэтому, определяя сегодня уровень жизни в СССР через *абстрактное*, теоретически размытое, но эмоционально пронзительное понятие «бедность», авторы неосознанно или намеренно конструируют в сознании читателей картину каждодневной нищеты, голода, безработицы и борьбы за выживание, вынуждающей граждан СССР вести маргинальный и асоциальный образ жизни. Воссозданная таким образом модель, не учитывающая нюансы советской социальной реальности и базирующаяся исключительно на негативных ассоциативных коннотациях, будет являться скорее сюжетом антисоветского мифотворчества, направленного на реализацию задач, не имеющих отношения к задачам исторического исследования.

Таким образом, обращаясь к ретроспективному изучению данной проблемы в рамках конкретно-исторического либо историко-экономического исследования, необходимо учитывать, что содержание категории «бедность» не является константой. По мнению С. С. Ярошенко, бедность – это системное, многомерное явление, постоянно меняющаяся величина, которая не может быть понята вне социального, культурного и исторического контекста¹.

Неотъемлемая составляющая бедности – невозможность следовать распространенному образу жизни, а также удовлетворять потребности, признаваемые обществом минимально допустимыми (на определенном отрезке исторического развития). Следовательно, критерии, согласно которым можно говорить о бедности населения (как и о его богатстве), будут различны применительно к 1940-м, 1960-м и 1980-м гг., так как общество меня-

¹ Ярошенко С. С. Синдром бедности // Социол. журн. 1994. № 2. С. 43–50.

лось, и, соответственно, менялись образ жизни и потребности населения.

В качестве иллюстрации данного утверждения можно обратиться к документам личного происхождения – письмам и жалобам граждан в центральные органы власти, анализ которых позволяет обозначить представления советского населения о нужде и зажиточности. Сетуя на нужду и обращаясь к властям за помощью, жители Свердловской области в послевоенные годы пишут следующее: «Семья вынуждена жить в дырявом сарае, который течет, дует ветер»; «Всё, что имел лишнего, пришлось продать, больше продавать нечего»; «Сидим без дров»; «Дети сидят без хлеба»; «Семьи рабочих живут в сырых подвалах, общественных кухнях, коридорах»¹; и т. д. В то же время зажиточными считались семьи, имеющие в послевоенный период «дом под железом», «полностью засаженный огород», «корову»².

Для сравнения и обозначения динамики образа жизни населения можно обратиться к результатам социологического исследования, проведенного в 2004 г. Н. М. Давыдовой и Н. Н. Седовой, одним из результатов которого стало выделение общепризнанного набора имущества, отсутствие которого свидетельствует о скатывании за черту бедности в современной России. Этот набор в обязательном порядке включает в себя: холодильник (его не имеют всего 1,3% населения), цветной телевизор (не имеют 5,4%), ковер или палас (не имеют 6,7% опрошенных), а также стиральную машину, пылесос и любой мебельный гарнитур, включая стенку, кухню, мягкую мебель. По мнению Н. М. Давыдовой и Н. Н. Седовой, отсутствие как минимум двух из вышеперечисленных видов имущества (например, холодильника и телевизора) – отчетливый признак существования на уровне нищеты³. Признаком богатства является наличие наиболее дорогостоящих и престижных предметов обихода, таких как домашний кинотеатр, посудомоечная машина, кондиционер,

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5696. Л. 20 ; Д. 5840. Л. 89 ; Д. 5845. Л. 182 ; Д. 6762. Л. 136.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5697. Л. 359 ; Д. 5846. Л. 33.

³ Давыдова Н. М., Седова Н. Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социс. 2004. № 3. С. 42.

импортные тренажеры, антенна спутникового телевидения, иномарка, видеокамера, цифровой фотоаппарат¹.

Сопоставление приведенных результатов свидетельствует в первую очередь о колоссальных изменениях в уровне и образе жизни населения, существенно скорректировавших представления как о бедности, так и о богатстве. Возможно, сравнение российских социальных реалий начала XXI в. с послевоенным периодом слишком контрастно и не вполне корректно вследствие существенных экономических, социальных и политических различий этих периодов. Но произошедшие изменения образа жизни горожан не были результатом единовременных преобразований, а происходили постепенно. Постепенно на протяжении второй половины XX в. менялся образ жизни, а также представления граждан о бедности и богатстве, существенно различаясь в 1940-е, 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. Каждое послевоенное десятилетие вносило свои коррективы в стереотипы населения. Данные изменения необходимо учитывать при ретроспективном изучении проблем бедности в СССР.

Еще одной важной особенностью является относительность бедности, т. е. наиболее ярко бедность проявляется на фоне более высокого среднего достатка населения, а также проблема бедности обостряется в обществе с высоким уровнем социальной дифференциации. Поэтому при изучении советского периода необходимо учитывать тот факт, что социальное расслоение было незначительным, разрыв в доходах условно «богатых» и «бедных» был не так велик. Государство стремилось сократить его, во-первых, за счет бесплатного медицинского обслуживания и образования, а также распределения определенной части социальных благ через ОФП; во-вторых, за счет пособий детям в малообеспеченных семьях. Б. Густафсон и Л. И. Ниворожкина в исследовании, базирующемся на международном сравнении уровня бедности разных стран, сравнивают РСФСР конца 1980-х гг. со Швецией, отмечая наличие таких общих черт, как высокий уровень занятости женщин в обще-

¹ Давыдова Н. М., Седова Н. Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социс. 2004. № 3. С. 42.

ственном производстве, отсутствие безработицы, бесплатное медицинское обслуживание, государственное социальное обеспечение пенсионеров по возрасту и инвалидов¹. Иными словами, широкая система социальных гарантий, существовавшая в Советском Союзе, компенсировала низкие доходы и повышала качество жизни населения, что также нужно учитывать, определяя местоположение советского социума (или его различных категорий) в системе координат «бедность – богатство» на том или ином отрезке времени. Вместе с тем при оценке уровня бедности важно учитывать специфику распределения товаров и услуг в СССР, проблемы дефицита и качества товаров.

В целом для комплексного изучения уровня бедности в СССР необходимо провести масштабное ретроспективное исследование, базирующееся на широкой источниковой базе: экономической статистике, материалах социологических опросов, а также документах личного происхождения (письмах, воспоминаниях), позволяющих более детально воссоздать целостную систему координат советского жизненного пространства, без реконструкции которой изучение проблем бедности будет неполным.

Историографический анализ проблематики советской бедности не будет полным без анализа ее крайней формы – *нищенства*, получившей некоторое освещение в отечественных работах, посвященных изучению социальной истории.

На сегодняшний день в литературе существуют различные определения *нищенства* как явления и *нищих* как социальной категории. Приведем некоторые из них. Например, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона нищенство определяется «как проступок, заключающийся в обращении к благотворительности, при условиях, делающих такое обращение наказуемым»². Справедливо будет заметить, что данное определение нищенства как *проступка*, не является широко распространенным сегодня. Более употребимо в современных исследованиях

¹ Густафсон Б., Ниворожкина Л. И. Сравнительный анализ в России и Швеции // Бедность: взгляд ученых на проблему / под ред. М. А. Можинной М., 1994. С. 70–99.

² *Нищенство* // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. А. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1897. Т. 21. С. 208–210.

лаконичное определение нищих как категории людей, находящихся за крайней чертой бедности и вынужденных жить за счет подаяний или помощи со стороны родственников, благотворительных организаций или государства.

Некоторые исследователи выделяют более развернутые критерии отнесения людей к группе нищих. Социолог Н. Р. Москвина предлагает следующие:

«1. Уровень жизни нищих ниже уровня бедности. Согласно расчетам, сделанным специалистами ООН, этот уровень исчисляется в 1 дол. США на одного человека в день.

2. Жизнь на подаяние. Под подаянием подразумевается не только милостыня, но и любые другие благотворительные средства, которые являются единственным источником существования человека: будь то благотворительность государства или других общественных структур.

3. Образ жизни нищих, который выражается в добровольном или вынужденном разрыве с семьей, в отсутствии родственных связей, отчужденности человека от основных социальных институтов.

4. Изоляция от общества как признак андеркласса.

5. Маргинальное положение нищих, которое приводит их к состоянию дезадаптации, дезориентации в социуме, и значительно снижает жизненные шансы этих людей»¹.

Обобщая сказанное, можно отметить, что основными признаками выделения нищих как социальной категории являются низкий уровень жизни и существование за счет подаяний.

Историография «нищенства» как явления советской действительности второй половины XX в. весьма немногочисленна. Отчасти отсутствие социальных исследований по данной тематике можно объяснить тем, что данные категории граждан находились в административном андеграунде вследствие зигзагов советского законодательства. С 1930-х гг. социальные девиации, такие как нищенство и бродяжничество, начинают рассматриваться как явления, не совместимые с социалистическим обра-

¹ Москвина Н. Р. Нищенство в современной России : социол. анализ на примере г. Тюмени : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2002. С. 15.

зом жизни, а далее, в 1950-е гг., — как уголовно наказуемые правонарушения. Поэтому последующее изучение и освещение данных социальных отклонений было связано преимущественно с юридическими аспектами. Специалисты в области юриспруденции (Ю. М. Антонян, В. И. Грачев, Э. В. Калачев, В. Е. Квашиш, Э. П. Петров, В. П. Петрунев) занимались изучением практики применения статьи, предусматривающей ответственность за попрошайничество, занятие бродяжничеством и уклонение от общественно полезного труда¹. В 1991 г. была отменена ст. 209 УК СССР, предусматривающая применение правовых санкций в виде тюремного заключения до трех лет за бродяжничество, туеядство и попрошайничество, что привело к сокращению интереса правоведов к исследованию данных социальных патологий. В то же время динамика социальных процессов в России, отражающаяся на изменениях культурного и имущественного статуса населения, способствовала возрастанию научных изысканий по тематике данных девиаций. В 1990-е гг. отечественные историки и социологи подключаются к научному анализу проблем нищенства. Несмотря на некоторую активизацию исследований, справедливым будет утверждение о малоизученности проблематики данных социальных девиаций в СССР, а также о неравномерности исследований по данной тематике в рамках периода 1940–1980-х гг.

Одна из особенностей работ по данной тематике заключается в том, что авторы исследований — как социологических, так и исторических — обращают внимание, главным образом, на регламентирующую составляющую проблемы, характеризуя ее как деятельность государства по искоренению нищенства и бродяжничества в советской действительности. Подобный ракурс исследований во многом задан состоянием источников, в которых отражалась в первую очередь политика государственного регулирования и борьбы с данными социальными девиациями.

¹ Как справедливо замечает Е. Ю. Зубкова, «именно этот критерий — работа на государство — станет главным признаком, отделяющим „паразитов“ от „не паразитов“, „антиобщественные элементы“ от „сознательных“ граждан» (см.: Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е гг. // Рос. история. 2009. № 5. С. 110).

Среди социологических исследований, посвященных изучению проблем нищенства и бродяжничества в СССР, можно отметить монографию О. А. Лиходей. Хотя заявленная автором цель работы находится преимущественно в плоскости современности, О. А. Лиходей обращается к исторической ретроспективе данного явления, последовательно освещая достаточно широкий хронологический пласт — со времен Российской империи до наших дней. Обращаясь к историческим документам и современным исследованиям, автор прослеживает эволюцию методов государственного контроля за данными социальными девиациями в зависимости от типа политической, экономической, духовной организации общества и доминирующих идеологий. Интересующая нас советская эпоха характеризуется автором как период жесткого государственного регулирования посредством правовых, идеологических и культурных запретов, способствующих достаточно эффективному решению проблем нищенства и бродяжничества¹. В целом данные социальные девиации в работе О. А. Лиходей освещены достаточно обстоятельно — использован обширный социологический материал, составлена структурная модель групп бездомных, нищих и бродяг, выстроенная на основе их основных социально-демографических характеристик. В то же время рассмотрение обозначенных социальных девиаций ограничивается правовыми и морально-этическими аспектами. Также в оценке данной работы можно согласиться с Е. А. Гришиной, полагающей, что «текст грешит морализаторством, эмоционально насыщен и имеет высокую степень модальности по части выводов и рекомендаций»², что тем не менее не снижает качества проведенного О. А. Лиходей исследования.

Также в русле «государственной борьбы» освещены проблемы бродяжничества и нищенства в СССР в статье юриста О. Г. Федоровой с достаточно экспрессивным названием «Шестидесятые. „В СССР бедных нет! Есть только бродяги, попрошайки и тунеядцы-паразиты“» (2007). Как следует из названия,

¹ Лиходей О. А. Профессиональное нищенство и бродяжничество как социальный феномен. СПб., 2004.

² Гришина Е. А. Рецензия : Лиходей О. А. Профессиональное нищенство и бродяжничество как социальный феномен. СПб., 2004 // Социс. 2005. № 8. С. 149.

в работе освещены советские реалии 1960-х гг. В основе исследования О. Г. Федоровой — документы из Отдела специальных фондов Информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО) — служебная переписка различных подразделений внутренних дел с местными и центральными партийными органами, а также материалы периодических изданий 1960-х гг. Опираясь на данные источники, О. Г. Федорова пишет о «постоянно растущих» фактах бродяжничества и попрошайничества в конце 1950-х — начале 1960-е гг., зафиксированных на улицах городов и железнодорожных станциях, которые приобрели «угрожающий характер», «стали обыденным явлением в российских городах»; при этом количественных данных, позволяющих более конкретно обрисовать масштабы проблемы, О. Г. Федорова не приводит. Очевидна приверженность автора либеральным взглядам, проявившаяся как в активном цитировании работ советологов (Джинин Д. Брейтуэт), так и в трактовке приводимых в статье данных. В частности, факты нищенства и попрошайничества в СССР 1960-х гг. О. Г. Федорова интерпретирует как свидетельства наличия «в СССР всё возрастающей бедности», «имевшей в эти годы все черты массового явления»¹, хотя приводимых в тексте материалов явно не хватает для подтверждения выводов о «массовости» данного явления.

Достаточно подробно проблема нищенства в СССР (1945–1960-х гг.) освещена в серии статей Е. Ю. Зубковой². Также в 2010 г. издательством РОССПЭН был опубликован сборник документов «На „краю“ советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.», авторами-составителями которого являются Е. Ю. Зубкова и Т. Ю. Жукова. Вступление к данному сборнику документов также пред-

¹ Федорова О. Г. Шестидесятые. «В СССР бедных нет! Есть только бродяги, попрошайки и туеядцы-паразиты» // Человек и закон. 2007. № 7. С. 57, 63.

² Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества... С. 101–118 ; Она же. На «задворках» советской повседневности. Особенности гос. политики по отношению к соц. аномалиям и девиантным группам населения (1945 — середина 1960-х гг.) // Россия и современный мир. 2010. № 2 ; Она же. С протянутой рукой. Нищие и нищенство в послевоенном СССР // *Charles du monde russe*. 2008. № 49/2–3.

ставляет историографический интерес, применительно к изучению тематики нищенства и бродяжничества в СССР.

В целом проведенное Е. Ю. Зубковой масштабное исследование базируется на значительном объеме источников, среди которых архивные материалы, воспоминания современников, документы и постановления ЦК КПСС. Также автор эффективно использует материалы зарубежной историографии, обращается к результатам отечественных дореволюционных и советских исследований. Как и в ранее упоминаемых работах по данной тематике, в фокусе исследования Е. Ю. Зубковой – регламентирующая составляющая проблемы нищенства и бродяжничества, но детальный анализ данных и значительный объем использованных источников выгодно отличают ее работы от вышеназванных. В исследованиях предложена авторская периодизация государственной политики по отношению к социальным маргиналам. Выделены два периода: 1945 – начало 1953 г. и 1953 – 1960-е гг., отражающие изменение лейтмотива применяемых к маргиналам административных мер – от репрессий к адаптации и инкорпорации данных категорий населения в общество¹. Е. Ю. Зубкова приводит данные, позволяющие количественно охарактеризовать проблему. В рамках обозначенного периода 1945–1960-е гг. послевоенные годы представлены менее конкретно, что объясняется отсутствием точного учета нищих в это время.

Более конкретные количественные показатели, воссоздающие реалии 1950-х гг., представлены данными МВД СССР, отражающими последствия применения нормативных актов против нищих и бродяг. За данные преступления по СССР было задержано более 107 тыс. чел. в 1951 г.; 156,8 тыс. чел. в 1952 г., количество задержанных в 1953 г. превышало 182 тыс. чел.² Хотя отметим, что эти цифры весьма приблизительно воспроизводят картину нищенства. По замечанию Е. Ю. Зубковой, они отража-

¹ Зубкова Е. Ю. Введение. «Антиобщественные элементы» и государственная политика 1945 – середины 1960-х гг. // На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект гос. политики. 1945–1960-е гг. : Сер. Документы советской истории / [авт.-сост. Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова]. М., 2010. С. 35.

² Там же. С. 24.

ют статистику задержаний, а многие нищие задерживались по несколько раз.

Первая попытка посчитать реальное количество людей, занимающихся попрошайничеством постоянно и по случаю, была предпринята только в 1954 г. Именно по этому году Е. Ю. Зубкова, опираясь на данные МВД СССР (РГАНИ. Ф.5), приводит конкретные цифры, воссоздающие количество нищих в стране (а не количество задержаний) – 21 790 чел. по СССР и 11 982 в РСФСР¹. Несколько иные данные, отражающие масштабы распространения нищенства в РСФСР в 1954 г. приводит В. Ф. Зима, ссылаясь на данные министерства Государственного контроля СССР (ГАРФ. Ф. 8300) – 13 660 чел.² (несущественное расхождение в показателях дает основания считать их достаточно приближенными к реальности).

Более пристального внимания заслуживает упоминаемая монография В. Ф. Зимы «Голод в СССР 1946–1947: происхождение и последствия» (1996). Данная работа посвящена детальному рассмотрению послевоенных реалий советской истории. Частичное совпадение хронологии изучаемых периодов в работах В. Ф. Зимы и Е. Ю. Зубковой – пожалуй, единственная общая черта этих исследований при принципиальном отличии ракурсов, в том числе рассмотрения проблематики нищенства в СССР. В исследовании Е. Ю. Зубковой данное социальное явление рассматривается как первопричина, дающая импульс государственной политике и выступающая стимулом активной законотворческой деятельности, направленной на борьбу с этим социальным пороком. Напротив, в исследовании В. Ф. Зимы наличие нищих в стране – прямое следствие послевоенного голода, а также косвенный результат репрессивной политики руководства и ошибок, допущенных в аграрном секторе, так как всё исследование посвящено изучению проблематики голода в СССР 1946–1947 гг., его причин, результатов и последствий. Работа изобилует статистическими данными, ссылками на документы и постановления, но особенно интересны, в рамках тематики

¹ Зубкова Е. Ю. Введение. «Антиобщественные элементы».... С. 23.

² Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 : происхождение и последствия. С. 232.

нашего исследования, колоритные биографические описания нищенствующих, собранные В. Ф. Зимой по крупицам из протоколов, сводок задержаний, заявлений в органы социального обеспечения и отчетов чиновников различных рангов. Такие описания-зарисовки, выполняющие роль иллюстраций, информируют о причинах, вытолкнувших людей «на паперть», в ряду которых: инвалидность, маленькая пенсия или ее отсутствие, низкая заработная плата, безработица, многодетность, потеря кормильца, а также неурожай, тяжесть налогового бремени, послевоенный голод. Опираясь на приведенные факты, В. Ф. Зима не без основания замечает, что рост попрошайничества в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания был следствием общего обнищания населения, особенно жителей сел и деревень, на которых не распространялась социальная поддержка государства в виде продуктовых карточек, пенсий.

Оценивая количество нищенствующих в послевоенные годы, В. Ф. Зима пишет: «По приблизительным подсчетам, в 1946–1947 гг. число нищих в целом по СССР доходило до 2–3 млн чел.»¹. Однако не все исследователи склонны доверять приводимым данным. В частности, Ш. Фицпатрик отмечает их «неизбежный субъективизм» вследствие отсутствия источников. Не склонна соглашаться с В. Ф. Зимой в оценке масштабов нищенства и Е. Ю. Зубкова. Отмечая произошедшее возрождение культуры нищенства вследствие военных, экономических и социальных потрясений, она иначе пишет о количестве занятых попрошайничеством: «Масштабы распространения нищенства в послевоенные годы, конечно, не достигали показателей Российской империи (когда нищенствовала почти 1/3 млн чел.) и почти втрое уступали показателям первых лет советской власти: так, перепись 1923 г. учла 35 тыс. нищенствующих в РСФСР»². Мы не беремся опровергать или подтверждать истинность приведенных исследователями цифр, тем более что перепроверить эти данные нечем ввиду отсутствия статистического учета нищенствующих в 1940-е гг. Тем не менее факт колоссальных масштабов распро-

¹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947: происхождение и последствия. С. 217.

² Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества... С. 105.

странения нищеты в СССР в послевоенные годы подтверждается прямо или косвенно большинством исследователей периода. Например, А. Н. Марченко в статье, посвященной благотворительной деятельности Русской православной церкви, приводит цитату из отчета чиновника соответствующего ведомства, которая характеризует социальную ситуацию военного времени: «...В праздники в церкви скапливаются толпы нищих до 200 чел., нищие занимают помещение церкви, мешают службе, иногда во время богослужения пробираются на амвон и оттуда обращаются к молящимся за помощью. Церковный совет, состоящий из стариков-инвалидов, чувствует свою беспомощность в борьбе с этим засилием»¹.

На сегодняшний день можно констатировать отсутствие конкретно-исторических исследований по проблематике нищенства в СССР второй половины 1960–1980-х гг., что в первую очередь объясняется отсутствием источниковой базы. Систематической статистики, отражающей динамику развития данной социальной девиации, в указанный период не велось, письменных свидетельств своего существования представители данной группы также не оставили. В СССР действовали законы против нищих и бродяг, и данные категории населения рассматривались не как объект социальных исследований (тем более, что официально факт наличия нищих в стране отрицался), а как объект правового преследования. Поэтому, возможно, архивные документы, отражающие деятельность милиции, содержат информацию о задержании данных лиц. Эти материалы могут быть использованы в качестве источника для ретроспективного исследования, что позволит в перспективе восполнить вакуум в разработке проблематики нищенства в СССР. В целом в современной отечественной литературе проблема нищенства и попрошайничества зачастую рассматривается в русле материального недостатка и финансовой бедности граждан, и лишь немногие авторы освещают еще одну сторону вопроса – существование категории так называемых «профессиональных нищих».

¹ *Марченко А. Н.* Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в советском государстве (1918–1964-е гг.) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 15. С. 121.

У исследователей нет единого мнения относительно определения данной группы. В «Энциклопедическом словаре» А. А. Брокгауза и И. А. Ефрона можно прочесть следующее: «Профессиональное нищенство, являющееся результатом отвращения к труду и беспорядочной жизни, должно считаться преступным и подлежать как мерам предупреждения и пресечения со стороны полиции, так и уголовной каре»¹. На преступный, криминальный характер деяний профессиональных нищих указывают в своих работах Д. В. Зинченко и Н. Р. Москвина², отделяя данную группу от иных категорий «стоящих на паперти» (инвалидов, беспризорных детей и т. д.) и подчеркивая тем самым псевдо нищенство «профессионалов».

В целом дефиниция «нищие-профессионалы» коннотирует определенные негативные качества. Рассмотрение статей периодической печати по данной социальной тематике позволяет обозначить ряд оценочных созначений данного понятия, отражающих особенности и характеристики, приписываемые «профессиональным нищим». Среди таких сущностно неотъемлемых качеств можно выделить: наглость — «не просят, а требуют», «не стоят молча, скромно потупив взор, а дергают тебя за руки, настырно тыча пластиковым стаканчиком в лицо: помогай, помогай, помогай!»; алчность — «мне такие деньги не нужны. У вас что, покрупнее нет?», «в магазинах-то копейки не больно берут»; цинизм — «на фига мне эти булочки», «еду мы, конечно, берем. ...Но сами не едим, собакам отдаем»; осознанное нежелание трудоустройства — «я „с протянутой рукой“ заработаю намного больше»; аморальные, а порой противоправные действия — «дерутся между собой, сквернословят», «воруют и калечат детей, — с детьми больше подают»; и др.³

¹ *Нищенство* // Энциклопедический словарь. СПб. : Изд-во А. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1897. Т. 21. С. 208–210.

² *Зинченко Д. В.* Государственная политика по борьбе с профессиональным нищенством в России : 1837–1903 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010 ; *Москвина Н. Р.* Нищенство в современной России... С. 16.

³ «Я здесь за месяц около 25 тысяч рубликов зарабатываю»: профессиональные нищие осаждали Успенский кафедральный собор Бийска // Бийский рабочий. 2011. 6 апр. ; *Мафия* нищих. URL : www.sosdety.ru/mafia.html ; *Соловьев Ю.* О разнице между профессиональным нищим и профессиональным политиком. URL : <http://gidepark.ru/user/1321532991/content/773636> ; *Профессиональные нищие.* URL : <http://h.ua/story/244044>.

Обобщая данные характеристики, за исключением криминальных проявлений, можно сделать вывод, что в общественном сознании коннотация термина «нищий-профессионал» зачастую связана с понятиями «фальшь», «обман», «лицемерие». «Профессионализм» сводится к наигрышу «под нищих». Они апеллируют к образу «обездоленных», не будучи таковыми, и «ложность» их нищеты выдают вышеозначенные негативные проявления. Иначе говоря, опираясь не общественное мнение, отражением которого служат публикации периодической печати, можно выделить «истинных» нищих и «профессионалов». В представлении населения эти две группы «нищих» обособлены и абсолютно полярны. «Истинные» нищие (не без влияния православия и исторической традиции¹) предстают несчастными жертвами обстоятельств, достойными сожаления и помощи, а «профессионалы» видятся циничными лицемерами, строящими свой так называемый бизнес на доверии и жалости людей. Парадоксально, но при всей полярности этих групп демаркационная линия, их разделяющая, находится в визуальной плоскости. Экспертиза различения происходит «на глаз», на основании большей убедительности, реальности воссоздаваемого образа, его соответствия ожидаемому, существующему в обществе представлению об экстремальной бедности и обездоленности.

Обеспечивающие достоверность визуальные эффекты, презентации, роли – всё это позволяет говорить о «драматургии

¹ А. Н. Прохоров, рассуждая о специфике отношения русских к богатству и бедности, справедливо замечает, что сострадательное отношение к бедным и нищим на Руси имеет глубинные традиции и исторически обусловлено природно-климатической спецификой и другими факторами: «...На протяжении большей части русской истории преобладает доброжелательное отношение к нищенству. Более гуманное, чем в Европе, отношение к нищим обусловлено обилием причин, по которым русский человек мог оказаться без средств к существованию, – от тюрьмы да от сумы не зарекайся!» В западных странах нищий с большой вероятностью являлся либо бывшим преступником, либо просто асоциальным человеком, ленивым и бессовестным, и общественное мнение так его и воспринимало. В России же вполне нормальный человек мог оказаться бродягой и нищим. Причины (...): война, лихоимство властей, пожар, неурожай и т. д. Поэтому окружающие относились к нищим как безвинно пострадавшим, им помогали, а не преследовали. Вносило свою лепту и православие. ...Церковь не делила бродяг на достойных и недостойных. ...Еще „Домострой“ предписывал: „И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой, и как можешь, накорми, напои, согрей, милостыню дай, ибо они заступники перед Богом за наши грехи“» (см. : Прохоров А. Н. Отношение русских к богатству и бедности // ЭКО. 2003. № 2. С. 62, 64).

попрошайничества». Данная фраза вынесена в заглавие статьи М. О. Кудрявцевой: «Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики» (2001). Работа основана на результатах социологического исследования, проведенного на улицах Петербурга в 1998–1999 гг. Альтернативность и неформальность работы обусловлена избранием нестандартного теоретического ракурса рассмотрения жизни улиц – через призму концепции драматургической социологии Ирвинга Гофмана. Поведенческие модели нищих рассматриваются как роли, презентации, осознанно разыгрываемые стоящими «на паперти» с целью получения милостыни. М. О. Кудрявцева справедливо замечает, что идущая на улицах «игра» имеет свою внутреннюю логику, правила: «Поведение людей, просящих подавание, достаточно жестко регулировано требованиями презентуемой ими роли: они не могут, например, громко смеяться или пить пиво; они обязаны контролировать свои взгляды и жесты; поведение нищих должно быть тихим и скромным; они могут просить, но не требовать. Все подававшие милостыню люди, с которыми мне удалось побеседовать, отмечали, что у них вызывают раздражение попрошайки, „которые нападают“, „агрессивные нищие“, „смеющиеся дети“ (те, что просят на „покушать“), кто говорит, что „мало, надо добавить еще пятерочку“. Такое поведение не соответствует роли нищего. Это несоответствие может создать у прохожего как зрителя впечатление обмана. Уличение в фальши дискредитирует всю презентацию. В результате представление, целью которого было создание определенного впечатления, из-за таких „промашек“, как громкий смех или публичное распивание пива, приводит к противоположному результату»¹. Замечание М. О. Кудрявцевой подтверждает обозначенное ранее предположение о первостепенности визуального эффекта в формировании впечатления и отношения к стоящему «на паперти».

Важно отметить, что М. О. Кудрявцева в отличие от авторов упоминаемых ранее заметок не делит нищих на «настоящих»

¹ Кудрявцева М. О. Драматургия попрошайничества : социол. описание повседневной практики // Журн. социологии и соц. антропологии. 2001. Т. 4, № 3. С. 75.

и «профессионалов». На основании проведенного исследования она отмечает «игровую» природу деятельности всех собирающихся, моделирующих более или менее убедительно разные типы нищих.

Суждение об относительной гомогенности группы нищенствующих было высказано И. Г. Прыжовым в работах, изданных еще до революции 1917 г. По его мнению, прилагательное «профессиональный» не имеет сущностных характеристик относительно обобщенного термина «нищие», так как в целом «нищими на Святой Руси называется сословие людей, ничего не делающих и промысляющих сбором подаваний»¹.

Косвенно подтверждают вывод о неправомерности разделения данной группы социологи Ф. Н. Ильясов и О. А. Плотникова. Они формулируют критерии причисления нищих к «профессионалам», относя к данной категории лиц, «которые длительное время и систематически занимаются сбором подаваний и для которых милостыня служит одним из основных (или основным) источников дохода»²; при этом авторы подчеркивают, что «большинство опрошенных нищих не скрывали того, что попрошайничество стало их профессией, постоянным занятием, и лишь некоторых временно вытолкнула на паперть отчаянная нужда»³.

И тем не менее обособленная категория нищих-профессионалов упоминается в исторических исследованиях и документах, и, соответственно, существование данной группы не может быть проигнорировано в русле ретроспективного изучения проблем нищенства. В современной отечественной литературе немного данных, позволяющих количественно обрисовать распространение обозначенного «промысла» в СССР (РСФСР). Е. Ю. Зубкова, подчеркивая, что «профессионалы» не определяли «лицо» нищенства в послевоенный период, описывает количественно эту группу как «примерно десятую часть от всех, кто занимался попрошайничеством»⁴.

¹ Прыжов И. Г. Нищие на Святой Руси : материалы для истории обществ. и нар. быта в России. СПб., 1862. С. 9.

² Ильясов Ф. Н., Плотникова О. А. Нищие в Москве летом 1993 г. // Социол. журн. 1994. № 1. С. 150.

³ Там же. С. 151.

⁴ Зубкова Е. Ю. Введение. «Антиобщественные элементы»... С. 21.

О их существовании упоминает В. Ф. Зима, удивляясь, как «органы соцобеспечения и милиция по своим небесспорным критериям умудрялись обнаруживать нищих-профессионалов»¹. В. Ф. Зима отмечает один из таких критериев «выявления» государственными органами профессиональных нищих: «...отказавшихся от дома престарелых записывали в профессионалы, что автоматически означало возможность применения против них судебнo-правовых мер»².

Большинство исследователей отмечают, что нищенство в послевоенные годы являлось регулярным промыслом для жителей целых регионов (при сохранении дореволюционной географии концентрации «профессионалов»). В этом смысле особо можно отметить Калужскую область, где попрошайничеством занималось значительное количество колхозников, систематически отлучаясь в Москву или Ленинград на 7–14 дней и даже привлекая с собой детей как дошкольного, так и школьного возраста. В. Ф. Зима приводит факты, свидетельствующие о том, что нищенством занимались не только рядовые колхозники, но и члены семей руководящих работников колхоза, а также отдельных коммунистов³.

Преимущественное изучение в нашей работе экономических аспектов функционирования советского социума актуализирует еще один аспект проблематики профессионального нищенства – материальные доходы данной «бизнес»-группы. Сегодня достаточно распространена точка зрения о баснословных доходах стоящих «на паперти». Современная пресса активно подкрепляет (формирует) данное убеждение. Результаты исследований социологов также приводят к выводу о достаточно высоких доходах попрошаек. Так, Ф. Н. Ильясов и О. А. Плотникова, публикуя итоги проведенного в 1993 г. исследования, пишут: «По нашим приблизительным подсчетам, часовой заработок нищего колеблется в пределах от 480 до 4 200 р., в среднем же составляет около 960 р., что заметно выше, чем у среднестатистического ра-

¹ Зима В. Ф. Голод в СССР... С. 219.

² Там же.

³ Там же. С. 224.

ботника»¹. «Эти цифры подтверждали и сами нищие»². Справедливо замечая, что доходы нищих зависят от интенсивности подаяний, Ф. Н. Ильясов и О. А. Плотникова высказывают предположение, что «интенсивность подаяния зависит от состояния общественного сознания. На момент (конец июня – начало июля 1993 г.) проведения исследования характерная для российского общества социальная аномия повлекла за собой, – причем в массовых масштабах, – неуверенность в завтрашнем дне, зыбкость социальных ориентиров, смену этических и идеологических парадигм и т. д. Все это приводит, с одной стороны, к росту религиозных и магических настроений, выполняющих функцию психологической защиты, а с другой – к снижению психологической устойчивости, что, в свою очередь, усиливает реактивность к такому, в частности, стимулу, как нищий. И можно с большой долей уверенности утверждать, что если бы, скажем, в 1975 г. в Москве вдруг появилось столько же нищих, сколько сегодня, то интенсивность подаяния была бы значительно ниже»³. Данная гипотеза не безынтересна, и рассуждения авторов не лишены логики. Но, комментируя их, вполне уместно будет вспомнить уже избитую фразу о неприемлемости сослагательного наклонения в исторической науке. Помимо этого вызывает сомнения корректность экстраполяции результатов исследований, проведенных на постсоветском пространстве, в советское прошлое применительно к реконструкции объемов доходов советских нищих. Исторические источники и свидетельства, содержащие данные о доходах советских нищих, весьма немногочисленны и неоднозначно трактуются исследователями. Так, Ш. Фицпатрик указывает на публикуемые в послевоенные годы истории о баснословных доходах граждан, «разыгрывающих нищенство», но, по ее мнению, данные рассказы заслуживают скептического отношения⁴.

¹ По данным Госкомстата средняя месячная заработная плата в России в 1993 г. составляла около 40 тыс. р.

² Ильясов Ф. Н., Плотникова О. А. Нищие в Москве... С. 155.

³ Там же. С. 154.

⁴ Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 241.

В. Ф. Зима не отрицает доходности профессионального нищенства. Хотя автор прямо не пишет об объемах «заработков», он, ссылаясь на материалы Министерства государственного контроля, дает косвенную характеристику благосостояния попрошаек как владельцев «домов с надворными постройками, приусадебных участков земли, скота, домашней птицы, велосипедов и другого имущества»¹, что позволяет говорить о весьма весомом, по меркам послевоенного времени, достатке профессиональных нищих.

Е. Ю. Зубкова также склонна считать, что «профессиональный нищенский промысел, как и до революции, был довольно прибыльным делом»². В качестве аргумента Е. Ю. Зубкова ссылается на содержащиеся в фондах ГАРФ документы – отчеты чиновников МВД СССР. Один из них повествует о задержании в 1957 г. за попрошайничество гр. Буксилина, в доме которого «обыском в подполье обнаружены детская ванна, кадка, два ведра и другая посуда, наполненные разменной монетой советской чеканки общим весом 333 кг (в том числе серебряной монеты 219 и медной 114 кг) на общую сумму 15 000 р.»³ (при средней месячной заработной плате в 1957 г. около 700 р.).

Сравнение прибылей профессиональных нищих со среднемесячными зарплатами позволяет согласиться с выводами о стабильной доходности попрошайничества как сегодня, так и в советский период. Тем не менее прямые сопоставления советских и современных представителей данной группы по уровню благосостояния, на наш взгляд, не вполне приемлемы в силу неидентичности правового статуса сравниваемых. Законодательно в советском социуме нищие, наряду с проститутками, туеядцами, спецпереселенцами и др., находилась вне правового поля. В частности, уже упоминаемый документ о задержании гр. Буксилина информирует: «Деньги сданы в Госбанк. Буксилин привлекается к уголовной ответственности»⁴. Поэтому относительно высокие доходы профессиональных нищих в СССР не га-

¹ Зима В. Ф. Голод в СССР... С. 224.

² Зубкова Е. Ю. Введение. «Антиобщественные элементы»... С. 22.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 91. Д. 264. Л. 6.

рантировали им стабильности благосостояния и, безусловно, не выделяли данную группу как наиболее состоятельную категорию советского универсума.

Итак, сегодня проблема нищенства в 1940–1980-х гг. изучена неравномерно как в хронологическом плане, так и в плане глубины и основательности исследований. Более подробно в отечественной литературе рассмотрены проблемы нищенства в послевоенный период; период же 1960–1980-х гг. фактически не изучен.

Можно ли признать, что исследование проблемы нищенства в СССР в 1960–1980-е гг. не проводилось именно по причине отсутствия данной социальной категории как таковой в реалиях указанного периода, либо это лишь исследовательская лакуна? Вероятно, ответить на сформулированный вопрос поможет комплексное конкретно-историческое исследование, в рамках которого могли бы получить более детальное освещение проблемы материального положения данной группы, а также рассмотрены вопросы имущественного статуса профессиональных нищих в СССР.

В качестве историографических итогов нужно признать, что сам факт обращения исследователей к изучению маргинальных групп в СССР (нищих, спецпереселенцев и т. д.), находящихся ранее вне поля зрения авторов, дает основания говорить о наличии позитивных трендов в отечественном гуманитарном дискурсе. Развитие данных исследовательских тенденций позволяет более колоритно живописать картину советской повседневной жизни, способствуя вместе с тем разрушению стереотипов гомогенности советского социума.

РАЗДЕЛ 2

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ УСЛУГ И УРОВНЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР 1946–1991 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ТОВАРНЫЙ ДЕФИЦИТ

На протяжении всего послевоенного сорокалетия советской истории с высоких трибун не смолкали обещания повысить благосостояние населения путем максимально полного удовлетворения растущих потребностей советских граждан. Необходимость практической реализации данной задачи в плановой экономической системе, когда производитель при выпуске продукции ориентирован в первую очередь на план, не контактируя напрямую с потребителем, предполагала детальное изучение (исчисление) потребностей и увязывание полученных показателей с производством. Актуализация данной проблематики в послевоенный период способствовала активизации исследовательской деятельности по изучению потребностей населения и покупательского спроса как в теоретической, так и в практической плоскости.

Авторы дают разные определения покупательского спроса. Б. М. Левин отмечает, что «спрос в социалистическом обществе – это трансформированная форма потребностей, ограни-

ченная платежеспособностью населения регионов»¹. Близко к формулировке Б. М. Левина определение в словаре «Политическая экономия» (М., 1979): «Спрос – это общественная потребность, выраженная в денежной форме»². По мнению Б. И. Гоголя, «спрос всегда представлен деньгами, которые находятся на руках у населения, и зависит от величины покупательного фонда и уровня розничных цен»³.

В публикациях 1950–1970-х гг. исследователи обращаются и к практическому изучению потребительского спроса населения. В начале 1950-х гг. в связи с отсутствием органов и отделов, занимающихся централизованным изучением спроса, ответственность за выполнение этой задачи целиком и полностью возлагалась на продавца. Именно работник торговли должен был донести полученную информацию о спросе до вышестоящих инстанций, а оттуда она должна попасть на фабрики. В публикациях журнала «Советская торговля» первой половины 1950-х гг. (авторами зачастую были директора магазинов или товароведы) предлагается несколько методов изучения потребностей населения. С. Комолов, Т. Н. Саблина, А. Овсянников, А. Чикин, Н. Яшнов⁴ предлагали в качестве метода изучения спроса конференции покупателей. Исследователи А. Моргунов и Э. И. Штейн⁵ настаивали на большей эффективности проведения специализированных недель продажи определенного товара. Наиболее объективные данные о спросе, по мнению Н. Арашкевича, К. Ахполова, Н. Ершова, С. Кашина⁶, можно получить из

¹ Левин Б. М. Социально-экономические потребности : закономерности формирования и развития. М., 1974. С. 147.

² Политическая экономия... С. 369.

³ Гоголь Б. И. Платежеспособный спрос и розничный товароборот. М., 1968. С. 15.

⁴ Комолов С. Совершенствовать формы и методы обслуживания покупателей // Сов. торговля. 1952. № 4 ; Саблина Т. Н. Изучение неудовлетворенного спроса населения // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956 ; Чикин А. Начало большой работы // Сов. торговля. 1952. № 3 ; Яшнов Н., Овсянников А. Улучшаем торговлю одеждой // Там же. 1953. № 4.

⁵ Моргунов А. Наш опыт показа и расширения продажи товаров // Сов. торговля. 1952. № 4 ; Штейн Э. И. Изучение покупательского спроса населения на основе учета продажи товаров // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956.

⁶ Арашкевич Н. Увеличить выпуск продукции предприятиями обществ. питания // Сов. торговля. 1953. № 7 ; Ахполов К. Изучение спроса на культтовары // Там же. 1953. № 7 ; Ершов Н. Из практики работы по изучению спроса // Там же. 1953. № 1 ; Кашин С. Как мы боремся за качество товаров // Там же. 1952. № 1.

разговора с покупателем. Хотя, по мнению М. Абаянцева¹, общение с покупателем не всегда обязательно, продавец должен заметить реакцию покупателя на товар или подслушать разговор по поводу продукции. Такая специфика целей и методов изучения спроса в публикациях 1950-х гг. свидетельствует, что исследования данной проблематики находились в начальной стадии; сбор материала по теме только начинался, и результат не всегда был безупречен.

Во второй половине 1950-х гг. проблема методов изучения покупательского спроса становится достаточно популярной темой экономических исследований вследствие расширения торговой сети и в связи с необходимостью реализации задачи по сокращению издержек обращения.

Изучение проблемы ведется на базе НИИ торговли и общественного питания, а также профильных вузов: Ленинградского института советской торговли им. Ф. Энгельса, Киевского института торговли, Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, Свердловского института народного хозяйства. По сравнению с первой половиной десятилетия во второй половине 1950-х гг. меняется характер публикаций, посвященных спросу: повышается их научный уровень, они приобретают более обобщенный характер, меняются методы изучения проблемы. С помощью статистических данных, отражающих динамику продаж товара, предлагают изучать спрос Л. Т. Александрович, А. А. Вакулов, В. К. Задорожный, Р. С. Назаров, М. М. Степанко, Э. И. Штейн² и др. О. Г. Демешко и И. И. Корженевский³ исследуют структуру и модели потребления различных групп городского населения, используя материалы социологических исследований. С помощью математических методов исследуют

¹ *Абаянцев М.* Наш опыт изучения спроса покупателей // Сов. торговля. 1952. № 3.

² *Александрович Л. Т.* Сезонность в торговле детской одеждой и планирование товарооборота // Вопр. экономики и орг. торговли. Киев, 1965; *Вакулов А. А.* Прогрессивные формы торговли швейными товарами // НИИТОП. М., 1964; *Задорожный В. К., Степанко М. М.* Определение потребностей населения в картофеле и овощах // Вопр. экономики и орг. торговли. Киев, 1965; *Назаров Р. С.* Методика изучения уровня продажи осн. продовольств. товаров // НИИТОП. М., 1957; *Штейн Э. И.* Указ. соч.

³ *Демешко О. Г.* Спрос на предметы длительного пользования и методы его определения // Вопр. экономики и орг. торговли. Киев, 1965; *Корженевский И. И.* Указ. соч.

проблему спроса И. Палош, М. Зафир, М. А. Итин, Г. Л. Трахтенберг, М. Цанов¹.

Начиная с середины 1960-х гг. количество экономических публикаций, посвященных методам изучения спроса городского населения, уменьшается. Причиной тому явилось создание в 1965 г. Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению конъюнктуры торговли и спроса населения на товары народного потребления (ВНИИКС), целью которого было централизованное изучение спроса, обеспечивающее возможность планирования.

Публикации экономистов, посвященные методам изучения покупательского спроса, выходят и в последующие годы², но зачастую в них излагается только методика сбора и обработки информации о спросе с целью дальнейшей передачи ее во ВНИИКС. На основании этих данных строились выводы и ответ на главный вопрос: насколько спрос населения удовлетворен? Оценки уровня удовлетворения спроса населения изменялись, так как на протяжении периода не были статичны потребности населения СССР, объемы производства и отношение к потреблению в целом.

Необходимо также более подробно остановиться на характеристике идеального баланса между спросом и предложением в социалистическом обществе в понимании советских экономистов и политических лидеров в 1940–1980-х гг.

В сталинский период проблема идеального баланса спроса и предложения виделась следующим образом: в социалистическом обществе спрос всегда опережает предложение, в то время как при капитализме предложение обгоняет спрос. Данное утверждение содержалось в работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»³ и в экономических публи-

¹ Итин М. А. Методика изучения потребления важнейших непродовольств. товаров / НИИТОП. М., 1957; Палош И., Зафир М. Некоторые вопросы применения натур. показателей потребления продовольств. товаров // Жизненный уровень / [пер. с венг. под ред. Я. Н. Ханелиса]. М., 1966; Трахтенберг Г. Л. Организация и методы изучения покупок. Спроса / НИИТОП. М., 1956; Цанов М. Некоторые вопросы соизмерения доходов и потребления рабочих и крестьян // Жизненный уровень. М., 1966.

² Изучение спроса на товары народного потребления...

³ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

кациях начала 1950-х гг.¹ Исходя из логики предложенного утверждения, «спрос всегда опережает предложение», а наличие товарного дефицита является нормальным состоянием экономики.

После смерти И. В. Сталина на волне десталинизации данное утверждение было признано ошибочным заблуждением руководства, хотя ряд авторов (В. А. Ежов, Н. В. Медведев² и др.) придерживались данной точки зрения и в последующие годы. В частности, Н. В. Медведев делит все товары на две группы: 1) «товары самого широкого потребления» (соль, хлеб, мыло и т. д.), спрос на которые удовлетворяется полностью; 2) «товары с особо высокими качествами и товары, не являющиеся предметами первой необходимости» (радиоаппаратура, мясо, шелк и т. д.), спрос на которые удовлетворяется не полностью. В соответствии с данной схемой нехватка товаров второй группы – нормальное условие развития социалистической экономики.

Статья Н. В. Медведева вызвала резонанс и острую критику. Б. И. Гоголь, М. Б. Россинский, В. П. Станиславский, И. Г. Степанов, А. С. Черняк³ отстаивали кардинально противоположную точку зрения. По их мнению, предложение при капитализме обгоняет спрос, в результате чего население капиталистических стран голодает; в социалистическом обществе существует баланс между потребностями и возможностями (между спросом и предложением, контролируемый государством), хотя П. С. Мстиславский и Я. Л. Орлов высказывают в своих работах⁴ иную точку зрения. По их мнению, «в социалистическом обществе важно, чтобы производство опережало потребительский спрос».

¹ Кистанов Я. А. Основные этапы развития советской торговли // 35 лет советской торговли. М., 1952.

² Ежов В. А. Рабочие Ленинграда в годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1945–1955) : автореф. дис ... д-ра ист. наук. Л., 1968 ; Медведев Н. В. Об основном противоречии социалистического производства // Вопр. философии. 1956. № 4. С. 67–73.

³ Гоголь Б. И. О соотношении между спросом и предложением в социалистическом обществе... ; Он же. Торговля в период строительства коммунизма... ; Россинский М. Б. Указ соч. ; Степанов И. Г. Отношение социалистического потребления. М., 1969 ; Черняк А. С., Станиславский В. П. Платежеспособный спрос и производство при социализме // Партийная жизнь. 1956. № 12.

⁴ Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... ; Орлов Я. Л. Торговля и производство... С. 18.

Таким образом, в течение исследуемого периода теоретическое видение идеального соотношения спроса и предложения в социалистическом обществе изменилось на 180 градусов – от доминирования спроса над предложением в начале 1950-х гг. до видения нормы в преобладании предложения над спросом в работах 1960–1970-х гг.

Иначе проблема идеального взаимодействия спроса и предложения в СССР рассматривалась в 1980-е гг. В связи с накоплением сверхнормативных запасов и значительными материальными потерями от уценки в торговой сети проблема преобладания производства над потреблением характеризуется авторами как идеальный вариант экономического баланса уже не так однозначно. В качестве примера можно привести цитату из уже упоминавшейся монографии Р. А. Чайнова и В. М. Синюткина, вышедшей в 1984 г., в которой исследователи, рассуждая на данную тему, приходят к выводу, что «нет однозначного ответа, должно ли производство преобладать над потреблением (спросом)»¹.

Помимо теоретических вопросов изучения покупательского спроса, в историко-экономических исследованиях советского историографического этапа значительное внимание уделено разработке проблематики фактического обеспечения горожан продовольственными и промышленными товарами.

Первые публикации, авторы которых касаются данной тематики, появляются уже во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Можно отметить работы Н. К. Амотова, А. И. Викентьева, Я. М. Жуковского, М. П. Тарасова, К. Д. Чеботарева², написанные в научно-популярном ключе, а также экономические исследования Б. И. Гоголя, Я. А. Кистанова, М. Лифица, Ф. Я. Об-

¹ Чайнов Р. А., Синюткин В. М. Производство товаров народного потребления : соц. экон. аспект. М., 1984. С. 14.

² Жуковский Я. М. Повышение материального и культурного уровня жизни народа в новой пятилетке. М., 1946 ; Бенедиктов И. А. Развитие сельского хозяйства в послевоенной пятилетке. М., 1947 ; Викентьев А. И. Неуклонный подъем уровня жизни советского народа. М., 1947 ; Амотов Н. К. Забота социалистического государства о нуждах народа. М., 1947 ; Чеботарев К. Д. Советский народ в борьбе за досрочное выполнение послевоенной пятилетки. М., 1948 ; Тарасов М. П. Забота партии и правительства о подъеме материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. М., 1950 ; и др.

ловацкого¹. Послевоенное развитие экономики рассматривается исследователями в контексте принятия и соответствия пятилетнему плану. Рассуждая о реалиях послевоенного времени, авторы отмечают некоторые сложности в снабжении городского населения и даже «острый дефицит» продуктов питания, объясняя ситуацию объективными трудностями восстановления разрушенного войной хозяйства. Не замалчивая проблему, они тем не менее не приводят конкретных данных о послевоенном дефиците и объемах потребления горожан, акцентируя внимание читателей на том, что, несмотря на сложности послевоенного периода, ощутимые экономические и людские потери, общей тенденцией динамики жизненного уровня и потребления городского населения был его стремительный рост, обусловленный, в числе прочего, «направляющей и ведущей ролью партии».

Одной из первых работ, посвященных изучению системы обеспечения населения продовольственными и промышленными товарами через государственную и колхозную торговлю в послевоенное время, стало исследование В. Соколова и Л. Назарова. Опираясь на официальные статистические данные, они стремились показать положительную роль советской системы торговли в повышении уровня жизни рабочих и уделили большое внимание описанию ее основных черт и достижений (развитию торговой сети, увеличению товарооборота, насыщению прилавков магазинов товарами и т. д.)².

О специфике отражения реалий 1940-х – начала 1950-х гг. в послевоенной советской историографии рассуждает В. А. Литвинов. Он справедливо замечает, что «после войны в рамках планового ведения народного хозяйства применительно к оценке потребления был выработан весьма характерный для плановой системы подход «от достигнутого». Вопрос об абсолютном размере (объеме) потребления не ставился: низкий он или высокий, достаточен или не достаточен для решения задачи элементарного жизнеобеспечения – не важно. Признавалась важной

¹ Гоголь Б. И. Советская торговля и ее роль в нар. хоз-ве... ; Кистанов Я. А. Указ. соч. ; Лифиц М. Советская торговля и ее роль в экон. жизни страны. М., 1951 ; Обловацкий Ф. Я. Указ. соч. ; Успенский Ф. Я. Развитие обществ. питания // 35 лет сов. торговли. М., 1952.

² Соколов В., Назаров Л. Советская торговля в послевоенный период. М., 1954.

лишь динамика явления; главными становились темпы роста сами по себе, без учета того базового уровня, по отношению к которому они подсчитывались. Главное, что двигаемся вперед... особенно, если сравнивать с 1913 г.¹ Несмотря на некоторую иронию В. А. Литвинова, на наш взгляд, применительно к оценке послевоенного уровня потребления в публикациях начала 1950-х гг. подход «от достигнутого» вполне оправдан, соответствуя, с одной стороны, уровню научного осмысления проблемы, возможности которого были ограничены вследствие узкой источниковой базы, а с другой – позволяя обозначить положительную динамику послевоенного социально-экономического развития, обходя болевые точки и проблемы уровня жизни (или точнее – уровня существования, что более справедливо применительно к послевоенным советским реалиям).

В 1950–1960-е гг. появляются публикации, в которых вопросы снабжения городского населения и уровня реализации потребительского спроса гораздо лучше изучены в экономическом и историческом плане. В эти годы проводятся масштабные экономические исследования уровня жизни населения страны, в которых, наряду с другими аспектами благосостояния, рассматривались вопросы продовольственного и промышленного обеспечения граждан в 1940–1960-е гг. Наиболее крупными экономическими работами по данной тематике являются уже упоминавшиеся монографии и статьи Н. И. Бузлякова, Б. И. Гоголя, О. Е. Губаревой, Н. С. Лагутина, В. Ф. Майера, М. В. Мартынова, П. С. Мстиславского, Я. Л. Орлова, Г. С. Саркисяна, С. П. Фигурнова, В. В. Швыркова, Ю. Л. Шнирлина, И. Н. Шутова². Авторы отмечают ежегодное увеличение потребляемых населением продук-

¹ Литвинов В. А. Правда о вкусной и здоровой пище : показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2. URL : <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/LITVINOV.HTM>.

² Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ. соч. ; Гоголь Б. И. Торговля в период строительства коммунизма. М., 1962 ; Губарева О. Е. Источники роста народного благосостояния... ; Лагутин Н. С. Проблемы сближения уровня жизни... ; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... ; Он же. К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека. М., 1969 ; Орлов Я. Л. Личное потребление и товарооборот... ; Орлов Я. Л., Мартынова М. В. Развитие торговли – неотъемлемое условие бесперебойного снабжения населения продуктами. М., 1983 ; Саркисян Г. С. Рост благосостояния советского народа... ; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата... ; Швырков В. В. Закономерности потребления промышленных и продовольственных товаров. М., 1965 ; Шнирлин Ю. Л. Указ. соч. ; Шутов И. Н. Указ. соч.

тов питания (как в натуральном эквиваленте, так и в процентном соотношении к 1940 г.), качественное улучшение рациона горожан, выраженное в увеличении потребления таких «высокопитательных» продуктов, как мясо и молоко, а также улучшение снабжения промышленными товарами.

В публикациях 1950-х – первой половины 1960-х гг. исследователи пишут о дефиците промышленных товаров как о проблеме частной, эпизодической, объясняемой несвоевременной доставкой продукции со склада¹, плохо рассчитанным спросом², нерасторопностью директоров и торговых работников. Б. И. Гоголь, отмечает, что нехватку товаров можно объяснить тем, что «общество еще не в состоянии выделять на производство каждого предмета столько общественного рабочего времени, чтобы его производство полностью соответствовало размерам общественной потребности»³. Интересно мнение П. С. Мстиславского, который считает, что «отставание производства от потребностей досталось социалистическому обществу как наследство капиталистической эпохи»⁴, и не может быть ликвидировано немедленно.

В середине 1950-х гг. Т.Н. Саблиной⁵ была предпринята попытка исследования дефицита. Автор делит неудовлетворенный спрос по степени востребованности товара на три группы: единственный (товар спрашивают не более 5 раз в день); частый (не более 15); массовый (отсутствующий товар спрашивают более 15–20 раз в день). Хотя эта систематизация не закрепилась в литературе и не была использована другими авторами в дальнейших исследованиях, тем не менее из нее следует, что одним из

¹ Сазонов В. Контроль за выполнением плана товарооборота и состоянием товарных запасов // Сов. торговля. 1952. № 1 ; Трифонов С. Повысить культуру торговли в универсамах // Там же. 1953. № 2 ; Яшинов Н., Овсянников А. Улучшаем торговлю одеждой // Сов. торговля. 1953. № 4.

² Быстрыкин А. Всемерно развивать торговлю культтоварами на селе // Сов. торговля. 1953. № 9 ; Коленко А. Товарные запасы и их нормирование // Там же. 1958. № 7 ; Павлов Д. Больше товаров для населения // Там же. 1958. № 7 ; Преисман Г. Об ассортименте и качестве галантерейных товаров // Там же. 1953. № 11.

³ Гоголь Б. И. О соотношении между спросом и предложением... С. 9.

⁴ Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... С. 68.

⁵ Саблина Т. Н. Изучение неудовлетворенного спроса населения // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956.

аспектов дефицита в понимании авторов являлось количественное отсутствие товаров в магазине.

Значительное количество публикаций, в которых рассмотрены вопросы реализации покупательского спроса, а также динамики уровня потребления продовольственных и промышленных товаров городским населением РСФСР в послевоенное тридцатилетие, выходят в свет в 1970–1980-е гг. Именно в эти годы появляются первые исторические исследования, авторы которых касаются данной тематики. Среди различных категорий советского городского социума преимущественное внимание историков было сосредоточено на изучении рабочего класса. Динамика роста благосостояния и потребления рабочих страны¹ и отдельных регионов², имевшая место в 1940–1970-х гг., отражена в значительном количестве публикаций. Для большинства работ характерно дробление материала в соответствии с пятилетками. В качестве источников исследования в подавляющем большинстве публикаций использованы статистические данные, материалы прессы, значительно реже – данные бюджетных обследований и социологических опросов. Авторы отмечают непрерывный рост благосостояния, а также улучшения качества потребляемых населением товаров, происходящий на протяжении всего периода 1940–1970-х гг. благодаря «эффективному партийному руководству» и «трудовому подвигу масс». На существовании проблем в сфере снабжения горожан промышленными и продовольственными товарами в период второй половины 1940-х –

¹ *Смирнов А. В.* Рабочие промышленности СССР. 1945–1970 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1984 ; и др.

² *Алексеев В. В., Букин С. С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980 ; *Бегиян С. Д.* Рост материального благосостояния трудящихся Урала (1959–1965 гг.) // Ист. наука на Урале за 50 лет (1917–1967). Свердловск, 1967. Вып. 1 ; *Букин С. С.* Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. Новосибирск, 1984 ; *Кузеев Р. Г.* Рабочий класс – создатель коммунизма. Уфа, 1969 ; *Он же.* Формирование и развитие советского рабочего класса... ; *Кузеев Р. Г., Ямалов М. Б.* Указ соч. ; *Максимова Л. А.* Рабочие нефтегазовой промышленности Коми АССР в годы восьмой пятилетки. 1966–1970 гг. Л., 1984 ; *Раднаева Л. Н.* Рабочий класс Бурятской АССР (1946–1960) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1983 ; *Сулейманова О. П.* Рост материального благосостояния рабочего класса... ; *Трофимов А. В.* Рост реальных доходов трудящихся Среднего Урала (1959–1965) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма : сб. науч. тр. Свердловск, 1982 ; *Широков Г. А.* Промышленные рабочие послевоенного Поволжья. Саратов, 1987 ; и др.

1970 г. историки не фокусируют внимание, отмечая, что определенные сложности наблюдались в послевоенный период (и были вызваны объективными причинами – трудностями послевоенного восстановления). В последующие годы существование ряда частных проблем в данной сфере не дает оснований для корректировки общего вектора социально-экономического развития страны.

Позитивные характеристики динамики товарного потребления городского населения РСФСР в 1960–1980-е гг., данные в работах экономистов, включают в себя полное удовлетворение калорийности ежедневного рациона питания горожан, достигнутое к 1970-м гг., а также тот факт, что «многие потребности в материальных благах уже близки к насыщению». В то же время во многих публикациях не замалчивается существование товарного дефицита в государственной торговле¹. Авторы отмечают систематическое отсутствие в отечественной торговой сети (как в центре, так и в регионах РСФСР) мармелада, конфет в коробках, некоторых наименований карамели и печенья, мясных и рыбных консервов, а также холодильников, меховых головных уборов, махровых полотенец, пальто, одеял и т. д., определяя уровень неудовлетворенного спроса как «достаточно высокий». В качестве причин товарного дефицита авторы называют как частные региональные особенности товарооборота и производства товаров², так и общие проблемы: недостаточный выпуск определенных видов продуктов, неправильную фасовку и потери при транспортировке и хранении – от 1/10 части сборов до 15% урожая.

¹ Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ соч.; Караулов В. П. Роль торговли в воспроизводстве рабочей силы // Формирование и использование квалифиц. кадров в нар. хоз-ве. Свердловск, 1982; Левин А. И. Социально-экономические проблемы развития спроса населения в СССР. М., 1969; Локшин Р. А. Спрос, производство, торговля. М., 1975; Манова С. А. Источники формирования и территор. дифференциация нар. потребления. Сыктывкар, 1972; Орлов Я. Л. Торговля и производство: экономические связи. М.: Экономика, 1977; Орлов Я. Л., Мартынова М. В. Развитие торговли – неотъемлемое условие бесперебойного снабжения населения продуктами. М., 1983; Серебренникова Л. Н. Розничный товарооборот – важный показатель жизненного уровня населения // Уровень жизни населения и труд. ресурсы круп. экон. р-на. Свердловск, 1976; Струев А. И. Товаров больше – торговать лучше. М., 1971; Тихонов В. Продовольственная программа СССР // Вопр. экономики. 1982. № 7.

² Ерохин С. Н. Организация торговли в труднодоступных районах. М., 1978; Серебряков С. В. Планирование городской торговой сети. М., 1968.

С целью ликвидации неудовлетворенного спроса и решения продовольственной проблемы в начале 1980-х гг. в масштабе страны была принята «Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации», «призванная обеспечить прогресс всего народного хозяйства»¹ путем подъема сельского хозяйства, сокращения потерь и т. д. Принятие Программы было, естественно, одобрительно воспринято авторами публикаций первой половины 1980-х гг., которые вслед за правительственными постановлениями призывали «усилить работу по выполнению „Продовольственной программы“, видя в ней реальные перспективы ликвидации экономических трудностей.

Не столь оптимистичны рассуждения о перспективах реализации «Продовольственной программы» авторов, чьи работы выходят в свет в конце 1980-х – начале 1990-х гг.², так как к началу 1991 г. стало очевидно, что не удалось претворить в жизнь запланированные мероприятия. Продовольственная обеспеченность населения в 1990 г. оказалась меньшей по сравнению с 1986 г. Речь шла о том, чтобы обеспечить хотя бы уровень 1990 г. Поэтому многие исследователи, чьи публикации вышли в свет во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., пишут о продовольственном дефиците, отмечая его масштабность и постоянное отсутствие большинства товаров в торговой сети³. В качестве частных причин товарного дефицита А. П. Введенский, А. С. Зайченко, В. П. Караулов, А. А. Пряхин⁴ называют потери при транспортировке товаров и недостатки, связанные с хранением продуктов. Данную причину нехватки продовольствия отмечали авторы в публикациях 1970-х гг., но объемы потерь, обозначенные в работах второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. значи-

¹ *Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации.* М., 1982.

² *Рогалина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути.* М., 1989.

³ *Гольденберг И. А. Указ. соч. ; Исторический опыт и перестройка... ; На пороге кризиса : нарастание застойных явлений в партии и обществе.* М., 1990; *Социальная сфера : политическое и духовное развитие общества... ; Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые.* М., 1988.

⁴ *Введенский А. П. Инвестиции в торговле России // Торговля и бытовое обслуживание.* 1991. № 11; *Зайченко А. Указ. соч. ; Караулов В. П., Пряхин А. А. Указ. соч.*

тельно выше. По данным А. П. Введенского, «на полях и в пути гибнет до 1/3 всего добра»¹.

Помимо частных факторов товарного дефицита, исследователи в работах конца 1980-х гг. впервые отмечают и его «глобальные» причины. А. С. Зайченко, А. И. Кравченко и В. Шубкин и др.², ссылаясь на работы Я. Корнаи³, рассматривают дефицит продовольствия как «плод жизнедеятельности тоталитарной государственно-бюрократической системы руководства» и «казарменного социализма». Согласно данному высказыванию весь советский период является попыткой создать псевдоэкономическую, «нерыночную», «командно-административную» систему, не способную обеспечить приемлемый уровень потребления населению, вынужденного выстаивать в очередях и получать продукты по карточкам-талонам либо совершать «продуктовые» турне в столицу на протяжении всего советского периода, довольствуясь минимумом. Нельзя не отметить, что появившиеся во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. работы Я. Корнаи и других зарубежных исследователей оказали влияние на формирование современной российской либеральной концепции рассмотрения исторического процесса и социально-экономических аспектов развития страны во второй половине XX в. Теоретические постулаты, предложенные Я. Корнаи, фактически полностью повторяются сегодня в трудах обществоведов либеральных убеждений.

На современном историографическом этапе, в связи с расширением возможностей исследовательского поиска (увеличением и обновлением источниковой базы и методов исследований, снятием идеологического контроля и расширением методологического инструментария), все большее внимание исследователей привлекают вопросы снабжения населения РСФСР второй половины XX в. – периода формирования и развития советского индустриального общества. Вероятно, интерес к дан-

¹ Введенский А. П. Инвестиции в торговле России... С. 20.

² Зайченко А. С. Указ. соч. ; Кравченко А. И. «Мир наизнанку» : методология превращенной формы // Социс. 1990. № 12 ; Народное благосостояние... ; Шубкин В. Указ. соч.

³ Корнаи Я. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту преобразований. М., 1990.

ной тематике не в последнюю очередь продиктован необходимостью осмысления на новом историческом этапе советской модели социально-экономического развития, а также важностью объективной оценки эффективности ее функционирования как в различные исторические периоды, так и в плане возможности обеспечения высокого уровня благосостояния и потребления в рамках социалистической системы.

Отказ от моноконцептуального рассмотрения социально-экономических проблем периода привнес в современную историографию массу новых ракурсов, в соответствии с которыми события 1946–1991 гг. получают разную интерпретацию, в результате чего традиционные для советской историографии оценки и не требующие доказательства постулаты трактуются иначе.

Значительный интерес у современных отечественных исследователей вызывает послевоенный период советской истории, определяемый зачастую в парадоксальных, а порой и взаимоисключающих категориях – послевоенного голода и товарного изобилия, трудовых подвигов и социальных протестов. Историографические аспекты проблематики снабжения городского населения РСФСР освещены в общих чертах В. Л. Пянкевичем в его исследовании «Восстановление экономики СССР (середина 1945 – середина 1950-х гг.). Историография» (СПб., 2001)¹. В дальнейшем некоторые историографические итоги изучения темы были подведены в диссертационных работах, посвященных проблематике уровня жизни населения в послевоенные годы, но авторы которых не выделяли вопросы снабжения и потребления, рассматривая их в общей массе публикаций, посвященных благосостоянию горожан.

Проблематика фактического обеспечения горожан продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы достаточно освещена в современной отечественной историографии – как в обобщающих работах, посвященных социально-экономическому развитию советской страны, так и в ло-

¹ Пянкевич В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 1945 – середина 1950-х гг.). Историография. СПб., 2001.

кальных исследованиях, авторы которых ограничиваются в изучении социальной проблематики периода анализом отдельных регионов. Разработки, посвященные данной тематике, имеют ряд специфических черт. При рассмотрении проблем обеспечения населения товарами и, что более важно, при выявлении динамики потребления в указанные годы авторы учитывают специфику периода как этапа послевоенного восстановления хозяйства, а также не обходят вниманием послевоенные реформы – отмену карточной системы и ценовые снижения, так как изменения, произошедшие в сфере потребления горожанами промышленных и продовольственных товаров, напрямую связаны с последствиями означенных реформ.

Среди обобщающих исследований можно отметить упомянутые ранее публикации В. П. Попова¹, который показал себя ведущим специалистом по комплексному анализу уровня жизни населения СССР в послевоенные годы и разработки государственной политики в этой области. Также интерес представляет работа коллектива авторов, объединенная в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» под редакцией Ю. Н. Афанасьева и В. С. Лельчука². В ней рассматриваются различные аспекты экономической политики СССР в послевоенный период, а также механизм управления народным хозяйством. На изучении целей, специфики и результатов послевоенной экономической политики сфокусировано исследовательское внимание в монографиях Р. Г. Пихоя, А. А. Данилова и А. В. Пыжикова³. Проблематика благосостояния и потребления городского населения в послевоенные годы рассмотрена в исследованиях Г. И. Ханина⁴, по мнению которого период 1940–1950-х гг. следует рассматривать как вторую индустриализацию в СССР, причем прошедшую более успешно и интенсивно, чем первая. В целом рассмотрение социальной истории периода

¹ Попов В. П. Экономическая политика совет. гос-ва. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000.

² Советское общество : возникновение, развитие, исторический финал : [в 2 т.] / под ред. Ю. Н. Афанасьева, В. С. Лельчука. М., 1997. Т. 2.

³ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Указ. соч. ; Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. М., 1998.

⁴ Ханин Г. И. Советское экономическое чудо : миф или реальность? // Свободная мысль – XXI. 2003. № 7.

в ракурсе «истории власти», предполагающем характеристику социальных процессов как результатов намеренного политического инжиниринга, достаточно популярно в современной отечественной историографии.

Одним из важных событий, повлиявших на изменение спроса и потребления городского населения, является отмена карточной системы. В работах исследователей советского периода в качестве причин реформы назывались восстановление народного хозяйства и необходимость повышения уровня жизни населения, а также подчеркивались её положительные социально-экономические последствия, обусловившие в числе прочего повышение уровня продовольственного потребления горожан.

В публикациях современного историографического этапа авторы дают различные, далеко не столь однозначные, оценки реформ послевоенных лет. По мнению В. А. Волынцева, А. В. Молодчика, В. П. Попова, М. Р. Струговой, отмена карточной системы никоим образом не имела целью улучшение снабжения населения. Повышение уровня жизни вообще не входило в планы советского руководства (чем и обусловлены сложности в данной сфере). Главной же задачей правительства была «стабилизация политического режима, сумевшего в годы войны не только сохраниться, но и заметно окрепнуть», которая реализовывалась за счет максимальной эксплуатации промышленных рабочих и крестьян¹. (Данная оценочная позиция, представленная преимущественно в либеральной историографии и широко распространенная в публикациях 1990-х гг., сегодня теряет свою популярность, уступая место менее категоричной точке зрения, сторонники которой склонны считать, что геноцид собственного

¹ Волынец В. А. Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее влияние на уровень жизни населения страны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002 ; Молодчик А. В. Указ. соч. ; Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы... ; Стругова М. Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе... ; Она же. 1946–1947 гг. на Кубани : голод или «временные перебои с хлебом?» // Третьи лит.-ист. чтения : материалы науч.-теорет. конф. Краснодар, 2001 ; Она же. К вопросу о соц.-экон. последствиях войны на Кубани (был ли голод в 1946–1947 гг.?) // Россия в войнах XX в. : материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2001 ; Она же. Социальная катастрофа – голод на Кубани в 1946–1947 гг. // *Historia Caucasica* : регион. ист. сб. науч. ст. Краснодар, 2004. Вып. 2 ; Она же. Ожидания и реальность : восприятие кубанцами отмены карточной системы в 1947 г. // Человек на ист. поворотах XX в. / под ред. А. Н. Еремеевой, А. Ю. Рожкова. Краснодар, 2006.

населения не входил в планы правительства в послевоенные годы.)

А. В. Пыжиков, в своей работе рассуждая о причинах и последствиях отмены карточной системы, не столь категоричен в антиправительственных обвинениях; тем не менее он замечает, что данное мероприятие имело существенные негативные последствия. В качестве причины реформы автор называет недостаток продовольствия, «вынудивший власти урезать снабжение населения хлебной продукцией за счет „упорядочения“ карточной системы»¹.

Реформе сопутствовала мощная пропагандистская кампания успехов, достигнутых советской экономикой, но фактически, по справедливому замечанию А. В. Пыжикова, «государство сняло с себя всякие обязательства по гарантированному карточному снабжению городского населения и рабочих»², что, естественно, привело к снижению объема потребляемых продовольственных товаров. К аналогичным выводам относительно векторности произошедших после реформы изменений в жизни горожан приходят историки И. М. Волков, Е. Ю. Зубкова, О. В. Хлевнюк, Н. В. Хомякова³. На основании анализа значительного объема архивных данных, материалов бюджетной статистики, дневников и писем послевоенных лет Е. Ю. Зубкова приходит к выводу, что сокращение контингента населения, находящегося на нормированном снабжении, существенно подорвало жизненный уровень многих семей (главным образом, неработающих взрослых иждивенцев). И. М. Волков и О. В. Хлевнюк считают, что последствия отмены карточной системы стали одной из главных причин голода, поразившего многие регионы РСФСР зимой 1946–1947 гг. Н. В. Хомякова, разделяя мнение о преимущественно негативных социальных последствиях отмены карточек, в то же время справедливо замечает, что идеализировать карточную систему не стоит, так как ее существование

¹ Пыжиков А. В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ... С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество...; Волков И. М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // Отечество. история. 1991. № 5; Хлевнюк О. В. Указ. соч.; Хомякова Н. В. Продовольственное обеспечение населения Южного Урала...

в послевоенные годы «порождало массу преступлений, связанных с подделкой, спекуляцией и хищениями»¹.

Г. И. Ханин, рассуждая о последствиях послевоенного формирования, описывает качественно иную ситуацию. По его мнению, после реформ в конце 1940-х гг. (отмены карточек и денежной реформы) положение на потребительском рынке улучшилось: «Можно сослаться на устные свидетельства пожилых людей, вспоминавших об изобилии многих, ставших впоследствии дефицитными, товаров в конце 1940-х гг. не только в столицах, но и в других крупных городах»².

С выводами Г. И. Ханина можно согласиться, при этом оговорив, что изобилие товаров и увеличение потребления – не всегда одно и то же. Факты изобилия товаров в магазинах в конце 1940-х гг. отметят в своей работе А. А. Данилов и А. В. Пыжиков, но опишут это событие следующим образом: «В течение года товары придерживали, а после обмена денег их „выбросили“ на рынок, но уже по новым ценам. Сработал эффект показного изобилия за счет снижения покупательной способности населения»³.

Характеризуя уровень фактического продовольственного потребления горожан в послевоенные годы, авторы, независимо от объекта исследовательского поиска, а также источников, лежащих в его основе, сходятся во мнениях, что во второй половине 1940-х гг. качество и калорийность питания оставляли желать лучшего. В. П. Попов, характеризуя уровень питания горожан на основании анализа бюджетных обследований семей рабочих Москвы, приходит к выводу, что «по многим важнейшим продуктам (мясо, рыба, сахар, овощи) рабочие едва получали половину полагающейся физиологической нормы питания»⁴, так как питание рабочих в послевоенный период было преимущественно хлебно-картофельным, и если потребление хлеба несколько снизилось в 1950 г. в сравнении с довоенным уровнем, то потребление малопитательного, но зато дешевого картофеля,

¹ Хомякова Н. В. Продовольственное обеспечение населения Южного Урала... С. 116.

² Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008.

³ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 108–109.

⁴ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы... С. 70.

по подсчетам В. П. Попова, возросло на треть¹. Наряду с хлебом, это был продукт, потребление которого превышало физиологическую норму.

Значительно более критическая оценка уровня послевоенного продовольственного обеспечения горожан дана в работе М. Я. Геллера и А. М. Некрича², рассматривающих историю СССР с крайне либеральных позиций. По мнению авторов, в послевоенный период «население страдало от нехватки товаров первой необходимости, в то время как огромные средства вкладывались в строительство дворцов-небоскребов в Москве и монументов, призванных увековечить эпоху Сталина. А Советское правительство щедрой рукой раздавало подарки своим восточноевропейским сателлитам»³. Более детально об объемах потребляемых продуктов авторы не пишут, но общая тональность изложения материала, вообще не дает оснований предполагать наличие каких-либо положительных изменений, произошедших в 1940–1950-е гг. в сфере продовольственного потребления населения (даже по сравнению с уровнем военного времени).

К прямо противоположным выводам приходит новосибирский исследователь Г. И. Ханин. Он отмечает существенные экономические успехи, достигнутые страной и административно-командной системой во второй половине 1940-х – 1950-е гг., развившиеся в строительстве, рентабельности капиталовложений, повышении фондоотдачи, росте практически всех экономических показателей, в том числе и в увеличении объемов производства продовольственных товаров (вследствие интенсификации сельского хозяйства) и росте объемов их потребления⁴. В качестве аргументов Г. И. Ханин приводит собственные расчеты, критически переоценивая материалы советской статистики. Мнение Г. И. Ханина о значительных экономических достижениях СССР в 1950-е гг. разделяет А. П. Паршев, связывающий успехи со сталинским руководством. В своей монографии в раз-

¹ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы... С. 70.

² Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000.

³ Там же. С. 469.

⁴ Ханин Г. И. Советское экономическое чудо : миф или реальность? // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9.

деле «Система, которая работала» (это уже само по себе характеристика) он дает положительную оценку экономических реалий послевоенного периода. Но, в отличие от Г. И. Ханина (а также подавляющего большинства отечественных и зарубежных исследователей), А. П. Паршев не определяет советскую систему как «административно-командную», а отмечает, что «советская экономика была во многом рыночной», а Сталин был «рыночником, грамотным и последовательным»¹. Именно в послевоенный период, считает А. П. Паршев, «благодаря высочайшей квалификации сталинских экономистов, удавалось рассчитывать цены таким образом, чтобы товарного дефицита не было и не оставалось непроданного товара»². При этом А. П. Паршев не ссылается на какие-либо фактические данные, материалы опросов, статистику, что приближает его работу к литературе публицистического жанра.

Работа А. П. Паршева вызвала критику в научных кругах. Можно отметить две рецензии: одна, написанная Г. И. Ханиным, была опубликована в журнале «ЭКО» (2001. № 3–4); авторами другой являются В. М. Кудров и В. Фаминский («Вопросы экономики». 2001. № 6). Авторы обеих рецензий отмечают, что А. П. Паршев в характеристике сталинской эпохи, как говорится, «переходит через край». При этом Г. И. Ханин отмечает, что работа А. П. Паршева имеет сильные стороны, и многое из сказанного автором справедливо, за исключением того факта, что идеальной товарно-денежной сбалансированности, отсутствия дефицита и рыночного регулирования в сталинский период не было³. Негативную и более категоричную оценку дают работе А. П. Паршева В. М. Кудров и В. Фаминский. По их мнению, написанная А. П. Паршевым «книжонка» не может претендовать на то, чтобы считаться серьезным научным исследованием, являясь по сути «pulp fiction» (бульварным чтивом)⁴. В работе А. П. Паршева авторы отме-

¹ Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М., 1999. С. 172.

² Там же. С. 170.

³ Ханин Г. И. «Почему Россия не Америка?» Размышления над книгой // ЭКО. 2001. № 4. С. 144.

⁴ Кудров В. М., Фаминский В. Pulp fiction, или Книга для обывателей, а не для профессионалов (о книге А. Паршева «Почему Россия не Америка?») // Вopr. экономики. 2001. № 6. С. 152.

чают достаточное количество абсурдных фактических ошибок, а также практически полное отсутствие ссылок на научные источники, зато достаточное количество «отсылок типа „мне рассказывали“, или „один мой знакомый“ и т. д.»¹. Критикуя книгу, В. М. Кудров и В. Фаминский отмечают не только бесполезность, но и опасность данной работы для читателей, «которым может показаться, что это фундаментальный и серьезный труд»².

По ряду позиций с критическими замечаниями, высказанными Г. И. Ханиным, В. М. Кудровым и В. Фаминским, можно согласиться, и, безусловно, работа А. П. Паршева не может считаться серьезным научным исследованием. Но, на наш взгляд, таких целей автор и не ставил. Возможно, объяснение стилистики и логики изложения А. П. Паршева может быть дано через призму уже упоминаемой нами ранее концепции мифотворчества, когда авторов заботит не столько построение устойчивой и аргументированной теоретической конструкции, максимально отражающей и объясняющей исторические события, сколько создание эмоционального впечатления события, периода, который достигается путем адаптированной для максимально широких слоев читателей стилистики повествования (названной В. М. Кудровым и В. Фаминским «вульгарной»), а также ярких примеров, сравнений, приводимых автором «вместо фактов», которые не подтверждаются источниками, а порой не имеют вообще ничего общего с реальной действительностью, но выполняют более важную в рамках концепции мифотворчества функцию – максимально иллюстрируют и визуализируют создаваемую автором новую реальность.

Таким, на наш взгляд, эмоциональным впечатком проблем экономического развития СССР является работа А. П. Паршева, которая призвана сформировать максимально положительное восприятие сталинского периода всеми доступными способами. Возможно, употребление термина «рыночный» применительно к послевоенному времени продиктовано именно этими целями, так как с данным понятием в сознании

¹ Кудров В. М., Фаминский В. Pulp fiction, или Книга для обывателей, а не для профессионалов (о книге А. Паршева «Почему Россия не Америка?»). С. 154.

² Там же. С. 155.

современного человека стереотипно связываются положительные ассоциации: бездефицитной экономики, общества потребления и благосостояния (хотя данный стереотип также является плодом мифотворчества, только иного – либерального).

Возвращаясь к историографическому анализу проблематики уровня послевоенного потребления горожанами продовольственных товаров, а также оценке вектора изменений, происходящих на протяжении 1940–1950-х гг. в товарном снабжении городов, можно отметить, что большинство исследователей сегодня, избегая категоричных выводов, склоняются к мнению, что, несмотря на существенные экономические сложности, связанные с послевоенным восстановлением народного хозяйства страны, а также необходимостью решения иных внешне- и внутривнутриполитических задач, постепенно к началу 1950-х гг. во всех регионах РСФСР улучшалось обеспечение городского населения продовольствием и промышленными товарами¹, хотя динамика роста не была одинакова в регионах страны.

Проблематика послевоенного продовольственного потребления горожан проанализирована и на материалах различных регионов РСФСР. К данной теме в своих работах обращаются Е. В. Австрийсков (исследуя вопросы продовольственного потребления жителей Нижнего Поволжья – Сталинградской, Саратовской, Астраханской областей)², В. Н. Мамяченков (Свердловская область)³, Н. В. Хомякова (Южный Урал – Чкаловская и Челябинская области)⁴, Т. Ю. Новинская (Пензенская область)⁵, А. С. Ва-

¹ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001 ; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество... ; Мамяченков В. Н. «Роковые годы»... ; Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Коми. Колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958 : соц.-экон. аспекты развития. М., 2005.

² Австрийсков Е. В. Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы : май 1945 – март 1953 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008.

³ Мамяченков В. Н. Продовольственное обеспечение населения Свердл. обл. в условиях послевоен. кризиса (1946–1950) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. Сер. История. Вып. 24.

⁴ Хомякова Н. В. Социальная политика сов. государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечеств. войны : 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007 ; Она же. Продовольственное обеспечение населения Южного Урала...

⁵ Новинская Т. Ю. Благосостояние населения Пензенской области : 1946 – нач. 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.

щук, Д. А. Слабнина (Дальневосточный регион)¹, И. А. Карпенко (Ленинград)², И. В. Пелих, М. Р. Стругова (Краснодарский край)³, А. В. Шалак (Красноярский край, Иркутская и Читинская области)⁴. Характерно, что на региональном уровне проблематика уровня послевоенного продовольственного потребления городского населения проанализирована более детально в сравнении с обобщающими публикациями, посвященными советским экономическим реалиям 1940–1950-х гг. в целом.

Проблематика продовольственного обеспечения горожан частично освещена в публикациях, посвященных изучению социально-экономических реалий отдельных категорий городского населения. В продолжение традиции, уходящей корнями в советскую историографию, преимущественное внимание исследователей и сегодня сфокусировано на наиболее многочисленной группе советского городского социума – рабочих.

Вопросы продовольственного обеспечения рабочих в регионах рассмотрены в работах О. В. Ветошкиной (на материалах Удмуртии)⁵, Н. В. Занозина (Горьковская область)⁶, В. Н. Мамяченкова (Свердловская область)⁷, И. В. Мезенцевой (Читинская

¹ Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-е гг. XX в.) / отв. ред. А. П. Деревянко. Владивосток, 1998; Ващук А. С., Слабнина Д. А. Стратегии благосостояния, реальность соц. жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоен. годы. Владивосток, 1992; Слабнина Д. А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997.

² Карпенко И. А. Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг. : соц.-демогр. и бытовой аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

³ Пелих И. В. Социальная политика в СССР в 1945–1953 гг. : на материалах Краснодар. края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Стругова М. Р. Жизненные стратегии рабочих Краснодар. края в послевоен. период (1945–1953) // Вестник архивиста Кубани. Краснодар, 2006. № 1; Она же. Настроения селян и горожан в связи с острой соц. ситуацией с хлебом на Кубани в 1946–1947 гг. // Historia Caucasica : регион. ист. сб. науч. ст. Краснодар, 2004. Вып. 1.

⁴ Шалак А. В. Социальные проблемы населения Вост. Сибири (1940–1950). Иркутск, 2000; Она же. Условия жизни населения Вост. Сибири, 1940–1950 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000.

⁵ Ветошкина О. В. Социально-экономическое положение рабочих оборон. промышленности Удмуртии в 1945–1950 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010.

⁶ Занозин Н. В. Опыт пром. и соц. развития Горьковской обл. в 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002; Она же. Послевоенный сталинизм в Горьковской обл. (пром. и соц. развитие Горьковской обл. в 1945–1953 гг.). Н. Новгород, 2011.

⁷ Мамяченков В. Н. Потребление продуктов питания семьями пром. рабочих Свердл. обл. в 1953–1964 гг. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. Сер. История. Вып. 24; Она же. Потребление продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленности Свердл. обл. в 1946–1991 гг. // IX Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012.

область)¹, Н. С. Хомутовой (Свердловская и Челябинская области)².

Еще одной категорией советского городского социума является интеллигенция. Проблема обеспечения представителей инженерно-технической, художественной и учительской интеллигенции в послевоенные годы промышленными и продовольственными товарами, к сожалению, фактически не получила рассмотрения в отечественной историографии как на общероссийском уровне, так и на уровне регионов. В освещении функционирования данной социальной группы ключевыми характеристиками до сих пор, как и в советский период, остаются численность, кадровая проблема, вопросы творческой активности, а проблематика уровня жизни находится вне исследовательского фокуса. Можно отметить лишь единичные работы, авторы которых обращаются к исследованию будней представителей советской интеллигенции, а также вопросам их благосостояния, определяемого, в числе прочего, и уровнем обеспечения промышленными и продовольственными товарами. Так, изучению повседневных жизненных реалий советских писателей в 1930–1950-е гг. посвящены работы В. А. Антипиной. Автор останавливается на рассмотрении вопросов послевоенного продовольственного дефицита и его преодоления представителями писательской интеллигенции (территориальные рамки работы ограничены Москвой и частично Ленинградом)³.

На сегодняшний день малоизученной темой в отечественной социальной истории остается проблематика послевоенного обеспечения советских руководящих работников промышленными и продовольственными товарами. Среди немногочисленных исследований, в которых освещена данная проблематика, назовем работы С. Я. Бондаренко, посвященные изучению провинциального чиновничества в 1940–1950-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей), а также О. Н. Калини-

¹ Мезенцева И. В. Развитие золотодобывающей промышленности Забайкалья : 1941–1955 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005.

² Хомутова Н. С. Социальная инфраструктура оборонно-промышленного комплекса на Урале в 1945–1955 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.

³ Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е гг. М., 2005.

ной, в работах которой рассмотрены вопросы эволюции партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в 1946–1964 гг.¹ Авторы солидарны во мнениях, что повышенная оплата труда, а также система спецснабжения чиновников существенно облегчали повседневный быт семей руководящих работников, для которых проблема послевоенного дефицита не стояла так остро, как для остальных категорий советского городского социума.

Вероятно, одной из причин недостаточного освещения проблематики продовольственного обеспечения интеллигенции и руководящих работников в отечественной историографии является узость источниковой базы. Картина послевоенного продовольственного обеспечения данных групп реконструируется преимущественно на базе немногочисленных воспоминаний и мемуаров современников, в то время как исследования объемов и структуры продовольственного потребления рабочих строятся, в числе прочего, на материалах бюджетных обследований рабочих семей (проводились в отдельных городах РСФСР в 1950-е гг.).

Выявление региональной специфики продовольственного снабжения и, как следствие, уровня потребления горожан в послевоенные годы – одна из задач исторических разработок, проводимых в регионах. Авторы приходят к выводу, что объем и качество потребляемых горожанами продовольственных товаров не в последнюю очередь детерминированы уровнем экономического развития и специализацией региона. Например, в промышленных районах (Урал) в силу специфики региона доходы и объемы потребления рабочих в послевоенные годы увеличивались более высокими темпами, чем в среднем по РСФСР (хотя в сравнении с рабочими Москвы качество питания рабочих Свердловска было ниже – уральцы уступали москвичам в потреблении мясомолочных продуктов). Качество и калорийность питания горожан на Урале были выше в сравнении с рационом

¹ *Бондаренко С. Я.* Провинциальное чиновничество Европ. Севера России в 1940-х – нач. 1950-х гг. (на материалах Арханг. и Вологод. обл.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004; *Калинина О. Н.* Формирование и эволюция партийно-гос. номенклатуры Зап. Сибири в 1946–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007.

крестьянина (большая часть городского населения находилась на карточном продовольственном обеспечении, а сотрудники промышленных предприятий обеспечивались и дополнительным питанием на рабочих местах)¹. В то же время в южных районах страны (Краснодарский край), в связи с сельскохозяйственной специализацией региона, колхозное крестьянство в плане обеспечения продовольственными товарами оказалось в более выгодных условиях, нежели население крупных промышленных центров².

Анализируя качество и эффективность товарного обеспечения горожан, ряд исследователей обращают внимание на проблематику функционирования пищевой промышленности и государственной торговли, которые были призваны сыграть важную роль в продовольственном снабжении городских семей.

Достаточно подробно проблема послевоенного (1940–1950-е гг.) восстановления пищевой промышленности освещена в работах Н. В. Кузнецовой и Т. Н. Токаревой (на материалах Нижнего Поволжья)³. Автор приходит к выводу, что развитие данного направления экономики, безусловно, входило в планы правительства в послевоенные годы (хотя основные инвестиции и направлялись на восстановление предприятий тяжелой промышленности). Подчеркивая вторичность пищевой промышленности, Т. Н. Токарева замечает, что зачастую успехи в индустриальном развитии региона достигались за счет нанесения существенного ущерба «легким» отраслям. В частности, начавшееся в 1950-х гг. активное гидростроительство на Волге подорвало воспроизводство многих ценных пород рыб и превратило рыбную промышленность во второстепенную отрасль. Несмотря на многочисленные сложности, уже в первой половине

¹ *Мамяченков В. Н.* Продовольственное обеспечение населения Свердл. обл. в условиях послевоен. кризиса (1946–1950) // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2008. Сер. История. Вып. 23; *Хомякова Н. В.* Продовольственное обеспечение населения Южного Урала... С. 112–117.

² *Пелих И. В.* Социальная политика в СССР в 1945–1953 гг.: на материалах Краснодар. края: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2005.

³ *Кузнецова Н. В.* Восстановление и развитие экономики Ниж. Поволжья в послевоен. годы (1945–1953 гг.). Волгоград, 2002; *Токарева Т. Н.* Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее влияние на пром. развитие Ниж. Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2006.

1950-х гг. большинство предприятий пищевой промышленности Саратовской, Астраханской и Сталинградской областей увеличили объем выпускаемой продукции на 30–50%. Тем не менее Н. В. Кузнецова отмечает отставание пищевой промышленности региона, в ряду причин которого выделяются: нехватка сырья, недостаточность капиталовложений, слабый уровень механизации труда, износ оборудования, низкая производительность труда. Исследование, проведенное Н. В. Кузнецовой, позволяет говорить о существенных шагах, предпринятых в послевоенные годы по увеличению объемов продовольственных товаров в РСФСР. Однако вопросов «достаточности» для населения производимых товаров Н. В. Кузнецова не касается, ограничиваясь выявлением динамики развития отрасли по отношению к показателям 1940 г.

Важным звеном в снабжении городского населения продовольственными товарами была государственная торговая сеть. А. А. Базаров и Н. В. Хомякова обращают внимание на функционирование предприятий торговли в послевоенные годы на Урале. Анализируя материалы, отражающие объемы товарооборота в регионе, делопроизводственную документацию внутрипартийных органов, отчеты о социально-экономическом положении населения, а также опираясь в качестве источника на воспоминания и свидетельства очевидцев, они приходят к выводу, что госторговле в послевоенные годы «не удалось ликвидировать проблемы, связанные с отсутствием товаров, их разбазариванием и очередями»¹, вследствие чего в магазинах был постоянный дефицит продуктов². Аналогичную оценку качества работы отрасли дает Е. В. Шабашова³, рассматривающая проблемы функционирования государственной торговой сети на материалах Коми АССР. Среди причин дефицита товаров Е. В. Шабашова указывает на несовершенство материально-технического обеспечения государственной торговли (сложности транспортного снабжения магазинов, отсутствие оборудованных складских поме-

¹ Хомякова Н. В. Продовольственное обеспечение населения Южного Урала... С. 398.

² Базаров А. А. Дурелом, или господа колхозники. Курган, 1997. С. 124.

³ Шабашова Е. В. Государственная торговля Коми АССР, 1947–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2002.

щений и т. д.). Большинство исследователей сходится во мнениях, что вследствие частых перебоев в снабжении и дефицита продуктов питания в государственной торговой сети существенным подспорьем для горожан в решении вопросов продовольственного снабжения было подсобное хозяйство¹, которое не только помогало жителям большинства районов РСФСР решать проблемы питания, но и фактически помогало выживать городским семьям в послевоенные годы.

Проблематика обеспечения городского населения РСФСР в послевоенные годы промышленными товарами широкого потребления получает несколько меньшее освещение в современной отечественной историографии (в сравнении с количеством публикаций, в которых рассмотрены вопросы продовольственного обеспечения). Тем не менее данная тема прозвучала как в обобщающих общереспубликанских исследованиях, так и в региональных разработках.

Авторы обобщающих исследований² при рассмотрении проблемы зачастую ограничиваются констатацией увеличения объемов производства промтоваров, которое привело к возрастанию потребления данной продукции городским населением, либо ссылаются на цифры возросшего товарооборота, отражающие рост покупательской активности горожан. Проблематика уровня удовлетворения покупательского спроса горожан на товары широкого потребления, как правило, не получает должного внимания в данных исследованиях.

Более детальное рассмотрение проблема обеспечения горожан промышленными товарами в послевоенные годы получает на региональном уровне.

¹ Более детально экономические вопросы эффективности функционирования личного подсобного хозяйства рабочих и служащих рассмотрены в монографии М. Н. Денисевича (на материалах Уральского региона). В диссертационном исследовании и статье Н. В. Хомяковой освещены организационные вопросы создания подсобных хозяйств при лечебных учреждениях, детских домах, домах инвалидов и предприятиях для обслуживания столовых (на материалах Южного Урала). (см.: *Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.)* : [монография]. Екатеринбург, 1991 ; *Хомякова Н. В. Социальная политика совет. гос-ва и ее реализация на Юж. Урале...*).

² *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Указ. соч. ; *Коняхин А. С.* Восстановление нар. хоз-ва в европ. части России в 1945–1953 гг. : соц. аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2008 ; *Молодчик А. В.* Указ. соч.

Уральские исследователи Н. В. Боброва и Н. Д. Запецкая обращают внимание на тот факт, что уже во второй половине 1940-х гг. на предприятиях легкой промышленности региона значительно увеличился выпуск товаров массового спроса – пальто, костюмов, белья, обуви, мебели, посуды¹, хотя выпуск товаров ширпотреба увеличивался очень медленно, растущий спрос населения не был удовлетворен и «наиболее распространенной формой одежды оставалась фуфайка, а обуви – сапоги»². При этом Н. В. Боброва отмечает, что на местах партийными и профсоюзными организациями была проведена колоссальная работа по улучшению уровня жизни населения: инвалидам и семьям погибших выдавались обувь и одежда³, что являлось существенным подспорьем. На материалах Нижнего Поволжья к проблеме обеспечения горожан товарами ширпотреба обращается Е. В. Австрийсков. По его расчетам, увеличению реализации промышленных товаров в государственной торговой сети способствовали снижение цен (в 1951–1952 гг. промышленные товары подешевели в среднем на 4,6% по сравнению с 1950 г.), а также рост денежных доходов и увеличение количества магазинов как смешанных, так и фирменных (прежде всего, в городах и рабочих поселках)⁴. Но несмотря на увеличение выпуска промышленных изделий и объемов продаж, растущий спрос широких слоев населения на необходимые вещи не был удовлетворен (в категорию дефицитных Е. В. Австрийсков относит мотоциклы, радиоприемники, кожаную обувь и др.). В торговой сети фиксировались регулярные перебои в снабжении, невыполнение плана.

По справедливому замечанию Е. В. Австрийскова, главной причиной сложившейся ситуации являлось крайне медленное развитие легкой промышленности, не соответствующее темпам и объемам покупательского спроса. В. Н. Мамяченков, анализируя проблему снабжения горожан на материалах Свердловской

¹ Запецкая Н. Д. Производство товаров широкого потребления на Урале (50–90-е гг. XX в.) // Проблемы экон. истории Урала. Екатеринбург, 2004. С. 89.

² Боброва Н. В. Прикамье в первом послевоенном десятилетии : проблемы экон. и соц. развития // Страницы истории Урала. Пермь, 1993. Вып. 1. С. 54.

³ Там же. С. 57.

⁴ Австрийсков Е. В. Указ. соч.

области, несколько иначе расставляет акценты¹. Он считает, что мощный толчок развитию производства товаров широкого потребления в Свердловской области дала Великая Отечественная война, а с ее окончанием в местной промышленности произошел спад, в том числе по выпуску товаров широкого потребления. В список дефицитных товаров входили ножи, вилки, ложки, лампочки, металлические игрушки, электроприборы. Кардинально ситуация в снабжении населения изменилась лишь в 1960-е гг., когда в стране и регионе начался резкий рост оснащенности домашнего хозяйства потребительскими товарами.

Альтернативу государственному сектору, не справлявшемуся с товарным дефицитом, в послевоенный период составляли полулегальные и нелегальные структуры производства и распространения товаров – частная хозяйственная деятельность и «черный рынок». Изучение данных сфер повседневной жизни советского социума, существование которых не популяризовалось в советских разработках, посвященных социальной истории, является сегодня достаточно актуальным направлением исторических исследований.

Детальный анализ форм и направлений частной хозяйственной деятельности населения в послевоенный период принят в монографии В. А. Осипова «Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг.: на материалах Западной Сибири». На базе анализа широкого спектра источников автор убедительно доказывает, что при наличии существенных проблем в государственной торговле спрос на кустарные изделия был стабильным и довольно высоким, несмотря на идеологический и административный пресс по отношению к «частникам»². Опираясь на материалы бюджетных обследований, автор доказывает, что «частник» не только не был искоренен из экономической жизни страны, но играл весьма важную роль, особенно в послевоенный период: в 1940-е гг. рабочие Новосибирска, Томска и Кемеровской области в расчетах с «част-

¹ *Мамяченков В. Н.* Материальные условия жизни населения Свердл. обл. ... ; *Он же.* Потребление непродовольств. товаров населением Свердл. обл. в 1946–1991 гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. Вып. 12. С. 199–212.

² *Осипов В. А.* Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. : на материалах Зап. Сибири. Кемерово, 2003.

никами» тратили от 70 до 80% всех расходов на покупку обуви, одежды, тканей и белья. В связи с неразвитостью социально-бытового и торгового обслуживания населения в послевоенный период высокие проценты затрат в расчетах с частными лицами наблюдались по таким товарным группам, как мебель, хозяйственные товары, стройматериалы и предметы гигиены. Ситуация, по мнению В. А. Осипова, стала изменяться только в 1950-е гг., когда в результате строительства предприятий по обслуживанию населения и ограничительной политики в отношении «частника» снизились масштабы его инициативы¹.

Достаточно актуальным направлением отечественных исследований сегодня является проблематика функционирования теневого (или «черного») рынка в советской стране.

Одними из первых работ, в которых была представлена наиболее полная и объективная картина зарождения «черного рынка» в СССР, стали труды Е. А. Осокиной. На основе изучения советской системы снабжения 1930-х гг., а также мер, к которым прибегало население, чтобы обойти государственные ограничения, исследователь делает справедливый вывод: «черный рынок» возник в СССР как объективное дополнение и регулятор несовершенства механизмов государственного распределения². Однако работы Е. А. Осокиной не охватывают реалии послевоенного периода. Позднее, в середине – второй половине 2000-х гг., проблематика функционирования «черного рынка» в послевоенном СССР разрабатывалась в работах С. В. Богданова и Е. Д. Твердюковой³.

В современных исследованиях данная тема рассматривается и на региональном уровне. Проблематика функционирования

¹ *Осипов В. А.* «Частник» в социально-экономической жизни Зап. Сибири (1946–1950). URL : <http://history.kemsu.ru/tezis/osip.htm>.

² *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. 2-е изд. М., 2008 ; *Она же.* Предпринимательство и рынок в повседнев. жизни первых пятилеток (на примере рынка потребит. товаров). Ч. 1 // Соц. история : [ежегодник за 1998 г.]. М., 1999 ; *Она же.* 1936–1941. Предпринимательство и рынок в период «свободной торговли» (на примере рынка потребит. товаров) // Соц. история : [ежегодник за 1999 г.]. М., 2000.

³ *Богданов С. В.* Хозяйственно-корыстная преступность в СССР. 1945–1990 гг. : факторы воспроизводства, осн. показатели, особенности гос. противодействия : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2010 ; *Твердюкова Е. Д.* Борьба с обманом потребителей в СССР (1930–1950-е гг.) // История государства и права. 2010. № 1.

«черного рынка» Ленинграда в послевоенные годы освещена в исследованиях А. З. Вакслера и Е. А. Ключева¹. Е. А. Ключев детально анализирует данную сферу советской послевоенной реальности как сложную, многоуровневую систему, оказывающую влияние на развитие всех сторон общественной жизни, отмечая в качестве специфики отечественного «черного рынка» его преимущественную ориентацию на «удовлетворение легальных потребностей граждан, которые они не могут разрешить законным путем в силу несовершенства плановой системы и хозяйственной жизни»².

Именно вследствие означенной специфики, по мнению Е. А. Ключева, в деятельность механизмов нелегального рыночного обмена в послевоенный период были вовлечены представители всех слоев населения.

На материалах Новосибирской, Томской, Омской областей проблематика функционирования «черного рынка» рассмотрена в упоминаемой ранее работе В. А. Осипова³. Нелегальный рынок Москвы описывает как неотъемлемую часть советской послевоенной повседневности Г. В. Андреевский⁴.

Косвенно некоторые аспекты функционирования «черного рынка» РСФСР и регионов освещены в многочисленных исследованиях, посвященных охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями в послевоенные годы⁵.

¹ Вакслер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 гг. СПб., 2005; Ключев Е. А. «Черный рынок» в послевоенном Ленинграде: 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

² Ключев Е. А. «Черный рынок» в послевоенном Ленинграде... С. 21.

³ Осипов В. А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике...

⁴ Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е гг. М., 2003.

⁵ Беркутов А. С. Борьба с уголовной преступностью в Молотовской обл. в послевоен. годы (1945–1953 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004; Бескоровайный А. П. Борьба с преступностью и обеспечение обществ. порядка в послевоен. СССР : 1945–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008; Васильев А. М. Охрана обществ. порядка в СССР в послевоен. период : 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Говоров И. В. Государство и преступность в Сов. России 1945–1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленингр. обл.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004; Он же. Преступность и борьба с ней в послевоен. Ленинграде (1945–1955) : опыт ист. анализа. СПб., 2004; Жудик А. Ю. Органы внутр. дел СССР в борьбе с преступностью (1945–1953) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Зимин Д. В. Борьба с преступностью и охрана обществ. порядка как осн. направления деятельности милиции Пензенской обл. в послевоен. годы : 1945–1953 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004; Пикалов Б. В. Правоохранительные органы и проблема прав человека в рос. провинции: 1917–1953 гг. (на примере Курского региона) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006;

Сложности быта городского населения в послевоенные годы отражены в опубликованных сегодня воспоминаниях современников этих событий – А. И. Микояна, Е. Серебровской. В работе Е. Серебровской более подробно рассмотрены вопросы повседневного будничного быта – обеспечения семьи необходимыми продуктами и одеждой в сложное послевоенное время¹. В работе А. И. Микояна – иной ракурс рассмотрения проблемы. Он пишет о принимаемых Сталиным постановлениях, призванных решить социально-экономические проблемы – повышение заготовительных цен на молоко, сахарную свеклу, тонкую шерсть (не фигурирующих в исторических исследованиях, так как масштабное повышение заготовительных цен связано с именем Хрущева), отмечая, что несмотря на попытки улучшения ситуации, снабжение продуктами в стране было плохим².

Воспоминания и мемуары современников, а также письма и жалобы советского населения в органы власти, написанные в послевоенные годы, являются основным источником при разработке достаточно нового для отечественной историографии направления – истории советской повседневности. Методологическим ядром данного исследовательского ракурса выступает феноменологический подход, подразумевающий первостепенную ориентацию исследователя не на объективный факт, а на его уникальное субъективное переживание конкретным человеком, на психологическое и эмоциональное восприятие реальности.

Применительно к послевоенному периоду наибольший вклад в разработку проблематики советской повседневности внесла Е. Ю. Зубкова. В монографии «Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945–1953)» ею детально проанализированы не только повседневные реалии послевоенного советского быта, но и реконструирована психологическая

Садовский С. О. Деятельность territor. управлений МГБ СССР в условиях обществ.-полит. жизни в 1945–1953 гг. (по материалам Костром. и Ярослав. обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004 ; *Федин С. А.* Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране обществ. порядка в 1945–1953 гг. : на материалах Ниж. Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007.

¹ *Серебровская Е.* Между прошлым и будущим. Записки свидетеля. СПб., 1995.

² *Микоян А. И.* Так было. М., 1999.

атмосфера тех лет, складывающаяся из мнений, чаяний и ожиданий населения, пережившего войну¹. Такой ракурс рассмотрения периода позволил избежать однобоких оценок и характеристик советских реалий, представив всё многообразие оценочных суждений населения относительно правительственных мероприятий послевоенных лет, что помогло автору приблизиться к более объективной и исторически достоверной реконструкции психологической атмосферы послевоенного советского социума. Относительно проблематики послевоенного продовольственного обеспечения населения Е. Ю. Зубкова справедливо замечает, что в 1940-е гг. качество питания горожан было достаточно низким, но это не означало однозначно негативного отношения населения к уровню потребления. Восприятие и самооценка населением своего экономического положения определялись рядом аспектов: в первую очередь, общим эмоциональным подъемом народа, с готовностью переживающего трудности и питавшего надежды на лучшее мирное будущее, а также социальным статусом респондента (который обусловлен территорией проживания, сферой деятельности, составом семьи и т. д.). Общий подъем трудового энтузиазма населения в послевоенные годы и эйфория от наступившего наконец мирного времени существенно снижали притязания граждан и к уровню снабжения, и к качеству питания. В то же время Е. Ю. Зубкова не склонна идеализировать и нивелировать общественную атмосферу тех лет, которая была далеко не столь гомогенна². Основываясь на результатах анализа докладных и аналитических записок, информационных справок и сообщений сотрудников госбезопасности о политических настроениях в стране, автор приводит факты, подтверждающие наличие достаточно критического отношения населения к экономическим правительственным мероприятиям и уровню потребления, причиной чего было несоответствие ожиданий, связываемых со светлым послевоенным будущим, жестокой и голодной реальностью серых послевоенных будней. Мнение о нали-

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945–1953). М.: Аякс, 2000.

² Зубкова Е. Ю. Общественная атмосфера после войны (1945–1948 гг.) // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 4–25; № 9. С. 79–88; *Она же*. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г. // Отечество. история. 1995. № 3. С. 90–100.

чии критических настроений в послевоенном советском обществе, ожидающем перемен к лучшему, подтверждает Л. В. Устинова¹. В то же время она подчеркивает, что данные критические настроения не стали причиной социальных волнений.

Альтернативный ракурс изучения послевоенной советской истории предложен Н. В. Мельниковой. Целью ее исследования явилось изучение менталитета городского населения, принятое на материалах закрытых городов Урала периода второй половины 1940-х – начала 1960-х гг.² Под менталитетом автор понимает специфический социально-психологический уклад, характерный для населения закрытых городов региона, явившийся результатом своеобразных условий жизни. На базе анализа значительного объема источников (среди них не только партийные директивы, делопроизводственная документация и статистика, но и материалы социологических исследований, письма и жалобы граждан в органы власти, а также результаты проведенных автором интервью с жителями закрытых городов) Н. В. Мельникова проводит реконструкцию социально-психологического уклада жизни горожан, включающего в себя поведенческие стереотипы, отношение граждан к режиму секретности, а также представления о желаемом уровне потребления и отношении к фактическому объему и качеству товарного снабжения населения закрытых городов. Характеризуя отношение жителей закрытых городов к проблемам продовольственного снабжения и товарному дефициту, Н. В. Мельникова, как и Е. Ю. Зубкова, замечает, что «в первые послевоенные годы установка на преодоление трудностей, сложившаяся в годы войны, а также ожидание новой военной угрозы, активировали эмоциональный аспект социально-политических установок, оттеснив на второй план материальные интересы и существенно

¹ Устинова Л. В. Критические настроения населения Курской и Орловской обл. после их освобождения от оккупантов (по материалам органов госбезопасности) // Проблемы соц.-полит. развития рос. общества. Воронеж, 2006. С. 147–151; Она же. Общественно-политические процессы в рос. провинции: 1943–1953 гг.: на примере Курской обл.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.

² Мельникова Н. В. Менталитет населения закрытых городов Урала, вторая пол. 1940-х – 1960-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

снизив уровень притязаний населения»¹. Поэтому проблемы со снабжением не вызывали острой негативной реакции жителей закрытых городов. Хотя справедливо заметить, что продовольственное обеспечение сотрудников предприятий атомной промышленности (являвшихся градообразующими в закрытых городах региона) в лучшую сторону отличалось от уровня обеспечения работников иных отраслей и других городов.

Акцент на изучении психологии послевоенного советского социума сделан в исследовании Д. Г. Хаярова, посвященном анализу проблематики адаптации фронтовиков к мирной жизни в 1945–1950 гг. (на материалах Западной Сибири)². Источниковую базу работы Д. Г. Хаярова, наряду с законодательными, статистическими, делопроизводственными и другими официальными материалами, составляют художественные произведения писателей-фронтовиков, а также интервью с непосредственными участниками событий послевоенных лет. Специфика проекта обусловлена выбором методов реализации исследовательской задачи, основу которых составляет метод психологического реконструирования – интерпретации исторических текстов путем воссоздания внутреннего мира их автора, а также восстановление определенных типов поведения, мышления, восприятия, основанное на интерпретации памятников духовной и материальной культуры. Как замечает автор, «во многом этот научный метод близок методу художественному, характерному для писателей, пишущих на военно-исторические темы. В основе его лежит убеждение в том, что для понимания истории главное – проникнуть в субъективный мир исторических персонажей»³. Через призму оценочных суждений фронтовиков Д. Г. Хаяров описывает социально-экономические и бытовые сложности послевоенных лет, проблемы продовольственного снабжения и товарный дефицит, отмечая при этом, что сам факт победы во второй половине 1940-х гг. настраивал население на преодоление

¹ Мельникова Н. В. Менталитет населения закрытых городов Урала, вторая пол. 1940-х – 1960-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 18.

² Хаяров Д. Г. Фронтовики в Западной Сибири : адаптация к мирной жизни : 1945–1950 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003.

³ Там же. С. 6.

трудностей, которые не казались столь существенными, хотя и осложняли жизнь горожан.

Мнение, что настроения населения в послевоенные годы были далеки от протестных, разделяют сегодня многие исследователи, но данная точка зрения не является единственной. Не столь обширно представленным в отечественной историографии является мнение о широко распространенных социальных протестах, фиксируемых на территории РСФСР в послевоенный период. Предпринятый анализ работ, в которых представлена данная позиция¹, позволяет утверждать, что фиксируемые протестные и оппозиционные настроения в послевоенном обществе не были связаны с проблемами товарного дефицита и низкого уровня потребления горожан; их причину, по мнению исследователей, можно определить скорее как сопротивление тоталитарной системе.

Еще одной новой темой, рассматриваемой в современной отечественной историографии, является проблема международного сравнения уровня потребления городского населения СССР и Западной Германии в послевоенный период. К изучению данного вопроса обращается Е. Ю. Зубкова в статье «Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г.»². Автор справедливо замечает, что в исторических судьбах обеих стран можно найти немало очевидных, а порой и парадоксальных переплетений. Общими являются продовольственный кризис, балансирование на грани голода и просто голод, характерный как для СССР, так и для Германии послевоенных лет. Но отличия все-таки были. В Германии проблема продовольствия в 1946–1947 гг. являлась городской проблемой (города в большей степени пострадали от войны). В СССР проблема голода острее стояла в деревне, что объясняется существованием системы нормированного снабжения в городах, где было легче прожить. Этот факт обусловил разнонаправленность миграционных векторов в обе-

¹ Калкутин Д. Л. Деятельность молодежной оппозиции в СССР, 1945–1960 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000 ; Лукин Ю. Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории сов. общества : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993 ; *Он же*. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20–80-е гг.). М., 1992.

² Зубкова Е. Ю. Общество, вышедшее из войны : русские и немцы в 1945 г. // *Отечеств. история*. 1995. № 3.

их странах. Попытка организации «рабочих огородов», которые в свое время помогли выжить ленинградцам, москвичам и жителям других городов, в Берлине не удалась: сказался традиционный менталитет немецкого горожанина. Поэтому проблему самообеспечения население Берлина в 1945 г. решало по-своему: открывались курсы на тему о съедобных растениях, которые можно было найти в городских парках и пригородных лесах, давались консультации для домохозяек, на которых разъяснялось, как нужно перерабатывать собранные растения, как наиболее рационально использовать 20 г мяса, которые выдавали по карточке пятой категории, или 40 г, положенных по третьей карточке. Е. Ю. Зубкова не приводит данных о погибших в 1940-е гг. от голода немцах и не делает вывода, «где лучше», но в целом тональность публикации наводит на мысль о более сложной экономической ситуации в СССР (к аналогичным выводам подводят читателей и авторы других исследований периода)¹. В целом такой новый и интересный ракурс международного сравнения позволяет расширить представления о событиях социальной истории, переживаемых СССР и Германией в послевоенные годы.

На современном историографическом этапе проблематика снабжения городского населения РСФСР промышленными и продовольственными товарами в послевоенный период получила достаточно широкое освещение в отечественной научной литературе.

При сохранении территориальной, а также некоторой тематической неравномерности, заключающейся в более детальном изучении одних проблем (уровень потребления семьями рабочих промышленных и продовольственных товаров) и менее подробном освещении других (уровень потребления семей интеллигенции, руководящих работников, функционирование частной торговли и «черного рынка»), в целом можно говорить о достаточно доскональном конкретно-историческом изучении данного периода.

¹ *Мамяченков В. Н.* Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Екатеринбург, 2002. С. 121.

В оценке уровня потребления городским населением РСФСР промышленных и продовольственных товаров большинство отечественных авторов склоняется к мнению, что в послевоенный период он оставался достаточно низким (что было обусловлено, в первую очередь, трудностями послевоенного восстановления), но постепенно, начиная с 1950-х гг., уровень снабжения горожан повышается, в лучшую сторону меняя общую картину благосостояния населения РСФСР. Такое понимание социально-экономических реалий периода и избегание категоричных выводов отражено в современной учебной литературе, написанной как российскими¹, так и зарубежными² авторами. В качестве фиксируемого вектора развития современной отечественной историографии (применительно к тематике послевоенного снабжения населения) можно отметить некоторое снижение исследовательского интереса к социально-экономическим реалиям послевоенных лет, отраженным в «официальном дискурсе», воплощающем язык власти и идеологии, при акцентировании внимания на аспектах психологического восприятия населением социальных, экономических и политических событий в стране. В русле данного тренда, реализуемого в плоскости различных методологических направлений, открываются возможности реконструкции событий послевоенной советской действительности «снизу» или, точнее, «изнутри», позволяя выявить значительно больше нюансов социально-экономической реальности послевоенных лет, в том числе касающихся проблематики товарного обеспечения и уровня потребления горожан.

Переходя к освещению социальных реалий «хрущевского» десятилетия, отметим, что данный период представлен в современной историко-экономической литературе достаточно широким кругом исследований.

¹ *Выбор пути. История России 1939–2000* / [отв. ред. А. Т. Тертышный]. Екатеринбург, 2001; *История России. Теории изучения* : учеб. пособие : [в 2 кн.] / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 2001. Кн. 2 : XX в.; *История России в новейшее время (1945–1999)* : учеб. для вузов / под ред. А. Б. Безбородова. М., 1999; *История России* : с древнейших времен до конца XX в. / под ред. В. П. Дмитриенко. М., 1997; *Новейшая история Отечества. XX в.* : учеб. для вузов / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 1999; *Экономическое развитие Урала* : материалы к курсу лекций. Екатеринбург, 2004.

² *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 гг. : [пер. с фр.]. 2-е изд. М., 1995.

Рассуждая о хрущевском десятилетии, нельзя обойти вниманием уже упоминаемую гипотезу Г. И. Ханина, с точки зрения которого по-настоящему быстро народное хозяйство СССР развивалось именно в 1950-е гг., явившие миру «советское экономическое чудо». После смерти И. В. Сталина повысился уровень благосостояния населения: «Наряду с очень заметным ростом производства традиционных предметов потребления (мяса, молочных продуктов, тканей, обуви и т. д.), впервые в массовом масштабе было развернуто производство многих товаров культурно-бытового назначения долговременного пользования (производство наручных часов выросло более чем в 5 раз и достигло 8 млн шт., более чем втрое выросло производство радиоприемников, началось массовое производство телевизоров, мебели), хотя все еще ничтожным оставалось производство легковых автомобилей, холодильников и стиральных машин»¹. Именно в этот период, по мнению Г. И. Ханина, СССР с большим запозданием по сравнению с западными странами вступил в эру благосостояния. С выводами Г. И. Ханина об увеличении потребления населением продовольственных и непродовольственных товаров в «хрущевский» период (особенно в сравнении с военным и послевоенным временем) сложно не согласиться. Однако следует заметить, что развитие данного сектора экономики освещено Г. И. Ханиным сравнительно слабо. Автор более подробно характеризует экономическую рентабельность пятилетних планов, а также эффективность сельскохозяйственного производства и промышленности, опираясь на альтернативные расчеты. Вопросы потребления городским населением продовольственных и промышленных товаров освещены не столь подробно. В частности, рассуждая об увеличении потребления промышленных товаров, Г. И. Ханин ограничивается приведением данных о их производстве (и то лишь по некоторым товарным группам – наручным часам, поверхностно – по радиоприемникам). Данные выводы автора строятся на цифрах, взятых из советских статистических сборников, что странно, так как именно Г. И. Ханин еще в конце 1980-х гг. ставил вопрос о недоверии

¹ Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? С. 23.

сти советской статистики (и в анализируемой работе не преминул напомнить о «ложной картине», создаваемой официальной статистикой применительно к промышленному производству). Относительно обеспечения советских граждан продовольствием приводимые Г. И. Ханиным данные еще более скудны. Автор не останавливается на вопросах фактического потребления продовольственных товаров (в расчете на душу населения), также не приводит цифр, отражающих объемы годового производства, ограничиваясь лишь косвенными свидетельствами роста потребления продуктов. В целом предложенная автором гипотеза о 1950-х гг. как десятилетии экономического триумфа СССР достаточно интересна (хотя и не находит поддержки у большинства отечественных исследователей¹).

Среди оппонентов Г. И. Ханина можно назвать В. М. Кудрова², который считает, что с 1954 г. начался не подъем, а снижение темпов экономического роста (продлившееся вплоть до конца 1970-х гг.), которое отрицательно отразилось на уровне потребления населения. Также с мнением Г. И. Ханина не согласен А. В. Пыжиков, который отмечает, что повышение благосостояния и улучшение потребления населения в период нахождения у власти Хрущева носили весьма условный характер, так как основные капиталовложения направлялись в тяжелую промышленность, что обусловило «возникновение проблемы дефицита товаров широкого потребления и вызывало массовое недоедание населения»³. На наш взгляд, утверждение А. В. Пыжикова справедливо в отношении диспропорций в финансировании различных секторов экономики и нерешенности проблемы товарного дефицита; тем не менее выводы автора о том, что улучшение благосостояния и потребления в «хрущевский» период носили «весьма условный характер», недостаточно аргументированы.

¹ Бородкин Л. И., Дробышевская Т. А. Советская экономика в 1930–1970 гг. Взгляд из XXI в. : междунар. конф. в Звенигороде (22–24 июня 2001 г.) // Экон. история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 7.

² Кудров В. М. Крах советской модели экономики. М., 2000 ; *Он же*. Мировая экономика : учебник. М., 2000 ; *Он же*. Советская экономика в ретроспективе : опыт переосмысления. М., 1997.

³ Пыжиков А. В. Амплитуда экономического развития СССР... С. 138–140.

В рамках теории модернизации рассматривает социально-экономические преобразования Хрущева О. Л. Лейбович¹. На основе архивных данных, а также свидетельств современников, автор приходит к выводу, что вопреки запланированному колоссальному подъему благосостояния в «хрущевский» период, итоги преобразований были неоднозначны. В частности, некий подъем в легкой промышленности был слабым и непродолжительным, а сельскохозяйственное производство в районах традиционного земледелия так и не вышло из кризисного состояния. Потребление населения улучшается, но так как экономические преобразования не носили структурного характера, данные улучшения были непродолжительными. В итоге, по мнению О. Л. Лейбович, хрущевские преобразования интенсифицировали модернизацию общества, разрушили общинные основы социалистической организации, усиливая ее неэффективность и дифференцируя советское население.

В современном отечественном гуманитарном дискурсе социально-экономические реалии «хрущевского» периода рассматриваются в русле концепта советской повседневности. В данном ракурсе к изучению периода обращается А. Г. Григорьева в своем исследовании «Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.»². Основу исследования составляет значительный комплекс источников, включающих в себя партийно-хозяйственную документацию, архивные материалы, статистику, материалы периодической печати, мемуары и воспоминания современников. Нужно отметить, что «повседневность» в работе А. Г. Григорьевой понимается скорее как сфера привычных бытовых реалий (уровень доходов, потребление), нежели система поведенческих и мировоззренческих характеристик населения. (В качестве основной и наиболее характерной черты повседневности советского общества в исследуемый период А. Г. Григорьева отмечает нехватку жилья). Не ука-

¹ Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; *Она же*. Реформы 1953–1964 гг. в контексте отечеств. модернизации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1995; *Она же*. Реформы 1950–1960-х гг. в контексте отечеств. модернизации // Урал. ист. вестн. 2001. № 5–6.

² Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

зывает термин «повседневность» и на выбор специфической методологии исследования. Основной акцент в работе сделан на анализе динамики фактического материально-бытового положения городского и сельского населения. Тем не менее некоторые элементы ценностно-мировоззренческого пространства советских граждан в работе А. Г. Григорьевой отмечены. В качестве характерной черты советского общества 1950–1960-х гг. автор выделяет «социальный оптимизм и веру народа в то, что трудности временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее», а также «уверенность в том, что СССР создает все самое лучшее»¹.

Косвенно вопросы потребления горожанами непродовольственных товаров освещены в работе И. В. Виниченко², посвященной изучению динамики социокультурного облика женщины-горожанки в период «оттепели», а также изменений, произошедших в моде.

А. М. Доценко, исследуя повседневную жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х гг. (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области), так же, как и А. Г. Григорьева, акцентирует внимание на метаморфозах, совершающихся в сфере материальных составляющих повседневности – жилищно-бытовых условиях, вещной среде (отмечена положительная динамика показателей уровня жизни и благосостояния населения, связанная, кроме прочего, и с улучшением объемов потребления горожанами промышленных и продовольственных товаров)³. Произшедшие в 1950–1980-х гг. подвижки в сфере мировосприятия советского населения, прописаны А. М. Доценко достаточно обобщенно и характеризуются усилением пессимизма и социальной апатии, пришедшим в 1970–1980-е гг. на смену оптимистическому подъему «хрущевского» периода и проявившимся в таких явлениях, как усилива-

¹ Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 13.

² Виниченко И. В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX в. : женский костюм в моделях одежды и бытовой практике : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.

³ Доценко А. М. Повседневная жизнь совет. города нач. 1950 – первой пол. 1980-х гг. (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбыш. обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.

ющееся пьянство и криминализация советского городского социума.

Проблематика потребления городского населения в «хрущевский» период получает рассмотрение на региональном уровне. Вопросы, касающиеся объемов и качества потребляемых городскими жителями регионов РСФСР продовольственных и промышленных товаров, освещены в работах В. Н. Мамяченкова, Л. Н. Мартюшова, Н. Д. Запецкой (Свердловская область)¹, Е. В. Павлова (малые города Мордовии)² и др. Также можно отметить региональные исследования, в которых рассмотрены вопросы продовольственного потребления и обеспечения товарами широкого потребления отдельных категорий городского социума: рабочих³, интеллигенции⁴. Авторы, опираясь на региональные архивные данные и материалы статистики, солидарны, убедительно доказывая, что уровень потребления населения, будучи достаточно низким до середины 1950-х гг., в результате правительственных мероприятий начинает повышаться, и во второй половине 1950-х гг. питание большинства жителей регионов РСФСР значительно улучшилось, а также увеличилась обеспеченность граждан непродовольственными товарами. Не в последнюю очередь такое улучшение было связано с ростом производства продукции легкой промышленности в РСФСР, с расширением сети предприятий торговли. С середины 1950-х гг. на предприятиях тяжелой промышленности начали создаваться специальные цеха по производству изделий для населения, вводились в эксплуатацию новые фабрики по производству товаров широкого потребления. Расширялась торговая сеть (за счет уве-

¹ *Мамяченков В. Н. Материальное положение... ; Мартюшов Л. Н. Указ. соч. ; Запецкая Н. Д. Производство товаров широкого потребления на Урале (50–90-е гг. XX в.) // Проблемы экон. истории Урала. Екатеринбург, 2004.*

² *Павлов Е. В. Социально-экономические проблемы малых городов Мордовии конца 50-х – середины 70-х гг. XX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2002.*

³ *Коробов Д. М. Обеспечение промышленности Вост. Сибири раб. кадрами и решение их соц.-бытовых проблем (1950–1970 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005.*

⁴ *Адамович И. В. Власть и худож. интеллигенция Карелии в 1950-е – первой пол. 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005 ; Батурина Ю. Ю. Научно-педагогическая интеллигенция Ниж. Поволжья в 1956–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011 ; Киба Д. В. Художественная интеллигенция Дальнего Востока в условиях постсталинского политического режима : 1953–1969 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006.*

личения количества специализированных и универсальных магазинов).

Детально проблематика эффективности функционирования сети торговых предприятий в городах и регионах РСФСР в 1950–1960-е гг. рассмотрена в работах Н. В. Хоревой (на материалах г. Арзамаса)¹, Ю. В. Черновой (по материалам городов Иркутской области)², Е. А. Сафоновой (Пензенская область)³, Г. А. Реута (г. Железногорск)⁴ и др.). Отмечая положительную динамику уровня и качества потребления городского населения, авторы приходят к выводу, что, несмотря на предпринятые меры, направленные на улучшение товарного снабжения населения, проблематика дефицита отдельных товаров сохраняется в городах всех регионов РСФСР, хотя дефицит в «хрущевский» период, по сравнению с послевоенным временем, был существенно ниже.

Косвенно о перебоях и сложностях в снабжении населения продуктами через систему госторговли упоминает Б. Н. Казанцев в своей статье «Продовольственный рынок в жизни горожан»⁵. Опираясь на внушительную базу архивных источников, автор доказывает, что отсутствие отдельных видов продуктов в госторговле побуждало горожан покупать продукты на колхозных рынках, а также диктовало необходимость вести личное подсобное хозяйство. Именно эти два источника продовольственного снабжения выходят на первый план в обеспечении горожан отдельными продуктами (например, картофелем) в 1950-е гг. Хотя покупку мяса семьи рабочих большинства регионов страны совершали преимущественно в госторговле (вероятно, вследствие достаточно высоких цен на данный товар на рынке).

Факт наличия сложностей в снабжении продовольственными товарами отражен в опубликованных сегодня воспоми-

¹ *Хорева Н. В.* Экономическое и социально-культурное развитие Арзамаса, вторая пол. 1950-х – 1970-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2003.

² *Чернова Ю. В.* Новые города Иркутской области, 1950–1980 гг.: историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001.

³ *Сафонова Е. А.* Социально-экономическое развитие Пензенской области в период реформ 1953–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001.

⁴ *Реут Г. А.* Становление и развитие г. Железногорска (Красноярск-26) – закрытого административно-территориального образования атомной промышленности, 1950–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002.

⁵ *Казанцев Б. Н.* Продовольственный рынок в жизни горожан // Социс. 1994. № 4.

нениях современников событий – В. Я. Лакшина, А. И. Микояна, П. Е. Шелеста. Литературный критик В. Я. Лакшин вскользь пишет о проблемах с продуктами¹. Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест замечает, что даже в Москве ввели своеобразную форму нормирования продуктов в виде «заказов» по месту работы². Достаточно подробно рассматривает данный аспект «хрущевской» политики А. И. Микоян. По мнению автора, «повышение заготовительных цен в 1953 г. привело к огромному росту сельскохозяйственного производства и заготовок. Тогда вдруг всё у нас появилось. К сожалению, когда у Хрущева голова вкружилась от успехов, ослабло его внимание к деревне, начали приниматься крайне негативные меры в области сельского хозяйства, что нанесло ущерб экономике страны. Укрупняли колхозы, забрасывали деревни, делая их пустующими, вместо деревенского хлеба и молока, свежего и всегда под рукой, решили завозить из города. И, конечно, начались перебои с подвозом. Появились очереди за хлебом и молоком в деревне – это раньше представить было невозможно»³. Хотя А. И. Микоян акцентирует значительно большее внимание на проблемах сельского быта, предложенный им ракурс рассмотрения политики Хрущева позволяет, на наш взгляд, уйти от однозначных оценок и увидеть последствия социально-экономических реформ во всей их двойственности и противоречивости.

Ю. В. Аксютин в исследовании «Хрущевская „оттепель“ и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.» (М., 2004) обращает внимание на тот факт, что объективно существовавшие проблемы в снабжении товарами по-разному ощущались населением. Опираясь на результаты анкетного опроса людей различных профессий и должностей, проведенного в конце 1990-х гг., автор реконструирует картину общественного мнения населения по поводу реформ Хрущева. Ю. В. Аксютин отмечает, что продовольственные трудности 1963 г. не коснулись лишь

¹ Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева : дневник и попутное (1953–1964). М., 1991.

² Шелест П. Е. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

³ Микоян А. И. Так было. М., 1999. С. 589.

32,5% опрошенных в 1998 г. и 24% опрошенных в 1999 г.¹ Среди них – сотрудники предприятий ВПК, шахтеры, работники министерств, которые получали «пайки» или «заказы» с предприятий, сотрудники продовольственных магазинов и комбинатов, которые имели доступ к продовольствию, а также некоторые горожане, у которых было «свое хозяйство», и запасливые колхозники. Большая же часть населения, по подсчетам Ю. В. Аксютин, ощутила перебои в снабжении.

Историографический анализ проблем общественных настроений не будет полным без обращения к проблематике массового недовольства и социальных протестов советского населения в 1950–1980-е гг., активно разрабатываемой сегодня отечественными исследователями.

К рассмотрению данной проблемы обращаются в своих исследованиях В. А. Бурнос, С. Г. Давыдов, Э. Ю. Завадская, Э. Кулевиг, О. В. Эдельман², а также Л. А. Королева, А. И. Лушин, И. А. Романкина, С. А. Шалюгина – они рассматривают протесты в ракурсе становления и развития диссидентского движения³. На сегодняшний день одним из крупнейших исследователей тематики социальных протестов в СССР 1950–1980-х гг. является В. А. Козлов⁴.

По справедливому замечанию В. Н. Мамяченкова, в большинстве перечисленных работ их авторы делали упор прежде всего на политическую подоплеку произошедших событий, фактически не уделяя внимания исследованию взаимосвязи между

¹ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 426.

² Бурнос В. А. Протестные настроения в молодежной среде СССР (1965–1985) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 ; Давыдов С. Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой пол. 60-х гг. М., 1996 ; Крамола : инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / [сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская] ; под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М., 2005 ; Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009.

³ Королёва Л. А. Власть и диссидентство, 1950–1980-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001 ; Лушин А. И. Власть и правозащитное движение в СССР : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004 ; Романкина И. А. Типология диссидентского движения в СССР (1950–1980-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Коломна, 2007 ; Шалюгина С. А. Идеино-политические течения в диссидентском движении в СССР в 1960–1970-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003.

⁴ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999 ; Он же. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.

недовольством населения существующим общественным укладом и уровнем его материального положения¹. Социально-экономические проблемы, существующие в СССР, до недавнего времени не рассматривались как первопричина протестного поведения населения, но на сегодняшний день данная тема не только получила озвучание, но и стала темой дискуссий, развернувшихся на страницах отечественных научных изданий.

Наиболее ярким, фактически хрестоматийным, примером социальных беспорядков стали Новочеркасские события (документы и архивные материалы, касающиеся данного происшествия, сегодня публикуются и изучаются отечественными исследователями²). Поводом к массовым волнениям в Новочеркаске стало повышение цен на продукты питания с 1 июня 1962 г., совпавшее со снижением расценок на местном заводе с 31 мая. Этот факт позволил сделать вывод об обусловленности социальных протестов в СССР неудовлетворительным экономическим положением граждан. Впоследствии ссылка на Новочеркасские события использовалась рядом авторов³ в качестве аргумента, подтверждающего гипотезу, что именно недостатки продовольственного снабжения «навели» советскому обществу мысли о масштабных переменах и толкали к антиправительственной активности.

В середине 2000-х гг., в результате произошедшего «дрейфа» отечественной историографии в «антилиберальном» направлении, получает озвучание иная точка зрения на проблематику первопричинности социальных протестов с СССР, а также на наличие взаимосвязи протестов и товарного дефицита.

Проведенный В. А. Козловым анализ массовых беспорядков (по самым скромным оценкам – 20 случаев с 1957 по 1982 гг.⁴) позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев причины выступлений лежали вне сферы питания и продовольственного

¹ *Мамяченков В. Н.* Протестные акции населения в 1950–1960-х гг. как следствие низкого уровня его материального положения : формы и методы (на материалах Свердлов. обл.) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. Сер. История. Вып. 40.

² *Лебедев В.* Указ. соч. ; *Мардарь И.* Указ. соч. ; *Новочеркасская трагедия 1962 г.* // Исторический архив. 1993. № 1. С. 110–136 ; № 4. С. 143–177.

³ *Шубин А. В.* СССР в апогее : как мы жили // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

⁴ *Козлов В. А.* Неизвестный СССР... С. 421.

дефицита, а были связаны с милицейским произволом, межнациональными проблемами и антирелигиозной политикой.

Аналогичного мнения придерживается Н. А. Мендкович¹. Основываясь на проведенном анализе отчетов КГБ о статистике распространения «антисоветских документов», он приходит к выводу, что точка зрения о значимом влиянии недостатков продовольственного снабжения на деятельность оппозиционных активистов после 1962 г. (Новочеркасские события и их отголоски) не имеет достаточного документального подтверждения. По его подсчетам, в 1981 г. лишь 3,6% изготовителей «антисоветских документов» занялись нелегальной деятельностью из-за «недостатков снабжения продуктами питания»; в 1983 г. – 1,9; в 1984 г. – 2,2%². Несмотря на значительное время, проводимое в очередях, которые, по справедливому замечанию Е. А. Осокиной «были чутким барометром общественных настроений, местом ни к чему не обязывающих разговоров и откровений»³, очереди не стали ни источником, ни причиной антиправительственных выступлений. Отсутствие взаимосвязи «дефицит – социальный протест в СССР», по мнению Н. А. Мендковича, является веским доводом в пользу пересмотра укоренившейся в отечественном гуманитарном дискурсе точки зрения, что именно проблемы с продовольствием стали первопричиной массовых антиправительственных акций, в дальнейшем приведя к деформации и ликвидации советской системы.

Иной точки зрения придерживаются С. В. Горшков, Н. Н. Попов и А. И. Прищепа⁴. Авторы на базе анализа архивных и статистических материалов, отражающих социально-экономическое развитие Уральского региона, приходят к выводу, что перебои в снабжении хлебом, а также другими продуктами питания и предметами быта в начале 1960-х гг. явились причиной массо-

¹ Мендкович Н. А. Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

² Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС. М., 2006. С. 241, 261, 262.

³ Осокина Е. А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5(43).

⁴ Горшков С. В., Попов Н. Н. Социально-политические отношения на Урале в 1945–1965 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000.; Прищепа А. И. Забастовки на Урале в 1940–1960 гг. // Вопр. истории. 1998. № 6.

вого недовольства уральцев, но в оппозиционном движении участвовало незначительное количество населения, так как большая его часть находилась под влиянием пропаганды и верила в построение коммунистического общества.

В. Н. Мамяченков, опираясь на рассекреченные материалы архива УФСБ по Свердловской области, содержащие большое количество спецсообщений о социальных настроениях в регионе, приходит к выводу, что хронический дефицит товаров первой необходимости, как продовольственных, так и непродовольственных, вызывал возмущение и недовольство горожан¹. Негативные высказывания населения относительно качества товарного обеспечения региона фиксировались службами на протяжении всего периода 1950–1980-х гг. Некоторые замечания носили острый критический характер, сопровождаясь резкими высказываниями в адрес власти: «Для того, чтобы улучшить жизнь, нужна новая революция, поднять восстание и убрать всех коммунистов. Перетянуть на свою сторону московский гарнизон, а по Всесоюзному радио кому-то выступить с призывом», «Чем больше Советов, тем меньше продуктов. Советы сыты, а рабочие голодны»².

О фактах негативных высказываний населения по поводу качества товарного снабжения в «хрущевский» период пишет А. Г. Григорьева. Опираясь, в том числе на анализ писем и жалоб населения в органы власти, она приходит к выводу, что «недовольство» и «несогласие» по отношению к экономической политике правительства были достаточно распространенными настроениями в обществе времен «оттепели»³. Только за июнь 1962 г. из партийных и советских учреждений, редакций газет и журналов в органы КГБ было передано свыше 300 анонимных писем с выражением крайнего недовольства жизненным уровнем трудящихся.

Активное недовольство горожан уровнем обеспечения промышленными и продовольственными товарами в 1950–1980-е гг.

¹ Мамяченков В. Н. Протестные акции населения в 1950–1960-х гг. ... С. 93–94.

² Там же. С. 94.

³ Григорьева А. Г. Указ соч.

фиксируется исследователями в большинстве районов РСФСР¹. По мнению А. Ю. Блока, участвовавшие в 1960-е гг. проявления инакомыслия были в значительной степени связаны с нарастающим экономическим трудностям, а также свидетельствовали о потере авторитета власти, отказавшейся от репрессивных методов управления².

Проведенный историографический анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно данной дискуссии. В целом утверждение о том, что проблемы товарного дефицита, вызывающие недовольство населения, не привели к массовым фактическим протестам, видится достаточно аргументированным. В то же время утверждение Н. А. Мендковича об отсутствии взаимосвязи социальных протестов с недостатками снабжения граждан продовольственными и промышленными товарами, на наш взгляд, не вполне верно, так как существование в течение многих лет проблематики товарного дефицита (и перманентное ее усугубление) негативно влияло на настроения в советском обществе, формируя, в том числе, и критическое отношение к эффективности советской власти, а в перспективе и к целесо-

¹ *Агишев Р. Р.* Власть и общество Мордовии в 1970-х – нач. 1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006 ; *Алешина И. Н.* Неформальная оппозиция в конце 80-х – нач. 90-х гг. XX в. (на материалах Калининской обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2003 ; *Блок А. Ю.* Исторический опыт адм.-правоохран. политики сов. гос-ва в 1953–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002 ; *Вацук А. С.* Власть и общество : соц.-полит. настроения дальневосточников в 50-е гг. XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 4 ; *Она же.* Общественно-политические настроения дальневосточников в 1946–1960-е гг. // Дальневосточные архивы : прошлое – будущему. Владивосток, 2003 ; *Она же.* Реакция населения Дальнего Востока на советскую социальную политику (1945 – нач. 1950-х гг.) // Дальний Восток : наука, экономика, образование. XXI в. : IV Крушановские чтения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : [в 3 т.]. Комсомольск-на-Амуре, 2005 ; *Власова В. В.* История обществ.-полит. развития Свердл. обл. в годы «перестройки» и становления новой рос. государственности (1985–2000) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005 ; *Волохов С. П.* Социально-политические протесты середины 1950-х – середины 1980-х гг. : на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской обл. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002 ; *Егоров А. Н.* Общественно-политическая ситуация «оттепели» (1953–1964 гг.) в восприятии современников – преподавателей и студентов Казан. гос. ун-та : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010 ; *Он же.* Продовольственная ситуация в СССР рубежа 1950–60-х гг. глазами студентов Казан. ун-та // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Ижевск, 2008 ; *Колмаков Д. В.* Общественно-политическая жизнь Бурятской АССР во второй пол. 1960-х – 1970-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004 ; *Шустин В. В.* КГБ СССР в борьбе с протестными проявлениями внутри советского общества в конце 1950–1980-е гг. : по материалам Мордовии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006.

² *Блок А. Ю.* Исторический опыт адм.-правоохранит. политики... С. 22.

образности существования советской системы. Для большинства населения страны именно вопросы обеспечения семьи необходимыми товарами, а не проблемы демократизации общества и свободы религиозного и национального самоопределения являлись экзистенциально важными и первостепенными. Вследствие этого именно нерешенность проблем товарного дефицита стала основным аргументом в антисоветском «перестроечном» дискурсе. Поэтому отсутствие прямой взаимосвязи «дефицит — социальный протест», характерное как для «хрущевского» периода, так и для последующих лет советской власти, не свидетельствует об отсутствии достаточно существенного косвенного взаимодействия данных явлений, сыгравшего заметную роль в финальных сценах советской истории.

Изучению вопросов потребления и благосостояния населения в «брежневский» период посвящены публикации историков, социологов и экономистов. Авторы рассматривают различные аспекты проблемы, опираясь на многочисленные источники и альтернативные расчеты. Однако при всем обилии публикаций, освещающих проблемы потребления и благосостояния населения в «брежневский» период выделяется условно две полярные точки зрения. Представители первого подхода рассматривают события «брежневского» периода через призму кризиса советской экономической модели и пытаются осмыслить его причины. Сторонники второй точки зрения утверждают, что уровень потребления населения продолжает улучшаться относительно предыдущих лет и в абсолютном значении, а сам период характеризуется ростом благосостояния и увеличением социальных гарантий горожан.

К выводу об экономическом спаде в «брежневский» период приходит Г. И. Ханин, отмечая, что все экономические «успехи» в это время являются «статистической иллюзией» либо следствием благоприятного стечения обстоятельств¹, фактически же в стране происходит ухудшение экономической ситуации. Данное мнение разделяют сторонники либеральной трактовки исто-

¹ Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль — XXI. 2003. № 12. С. 21.

рии Е. Т. Гайдар, П. Грегори, Е. В. Красникова, В. М. Кудров, Ю. Ольсевич и др.¹

В. М. Кудров заключает, что замедление темпов экономического развития наблюдается в 1970-е гг., а в 1980-х гг. экономический рост вообще прекращается и страна вступает в полосу стагнации и кризиса². Е. Т. Гайдар отмечает, что кризис снабжения в 1970–1980-е гг. явился следствием существования в стране экономики дефицита. Также в качестве причин автор называет: высокие темпы урбанизации, приведшей к увеличению городского населения страны и уменьшению сельских жителей, обеспечивающих свои потребности за счет ЛПХ, и неэффективность советской системы сельского хозяйства, которая была создана социалистической моделью индустриализации. При этом Е. Т. Гайдар считает, что кризис снабжения нарастал уже с середины 1960-х гг., но открытие в 1960-е гг. месторождений нефти в Западной Сибири и последующий импорт продукции сельского хозяйства позволили остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов³. Точка зрения о решающей роли нефтяных доходов во временном преодолении советского социально-экономического кризиса популяризируется и в зарубежной историографии⁴.

Либеральная трактовка событий периода получила отражение и в современной учебной литературе. В ракурсе либеральной концепции изложен материал в учебных пособиях Е. В. Красниковой и В. М. Кудрова⁵. Остро критическую либеральную оценку экономическим реалиям «брежневского» периода дают в своих мемуарах Е. В. Гутнова, Д. Т. Шепилов. Историк-медиевист, сотрудник кафедры истории средних веков МГУ Е. В. Гутнова в своих воспоминаниях красноречиво характеризует ситуацию

¹ Красникова Е. В. Экономика переходного периода : учеб. пособие. М., 2006. С. 79 ; Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая экономика в ретроспективе. Анализ интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000 ; Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006 ; Кудров В. М. Крах советской модели экономики. М., 2000.

² Кудров В. М. Крах советской модели экономики. М., С. 65.

³ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 121.

⁴ См., например: Millar J. R. An Economic Overview / J. Cracraft (ed.) The Soviet Union Today : An Interpretive Guide. Chicago : University Chicago Press, 1983.

⁵ Красникова Е. В. Указ. соч. ; Кудров В. М. Мировая экономика : учебник. М., 2000.

1960–1980-х гг. через понятия «глубокий экономический распад», «бесперспективность», «безнадежность». Е. В. Гутнова не приводит четких свидетельств и фактов, подтверждающих «обнищание» советского общества, при этом допуская в повествовании массу фактических ошибок и неточностей, которые отметили в рецензии на работу саратовские исследователи А. И. Аврус и Т. В. Мосолкина¹.

Д. Т. Шепилов (в 1960-е гг. – руководитель Главного архивного управления при Совете Министров СССР), характеризуя ситуацию обеспечения городского населения продовольствием в конце 1960-х гг., приходит к выводу, что «страна оказалась перед угрозой голода. От Закарпатья до Прикамья у хлебных магазинов выстраивались на ночь огромные очереди за хлебом. В города за хлебом направлялись миллионы людей из деревни. Во многих городах и районах было введено закрытое распределение продуктов, прикрепление близживущих к хлебным магазинам, составление списков потребителей, выдача карточек»². Причиной таких явлений, по мнению Д. Т. Шепилова, являются «тяжкие последствия хрущевщины в области экономики». На наш взгляд, автор, рисуя картину советского «благосостояния» конца 1960-х гг., несколько сгущают краски. В частности, тот факт, что страна «оказалась перед угрозой голода» и именно в этот период питание населения резко ухудшилось, не подтверждается ни статистическими данными, ни материалами бюджетных обследований (и тот и другой источник, скорее, свидетельствуют об обратном). Отсутствуют упоминания о кризисе конца 1960-х гг. также и в публикациях других исследователей.

Более положительную характеристику периода дает в своих воспоминаниях Н. К. Байбаков, который с 1965 по 1985 г. был заместителем Председателя Совета Министров СССР и Председателем Госплана СССР. Автор отмечает, что перестройка системы планирования, проведенная в 1966–1968 гг., оказала положительное влияние на экономику, плановые задания выполнялись, что не позволяет говорить о кризисе. Проблемы снабжения

¹ Аврус А. И., Мосолкина Т. В. Рецензия. Е. В. Гутнова Пережитое (М., 2001) // Средневековый город. Саратов, 2001. № 16.

² Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопр. истории. 1998. № 9. С. 6.

населения товарами были вызваны частными причинами – засухой 1972, 1974–1975 гг., недостаточным внедрением новых технологий и прогрессивных форм организации труда¹. Что касается дефицита, то он, по мнению Н. К. Байбакова, был в «брежневский» период только на импортные товары². Сложно говорить о беспристрастности оценок Н. К. Байбакова, но необходимо отметить, что далеко не все авторы сегодня склонны характеризовать «брежневский» период через понятия «кризис», а тем более «голод».

О существенном улучшении благосостояния населения пишут сейчас многие российские исследователи, обозначая тем самым второй (из выделенных нами) подход к рассмотрению социально-экономических реалий «брежневского» периода.

Авторы ряда публикаций ставят вопрос о необходимости переосмысления масштабов экономического кризиса «брежневского» периода и уместности характеристики его через понятие «застой» (данный термин применительно к 1970–1980-м гг. был введен еще в 1980-е гг. М. С. Горбачевым). По мнению В. В. Прибыткова, употребление этого понятия не отражает реальность, так как, во-первых, в «брежневский» период жизнь в стране, стабильная и предсказуемая, вовсе не стояла на месте, а шла своим поступательным ходом. Во-вторых, после резкого обвала экономики и культуры в стране, начало которому положило руководство Горбачева, трудно оперировать термином «кризис» и «застой» всерьез. Мнение В. В. Прибыткова разделяет уральский историк В. М. Куликов³, отмечая, что исследователи, рассуждающие о кризисе и «застое» советской экономики периода 1960 – начала 1980-х гг., «сгущают краски и возводят „напраслину“ на советскую экономику указанного периода. Действительно „застой“ в советской экономике начался с горбачевской перестройки, а всеохватывающий кризис и стремительное падение производства – с ельцинских реформ»⁴.

¹ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 115–126.

² Там же. С. 289.

³ Куликов В. М. А был ли «застой» в советской промышленности в 1970–1980-х гг.? // Российский ист. опыт: общенац. и регион. аспекты. Екатеринбург, 2004. С. 27–33.

⁴ Там же. С. 27.

И. А. Куринова и М. В. Ульянова при рассмотрении социально-экономических реалий «брежневского» периода склоняются к мнению, что в данные годы был достигнут максимальный уровень экономического развития (середина 1970-х гг.)¹, а также достаточно успешно развивались социальные программы, направленные на рост благосостояния и потребления городского населения (преимущественно рабочих)². М. В. Славкина, опираясь на данные советских статистических ежегодников, приходит к выводу, что во второй половине 1960-х – 1970-е гг. потребление населения и уровень жизни растут, и причиной этого роста стали экономические преобразования 1960-х гг. («косыгинская» реформа)³. Мнение о положительных последствиях «косыгинской» реформы разделяет В. А. Медведев, отмечая, что «реформа оказала заметное влияние на обстановку в народном хозяйстве, в результате чего восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) была наиболее успешной в послевоенные годы. Однако реформа продолжения не получила, и ее импульсы начали угасать, пока не сошли на нет»⁴.

Если М. В. Славкина и В. А. Медведев акцентируют внимание преимущественно на реформах середины 1960-х гг., то значительно более масштабную характеристику проблем благосостояния населения в «брежневский» период дают в своих работах Л. А. Гордон и Э. В. Клопов⁵. Опираясь на статистические материалы и данные социологических исследований, они приходят к выводу, что в 1970–1980-е гг. «десятки миллионов людей стали жить вполне сносно, особенно по сравнению с тем, как тридцатью-сорока годами ранее жили они сами или их родители: тогда нормой было скудное, некачественное питание,

¹ Ульянова М. В. Тенденции и противоречия реформирования экономической модели развитого социализма в СССР в 1965–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

² Куринова И. А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики : 1964–1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

³ Славкина М. В. Указ. соч.

⁴ Медведев В. А. Перед вызовами пост-индустриализма : взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. М., 2003. С. 49.

⁵ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых... ; Они же. Возрождение рабочего движения в России. Вторая пол. 80-х – нач. 90-х гг. // Сов. общество : возникновение, развитие, исторический финал : [в 2 т.] / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997. Т. 2 : Апогей и крах сталинизма.

хроническая нехватка даже самых необходимых предметов обихода, обуви и одежды, убогое жилище. Поэтому достижения 70–80-х гг. можно оценить как качественный скачок в повышении уровня жизни»¹. В то же время исследователи отмечают, что самими рабочими улучшения воспринимались в определенном смысле – как переход от бедности к весьма скромному достатку. По мнению авторов, такие оценки обусловлены, во-первых, быстрым ростом потребностей городского населения и замедлением процесса их удовлетворения в 1980-е гг., что воспринималось как ухудшение жизни. Во-вторых, существовали и объективные причины: в 1980-е гг. 2/5 населения страны так и не выбрались из бедности, а потребность в разнообразном и качественном питании также удовлетворялась далеко не в полном объеме, так как из торговли «вымывались» дешевые товары, а более дорогие были не всем по карману. Также в 1980-е гг. увеличилось количество районов, которые плохо снабжались товарами массового спроса, поэтому жители переплачивали за дефицитные продукты, покупая их «с рук» у перекупщиков или «из-под прилавка» либо тратили деньги на поездки в города. На наш взгляд, выводы, сделанные Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым, достаточно справедливы и отражают субъективные и объективные причины изменения общественного мнения, а также динамику фактического уровня благосостояния населения.

Мнение Л. А. Гордона и Э. В. Клопова о неоднозначности социально экономических процессов, происходивших в СССР в «брежневский» период, разделяет Т. И. Заславская². Она считает, что в общем процессе торможения развития социальной сферы в 1970–1980-е гг. отмечаются тенденции к росту социальной защищенности и сдвиги в культурно-бытовом устройстве населения: «Относительно низкая стоимость продуктов, низкая квартплата, бесплатное образование и медицинское обслуживание, всеобщее пенсионное обеспечение, отсутствие структурной безработицы и другие факторы были социальными предпосылками современных изменений в общественной жизни,

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Возрождение рабочего движения в России... С. 453.

² Заславская Т. И. Перестройка и социализм // Постигание. М., 1990. С. 217–240.

поскольку расширили возможность выбора людьми способов поведения в среде труда и быта, значительно ослабили зависимость работника и потребителя от методов командно-административного управления»¹.

Н. А. Мендкович, анализируя проблематику продовольственного снабжения советского населения в эпоху «застоя», приходит к выводу, что в целом советскому руководству удавалось сохранять тенденцию к росту потребления продуктов питания, включая «дефицитные», в том числе ценой постоянного роста капиталовложений в АПК и импорта продовольствия. Периоды наиболее активного роста доли животной пищи в рационе пришлось на 1965–1968 и 1973–1975 гг.² Советское население не голодало. Рацион среднего советского гражданина полностью покрывал его трудозатраты на протяжении всего «брежневского» периода. Существовавший дефицит тех или иных продуктов не ставил население на грань голода, но тем не менее воспринимался людьми достаточно болезненно, и в воспоминаниях порой представлялся бóльшим, чем был в действительности. Особые трудности с продовольственным снабжением отмечены в малых городах, где была слабо развита торговая сеть, и любые нарушения графика доставки создавали товарный вакуум на месте даже таких недефицитных товаров, как хлебопродукты. И хотя, по мнению Н. А. Мендковича, подобные перебои в снабжении не носили системного характера и их рецидивы анализировались на союзном уровне, но сам их факт иллюстрирует уязвимость сети продовольственной торговли и скромность местных запасов, которые при нарушении подвоза могли «смести» в считанные дни или часы. В целом Н. А. Мендкович отмечает, что несмотря на рост потребления населения, в «брежневский» период существовали и серьезные недостатки в системе продовольственного обеспечения населения. В частности, отставание от стран Запада по потреблению молочных продуктов и фруктов в эти годы стало «хроническим», и его устранение представлялось маловероятным. В аналогичной описанию Н. А. Мендковича тональности

¹ Заславская Т. И. Перестройка и социализм. С. 224–226.

² Мендкович Н. А. Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

Н. А. Козлова, на наш взгляд, достаточно точно напишет про «брежневский» период: «Люди, о которых идет речь, не голодали и не были раздеты. Но они не могли свободно реализовать энергию желаний, сделать свой выбор»¹.

Наиболее высокую оценку «брежневскому» периоду дает экономист А. Кругин, автор статьи «Экономика великой цели, или как преодолеть барьер „потребления“». По мнению автора, советская экономическая модель, представляя собой пример «экономики великой цели» (противоположный «экономике потребления»), функционировала максимально эффективно именно в 1960–1970-е гг. По мнению А. Кругина, в этот период «она (экономика. – М. К.) была способна обеспечить неплохой уровень жизни, тратя на это от силы 20–30% своих ресурсов. Все остальное шло на внешние цели: ...оборона, внешняя политика, помощь развивающимся странам, великие стройки, исследование космоса и т. п. ...И всё это – из-за совершенной системы управления экономикой, из-за того, что в 1960–1970-е гг. экономический потенциал страны использовался почти на сто процентов и рос с максимально возможной скоростью, в то время как экономический потенциал наших геополитических противников из-за барьера потребления сдерживался на искусственно заниженном уровне. ...В начале 1970-х гг. в СССР был достигнут как раз тот уровень жизни, который нужен человеку, чтобы вести здоровый образ жизни, полноценно трудиться, заниматься творчеством, воспитывать здоровых детей. Между тем огромная часть ресурсов экономики была зарезервирована для великой цели»². Нужно признать, что далеко не все исследователи солидарны с достаточно категоричными выводами А. Кругина относительно эффективности управления экономикой в 1970–1980-е гг., объемов экономических ресурсов, оценки достигнутого уровня жизни, и, наконец, далеко не все авторы склонны считать 1970-е гг. пиком достижений советской экономики. Что касается затронутой А. Кругиным проблематики уровня жизни населения в 1960–1970-е гг., то, на наш взгляд, тезис, что в данный период был до-

¹ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 417.

² Кругин А. Экономика великой цели, или как преодолеть «барьер потребления». URL : <http://e2000.kyiv.org/theory/biblio/barrier.htm>.

стигнут «как раз тот уровень жизни, который нужен человеку», им аргументирован недостаточно, если не сказать не аргументирован вовсе. Каких-либо цифр и конкретных фактов автор вообще не приводит, максимально сосредоточившись на изложении теоретических основ и преимуществ функционирования предложенной им модели «экономики великой цели», что позволяет характеризовать данную работу как пример просоветского мифотворчества.

Вопросы обеспечения городского населения регионов РСФСР промышленными и продовольственными товарами получили сегодня рассмотрение как в исследованиях, посвященных в целом социально-экономическому развитию того или иного города или региона в «брежневский» период¹, так и в работах, освещающих проблемы благосостояния отдельных категорий городского социума. Преимущественное внимание исследователей сфокусировано на наиболее многочисленной группе советского городского населения – рабочих², в то время как вопросы товарного обеспечения интеллигенции и руководящих работников практически не получили рассмотрения. Оценивая уровень и качество обеспечения городского населения регионов продовольственными и промышленными товарами, авторы приходят к выводу, что в целом в «брежневский» период росла обеспечен-

¹ *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960–80-е гг. Анализ соц.-экон. и демогр. факторов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003 ; *Боронова М. М.* Социально-экономическое развитие Республики Бурятия в 1960–1990 гг. : ист. опыт и проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2002 ; *Базов Ю. В.* Основные тенденции социально-экономического развития в 60-е – нач. 90-х гг. XX в. в Приволжском регионе : на примере Кировской, Нижегородской обл., Марий Эл, Мордовской и Чувашской Респ. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005 ; *Ващук А. С.* Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке... ; *Кузнецов В. В.* Уровень жизни населения Бурятии в 50–70-е гг. XX в. Улан-Удэ, 2002 ; *Мартюшов Л. Н., Мартюшова И. Л.* Потребление продуктов питания жителями Уральского региона в 1950–1980-е гг. // Четвертые Татищевские чтения : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2003 ; *Погребняк А. И.* Взаимовлияние процессов урбанизации и развития торговли и обществ. питания в Сибири (середина 1940-х – середина 1980-х гг.) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири / под ред. В. А. Скубневского. Барнаул, 2005.

² *Власов Л. Г.* Новый район освоения : ист. опыт, уроки (по материалам зап. участка БАМа. 1970–1980-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004 ; *Гаврилова Н. Ю.* Проблемы продовольственного обеспечения населения нефтегазодобывающих районов Зап. Сибири (1960–1980-е гг.) // Аграрное развитие и продовольств. безопасность России в XVIII–XX вв. Оренбург, 2006 ; *Мартюшов Л. Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. Екатеринбург, 1999.

ность населения продуктами и промышленными товарами, люди стали лучше одеваться, в обыденную жизнь вошли телевизор, холодильник, магнитофон, стиральная машина. Однако в сравнении с развитыми странами степень обеспеченности промышленными товарами была низкой, а фиксированная ценовая политика государства привела к тому, что потребление продуктов питания определялось не доходами населения, а доступом к дефицитным товарам — за мясными и молочными продуктами стояли очереди, процветали блат и спекуляция. Ситуация усугублялась тем, что в регионах РСФСР проблема товарного дефицита стояла гораздо острее, чем в столице, а в небольших провинциальных городах снабжение было значительно хуже, чем областных и районных центрах.

Мнение о наличии серьезных проблем с товарным снабжением провинции разделяют Н. А. Мендкович и Е. А. Осокина. По их данным, означенная проблема не являлась хронологически локальной «болезнью» исключительно «брежневского» или какого бы то ни было иного этапа советской истории, существуя на всем ее протяжении. В качестве иллюстрации Е. А. Осокина приводит показатели, отражающие объемы распределения рыночных фондов товаров в СССР периода 1939–1940 гг.: «В столице проживало немногим более 2% населения страны, но в 1939–1940 гг. она получала около 40% мяса и яиц, более четверти всех рыночных фондов жиров, сыра, шерстяных тканей, около 15% сахара, рыбы, крупы, макарон, керосина, швейных изделий, шелковых тканей, обуви, трикотажа. Ленинград жил скромнее, но тоже входил в число элитных городов. В 1939–1940 гг. он получал пятую часть рыночных фондов мяса, жиров, яиц. По этим товарам два города — Москва и Ленинград — „съедали“ более половины всего рыночного фонда страны»¹.

К рассмотрению причин территориально неравномерного товарного обеспечения населения страны обращается Н. Ю. Гаврилова². Она, анализируя данную проблематику на материалах

¹ Осокина Е. А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5(43). С. 54.

² Гаврилова Н. Ю. Проблемы продовольственного обеспечения населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири... С. 122–128.

Западной Сибири и Тюменской области, приходит к выводу, что низкое продовольственное потребление населения регионов лишь косвенно связано с недостаточным развитием собственной производственной базы. (Данное утверждение правомерно для территорий Крайнего Севера, где возможности развития собственного сельскохозяйственного производства резко ограничены). Опираясь на результаты проведенного анализа статистических данных, Н. Ю. Гаврилова убедительно доказывает, что производство в Тюменской области мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов и зерновых культур в исследуемый период не только не уступало республиканскому и западносибирскому уровню, а нередко превышало его. Это позволяет сделать вывод, что более важную роль в формировании уровня и структуры потребления жителей регионов сыграли организация торгового обслуживания и обеспечение необходимой структуры снабжения. В частности, при достаточно высоком (относительно среднереспубликанского уровня) товарообороте Западносибирского региона около 20% его реализовывалось за счет продажи населению ликероводочных изделий, а на мясомолочные продукты приходилось в совокупности 6,8%. В качестве причин деформированной структуры товарооборота и, соответственно, потребления Н. Ю. Гаврилова указывает особенности половозрастного состава населения Тюменского Севера (преимущественно мужского), также не исключая тот факт, что «сами торговые организации были крайне заинтересованы в продаже алкогольных напитков. Это давало им возможность успешно выполнять плановые показатели даже при отсутствии в продаже самых необходимых товаров»¹.

В целом выводы Н. Ю. Гавриловой достаточно аргументированы и заслуживают внимания, выявляя новые аспекты проблематики географически неравномерного распределения продовольственных товаров в РСФСР.

Вопросы обострения дефицита промышленных товаров широкого потребления в регионах РСФСР в 1970-х гг. затронуты

¹ Гаврилова Н. Ю. Проблемы продовольственного обеспечения населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири... С. 189.

в работах Н. П. Гавриловой и Л. С. Лисицыной¹. Рассматривая проблему на материалах разных регионов (Западносибирского и Дальневосточного), авторы солидарны относительно причин ухудшения товарного снабжения. В качестве наиболее весомой причины произошедшего они называют существенное фактическое уменьшение капиталовложений, направляемых на развитие производства потребительских товаров. (Хотя в это же время партийно-государственное руководство страны, исходя из потребностей экономического развития, официально заявило о намерениях ускоренно развивать легкую промышленность, в том числе за счет увеличения доли капиталовложений). Именно в результате снижения финансирования предприятий «легких» отраслей, остро нуждающихся в модернизации и техническом переоснащении, снижаются качество и объемы выпускаемой продукции, усугубляя проблемы товарного дефицита во всех регионах РСФСР.

Новой для современной историографии проблемой, разрабатываемой отечественными авторами, является изучение функционирования системы валютной торговли в СССР во второй половине XX в. В статье А. С. Ивановой предпринята попытка анализа данной темы в рамках периода 1960–1980-х гг.² Как обозначает сама автор, в статье рассматривается феномен «Березок», в первую очередь, с «бюрократической точки зрения» – на основании архивных документов описывая возникновение такого рода торговли, принципы ее функционирования, критерий «допуска» в эту систему и причины ее «заката», не касаясь вопросов восприятия магазинов гражданами, а также криминальной деятельности вокруг вышеозначенных «Березок». В статье достаточно подробно рассмотрены вопросы объемов продаж, ассортимента товаров, а также обозначены категории граждан, имевших

¹ Гаврилова Н. П. Основные тенденции развития легкой промышленности Зап. Сибири в первой пол. 70-х гг. // 55 лет Кемеровской обл. : материалы науч.-практ. конф. Кемерово, 1998 ; Она же. Развитие легкой промышленности Зап. Сибири в 1971–1975 гг. : опыт анализа гос. регион. политики : автореф. дис ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000 ; Лисицына Л. С. Развитие легкой промышленности на юге Дальнего Востока СССР : середина 1940-х – середина 1970-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010.

² Иванова А. С. Магазины Внешпосылторга : валютная торговля в СССР. 1960–1980-е гг. // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 3(17).

право отовариваться в данных магазинах за валюту или сертификаты с правом покупки дефицитных товаров.

Характеристика социальной группы, имевшей возможность приобретать дефицитные товары, а именно граждан, выезжающих и зарабатывающих за границей, представляет несомненный интерес, расширяя советскую повседневность, реконструируемую отечественными авторами. Зачастую, при рассмотрении вопросов снабжения населения, данная группа вообще не принимается во внимание. В русле либеральной «перестроечной» историографии, популяризировалась точка зрения о фактически абсолютной недоступности дефицитных товаров для советского населения. Относительно «законная» возможность доступа к дефициту была лишь у чиновников (через спецпайки), а также у работников торговли («встречающихся» с товарами раньше покупателей); все же остальные советские граждане либо безуспешно стояли в очередях, либо использовали «блат», «связи», платили взятки, «доставали из-под полы», «фарцевали», вступая на пути к дефициту в полукриминальные и криминальные отношения.

Рассмотренная в статье А. С. Ивановой еще одна категория советского социума, имевшая вполне законные возможности доступа к дефицитным товарам, которую составляли совзагранработники, сотрудники, временно командированные за границу, люди, получающие официальные гонорары за литературную, артистическую и спортивную деятельность, а также получающие наследство, пенсию и алименты из-за границы, позволяет говорить о несколько большей доступности товаров для населения (по крайней мере, не ограничивая пути к дефициту чиновничье-криминальными каналами). О финансовых возможностях категории советских граждан, отоваривающихся за валюту в советской стране, достаточно красноречиво говорят цифры. Так, по данным, приведенным А. С. Ивановой, в начале 1970-х гг. «объем торговли только московских магазинов, торговавших с советскими гражданами по сертификатам, был почти в девять раз больше объема торговли магазинов для иностранцев во всем

РСФСР»¹. Из этого объема около половины выручки составляли доходы от торговли автомобилями; 11,0% – швейными изделиями; 9,0 – трикотажем; 6,0 – галантерей; 3,2 – радиотоварами; 5,3% – продовольственными товарами.

Проблематика уровня и качества потребления горожан, а также вопросы товарного снабжения и преодоления дефицита сегодня получили освещение в контексте истории повседневности. Оставляя за скобками фактическую динамику благосостояния, определяемую через объемы товарооборота, количество приобретаемых продуктов и товаров и рассуждая о проблематике потребления в культурологическом контексте, авторы данных работ фокусируют внимание на специфике стереотипов потребления, существующих в СССР, а также на механизмах их формирования и трансформации под воздействием импульсов, исходящих из политической и экономической сферы, в качестве источников исследования используя воспоминания современников, свидетельства устной истории, а также кино- и фотодокументы, иллюстративные материалы публикаций тех лет и пр.

Одной из таких работ, написанных в русле истории советской повседневности, является книга С. Бойм «Общие места» (2002 г.). Автор детально останавливается на анализе и реконструкции различных культурных представлений населения о пространстве повседневного быта, определяя его относительно системы координат «частное – общественное». По мнению С. Бойм, в различные периоды советской истории идеологические проекты, транслируемые государством, были направлены то на уничтожение и вытеснение «частного», «приватного» из повседневности советского человека (как в первые годы советской власти), то, наоборот, – на конструирование «частного» (примером чего является идеологическая кампания «за культуру быта», «за зажиточную и культурную жизнь», развернувшаяся в конце 1930-х, а затем – в начале 1950-х гг.). По утверждению С. Бойм, образ «шестидесятников» можно описать через опыт «безбытности», отторжения «сталинского уюта» и «домашнего

¹ *Иванова А. С. Магазины Внешпосылторга : валютная торговля в СССР. 1960–1980-е гг. // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 3(17). С. 89.*

хлама», борьбы с «мещанством», подозрительности и презрительности к частным пространствам¹.

Хотя в рецензии на книгу С. Бойм И. Утехин относит данную работу не более чем «к жанру страноведческой публицистики»², отмечая ряд фактических неточностей, не позволяющих говорить об основательности и завершенности данного проекта, тем не менее применительно к исследуемой проблематике спроса, потребления и дефицита в РСФСР выводы С. Бойм небезынтересны, поскольку они позволяют обозначить новый ракурс взаимосвязи «власть – потребление населения». В частности, развивая гипотезу С. Бойм, можно сделать вывод, что импульсы официального идеологического дискурса оказывали влияние на формирование ценностей личного выбора современников, соотносясь с их поведенческими и деятельностными стратегиями, а также создавая потребительские стереотипы, которые в различные периоды советского времени балансировали между ориентиром на коллективность и личностную аскезу в потреблении, либо на формирование подчеркнуто частного, дистанцированного от коллектива приватного пространства, которому не были чужды индивидуальность и потребительские излишества.

С. А. Кириленко несколько иначе расставляет акценты в системе «власть – потребление населения»³. Фокусируя внимание исключительно на культуре и стратегиях продовольственного потребления в СССР, он отмечает, что импульсы, исходящие из властной сферы на протяжении всего советского периода, были направлены на формирование в советской стране культурного единства, частью которого является гомогенизированное советское кулинарное пространство. По мнению С. А. Кириленко, цель данного проекта была достигнута в 1970–1980-е гг., о чем свидетельствует создание в СССР единой культуры потребления – нивелирующей национальные кулинарные особенности и изживающей традиции приготовления домашних блюд, функционирующей по единым принципам (направленным на ускорение

¹ Бойм С. Общие места : мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 59, 118.

² Утехин И. Светлана Бойм. Общие места // Критическая масса. 2003. № 1.

³ Кириленко С. А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта // *Studia culturae*. 2002. Вып. 3.

и упрощение процесса приготовления пищи) и ориентированной, в первую очередь, на покупную, полуфабрикатную еду (поставляемую советским пищепромом), которая стала частью не только обыденного, повседневного (кильки, сосиски), но и престижного, праздничного стола (сервелат, шпроты, зеленый горошек и т. д.). На наш взгляд, справедливость гипотезы С. А. Кириленко о государственном инжиниринге системы и культуры советского потребления подтверждается документально. Так, в каноническом издании 1952 г. «Книги о вкусной и здоровой пище» (куратором которой выступило Министерство пищевой промышленности СССР и лично Нарком пищевой промышленности А. И. Микоян) содержится фраза: «Надо создать у населения привычку и вкус к полуфабрикатам, к сухим завтракам, концентратам, консервам, ко всему богатому и разнообразному ассортименту готовых и полуготовых фабричных пищевых продуктов»¹. Издание подобных сборников рецептов служило инструментом достижения поставленной задачи и в то же время отражало приоритетные направления развития пищевой промышленности СССР, в зависимости от корректив которых содержание книг менялось².

В русле истории повседневности к изучению советского социума 1970–1980-х гг. обращается в своих статьях И. Каспэ³. В одной из них, под названием «Границы советской жизни:

¹ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 17.

² Так, в 1940-х гг. в СССР шло бурное развитие рыбной промышленности, и блюда из рыбы широко рекламировались в «Книге о вкусной и здоровой пище» (первое издание относится к 1939 г.). В 1950-х гг. был наложен запрет на вылов осетровых, и количество блюд из осетровых в «Книге» резко уменьшилось. На ассортимент блюд некоторым образом влияли и экономические реалии эпохи. В начале 1960-х гг. вследствие обострения дефицита продуктов рецепты сильно упростились, а в издании 1961 г. впервые вошел раздел «Домашнее консервирование». Хотя нельзя сказать, что издаваемая и переиздаваемая «Книга о вкусной и здоровой пище» была «рупором эпохи», так как в периоды острейших продовольственных кризисов конца 1980-х – начала 1990-х гг. ассортимент продуктов, составлявших рецептуру блюд, живописно проиллюстрированных, шел вразрез с реалиям пустых прилавков магазинов, выполняя для значительной части населения скорее функцию иллюстраций из «Красной книги», нежели являясь руководством для хозяек по приготовлению пищи.

³ Каспэ И. Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких? // НЛО. 2007. № 88; Она же. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура – общество – человек: материалы Междунар. симпозиума. М., 2008. Т. XV; Она же. Границы советской жизни: представления о «частном» в изоляционистском обществе // НЛО. 2009. № 100; 2010. № 101.

представления о „частном“ в изоляционистском обществе» (2009 г.), автор предпринимает попытку реконструкции повседневных для советского человека потребительских практик и стереотипов, опираясь в качестве источника на карикатурные материалы журнала «Крокодил». По мнению И. Каспэ, именно сатирический ракурс подачи материала в журнале позволяет более точно реконструировать границы «правильной» повседневности, нормы и девиации «советского образа жизни», проследить трансформацию вещевого пространства, обыденного и вожделенного для советского человека. Так, на страницах «Крокодила» отражены новейшие тенденции моды (гиперболизированные, но потому особенно наглядные), символы молодежных субкультур, знаки воображаемого Запада, а мебель, холодильник, ковры, хрусталь, дефицитные книжные собрания становятся для персонажей карикатур, по замечанию И. Каспэ, «универсальными символами „нормальной жизни“, нормами как таковыми»¹. В то же время патология советской экономической системы и перманентный дефицит, который необходимо преодолевать на пути к «желаемым» благам, наложили отпечаток на специфику советской модели потребления, запечатленную на страницах журнала: «Желание „жить нормально“ побуждает героев „Крокодила“ изворачиваться и исхитряться, оприходуя оказывавшиеся под рукой „общественные“ („ничьи“) ресурсы и приспособлявая те или иные продукты советской цивилизации под плохо совместимые с ней, подсмотренные („западные“) модели повседневности (так, кухонная плита может быть переоборудована в музыкальный комбайн, а стиральная машина – использоваться для взбивания коктейлей)»². В этой необходимости использовать вещи не по их прямому назначению и заключается, по мнению И. Каспэ, специфика и функциональная проблематика советской системы потребления. «„Советское“ – кладезь ресурсов, которые плохо применимы в обычной, повседневной жизни; функции, закрепляемые официальной нормой за людьми и вещами, оказываются лишены всякого

¹ Каспэ И. Границы советской жизни...

² Там же.

смысла; соответственно, „обычному человеку“ приходится пускаться в сложные манипуляции с функциональностью, приспособлявая и перекодируя под собственные цели тот ограниченный набор ресурсов, который находится в доступе»¹.

Подводя историографические итоги современных исследований, посвященных изучению проблематики товарного снабжения и уровня потребления городского населения РСФСР в «брежневский» период, можно сделать следующие выводы. В сравнении с предыдущими этапами (послевоненным, «хрущевским») в конкретно-историческом плане данный период изучен несколько менее подробно (вопросы объемов потребления фактически полностью исчерпываются разработками, посвященными рабочим, в исследованиях не отражены проблемы функционирования государственной торговли, «черного» рынка и т. д.), но период с середины 1960-х до середины 1980-х гг. более ярко освещен в русле культурологического дискурса истории советской повседневности.

Сопряжение результатов проведенных исследований позволяет создать более рельефное ретроспективное изображение «брежневского» периода, а также отразить нюансы социально-экономических реалий, влияющих на качество товарного снабжения и уровень потребления горожанами промышленных и продовольственных товаров.

Экономические реалии периода «перестройки» освещены в значительном объеме публикаций современного историографического этапа. Интерес к нему обусловлен тем, что в конкретно-историческом и экономическом плане в рамках советского историографического периода «перестройка» была фактически не изучена. Важность «горбачевского» периода как последнего этапа советской истории стимулировала выход исследований, направленных на изучение экономических реалий второй половины 1980-х гг. с целью постановки объективного «диагноза» плановой системе накануне распада СССР.

Не последнее место в кругу актуальных экономических тем периода занимает проблема потребления советского городского

¹ Каспэ И. Границы советской жизни...

населения, так как исторически питание – не только набор черт быта эпохи, но важная составляющая биологической жизни населения, влияющая на демографию, спокойствие, а в конечном счете – на всю жизнь человека. В то же время именно в силу своей актуальности данная тема на сегодняшний день едва ли не более политизирована, чем тема голода в предреволюционной России. С одной стороны, СССР в общем представлении – страна продовольственного дефицита, очередей, «колбасных электричек», а с другой – страна, потреблявшая больше молока и мяса на душу населения, чем современная Россия. По справедливому замечанию Н. А. Мендковича, «этот парадокс порождает жесточайший конфликт между статистикой и публицистикой, провоцируя полемику, тянущуюся уже много лет. Положение еще больше запутывает смешивание спорщиками характеристик „застоя“, перестройки, „горячих девяностых“ и современности, что наравне с политизацией предмета споров мало способствует утверждению общих представлений»¹.

Сегодня для изучения проблематики потребления населения в эпоху «перестройки» авторы располагают достаточно широким арсеналом источников, в ряду которых отечественная и зарубежная статистика, новые архивные данные, материалы бюджетных обследований, а также запечатленные в воспоминаниях и мемуарах свидетельства современников.

Рассматривая вопросы продовольственного снабжения и потребления населения в период «перестройки», большинство отечественных авторов признает существование объективных экономических проблем, значительно снижающих уровень жизни горожан. Главными из них являются бедность потребительского рынка и наличие товарного дефицита. В качестве аргументов И. М. Мусатов, К. А. Найденов, Г. С. Остапкович, Д. Э. Смычковский пишут о пустых прилавках, отложенном спросе и постоянно растущих денежных накоплениях населения². А. В. Шу-

¹ Мендкович Н. А. Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

² Мусатов И. М. Советское общество в условиях перестройки в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007 ; Найденов К. А. Социальная политика Российской Федерации в условиях системной трансформации : 1985–1999 гг. : автореф.

бин, характеризуя масштабы дефицита, ссылается на подсчеты западных специалистов, приводя данные о том, что советская женщина в 1980-е гг. ежедневно преодолевала в среднем 12–13 км в поисках необходимых семье продуктов и товаров¹. М. П. Польский в качестве аргумента, подтверждающего факт наличия критического уровня дефицита в СССР 1980-х, приводит данные относительно объемов продукции, произведенной населением в личных подсобных хозяйствах².

Социально-экономические реалии «перестройки» сегодня начинают рассматривать и на региональном материале³. Анализируя уровень снабжения и потребления городским населением продуктов и промышленных изделий, авторы сходятся во мнениях, отмечая географически неравноценное обеспечение товарами центральных и периферийных районов РСФСР, которое при общем обострении проблем дефицита в 1980-е гг. создало массу неудобств населению (вызвав «продовольственные турне» в Москву, Ленинград и некоторые другие крупные города).

Дефицит и географически неравномерное распределение создали ситуацию, когда отдельные социальные (профессиональные) группы имели больший доступ к товарам и услугам. В частности, такими преимуществами обладали работники торговли, легкой и пищевой промышленности, а также партийно-хозяйственная верхушка. В данных условиях, чтобы «достать»

дис. ... канд. ист. наук. М., 2007 ; *Остапович Г. С.* О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80–90-х гг. // *Вопр. экономики.* 1998. № 7 ; *Смышковский Д. Э.* Экономическая политика СССР и Российской Федерации и уровень жизни населения в 1985–2003 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

¹ *Шубин А. В.* Социальная структура СССР... С. 142.

² *Польский М. П.* «Базовая человеческая потребность» (О продовольственной проблеме в СССР) // *История СССР.* 1991. № 4. С. 191.

³ *Астафьева О. А.* Социальная политика в Волгоградской обл. (1985–1999 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005 ; *Григорьева Л. И.* Социальное развитие Иркутской обл. (вторая пол. 80-х гг. – первая пол. 90-х гг. XX в.). Исторический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009 ; *Мухин Е. В.* Системные социально-экономические преобразования 1985–1991 гг. : индустриальный ракурс (на материалах Ярославской обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008 ; *Кильдюшкина И. Г.* Социально-экономическое развитие Мордовии (вторая пол. 1980-х – середина 1990-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004 ; *Ожиганова Е. А.* Социальное развитие Республики Марий Эл, вторая пол. 80-х – середина 90-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2000 ; *Тимофеев Г. А.* Социально-экономические реформы 1985–1991-х гг. в СССР : предпосылки, динамика, результаты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2007 ; и др.

товар, необходимо было заводить знакомства, оказывать разного рода «левые» услуги. Складывались полулегальные неформальные связи и отношения. По мнению большинства авторов¹, устойчивый дефицит стал «питательной средой» для возникновения преступных групп и теневой экономики.

Проблемы снабжения в РСФСР второй половины 1980-х гг. отражены в воспоминаниях и мемуарах. Можно отметить книги Н. К. Байбакова, Б. Н. Ельцина, А. С. Черняева. Помощник М. С. Горбачева по международным делам А. С. Черняев отмечает, что в 1980-е гг. ситуация с продовольствием и в Москве была напряженной: большинство товаров отсутствовало, а как только появлялись, их «растаскивали иностранцы»². Б. Н. Ельцин пишет о забастовках, проходивших в стране в связи с нехваткой винно-водочных и табачных изделий³. О повсеместном дефиците всех товаров в конце 1980-х гг. упоминает Н. К. Байбаков⁴. Но авторы сильно расходятся во мнениях, оценивая причины товарного дефицита. А. С. Черняев пишет, что дефицит – отражение проблем планирования: «Общество по плану жить не может. Да к тому же известно, что нельзя регулировать неизвестное»⁵. Иного мнения придерживается Н. К. Байбаков (возглавлявший Госплан), отмечая, что «процесс планирования – это выбор оптимальных решений развития страны, и планирование осуществляли эрудированные, терпеливые, внимательные, высоко-

¹ Буровский А. М. Россия, которой не стало. М., 2005 ; Климова С. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социс. 2000. № 12. С. 13–22 ; Калашников В. В. Исторический опыт борьбы с преступностью в РСФСР (1985–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008 ; Корякина Т. Теневая экономика в СССР : истоки и статистика // Politekonom. 1997. № 1 ; Мау В. Российские экономические реформы в представлении их западных критиков // Вопр. экономики. 1999. № 12. С. 34–47 ; Михеев Д. В. Борьба российских правоохранительных органов с экономическими преступлениями (1985–1999 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 ; Никифоров Л. Социально-экономический строй России : от прошлого к будущему // Вопр. экономики. 1992. № 4–6. С. 38–60 ; Ольсевич Ю. Я. О психологических факторах институциональной трансформации советской экономики после Второй мировой войны // Экон. история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 108–110 ; Радаев В. В. Теневая экономика в России : изменение контуров // Pro et Contra. 1999. № 1. С. 5–24.

² Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 57.

³ Ельцин Б. Н. Записки президента: размышления, воспоминания, впечатления. М., 2006.

⁴ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 289.

⁵ Черняев А. С. 1991 г. : дневники помощника президента СССР. М., 1997. С. 24.

компетентные люди»¹. Вследствие этого проблемы дефицита лежат не в планировании, а в невыполнении предприятиями плановых заданий, ослаблении дисциплины, а также сворачивании централизованного планирования и переходе к рыночным отношениям².

В целом дискуссии о причинах, породивших товарный дефицит 1980-х гг., сегодня достаточно актуальны. Эти причины отражены не только в мемуарах современников, но и в научной литературе. Большинство исследователей считает, что первопричины дефицита кроются в экономике, но, рассуждая о том, какой именно сектор советской экономики в результате деформации ответственен за дефицит, авторы не приходят к единому мнению, выстраивая всевозможные гипотезы и акцентируя внимание на различных аспектах проблемы.

С целью систематизации подходов к рассмотрению вопроса разделим всю экономическую цепочку движения товара к потребителю на две части: 1) сфера планирования и производства; 2) сфера распределения. В соответствии с этим обозначим два течения в рассмотрении исследователями причин, инициировавших товарный дефицит (конечно, данное разделение носит в значительной степени условный характер, но, на наш взгляд, оно помогает более четко обозначить нюансы в рассмотрении проблемы).

Представители первого направления считают, что причины дефицита лежат в сфере планирования и производства; сторонники второго склоняются к мнению о том, что истоки дефицита следует искать в сфере распределения. Остановимся более подробно на характеристике каждого направления.

Первое представлено наибольшим количеством работ. По мнению сторонников этого направления, дефицит – следствие планирования. Но в данном течении можно выделить отдельные направления, отличающиеся ракурсом рассмотрения проблемы.

Ряд исследователей считает дефицит следствием ошибок, допущенных при планировании объемов производства. В. П. По-

¹ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 101–102.

² Там же. С. 272.

пов и Н. В. Шмелев¹ достаточно скептически оценивают саму возможность планирования. По их мнению, вариант плана, сбалансированного по основным позициям, мог появиться на свет лишь случайно, причем вероятность его появления была ничтожно мала. Следствием такого «планирования» и явились экономические проблемы. А. В. Шубин считает товарный дефицит 1980-х результатом «вымывания» дешевых товаров, так как произошла переориентация планов с натуральных показателей на стоимостные. На основании этих фактов автор приходит к выводу об ошибках планирования и изъянах социалистической системы (хотя С. Г. Кара-Мурза полагает, что вымывание дешевых товаров – это первые шаги рыночной экономики, отход от социалистического хозяйства, ориентированного на потребление). Часть исследователей пишут, что причины дефицита 1980-х гг. кроются в инвестиционной политике государства, в результате которой непроизводственная и социальная сферы получали меньшее финансирование, чем ВПК и «тяжелые» отрасли. Данные аспекты проблемы освещают в своих работах В. Логинов, Ю. Я. Ольсевич, Г. С. Остапкович, В. Фальцман².

В. Л. Иноземцев и Е. С. Кузнецова³ отмечают, что нехватка товаров текущего потребления обусловлена недостаточным их производством. Советский Союз не мог обеспечить себя продовольствием и промышленными товарами, необходимыми населению, в результате приходилось покупать их за рубежом, но и это не решало проблему в полном и достаточном объеме. Закупки товаров за рубежом являются подтверждением данной теории. Иных аргументов и цифр авторы не приводят. Отчасти с данной точкой зрения можно согласиться, так как импорт товаров свидетельствует о невозможности решать проблемы

¹ Попов В. П., Шмелев Н. В. Великий плановый эксперимент // Погружение в трясину (анатомия застоя). М., 1991. С. 107–108.

² Логинов В. Причины кризиса советской экономики : воспроизводственный аспект // Вопр. экономики. 1992. № 4–6. С. 14–21 ; Остапкович Г. С. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80–90-х гг. // Вопр. экономики. 1998. № 7 ; Ольсевич Ю. Я. Экономический кризис: причина или следствие «перестройки»? // Вопр. экономики. 1992. № 4–6. С. 40–67 ; Фальцман В. Кризис Союза и будущее экономики России // Там же. С. 15–29.

³ Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. К социодинамике хозяйственных систем. Эскиз экономической истории XX в. // Свободная мысль – XXI. 2001. № 1. С. 14–36.

обеспечения населения самостоятельно. Но скорее всего проблемы были не в недостаточном объеме производимых товаров, а в их низком качестве, так как, по мнению В. М. Кудрова¹, одним из последствий неэффективного планирования в период перестройки является не столько нехватка, сколько чрезмерное накопление запасов товаров (но не там и не тогда), сопровождающееся потерями от списаний и уценок. Относительно объемов потерь от сверхнормативных запасов авторы спорят. Характеризуя масштабы потерь, В. М. Кудров приводит свидетельство Я. Уринсона (занимавшего в период «перестройки» пост заместителя начальника Главного вычислительного центра Госплана СССР) о том, что «в конце каждого года создавались комиссии, которые делали сводку товаров, подлежащих уничтожению. Цифры потерь достигали фантастических размеров»². Но данные оценки, на наш взгляд, недостаточно аргументированы, так как не сопровождаются конкретными цифрами. В учебнике «Мировая экономика» (М., 2000) В. М. Кудров приводит более конкретные цифровые данные: «Объем потерь от запасов излишних материальных ценностей, не находящих потребителя, достигал в 1980-х гг. 470 млрд р.»³. Источник данных либо методику расчета автор не называет, как и точный год в десятилетии 1980-х гг., когда объемы потерь достигли указанной цифры.

К кардинально противоположным выводам по поводу потерь от сверхнормативных запасов приходит С. Г. Кара-Мурза. По его мнению, ситуация в СССР была не столь плачевна. Автор, ссылаясь на материалы официальной статистики, приводит данные, свидетельствующие, что уценка товаров в конце 1980-х гг. составляла около 1% суммы продаж (товарооборота). Более того, уцененные товары не пропадали, а использовались людьми⁴.

Чтобы разобраться в объемах товарных запасов, попробуем сравнить данные из разных источников и перепроверить выводы С. Г. Кара-Мурзы. По данным экономиста Ю. А. Беляева, запа-

¹ Кудров В. М. Крах советской модели экономики... С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Кудров В. М. Мировая экономика... С. 184.

⁴ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация... С. 613.

сы в конце 1980-х гг. достигали 500–1 500 млрд р.¹ (в статсборнике 1990 г. приводится цифра 64,6 млрд р.)². А розничный товарооборот, по данным В. Т. Рязанова, составлял 264 млрд р.³ (эта же цифра встречается в современных статистических ежегодниках)⁴. Если исчислить от объема товарооборота 264 млрд р. сумму товарных запасов, равную 64 млрд р., то соотношение будет равно не одному, а 25%, что опровергает «оптимистические» расчеты С. Г. Кара-Мурзы. Если же брать за основу цифры о сверхнормативных товарных запасах, приведенные Ю. А. Беляевым или В. М. Кудровым, то разрыв расчетов С. Г. Кара-Мурзы с численным будет еще больше. Наше сопоставление данных только обозначило тот факт, что проблема накопления сверхнормативных товарных запасов в торговле и промышленности СССР–РСФСР исследована недостаточно, неясными остаются объемы запасов и масштабы экономических потерь.

Переходя к характеристике *второго направления*, сторонники которого ищут истоки дефицита в системе распределения товаров, отметим, что данная система включает в себя такие аспекты, как ценообразование, географическое распределение товаров, их доступность для населения. В русле данной концепции рассуждают о товарном дефиците Л. Н. Мартюшов и И. Л. Мартюшова. По мнению авторов, «природа дефицита продуктов питания лежит не в недостаточности их производства, а в порочности системы распределения, игнорировавшей реально существовавшие общественные отношения и законы рынка»⁵. СССР обеспечивал населению уровень потребления, не уступавший развитым странам мира (данные выводы Л. Н. Мартюшов и И. Л. Мартюшова делают на основе цифр Госкомстата), но неравный доступ к товарам при фиксированно низких ценах обострял проблему дефицита, снижая качество потребления.

¹ Беляев Ю. А. Дефицит, рынок и управление запасами. М., 1991. С. 16.

² *Благосостояние советского народа*. Краткий статистический сборник. Цифры, факты, сопоставления. М., 1990. С. 23.

³ Рязанов В. Т. Указ. соч. С. 629.

⁴ *Обзор экономики России : основные тенденции развития*. М., 1994. Вып. 4. С. 130–133.

⁵ Мартюшов Л. Н., Мартюшова И. Л. Потребление продуктов питания жителями Уральского региона в 1950–1980-е гг. // Четвертые Тагищевские чтения : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2003. С. 173.

Мнения, согласно которому причины дефицита кроются в сфере распределения, придерживаются Ю. В. Арутюнян, С. Г. Кара-Мурза и А. П. Паршев¹, но они подходят к проблеме своеобразно, рассматривая ее как социально-психологический феномен.

А. П. Паршев делает вывод, что «в сфере производства к 1990 г. были достигнуты невиданные ранее результаты – никогда ранее не выпускалось и не потреблялось столько продовольствия и прочего – вдвое, втрое больше, чем в конце 1990-х. Но... Прилавки были пусты. А ведь сейчас (в конце 1990-х) мы объективно едим в полтора раза меньше, чем в 1990 г., если считать в среднем»². (К выводу, что максимальная калорийность питания за весь советский период отмечалась именно в 1987–1990 гг., приходят сегодня многие авторы³.) А. П. Паршев не отрицает наличия товарного дефицита в торговой сети, но считает его следствием «покупательского психоза» и непродуманной государственной ценовой политики. При фиксированных низких ценах создалась ситуация, когда население при наличии буквально лишнего рубля могло ринуться на какой-нибудь конкретный товар, сметая его с прилавков, независимо от реальной потребности. Население запасало продукты, поэтому в стране создалось ощущение, что «ничего нет», и прилавки были пусты. Отчасти, с мнением А. П. Паршева, что корни дефицита уходят в сферу ценообразования, можно согласиться, но в период перестройки не произошло кардинального изменения советской ценовой политики, и следовательно, внезапной вспышке «покупательского психоза» во второй половине 1980-х гг. неоткуда было взяться. Не выглядит убедительно и утверждение автора, что «создалось ощущение» дефицита.

Социолог Ю. В. Арутюнян, опираясь на данные советской статистики, приходит к выводу, что «вплоть до 90-х гг. упадок в экономике еще реально не сказывался ни на потреблении, ни

¹ Арутюнян Ю. В. Симптомы исторической трансформации социально-политического сознания русских // *Отечеств. история*. 1994. № 3. С. 126–142; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация...; Паршев А. П. Почему Россия не Америка...

² Паршев А. П. Почему Россия не Америка... С. 175.

³ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения России в девяностых... С. 130.

на жилищных, ни на бытовых условиях жизни населения»¹. Ю. В. Арутюнян вообще не пишет о проблеме товарного дефицита в СССР. По его мнению, изменилось сознание граждан в этот период: перестройка усилила требования к результатам преобразований, обострила ожидания населения, стимулировала массовую ностальгию и разочарование; результатом стали возросшие требования населения к уровню благосостояния, а то, что отвечало потребностям в прошлом, в середине 1980-х гг., когда был снят «коммунистический гипноз», оказалось абсолютно недостаточным. В качестве аргумента автор приводит официальные данные единовременного выборочного обследования 30 тыс. жителей СССР, итоги которого показали, что население в конце 1980-х гг. определяло свой уровень потребления молока, рыбы и мяса как «не отвечающий потребностям», и только хлеба было достаточно.

На данные этого обследования ссылается и С. Г. Кара-Мурза. Исследователь, проанализировав уровень фактического потребления населением СССР продуктов питания в конце 1980-х гг. (опираясь на материалы советских статистических ежегодников), приходит к выводу, что мнение о голоде и проблемах с питанием «не отражает реальность, а создано идеологами и прессой»². В конце 1980-х гг., по мнению С. Г. Кара-Мурзы, «люди в целом благополучно питались, на их столе было и мясо, и масло» (хотя, рассуждая о реалиях 1989 г., автор приводит данные статистических ежегодников за 1987 г.). Причиной же неудовлетворенности населения уровнем потребления являлось отнюдь не обнажившиеся экономические проблемы «снятие коммунистического гипноза» (как утверждает Ю. В. Арутюнян). С точки зрения С. Г. Кара-Мурзы, причины более глубинны, в СССР они связаны с неудовлетворенной потребностью в «потреблении образов». Эти потребности не менее фундаментальны, чем биологические. На Западе данная проблема была решена за счет создания огромного количества фетишей (вещей-образов). Важнейшей частью жизни стали витрины – вид вещей, которые потребля-

¹ Арутюнян Ю. В. Симптомы исторической трансформации социально-политического сознания русских // *Отечеств. история*. 1994. № 3. С. 129.

² Кара-Мурза С. Г. *Советская цивилизация...* С. 193–194.

лись уже только как образы, без покупки их носителей. За рубежом подавляющее большинство посетителей крупных магазинов просто ходят, ничего не покупая, потребляя образы. Впоследствии создание «виртуальной реальности» продолжила реклама, суть которой – создание изобилия образов. В СССР же большая часть потребностей в образах была объявлена ненужной, а то и порочной, и в результате советский строй создал массы «обездоленных», что и сформировало негативное отношение к достаточному потреблению, так как люди нуждались в потреблении образов «изобилия и полных витрин»¹.

«Психологические» факторы являлись определяющими в формировании дефицита и по мнению журналиста П. Пряникова, рассуждающего о социально-экономических реалиях «перестроечного» периода в своей статье «Еда и воля»². Описание советской повседневности, преподносимое автором, заслуживает внимания хотя бы в силу своей художественной ценности. Воссозданный П. Пряниковым советский мир по-райски гармоничен и изобилен (не позволяя усомниться в том, что исключительно детские воспоминания счастливого и лишенного житейских забот ребенка могли быть основой написанного). Позволим себе привести достаточно объемную цитату из данной работы, где автор с упоением живописует советскую бытность: «Начиная с 1979 г., когда мне исполнилось семь лет, мама регулярно брала меня с собой на Бутырский колхозный рынок. Рыночные ряды с продуктовым изобилием производили сильное впечатление. Как сейчас помню парное мясо по 3–5 р. за килограмм, картошку по 20 к., ананасы и арбузы среди зимы... Мед мы из года в год покупали у старовера из Псковской области, зелень – всегда у одних и тех же грузинок: майоран, эстрагон, базилик, шнит-лук, чабрец, черемшу; если мама набирала у них товара рубля на два–три, торговки выдавали мне в подарок свечку чурчхелы. Овощи мы брали у бабушки из подмосковной Икши, молочные продукты – у волоколамского старичка... какие старики и старушки стояли за прилавками! С какими шутками и присказками

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация... С. 193–194.

² Пряников П. Еда и воля // Русская жизнь. 2007. 17 авг. URL : <http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=216>.

они отвешивали квашеную капусту и соленые помидоры, черную редьку с дмитровских супесей или огурцы из окской поймы. А дагестанцы, продающие баранину, а узбеки с дынями и пряно-стями! А интеллигентные старушки с Чистых прудов – на Черемушкинском рынке у них был свой угол, где они продавали черенки, отводки и сами комнатные растения. ...Но и в городских советских магазинах можно было купить прекрасный продукт, о котором сегодня и не мечтают шеф-повара уважаемых московских ресторанов. Причем цены были на редкость демократичные: магазин „Олень“ на Ленинском проспекте предлагал медвежатину по 3 р. 50 к. за килограмм, глухарей и тетеревов по 6–7 р. за тушку, оленину по 3 р. Народ заходил туда, брезгливо осматривал деликатесы, разворачивался и отправлялся искать вожделенную колбасу...»¹. Комментировать приведенный выше текст достаточно сложно, так как ставить под сомнение детские воспоминания, а скорее ощущения – дело неблагодарное, ибо литературный анализ и выявление достоинств художественных произведений выходят за рамки данного историографического исследования.

Возвращаясь к теме товарного дефицита, (наличие которого все же признает П. Пряников), отметим, что автор видит его главную причину в психологии советского человека. По выражению П. Пряникова, «материальным символом этой психологии был холодильник. Как можно доверять этот предмет бытовой техники, оснащенный большой морозильной камерой, народу, до того триста лет недоедавшему? Народу, половина которого помнила и поминала голод начала 30-х и карточную систему 40-х! Въевшийся в подсознание, в генетическую память Голод заставлял советского человека накапливать в холодильнике месячный запас продуктов. Принцип „хватай что дают“ достиг апогея во второй половине 80-х, когда возник дефицит идеалов, которые могли бы объединить людей эффективнее, чем батон колбасы. Свою роль в этом сыграл телевизор, породивший социальный аутизм и окончательно разрушивший традиционную для

¹ Пряников П. Еда и воля // Русская жизнь. 2007. 17 авг. URL : <http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=216>.

нашего сознания коллективистскую модель. И в наступившую следом эпоху всеобщей дезориентации и умирания государства народ уже не могли спасти ни колхозные рынки, ни хозяйство, ни даже лес»¹.

Безусловно, при рассмотрении проблемы обеспечения населения продовольствием следует учитывать последствия форсированной урбанизации, а также такие факторы, как значительный рост потребностей, стремление к индивидуальному благосостоянию и изменение психологии советских граждан, в связи с большей доступностью товаров и ослаблением агрессии со стороны государства. Нельзя сбрасывать со счетов и последствия «революции растущих ожиданий» населения, связанных с перспективными проектами перестройки. О важности психосоциального фактора в оценке индивидуумом качества жизни рассуждали еще в 1970-е гг. социологи Л. Андерсон и Л. Леви². Но при всей схожести тематики подходы Л. Андерсона и Л. Леви и позиция Ю.В.Арутюняна, С.Г.Кара-Мурзы, А.П.Паршева, П.Пряникова существенно различаются. Л. Леви и Л. Андерсон рассматривали данный феномен как элемент социальной психологии, влияющий на восприятие индивидуумом реальности, но не подменяющий ее. А вот Ю.В.Арутюнян, С.Г.Кара-Мурза, А.П.Паршев и П.Пряников пытаются объяснить экономические реалии только психологическими изменениями населения (что сродни солипсизму). Такое отрицание анализа объективных экономических проблем при переносе фокуса лишь на социально-психологическую сферу делает гипотезы исследователей не вполне обоснованными и достаточно уязвимыми из-за отсутствия фактических аргументов. Поэтому, на наш взгляд, работы Ю. В. Арутюняна, С. Г. Кара-Мурзы, А. П. Паршева, П. Пряникова следует рассматривать в русле упомянутого концепта мифотворчества, когда в задачи исследователей входит не столько детальный научный анализ проблемы, сколько создание эмоционального впечатления (в данном случае – просоветского).

¹ Пряников П. Еда и воля // Русская жизнь. 2007. 17 авг. URL : <http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=216>.

² Леви Л., Андерсон Л. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. М., 1979. С. 121.

Касательно психологии, а точнее – выделенной связки «психология населения – товарный дефицит», можно добавить, что взаимосвязь данных понятий рассматривается сегодня и в ином историческом контексте. В фокусе авторских изысканий – не только выявление влияния психологических реакций населения на формирование товарного дефицита в СССР (как отмечалось выше), а наоборот – изучение влияния советского дефицита на формирование специфических психологических паттернов современного российского населения.

Наибольший вклад в изучение данной проблематики внес В. Г. Николаев, в чьих работах феномен советской очереди и ее культурно-психологической проекции в сознании современных россиян освещен достаточно подробно¹. В. Г. Николаев описывает советскую очередь как феномен и особую «фокальную точку советской культуры» (используя терминологию Мелвилла Херсковица о фокальных точках – культурных фокусах). Стояние в очереди не являлось вопросом выбора, а было скорее судьбой советского человека (аналогом религии), формируя не только определенный способ потребления, но и способ коммуникации, а в итоге и образ мысли- и жизнедеятельности граждан СССР. По мнению В. Г. Николаева, культурный паттерн очереди проник в структуру личностных установок советского человека, стал ее частью и, закрепившись «в личностях советских людей, обрел существование, независимое от своих конкретных воплощений в „физических“ очередях, и именно в этом качестве он переключал вместе со своими носителями из советской реальности в постсоветскую»². Актуализация усвоенного культурно-психологического паттерна происходит в ситуации наличия одновременного притязания многих на то или иное благо (товар или услугу), проявляясь в поведении участников очереди, где часто «воспроизводятся такие характерно советские элементы, как давка, использование различных хитростей, привилегий и фи-

¹ Николаев В. Г. Советская очередь как среда обитания. Социол. анализ. Науч.-аналит. обзор. М., 2000 ; *Он же*. Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 : Социология и политология. 2005. № 1 ; *Он же*. Советская очередь : прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре. 2005. № 5(43).

² Николаев В. Г. Советская очередь : прошлое как настоящее... С. 58.

зической силы для перераспределения шансов на получение блага в свою пользу»¹, а также в процессе сегрегации особых граждан, освобождаемых от прозябания в очередях за деньги (воспроизводя в новой форме старую сегрегацию «блатных» от «народа»).

Безусловно, рассуждения В. Г. Николаева небезынтересны; они заслуживают внимания в общем ракурсе осмысления советского наследия, но тезис автора о «советской природе» ряда поведенческих моделей современных отечественных потребителей можно считать недостаточно аргументированным. На наш взгляд, для формулирования столь радикальных выводов необходим сравнительный анализ поведения российских потребителей с аналоговыми поведенческими стратегиями и схемами жителей стран, не переживших опыт социалистического строительства. Только выявление в процессе данного исследования сугубо российских (генетически – советских) поведенческих схем позволит говорить об устойчивости психологических паттернов, сформированных перманентным дефицитом и бесконечными очередями советской эпохи².

Е. А. Осокина, обращаясь к осмыслению проблематики очередей, а точнее – к освещению вопросов «переживания» советского опыта, не склонна поддерживать гипотезу В. Г. Николаева; она утверждает, что советские очереди «ушли в историю вместе с советским строем и советским образом жизни»³. Справедливости ради следует отметить, что и В. Г. Николаев в своих ранних работах не склонен был видеть в современных российских очередях проявлений советского наследия⁴. В частности, в моно-

¹ Николаев В. Г. Советская очередь : прошлое как настоящее... С. 59.

² Хотя даже поверхностные обывательские знания о современном потребительском ажиотаже в странах Европы и США в периоды распродаж, накануне кинопремьер или выхода модных гаджетов дают основания утверждать, что «давка, использование различных хитростей и т. д.» не являются исключительно «советскими» по своей природе способами получения желаемого блага.

³ Осокина Е. А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5(43). С. 61.

⁴ Можно добавить, что к выводам относительно «советскости» современных очередей в России В. Г. Николаев приходит постепенно. В монографии 2000 г. он отмечает влияние очереди на формирование психологических паттернов современных россиян в силу важности и значимости очереди как системообразующего элемента для советского человека, но разводит понятия советской и современной очередей (см.: Николаев В. Г. Советская очередь

графии «Советская очередь как среда обитания: социологический анализ» (М., 2000) В. Г. Николаев, уделяя значительно большее внимание изучению очереди как атрибута советской действительности (нежели ее современной проекции), пишет о неидентичности поведенческих моделей и схем, реализуемых населением в «современной» и «советской» очереди¹.

Еще одним аспектом взаимосвязи советского товарного дефицита и психологии современных россиян является обозначенная рядом исследователей ностальгия по дефициту² (!). Такой

как среда обитания...). Позднее в статье, опубликованной в начале 2005 г., он, все еще выделяя отличия советской и современной очередей (грубость и медленное обслуживание продавцов в СССР, коллективизм участников и т. д.), приходит к выводу, что «как состояние духа, советская очередь не умерла и по сей день остается нашим социальным наследием. Мы и сегодня ведем себя по отношению друг к другу в значительной мере так же, как вели себя 20 лет назад в очередях за вермишелью и спичками. Советская очередь ежедневно учила нас не любить власть, не любить более состоятельных и более оборотистых, конкурировать, ...не доверять ближним» (см.: *Николаев В. Г.* Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни... С. 112). В результате «советская» и «современная» очередь (в изложении В. Г. Николаева) всё больше «сближаются», но пока аналогии между данными явлениями проводятся автором сугубо в плоскости психологии населения, идентичных моделей восприятия власти, ближнего и т. д., сохраняя фактические внешние отличия (хотя заявления автора о проявлении в очередях современных российских потребителей «советских» психологических схем относительно власти, государства, стоящих рядом сограждан видится достаточно умозрительным, не будучи подкреплено результатами каких-либо фактических исследований в области общественного мнения и психологии россиян). В дальнейшем, в упоминаемой ранее статье 2005 г., опубликованной в журнале «Неприкосновенный запас», В. Г. Николаев пишет уже о различиях в современной российской реальности фактических (а не глубоко психологических) проявлений моделей поведения, усвоенных в очередях времен СССР. При этом любые поведенческие проявления, отклоняющиеся от «идеального варианта» очереди (который В. Г. Николаев понимает как «линию, имеющую иерархический характер, ...где место каждого участника в иерархии определяется временем его присоединения к процессу»), однозначно маркируются им не иначе как «советские», без должной аргументации. Частным примером такой «диагностики» советского может быть следующая цитата: «Когда толпы людей устремляются в открытые двери троллейбуса, автобуса, маршрутки или вагона метро, они входят в них точно так же, как советские люди входили в магазины в момент открытия или после перерыва» (см.: *Николаев В. Г.* Советская очередь : прошлое как настоящее... С. 60). Резюмируя, можно заключить, что смещение фокуса исследовательского интереса В. Г. Николаева в сторону поиска современной проекции наследия советской очереди сказалось на снижении уровня аргументированности и весомости его выводов.

¹ *Николаев В. Г.* Советская очередь как среда обитания... С. 157.

² О просоветской ностальгии как явлении, присущем современным россиянам, пишут сегодня многие авторы, освещая различные элементы (причины) данного сдвигающего чувства. Так, Н. Иванова, И. Смирнов и С. А. Ушакин отмечают ностальгию по советской культуре, сходясь во мнениях, что «к 1997 г. активные попытки деконструировать „великий стиль советской эпохи“ сменились мощной культурной ностальгией по „лучшим моментам“ социалистического прошлого» (см.: *Иванова Н.* Ностальжее. Ретро на (пост)советском те-

ракурс в рассмотрении темы, безусловно, альтернативен; предполагается выявление положительных черт данного социально-экономического явления советской реальности, которое в отечественной историографии преподносилось не иначе как абсолютное зло и генетический порок социалистической системы.

В. Г. Николаев в уже упоминаемой монографии достаточно подробно останавливается на означенной проблеме, выделяя ее отдельным параграфом, озаглавленным «Память и ностальгия». Ностальгия по дефициту рассматривается им в контексте тоски бывшего советского населения по утраченной очереди. По мнению автора, смысл и весомость этой потери объясняются контекстным значением очереди в жизни граждан СССР.

Очередь для населения Советской страны была одним из источников самых крупных общенациональных самоидентификационных определений – «народ» и «советский»; базируясь на чувствах общности и солидарности, она была непосредственно связана с реализацией столь важных для советских граждан идей равенства, справедливости, коллективизма, являлась средой интенсивного межличностного общения и, как следствие, формирования общественного мнения. В конечном счете, по мнению В. Г. Николаева, именно советская очередь «прочно связана с переживанием той стабильности, которую ещё в советское время было принято называть „уверенностью в завтрашнем

лезкране // Знамя. 1997. № 9. С. 204–211 ; *Смирнов И.* Время – назад : ностальгическая волна в музыкальном эфире // Независимая газ. 1996. 25 июня ; *Ушакин С. А.* Количественный стиль : потребление в условиях символического дефицита // Социол. журн. 1999. № 3/4. С. 235–250). *Н. А. Зоркая, А. Ю. Зудин, В. А. Касамара и А. А. Сорокина*, основываясь на результатах проведенных исследований, а также привлекая данные «Левада-Центра», утверждают, что ностальгия по СССР в основе своей – «ностальгия по утраченному внешнеполитическому могуществу Советского Союза», «по распавшейся империи и ее „величию“» (см.: *Зоркая Н. А.* «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могли усвоить и усвоили молодые // *Вестн. обществ. мнения.* 2007. № 3. С. 35–47 ; *Зудин А. Ю.* Традиционализация и укоренение политических инноваций : к постановке проблемы // *Общественность.* 2007. № 4. С. 67–79 ; *Касамара В. А., Сорокина А. А.* Политическое сознание подростков : благополучные школьники vs. дети улиц // *ПОЛИС.* 2009. № 6 ; *Они же.* Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // *Обществ. науки и современность.* 2011. № 6. С. 31). *И. Каспэ, В. А. Касамара* отмечают, что термин «советский» коннотирует сегодня к понятиям «единство», «доверие», «нравственность», «чистота», которые не являются характерными чертами современного российского общества, ориентированного на потребление, что и вызывает просоветскую ностальгию (см.: *Касамара В. А.* Постсоветская ностальгия... ; *Каспэ И.* «Съесть прошлое»... С. 205–218 ; *Она же.* Границы советской жизни...).

дне“»¹. Наделяя очередь столь существенно важными для функционирования советского социума значениями и смыслами, В. Г. Николаев не склонен преподносить данное явление советской жизни как однозначно положительное (как и однозначно отрицательное), оговаривая, что вследствие структурной амбивалентности очереди переживания и воспоминания людей о ней также будут амбивалентны, находясь в зависимости от значимости утраты тех ценностей, носителем и хранителем которых и являлась советская очередь.

Если В. Г. Николаев пишет об очереди в эпическом ключе, определяя эмоциональные переживания современных россиян через понятия «тоски», «утраты» и «потери», то экономист Е. Ф. Сабуров обозначает интонационно иную, более рациональную потребность современных российских потребителей, обозначив ее как «спрос на дефицит». В качестве положительных характеристик явления, вызывающих желание его ренессанса, он пишет о роли дефицита в формировании специфической социальной иерархии, построенной по принципу доступа к желанным, но ограниченным благам и услугам. В этой иерархической структуре наличие дефицита позволяло «опознавать „своих“, чувствовать свою избранность, свою значительность»². И именно это утраченное ощущение, не идущее ни в какое сравнение с банальной констатацией фактического обладания вещью в эпоху изобилия (когда возможности потребления ограничены лишь экономическим потенциалом субъекта), по мнению Е. Ф. Сабурова, является одной из причин всё возрастающей и разъедающей душу ностальгии по советской стране.

Возможно, проблематика вышеозначенных психологических схем и деятельностных стратегий современных россиян, сформированных под воздействием дефицитной экономики, как и тема ностальгических переживаний по ушедшим в небытие очередям и основанной на обладании «дефицитом» статусной иерархии, не имеют прямого отношения к историографии советской социальной истории. Тем не менее наличие в современ-

¹ Николаев В. Г. Советская очередь как среда обитания... С. 146.

² Сабуров Е. Ф. *Спрос на дефицит // Неприкосновенный запас*. 2005. № 5(43). URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/sa14.html>.

ном обществоведческом дискурсе такого ракурса рассмотрения тематики дефицита также косвенно направлено на осмысление советского наследия, и это позволяет утверждать, что исследуемая проблематика потребительского спроса, снабжения и потребления в СССР еще далеко не исчерпана. Многомерность такого явления, как товарный дефицит определяется не только его экономической, социальной, политической проекцией, но и, вероятно, наличием влияния на психологию советского, а быть может, и современного российского населения.

Подводя итоги освещению проблем товарного дефицита и потребления городского населения в отечественной историографии, можно констатировать, что на протяжении почти семи десятилетий советскими и российскими исследователями была проделана значительная работа по их изучению.

Анализ историко-экономических и социологических исследований советского периода позволяет сделать вывод, что несмотря ряд особенностей историографического этапа (таких, как государственный контроль и планирование деятельности научного сообщества, директивность, заданность и узость методологических поисков), говорить о том, что данный период является «черным пятном» в отечественной науке было бы неверным. Очевиден высокий уровень политизации работ советского этапа, отражающих идеи построения коммунизма или развитого социализма, вследствие чего динамика развития потребления и сферы услуг трактовалась прежде всего через призму движения к будущему. Но это была необходимая форма. Фактическое же содержание исследований в рамках заданной формы отличалось: существовали работы пропагандистского характера, но проводились и достаточно основательные исторические и экономические исследования.

Сегодня вопросы о товарном снабжении и уровне потребления горожан рассматриваются в формате различных альтернативных теоретико-методологических схем, позволяющих с разных ракурсов взглянуть на данную проблему. Порой выводы и гипотезы, выдвигаемые авторами относительно причин, объемов и степени распространения товарного дефицита в советской стране в 1946–1991 гг., являются взаимоисключающими, поэтому

сформулировать общую интеграционную позицию можно по ограниченному количеству вопросов. Наиболее аргументированным, на наш взгляд, является следующий тезис: СССР на протяжении второй половины XX в. ставил своей задачей улучшение снабжения городского населения, решая ее различными способами и в большей или меньшей степени эффективно. Стремительный рост потребления горожан начинается в «хрущевский» период, продолжается в последующие годы, достигнув в середине 1980-х гг. максимума, но в то же время к 1970–1980-м гг. относится обострение проблем товарного дефицита. Исследователи сходятся во мнении, что истоки проблем дефицита лежат в экономической сфере и обусловлены особенностью советской экономической модели, неотъемлемыми элементами которой являются государственное планирование и распределение.

Несмотря на характерную для современной отечественной историографии активизацию исследований по проблематике советского товарного дефицита, и сегодня некоторые аспекты данной темы остаются недостаточно изученными. Требуются более детальный конкретно-исторический анализ проблематики объемов сверхнормативных запасов в торговой сети, а также рассмотрение вопросов товарного обеспечения населения РСФСР в «брежневский» и «горбачевский» периоды – наиболее политизированных и в меньшей степени изученных в конкретно-историческом плане.

Еще одной немаловажной проблемой современной историографии является упоминавшаяся выше мифологизация советского прошлого. Тема советского товарного дефицита в данном случае является наиболее привлекательной для мифотворчества. С легкой руки авторов при увеличении масштабов проблемы дефицит превращается в порок, не совместимый с продолжением жизнедеятельности социалистической системы, либо, наоборот, преподносится как индивидуальные психологические сложности отдельных впечатлительных граждан, выскивающих недостатки в советском обществе экономического изобилия. Отсюда наиболее желательной перспективой дальнейших конкретно-исторических и историко-социологических изысканий по тема-

тике социально-экономического развития СССР – РСФСР второй половины XX вв. видится освобождение (насколько это вообще возможно) от субъективных политико-идеологических установок, а также рассмотрение советского прошлого в русле максимально детального анализа, направленного на выявление причин и реальных масштабов советского товарного дефицита с учетом трансформации уровня потребностей населения, а также психологического восприятия данных проблем.

2.2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ И НОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

На протяжении фактически всего периода послевоенной советской истории тематика изучения потребностей населения не теряла своей актуальности. Интерес исследователей к данной проблеме был обусловлен рядом причин. Изучение потребностей граждан виделось актуальным вследствие необходимости экономического планирования, сопряженного с производством и потреблением товаров в СССР. Не последнюю роль играли и политические причины. Во-первых, главная задача социализма и социалистического производства политическими лидерами формулировалась как «удовлетворение потребностей населения, обеспечение полного благосостояния всех членов общества». Во-вторых, в 1961 г. были обозначены сроки вступления СССР в коммунистическую стадию развития с перспективой замены товарного обращения продуктообменом и распределением по потребностям. На пути к достижению этих целей необходимо было создать систему распределения предметов потребления по труду в соответствии с его количеством и качеством. Это было невозможно без изучения потребностей, их эволюции, динамики развития и пределов.

Ученые СССР не были одиноки в проведении исследований. Изучение потребностей велось и за рубежом. Во второй половине XX в. разрабатываются различные экономические теории: теория государства всеобщего благоденствия, теория общества потребления, теория народного капитализма и т. д. Как отмеча-

ет У. Ростоу, одной из высших стадий экономического развития является «общество высокого уровня народного потребления». По его мнению, основная черта данной стадии состоит в том, что «главные интересы общества передвинулись с проблем производства на проблемы потребления и благоденствия», а ведущей отраслью этого общества становится производство услуг и потребительских товаров длительного пользования. Страной, впервые достигшей этой стадии, являются США. В работе американского исследователя А. Смита также встречается тезис: «Потребление является единственной целью производства»¹, а поскольку производство стремится к увеличению, то и потребление населения также увеличивается (хотя мнение о том, что при увеличении производства в капиталистических странах возрастает и потребление населения активно критиковалось в отечественной литературе²).

По мнению советских исследователей, такие формулировки являлись попыткой «в выгодном свете изобразить эксплуататорские системы хозяйства», так как производство в капиталистическом рыночном мире не связано со всеобщим потреблением, а конкуренция и регулярные кризисы ведут к «обнищанию народных масс».

Именно увеличение потребления граждан и удовлетворения их потребностей составляло, независимо от мотивации, теоретическую основу перспективной программы развития капиталистической и социалистической систем. На основании этого можно говорить об общности целей построения государства, обеспечивающего благосостояние всех членов общества, и удовлетворения потребностей населения. Такая целевая установка стимулировала изучение природы потребностей. Данные разработки активно велись как в СССР, так и за рубежом.

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1931. Т. 2. С. 251.

² Кузьминов И. И. Обнищание трудящихся при капитализме. М., 1960; Матюха И. Я. Статистика бюджетов населения...; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме...; Против буржуазной и ревизионистской идеологии в экономической науке: материалы Всесоюз. совещания (Москва, октябрь 1968 г.). М., 1970; Современный капитализм и буржуазная политическая экономия. М., 1967; США: от «великого» к большому...; Хавин С. А. Критика буржуазных взглядов на закономерности социалистического хозяйствования. М., 1968; Шутов И. Н. Личное потребление при социализме. М., 1972.

Определение потребностей в разное время в своих работах давали многие зарубежные авторы: У. Ростоу (автор теории общества потребления), Д. Гэлбрейт, Дж. М. Кейнс, Э. Хансен (теоретики модели государства всеобщего благоденствия) и др.¹. В качестве примера можно привести определение, данное американскими исследователями В. В. Кохрейном и С. С. Бэллом, авторами учебника «Экономика потребления» (Нью-Йорк, 1956). По их мнению, основная часть потребностей населения — это «индивидуальные физиологические потребности и врожденные инстинкты, которые принимают форму нужды в пище, защите от внешней среды (крова и одежде), половых связях и семье, общественной деятельности. Другие потребности созданы общественным или групповым развитием. К ним относятся: желания, порождаемые обычаями; желание выделяться среди окружающих накопленным богатством; желания, порождаемые модой, и желания, внушаемые производителями, т. е. рекламой и технологическими успехами»².

Таким образом, зарубежными авторами подчеркивается в первую очередь психофизиологическая составляющая потребностей. Стремление выделиться, эгоизм, получение удовольствия — двигатели развития потребностей, база для их формирования. В качестве инструментов создания индивидуальных потребностей выступают реклама, мода и т. д. О пределах потребностей зарубежные авторы не пишут.

Теоретические исследования природы потребностей велись в отечественной научной литературе в 1950–1960-е гг. В основе фактически всех отечественных исследований по данной тематике лежало марксистско-ленинское понимание потребностей, а именно потребности людей — это «объективно необходимые условия их жизни, соответствующие достигнутой исторической ступени развития общества и его членов»³. Данное определение с небольшими коррективами встречается фактически во всех

¹ Брентано Л. Опыт теории потребностей. Казань, 1921 ; Гэлбрейт Д. Общество изобилия. М., 1950 ; Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948 ; Ростоу У. Стадии экономического роста. М., 1965.

² Cochrane W. W., Bell C. S. The Economics of Consumption. New York, 1956.

³ Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... С. 23.

публикациях исследуемого периода¹. Из определения вытекает, что потребности имеют ряд особенностей: во-первых, потребности историчны, они зависят от уровня производительности труда в обществе, общественного строя, социально-экономических условий, а не являются порождениями лишь вкусов и желаний. По мнению В. Н. Сергиевского, «потребности в предметах потребления могут возникнуть только благодаря тому, что производство создало эти предметы потребления»²; во-вторых, как следствие первого тезиса, потребности не индивидуальны. Б. М. Левин отмечает, что «в СССР потребности сформированы, сложены в закон (закон возвышения потребностей), и рассматриваются как общее, а не индивидуальное»³; в-третьих, потребности рациональны. Советские исследователи отмечали, что потребности – это не причуды, прихоти или капризы, а «разумный спрос культурно развитых людей»⁴; в-четвертых, потребности в частности и потребление в целом не безграничны, имеют свои пределы. И поэтому при исследовании питания, цитируя В. И. Ленина, нужно прежде всего выяснить, «сколько надо человеку, по науке, хлеба, мяса, молока, яиц и т. п.»⁵. Ограниченность потребления аргументировалась тем, что «человек не может больше потребить хлеба, мяса, молока, сахара, фруктов, чем это нужно для нормальной жизнедеятельности здорового человека. Имеются известные границы в потреблении одежды, обуви, предметов культурно-бытового назначения, определенные запросы на жилье»⁶. В 1959 г. выходит статья И. И. Корженевского⁷, в которой автор, рассуждая о потреблении, пишет, что «нет предела по-

¹ Баранова Л. Я. Личные потребности. М., 1984. С. 8 ; Евстигнеева Л. П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975 ; Караулов В. П., Пряхин А. А. Потребностеведение. Свердловск, 1987 ; Потребности, доходы, потребление / [отв. ред. Н. П. Федоренко]. М., 1979 ; Радаев В. В. Потребности как экономическая категория социализма. М., 1970 ; Он же. Экономические интересы при социализме. М., 1971 ; Сергиевский В. Н. Проблемы оптимального соотношения производства и потребления в СССР. М., 1968.

² Сергиевский В. Н. Указ. соч. С. 13.

³ Левин Б. М. Указ. соч. С. 24.

⁴ Орлов Я. Л. Торговля сегодня и завтра. М., 1964. С. 16.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 342.

⁶ Губарева О. Е. Преимущественное развитие тяжелой индустрии и создание избытка предметов потребления. М., 1960. С. 67.

⁷ Корженевский И. И. Определение спроса населения на отдельные товары // Сов. торговля. 1959. № 3.

реблению непродовольственных товаров, оно ограничивается только возможностями приобретения»¹. Впоследствии данная точка зрения была раскритикована², и мнений, аналогичных позиции И. И. Корженевского, в советской отечественной литературе больше не встречалось.

Необходимость планирования в социалистической экономике, а также понимание потребностей через историчность, рациональность, коллективность и предельность приводят к поиску фиксированного оптимального объема потребления. С середины 1950-х гг. в СССР начинается разработка норм рационального потребления продовольственных и непродовольственных товаров, знание которых должно было решить проблему покупательского спроса и без лишних издержек обеспечить население всем необходимым. Об объективной необходимости норм рационального потребления рассуждают О. Е. Губарева, Н. С. Лагутин, П. С. Мстиславский, В. Н. Сергиевский, Ю. Л. Шнирлин и др. По их мнению, нормы не означают фиксированного ограниченного потребления, не зависят от платежеспособного спроса и не ориентируются на имеющиеся размеры производства; они отражают физиологически обоснованный уровень потребления и являются ориентиром для производства. Таким образом, по мнению советских исследователей, нормы – это идеальный, физиологически обоснованный уровень потребления, напрямую не связанный с реальным производством, но обозначающий перспективу его развития.

Исследования, направленные на изучение пределов потребления в 1950–1960-е гг., ведутся и за рубежом. Так, министерства труда США, Англии и других государств проводят централизованные исследования в области прожиточного минимума населения, опираясь на данные о заработной плате и ценах на текущий период. В США достаточно обстоятельной работой в области изучения пределов потребления являлись бюджеты Геллеровского комитета при Калифорнийском университете. Этот комитет периодически издавал количественные и стоимостные

¹ Корженевский И. И. Определение спроса населения на отдельные товары // Сов. торговля. 1959. № 3. С. 62.

² Шнирлин Ю. Л. Научно обоснованные нормы потребления. М., 1961.

бюджеты для семей двух типов: рабочих и служащих. Бюджеты представляли собой сумму товаров и услуг, которые на момент обследования признаны общественным мнением как необходимые для здоровья и разумно обставленной жизни.

В советской экономической литературе активно критиковался опыт зарубежных экономистов. По мнению П. С. Мстиславского и И. Г. Степанова¹, бюджеты Геллеровского комитета несравнимы с советскими рациональными нормами потребления и не пригодны для практического использования, так как «при составлении бюджетов комитет пользовался материалами выборочных обследований, комбинируя их по своему усмотрению»². Еще менее объективны, по мнению советских авторов, проводимые за рубежом исследования в области прожиточного минимума, так как количество товаров, входящих в «минимум», очень мало и недостаточно для жизни. В целом превосходство советских исследований в области нормирования потребления, по мнению авторов публикаций 1960-х гг., было неоспоримо (именно в эти годы были написаны основные работы по теоретическим и практическим вопросам рационального потребления). Научно разработанные нормы потребления преподносились как эталонные показатели, как основа перспективного планирования и здорового образа жизни.

В 1970-е гг. разработки в области рационального нормирования продолжают. Однако появляются работы, авторы которых не так однозначно положительно относятся к нормативным показателям и столь широкой области их практического применения. Э. Ф. Миженская в монографии «Личные потребности при социализме» (М., 1973) пишет, что «рациональные нормы потребления не являются экономически обоснованными нормами, потому что они не учитывают экономическую, т. е. реальную потребность, а также не опираются на тенденции развития производства. Нормы рассчитаны на некий идеальный уровень потребления, не зависящий от конкретных доходов, поэтому носят абстрактный характер и не могут быть использованы в практике

¹ Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... ; Степанов И. Г. Коммунизм и личные потребности. М., 1960.

² Мстиславский П. С. Указ. соч. С. 64.

планирования»¹. В качестве альтернативы Э. Ф. Миженская предлагает нормативные бюджеты, рассчитанные для отдельных категорий населения с учетом профессий и структуры потребления. Позиция Э. Ф. Миженской не получила поддержки в научных кругах и была раскритикована в 1984 г. Р. А. Чаяновым и В. М. Синютиным², по мнению которых, сами нормативные бюджеты строятся только с использованием рациональных норм потребления.

Несмотря на то, что точка зрения Э. Ф. Миженской не повлекла за собой пересмотра методики исчисления нормативных показателей, в отечественных публикациях 1980-х гг. отношение к нормам несколько меняется. Уменьшается количество работ, в которых авторы рассуждают о безапелляционных преимуществах советских разработок в области нормирования. Даже в вышеозначенной монографии Р. А. Чаюнова и В. М. Синютина (являющейся фактически последним серьезным советским исследованием этой проблемы) нормы определяются как «желаемый образец», хотя в более ранних исследованиях 1960-х гг. подчеркивались в первую очередь объективность и научность «физиологически обоснованного уровня потребления», являющегося «основой планирования производства». Проблема рационального нормирования потребления фактически исчезает из публикаций второй половины 1980-х гг., а цифры, отражающие нормы потребления продовольственных и промышленных товаров, встречаются в работах всё реже, что свидетельствует о постепенном изменении отношения к объективности и обоснованности советских норм, а также о снижении в 1980-е гг. актуальности проблематики исследований, направленных на поиск «идеального уровня потребления».

Вероятно, одной из причин снижения исследовательского интереса к вопросам рационального нормирования, произошедшего в конце 1970–1980-х гг., стало появление и популяризация на официальном партийно-государственном уровне концепции развитого социализма, заменившей концепцию развер-

¹ *Миженская Э. Ф.* Личные потребности при социализме. М., 1973. С. 89–90.

² *Чаюнов Р. А., Синютин В. М.* Производство товаров народного потребления : соц.-экон. аспект. М., 1984.

нутаго строительства коммунизма. Строительство коммунистического общества было отложено на неопределенную перспективу, в связи с чем разработки проблематики рационального нормирования, инициированные перспективой перехода на коммунистический продуктообмен и распределение по потребностям, были приостановлены.

Параллельно изменению отношения исследователей к нормам потребления с течением времени менялись и сами нормы по продовольственным и промышленным товарам. Остановимся на рассмотрении норм потребления продуктов.

Исследования, направленные на изучение оптимальной структуры, калорийности и объемов потребления продуктов питания, велись еще в довоенный период, а в середине 1950-х – 1970-е гг. разработки норм рационального питания проводились как отдельными авторами¹, так Госпланом СССР и Институтом питания АМН СССР (именно на данные этого НИИ ссылается большинство советских исследователей). Интерес представляет тот факт, что на протяжении всего периода 1950–1980-х гг. нормы потребления менялись. Чтобы проследить динамику их изменений, сопоставим приводимые советскими авторами цифры, отражающие уровень рационального потребления продуктов (в килограммах на человека в год) (табл. 6 прил. 1).

Анализ таблицы позволяет утверждать, что нормы рационального потребления продуктов по разным товарным группам менялись не одинаково. В период 1950-х – конца 1960-х гг. рациональные нормы потребления по овощам, мясу, рыбе, молоку и сахару практически ежегодно возрастают. Особенно стремительно растут нормы потребления мясных и молочных продуктов, показатели потребления которых являлись «лакмусовой бумажкой» благосостояния населения. Они достигают максимума в конце 1960-х гг. (молоко – 481, мясо – 100 кг/чел. в год), в то время как по картофелю нормы рационального годового потребления снижаются (со 103 до 95 кг/чел. в год). В целом эволюция структуры потребления, с одной стороны, отражает

¹ *Матюха И. Я.* Статистика бюджетов населения... ; *Мстиславский П. С.* Народное потребление при социализме... ; *Шнирлин Ю. Л.* Научно обоснованные нормы потребления. М., 1961.

развитие приоритетных направлений пищевой промышленности, а с другой – иллюстрирует структуру потребления в обществе с высоким уровнем жизни. По мнению О. Е. Губаревой, Б. М. Левина, М. Б. Россинского, Г. С. Саркисяна¹, для общества с высоким уровнем благосостояния характерно увеличение потребления высококалорийных продуктов (молоко, мясо) и сокращение в рационе менее питательных (картофель, крупа, табак, хлеб и мучные изделия).

В 1970–1980-е гг. ситуация изменяется. Годовые нормы потребления мясных и молочных продуктов начинают колебаться, снижаясь, и стремительно падают во второй половине 1980-х гг., опускаясь в конце 1980-х гг. до 71–73 кг/чел. в год (что значительно ниже нормы 1960 г. – 85 кг/чел. в год). В то же время нормы потребления картофеля растут, увеличивая темпы, и достигают 126 кг/чел. в год в конце 1980-х гг. (хотя в 1960-е гг. рекомендуемый объем душевого потребления картофеля составлял 95–103 кг). В целом в 1970–1980-е гг. наблюдается значительное снижение рекомендуемых рациональных норм потребления молока и мяса при увеличении норм по картофелю.

Можно было бы трактовать данные изменения как отражение изменений в культуре питания советского населения, произошедших в 1970–1980-е гг., например, как отказ от животной пищи и признание вегетарианства в качестве образа жизни на общегосударственном уровне, с последовавшим пересмотром рациональных норм питания. Но фактов, подтверждающих данную гипотезу, нет. Поэтому говорить, что нормы потребления мясомолочных продуктов были снижены, а картофеля повышены в результате своеобразного «усовершенствования» структуры питания, не приходится.

С целью выявления причин произошедших изменений сопоставим данные рациональных норм с фактическим уровнем потребления продовольственных товаров в СССР, РСФСР (опираясь на данные соответствующих статистических сборников), а также в Свердловской области 1965–1971 гг. (в качестве источ-

¹ Губарева О. Е. Источники роста народного благосостояния... С. 23 ; Левин Б. М. Указ. соч. С. 34 ; Россинский М. Б. Указ. соч. С. 41 ; Саркисян Г. С. Рост благосостояния советского народа... С. 4.

ника использованы материалы ГАСО). Графики сравнения по отдельным видам продовольственных товаров приведены в приложении (рис. 1–6 прил. 2).

Анализируя приведенные в прил. 2 графики, можно сделать ряд выводов. Во-первых, очевидно, что объемы фактического потребления продовольственных товаров в стране и регионе были сопоставимы (несколько ниже в регионе в указанный период было потребление овощей). Во-вторых, относительно причин изменения норм можно предположить, что они трансформируются, реагируя на изменения фактического уровня питания населения, с той лишь разницей, что скачки изменения норм гораздо выше, чем колебания фактического потребления. В рамках этой гипотезы высокие темпы роста реального потребления в 1950-е гг. (несколько снизившиеся в 1960-е гг.) позволяли строить оптимистические прогнозы о возможностях и перспективах производства продовольственных товаров, что повлекло за собой увеличение рациональных норм потребления. Хотя по большинству товаров в 1960-е гг. они так и не были достигнуты – не соответствовали рациональному уровню ни структура питания населения, ни объемы потребления. Дальнейшее повышение «идеального уровня» потребления еще более увеличило бы разрыв рационального и реального уровня питания населения, поэтому в 1970–1980-е гг. в связи с замедлением темпов экономического роста переоцениваются возможности производства, а вместе с ними и нормы потребления. Существенно ухудшается рациональная структура питания: снижается рекомендуемый объем потребления мясомолочной продукции, и увеличивается потребление картофеля. Но даже показатель сниженных норм в 1970–1980-е гг. достигнут не был, за исключением показателей потребления сахара и рыбы. Из этого следует, что советские нормы потребления продуктов питания в большей степени связаны с фактическим потреблением и возможностями производства, чем со здоровым питанием населения, что объясняет динамику и векторность их изменения¹.

¹ Аналогичную тенденцию объективного снижения качества, определяемого рекомендованными нормами рациона питания, отмечает В. А. Литвинов применительно к кризисному 1992 г. В рассмотренных автором «Временные методические рекомендации по рас-

Претерпели некоторую эволюцию нормы по непродуктивным товарам¹. В. М. Синютин и Р. А. Чаянов в своей монографии отмечают, что нормы их потребления принято называть рациональными, хотя «они не имеют строго научной базы, как физиологические нормы питания, но опираются на такую объективную основу, как санитарно-гигиенические и климатофизиологические требования к одежде и обуви»².

Рекомендованные объемы потребления основных изделий легкой промышленности представлены авторскими разработками. Наиболее крупными являются работы В. Е. Комарова, П. С. Мстиславского, В. М. Синютина, У. Г. Чернявского, Ю. Л. Шнир-

четам прожиточного (физиологического) минимума по регионам Российской Федерации», утвержденных 15 апреля 1992 г., зафиксированы одни цифры относительно норм потребления продуктов питания, но уже в утвержденных 10 ноября того же года «Методических рекомендациях по расчетам прожиточного минимума по регионам Российской Федерации» рациональные нормы меняются, существенно снижаясь. Снижение по таким категориям, как мясо, молоко, сахар, яйца достигает 50–70%. В то же время показатели рационального потребления картофеля и хлеба увеличиваются на 118 и 128% соответственно. В. А. Литвинов, комментируя данную динамику, не без иронии замечает, что «государство в ноябре „рекомендовало“ своим гражданам есть картошки и хлеба побольше, чем в апреле, а всего прочего – поменьше». (См.: *Литвинов В. А. Правда о вкусной и здоровой пище : показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2. URL : <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/LITVINOV.HTM>). Приведенный факт динамики рекомендованных рациональных норм (не связанной с улучшением структуры питания населения) еще раз подтверждает наличие относительной взаимосвязи данных показателей со здоровьем, но позволяет уверенно говорить о их детерминированности возможностями производства и уровнем экономического развития государства как в советской, так и в постсоветской российской истории.*

¹ Справедливости ради следует заметить, что рациональное нормирование проникает фактически во все сферы потребления в СССР. Существовали нормативы рациональной обеспеченности населения жильем, а также платными и бесплатными услугами сфер бытового и социально-культурного обслуживания. Норматив общей жилой площади установили в зависимости от количества членов семьи: для одиночек – 36, а на «душу» в семье из 6 чел. – 17,2 м². Для «рациональных норм потребления мебели» средний срок ее службы принят 20 лет. В 1970-е годы в состав планового и рационального потребительских бюджетов (РПБ) на 1980 г. и на перспективный 1990 г. НИЭИ Госплана СССР включал в расчет 1 174 товарных позиции. Они подразделялись на хозяйственно-бытовые товары общесемейного пользования, культурно-бытовые товары общесемейного и индивидуального пользования, спортивные товары общесемейного и индивидуального пользования, товары для любительских занятий, предметы личного обихода, верхнюю одежду, белье, головные уборы и шарфы, обувь. Практически в набор были включены все виды изделий, выпускаемых отечественной промышленностью, вплоть до курительных приборов и украшений (см.: *Литвинов В. А. Указ. соч.*). В данной работе мы ограничимся освещением вопросов нормирования изделий легкой промышленности по причине более полной разработки означенной темы в отечественной научной литературе.

² *Чаянов Р. А., Синютин В. М. Производство товаров народного потребления : соц.-экон. аспект. С. 80.*

лина, написанные на базе исследований НИИ торговли и общественного питания (НИИТОП), данных, предоставленных ВНИИКС, при участии Госплана СССР, а также ряда научно-исследовательских институтов и лабораторий. Подход к исчислению рациональных норм менялся. До 1970-х гг. при расчете норм в качестве основной мотивации потребления являлся износ одежды, и только в работе В. Е. Комарова и У. Г. Чернявского, вышедшей в 1973 г., нормы были пересмотрены с учетом морального износа одежды. Авторы отметили, что «товар покупается не только для возмещения износа, но и для увеличения объема гардероба»¹. Как указано выше, разработанные рациональные нормы потребления товаров легкой промышленности на протяжении 1950–1980-х гг. не были статичны. Сравнение количественных данных, отражающих рекомендованный рациональный уровень годового потребления горожанами товаров легкой промышленности, приведено в табл. 7 прил. 1.

Анализ изменений норм потребляемых населением товаров по отдельным товарным группам позволяет сделать вывод, что на протяжении исследуемого периода снижались нормы по льняным и хлопчатобумажным тканям, в то время как нормы по трикотажным изделиям и обуви непрерывно увеличивались. Рассуждая о причинах такой динамики, на наш взгляд, целесообразно согласиться с мнением В. М. Синютин и Р. А. Чаянова, с точки зрения которых изменение нормы потребления тканей отражает сдвиги в структуре производства отдельных изделий легкой промышленности. С развитием технологий в РСФСР значительно больше производилось изделий из синтетических волокон и трикотажа, что снизило потребность населения в более сложных в уходе льняных и хлопчатобумажных тканях². В целом эволюция нормативов потребления товаров легкой промышленности шла не так динамично, как по продуктам питания; их изменения не только связаны со стремлением улучшить структуру потребления, но и отражают процесс технологического усовер-

¹ Комаров В. Е., Чернявский У. Г. Доходы и потребление населения СССР. М. : Наука, 1973. С. 143.

² Чаянов Р. А., Синютин В. М. Производство товаров народного потребления : соц.-экон. аспект. С. 88.

шенствования, вызванный внедрением в производство новых материалов.

Помимо разработок «идеального уровня потребления» исследователей интересовал вопрос фактического обеспечения населения изделиями легкой промышленности. В основном данные об уровне потребления населением товаров легкой промышленности, как и цифры, отражающие потребление продуктов, строились на данных об объемах продаж. Они исчислялись по областям региональными статистическими комитетами. В масштабах страны вычисления проводились под руководством ЦСУ СССР. Структура и динамика потребления населением непродовольственных товаров в 1950–1980-е гг., построенная на основе данных статистических ежегодников, отражена в табл. 8 прил. 1.

Из сравнения данных о рациональных нормах с показателями фактического потребления следует, что реальное потребление по всем группам товаров не соответствовало рекомендуемым нормам. Это отставание отмечают большинство советских исследователей, в качестве комментария ограничиваясь формулировкой «рост производства товаров продолжается, вследствие чего достижение норм потребления по отдельным товарным группам возможно в ближайшее время» (хотя, как показывает сопоставление данных, разработанные нормы по большинству товаров так и не были достигнуты). Ю. Л. Шнирлин объясняет несоответствие идеального и реального уровня тем, что не всегда можно купить желаемую одежду (ткань). Также ухудшение реальных показателей происходит из-за неосведомленности покупателей, которые, «не зная свойств ткани, вместо одной (лен) покупают более дешевую хлопчатобумажную»¹, что и ведет к изменению структуры потребления товаров легкой промышленности. Хотя зачастую советские авторы в своих исследованиях предпочитали обходить причины отклонения фактического потребления изделий легкой промышленности от разработанных рациональных норм.

В целом разработка тематики потребностей населения в отечественной советской историографии имела определенную

¹ Шнирлин Ю. Л. Научно обоснованные нормы потребления. М., 1961. С. 68.

специфику. Понимание потребностей не как спонтанных и безграничных желаний индивида, а как рациональных, социально и физиологически обусловленных нужд общества маркировало отечественные исследования в данной области, существенно отличая их от зарубежных разработок аналоговой проблематики. Такой «рациональный» ракурс рассмотрения темы обусловил наличие тесной взаимосвязи проблем потребностей и нормирования и даже постепенное выдвигание аспектов нормирования потребления на первый план, что в целом соответствует векторности развития советской науки, концептуально-методологическое ядро которой ориентировано на ситуации устойчивости и стабильности.

В рамках советской историографии проблематика нормирования потребления получила детальное рассмотрение как в теоретической плоскости, так и в плане разработки конкретных норм рационального потребления промышленных и продовольственных товаров. В то же время можно констатировать, что разработка и изучение данной темы осталась приметой именно советской историографии, не получив рассмотрения в современных отечественных исследованиях.

Проблематика нормирования сегодня неправомерно отодвинута на задний план, а существование разработок в данной области замалчивается, хотя ряд аспектов проблемы требуют изучения. В частности, неясными остаются вопросы: были ли искусственно завышены советские нормы потребления продуктов питания в силу высокой экономической оценки возможностей производства, и если завышены, то в каком объеме, а также насколько оптимальной была «идеальная» структура питания, разработанная в советский период? Вероятно, для ответа на эти вопросы необходимо сравнить советский опыт разработок в данной области с современными российскими и зарубежными аналогами, что следует сделать в рамках обобщающего исследования по отечественной социальной истории.

2.3. ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СФЕРЫ УСЛУГ

Помимо проблем фактического снабжения советских граждан промышленными и продовольственными товарами, отечественные ученые (особенно в советский период) уделяли значительное внимание вопросам функционирования и развития систем бытового обслуживания и общественного питания в стране.

Рост исследовательского интереса к данной теме был не в последнюю очередь обусловлен политической конъюнктурой. Социально-экономический, провозглашенный с трибун курс на облегчение быта граждан был взят еще в середине 1950-х гг., но в тот период заявленная правительственная социальная политика реализовывалась в основном за счет внедрения бытовой техники в ателье, а также количественного роста мастерских по ремонту. Начиная с 1960-х гг. ситуация корректируется. Проблема обустроенности быта советского населения формулируется как первостепенная, государственно важная: «Вопросы бытового обслуживания – это не мелочи, не второстепенные вещи; от того, насколько устроен быт человека, каково культурное обслуживание, во многом зависят настроение людей и производительность их труда»¹. Бытовое обслуживание призвано не только облегчить жизнь населения, но и улучшить, а значит, увеличить производительность труда. Поэтому необходимо было создать в стране эффективно функционирующую систему бытового обслуживания. Правительственная заинтересованность в реальном решении поставленной задачи в 1960-е гг. выразилась в увеличении количества постановлений (1960, 1962, 1963, 1967 гг.)², направлен-

¹ *Материалы XXII съезда КПСС*. М., 1961. С. 76.

² *О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения* : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 августа 1962 г. // *Собр. постановлений Правительства СССР*. М., 1968. С. 219–221 ; *О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения, качества и расширения ассортимента товаров народного потребления* : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 апреля 1963 г. // *Сб. законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1967)* : [в 2 т.]. М., 1968. Т. 1. С. 346–348 ; *О мерах по дальнейшему развитию бытового обслуживания населения* : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 августа 1967 г. // *Собр. постановлений Правительства СССР*. М., 1968. С. 260–263 ; *О мерах по улучшению бытового обслуживания населения* : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 августа 1960 г. // Там же. С. 340–342 ; *О мерах по улуч-*

ных на увеличение количества и улучшение качества оказываемых населению (и в первую очередь, горожанам) услуг. Именно в 1960-е гг. в Советской стране происходит становление системы бытового обслуживания, осуществляется концентрация отдельных разрозненных групп услуг в самостоятельную отрасль народного хозяйства – службу быта, главной единицей которой становится комбинат бытового обслуживания.

Интенсификация правительственной деятельности послужила стимулом исследовательской активности в данной области. В первую очередь появляются теоретические разработки экономистов, определяющие цели и задачи функционирования новой отрасли – бытового обслуживания. Выделившаяся из торговли, данная отрасль определяется отечественными исследователями как область народного хозяйства, представляющая собой совокупность предприятий, цель которых – удовлетворение потребностей населения с учетом его индивидуального спроса путем осуществления производственной деятельности по созданию, восстановлению предметов потребления, а также бытовых удобств потребителям¹. К системе бытового обслуживания авторы² относят: пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт предметов домашнего обихода и квартир, химчистку и крашение одежды, прокат машин и предметов быта, стирку белья, фотоработы, парикмахерские услуги, строительные работы по ремонту жилищ.

Выделение в 1960-е гг. службы быта в самостоятельную отрасль потребовало экономического обоснования определения ее места в системе народного хозяйства.

По мнению П. Филатова, «от того, какое место в системе народного хозяйства займет отрасль, зависит решение многих практических вопросов – финансирование, размер капиталовложений, которые определяют перспективы и темпы дальней-

шению работы предприятий бытового обслуживания населения : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1965 г. // Там же. С. 240–241.

¹ Елохов П. Л., Хворов Ю. И. Место и роль бытового обслуживания населения в народном хозяйстве // Пути повышения эффективности бытового обслуживания населения. Свердловск, 1971. С. 24.

² Бондуков Н. В. Бытовое обслуживание как отрасль народного хозяйства. М., 1966 ; Елохов П. Л., Хворов Ю. И. Указ. соч. С. 18–19 ; Смирнов С. В., Олигин-Нестеров В. И. Указ. соч. С. 58.

шего развития»¹. Острая дискуссия в экономической литературе 1960-х – первой половине 1970-х гг. разразилась по вопросу: «К каким отраслям относится служба быта – производственным или непроизводственным?» По мнению Н. В. Бондукова, П. Л. Елохова, П. Г. Олдака, П. Филатова Ю. И. Хворова, Я. С. Ядгарова, В. А. Яковлева², служба быта является производственной отраслью. Г. Я. Киперман, Л. Н. Овсянников, Т. Д. Полякова, Д. И. Правдин, В. М. Рутгайзер, В. С. Семенов, М. В. Солодков, В. Д. Харин³ отстаивали точку зрения, согласно которой бытовое обслуживание относится к непроизводственным отраслям экономики. И те и другие авторы достаточно глубоко аргументируют свою позицию, ссылаясь на постулаты марксистской экономической теории. Однако данный вопрос так и не получил однозначного ответа. Н. П. Панов и В. Д. Харин⁴ предложили отнести бытовое обслуживание к полупроизводственной сфере народного хозяйства. Но данное предложение вызвало критику большинства исследователей. В публикациях конца 1970–1980-х гг. авторы сошлись на том, что сфера бытового обслуживания включает в себя и производственные, и непроизводственные отрасли, поэтому их не нужно делить, есть функциональное единство⁵, и теоретические изыскания переносятся в плоскость выделения подгрупп отраслей внутри службы быта.

¹ Филатов П. Индустрия быта – производственная отрасль // Служба быта. 1969. № 6. С. 26.

² Елохов П. Л., Хворов Ю. И. Указ. соч.; Олдак П. Г. Взаимосвязь производства и потребления. Критерии и оценки. М., 1966; Он же. Экономические проблемы повышения уровня жизни. М., 1963; Филатов П. Индустрия быта – производственная отрасль // Служба быта. 1969. № 6; Ядгаров Я. С. Экономика и культура сервиса. М., 1990; Яковлев В. А. Роль бытового обслуживания в социалистическом обществе. М., 1968.

³ Актуальные проблемы развития непроизводственной сферы в условиях социализма. Барнаул, 1982; Киперман Г. Я. Классификация отраслей народного хозяйства СССР. М., 1964; Правдин Д. И. Непроизводственная сфера экономики // Сфера обслуживания при социализме / под ред. Е. И. Капустина. М., 1968; Он же. Непроизводственная сфера: эффективность и стимулирование. М., 1973; Он же. Развитие непроизводственной сферы при социализме (темпы, пропорции, перспективы). М., 1976; Правдин Д. И., Харин В. Д. Экономическое стимулирование в сфере обслуживания. М., 1970; Рутгайзер В. М. Ресурсы развития непроизводственной сферы. М., 1976; Семенов В. С. Сфера обслуживания и ее работники. М., 1966; Солодков М. В., Полякова Т. Д., Овсянников Л. Н. Теоретические проблемы услуг и непроизводственной сферы при социализме. М., 1972.

⁴ Панов Н. П., Харин В. Д. Стимулирование труда работников сферы обслуживания. М., 1966. С. 6–7.

⁵ Баринов В. Т. Указ. соч. С. 7; Пыхова И. А., Леонова Л. Н. Указ. соч. С. 63–70.

Параллельно с разработкой целей, задач и определением экономического статуса бытового обслуживания в советском гуманитарном дискурсе активизируются исследования еще одной отрасли – общественного питания. Под общественным питанием понималась отрасль народного хозяйства, которая производит и реализует готовую пищу и полуфабрикаты. Организационно общественное питание входило в состав торговой сети и зачастую рассматривалось исследователями как ее составляющая. До 1957 г. среди отечественных научных публикаций сравнительно немного статей, посвященных данной проблеме. В частности, в журнале «Советская торговля» с 1952 по 1956 г. (включительно) публикаций, посвященных развитию общественного питания, менее 12%. Можно отметить статьи У. Ачильдиева, К. Белякова, А. Истковского, Д. Павлова, Н. Терновской, Г. Шорина, Г. Эвергетова¹. Авторами значительного числа работ по данной тематике являлись директора и заведующие предприятиями общественного питания. Уровень обобщения материала в статьях достаточно низок, зачастую исследователи рассматривают проблемы развития отрасли на примере одного или нескольких предприятий. Более качественное в научном смысле изучение проблем развития отрасли начинается во второй половине – конце 1950-х гг., когда активизируются экономические исследования вопросов общественного питания. С середины 1950-х гг. вследствие правительственной политики увеличивается штат научных работников и повышается научность исследований. В конце 1956 г. в Москве проходит совещание работников общественного питания, в 1957 г. возобновляется прерванный войной выпуск журнала «Общественное питание». На страницах этого издания, а также ряда сборников научных работ торгово-экономических вузов и НИИ, подведомственных Министерству торговли СССР, публикуется значительный объем материала по данной пробле-

¹ Ачильдиев У., Истковский А. Улучшить использование оборудования в предприятиях общественного питания // Советская торговля. 1955. № 9; Беляков К. Предприятиям общественного питания – новейшее оборудование // Там же. 1955. № 7; Павлов Д. За дальнейшее улучшение общественного питания // Там же. 1955. № 11; Терновская Н. О новом типе столовой // Там же. 1954. № 6; Шорин Г. Типы предприятий общественного питания // Там же; Эвергетов Г. Улучшить диетическое питание и торговлю диетическими товарами // Там же. 1955. № 4.

ме. Регулярно выходят статистические ежегодники, в которых в качестве аргументов приводятся показатели развития отрасли. Фактически во второй половине 1950-х гг. правительство сформулировало основные задачи развития общественного питания в СССР, сохранявшие актуальность на протяжении всего советского периода: расширение сети и рост товарооборота предприятий общественного питания, механизация и улучшение технического обеспечения предприятий общественного питания и повышение качества продукции.

Помимо теоретических разработок, касающихся целей и задач советского бытового обслуживания и общественного питания, авторы освещают вопросы эффективности и фактического функционирования данных отраслей (исходя из их соответствия сформулированным теоретическим задачам).

Одним из вопросов, получивших освещение в отечественной научной литературе, является спрос населения на бытовые услуги. До середины 1960-х гг. этот вопрос не изучался.

Первая попытка определить закономерности спроса на услуги по ремонту бытовой техники была предпринята в 1965 г. Краснодарским филиалом научно-исследовательского технологического института бытового обслуживания. В 1967 г. данные были опубликованы в работе «О структуре и закономерностях потребительского спроса на услуги по ремонту бытовой техники». Но низкий уровень обобщения материала в данной публикации, значительные темпы урбанизации и рост продаж бытовой техники уже в конце 1960-х гг. поставили под сомнение возможность практического применения изложенных в работе выводов.

Сложность изучения спроса на услуги отмечают большинство исследователей. По их мнению, «потребности населения в продуктах питания могут быть определены достаточно точно; с меньшей точностью можно рассчитать потребности в непродовольственных товарах, а на услуги нормативы лишь приблизительно»¹. С этим сложно не согласиться. Тем не менее «приблизительные» нормативы спроса на услуги разрабатываются

¹ *Сфера обслуживания при социализме... С. 114.*

в конце 1960-х гг. (рассчитывались в денежном эквиваленте). В среднем на бытовые услуги семья рабочего должна тратить в месяц около 30 р.¹ (учитывая, что расчет делался на семью из четырех человек, получаем 7 р. 50 к. на человека в месяц. – М. К.). Но авторы оговаривают, что нормы условны, и всё зависит от бюджета конкретной семьи.

Значительно больше исследователей, не вдаваясь в сложности нормирования, рассуждают о динамике изменения спроса на услуги. Данный вопрос освещен преимущественно в работах экономистов. П. Л. Елохов, В. Г. Кряжев, А. С. Мотылев, А. М. Мыльников, П. Г. Олдак, Д. И. Правдин, М. Б. Россинский, Р. А. Серебренникова, С. В. Смирнов, В. Ю. Олигин-Нестеров, Ю. И. Хворов, Н. П. Шевяков и другие авторы² отмечают повышение спроса на услуги, произошедшее в 1960–1970-е гг. и в городской среде. Значительное возрастание спроса на услуги во всех регионах РСФСР исследователи объясняют повышением ценности у городского населения свободного времени, характерным для высокого уровня развития общества, а также тем, что потребительский спрос всё более переключается на сферу бытового обслуживания, так как наступает «относительная насыщенность в пользовании товарами повседневного спроса»³.

Во второй половине 1970-х–1980-е гг. внимание исследователей привлекают проблемы качества оказываемых населению услуг и степень удовлетворения возросшего потребительского спроса на бытовые услуги. Большинство авторов приходит к выводу, что «спрос населения на услуги еще удовлетворен не

¹ *Сфера обслуживания при социализме...* С. 116.

² *Елохов П. Л., Хворов Ю. И.* Указ. соч. ; *Кряжев В. Г.* Вне рабочее время и сфера обслуживания. М., 1966 ; *Мотылев А. С.* Указ. соч. ; *Мыльников А. М.* Повышение жизненного уровня народа. Ижевск, 1971 ; *Олдак П. Г.* Экономические проблемы повышения уровня жизни... ; *Правдин Д. И.* Непроизводственная сфера экономики... ; *Он же.* Развитие непроизводственной сферы при социализме... ; *Лузынин Р. Г., Юхименко В. В., Поволоцкая С. И.* О некоторых факторах спроса и предложения бытовых услуг // Социально-экономические проблемы непродовольственной сферы и услуг в свете решений XXV съезда КПСС. Львов, 1976 ; *Россинский М. Б., Шевяков Н. П.* Повышение эффективности общественного труда и сфера услуг // Пути повышения эффективности бытового обслуживания населения. Свердловск, 1971 ; *Серебренникова Р. А.* Роль бытовых услуг в повышении уровня жизни населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976 ; *Смирнов С. В., Олигин-Нестеров В. И.* Указ. соч.

³ *Свердловский институт народного хозяйства.* Свердловск, 1969. Вып. 10. С. 11.

полностью»¹. Исследователи отмечают, что, несмотря на значительные «количественные» успехи в расширении сети предприятий быта, существует отставание в развитии отрасли как относительно норм, разработанных в СССР², так и в сравнении с капиталистическими странами³. Важно, однако, отметить, что в отечественных публикациях 1960-х – первой половины 1980-х гг. критика развития отрасли не носила нетерпимый характер и в основном сводилась к замечаниям о еще недостаточных объемах развития сети предприятий бытового обслуживания. При этом правильность магистрального курса в развитии отрасли не ставилась под сомнение.

Также в советской историографии рассматриваются вопросы организации и функционирования системы общественного питания в СССР. Роль данной сферы советской повседневности являлась не менее важной в проектах создания «светлого советского будущего», так как она была призвана выполнить не только утилитарную задачу – накормить население, но и способствовать успешной трансляции идеологием, «цивилизировать» советского человека, знакомить его с гигиеническими стандартами, правилами поведения, формировать каноны вкуса, трансформируя частное пространство в пространство публичное. На наш взгляд, именно к системе советского общественного питания, являющейся частью не только экономической, но и культурно-идеологической сферы, применимо определение, данное

¹ Агабабян Э. М. Производство и потребление услуг в десятой пятилетке. М., 1977; Он же. Экономический анализ сферы услуг. М., 1968; Кочерга А. И. Сфера обслуживания населения (вопросы социалистического производства). М., 1979; Краснов Ю. М. Спутники быта. М., 1960; Медведев В. А. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М., 1968; Проблемы планирования сферы услуг в условиях развитого социализма. Краснодар, 1973; Развитие услуг и принципы ценообразования на бытовые услуги. М., 1966.

² Агабабян Э. М. Производство и потребление услуг в десятой пятилетке...; Иванова Н. В. К вопросу о методике оценки уровня общественного обслуживания населения // Уч. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1970. № 211; Она же. Опыт районирования территориальной системы обслуживания Уральского экон. района // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь, 1978; Иванова Н. В., Патока О. А., Шеходанова Т. К. Уральский экон. район в территориальной системе обслуживания РСФСР // Там же. С. 31–35; Коробкова Р. В. О развитии бытового обслуживания населения Удмуртской АССР // Отраслевая экономика народного хозяйства Удмуртской АССР. Ижевск, 1974; Россинский М. Б. Указ. соч.; Сфера обслуживания при социализме... С. 114.

³ Косяченко С. Г. Развитие услуг и принципы ценообразования на бытовые услуги. М., 1966.

В. В. Волковым: «„Мягкий“ инструмент дисциплинирования горожан, оформлявший и нормализующий, согласно образцам культурности, их обыденную жизнь»¹.

Организация советской системы общественного питания была ориентирована на принципы рациональности как физиологической, так и экономической. Она предполагала более эффективное распределение и использование продуктов, а это позволило бы обеспечить оптимальный расчет питательной ценности меню, а также ориентацию на здоровое с точки зрения гигиены и физиологии питание. «Рациональность», «полезность» и «гигиеничность» – ключевые категории в организации советского общественного питания.

Начало тотальному подчинению гастрономии догмам науки положило основание в 1920 г. Института физиологии питания; вслед за этим с 1929 по 1932 г. открываются семь новых институтов питания в Ленинграде, Одессе, Харькове, Ростове, Новосибирске, Воронеже и Иваново². В идеале неграмотных домохозяек должны были заменить квалифицированные работницы, знакомые с принципами здорового питания, а забота о приготовлении пищи должна быть возложена на создаваемый общественный сектор, освобождающий женщину от домашнего труда. С целью решения поставленной задачи необходимо было создать инфраструктуру советского общественного питания – унифицированную систему предприятий, обеспечивающих население физиологически здоровой пищей.

Динамика фактического развития городской системы общественного питания в РСФСР получает отражение в исследованиях экономистов и историков, опубликованных в 1950–1980-е гг.

О. Боярских, Б. И. Гоголь, А. В. Дмитриев, Ф. Я. Успенский, А. М. Ченьшева³ пишут о проблемах и специфике развития от-

¹ Волков В. В. Концепция культурности. 1935–38. Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 208.

² Кириленко С. А. Культурная унификация в сфере питания... С. 111–125.

³ Боярских О. Коммунисты передового леспромхоза. Свердловск, 1957; Дмитриев А. В. Материально-бытовое положение рабочих машиностроения Среднего Урала в четвертой пятилетке // Рабочий класс Урала. 1937–1975. Свердловск, 1979; Чернышев А. М. К вопросу о становлении общественного питания на Урале // Экономика советской торговли. Вып. 17. Свердловск, 1970; Гоголь Б. И. Общественное питание в СССР. М., 1956; Развитие социали-

расли в послевоенный период. Авторы отмечают рост сети предприятий общественного питания, обращая внимание на некоторые недостатки функционирования отрасли: в послевоенный период снизились продажи продукции предприятиями общественного питания, уменьшилось количество посетителей. По мнению Ф. Я. Успенского, это связано с тем, что после отмены карточек система изменилась, и не все предприятия питания перестроились. Вопросы снабжения решались медленно, поэтому сократилось количество посетителей столовых. А. В. Дмитриев и А. М. Чернышев в качестве причин снижения спроса называют также миграцию большей части эвакуированных и мобилизованных из регионов Урала и Сибири в послевоенные годы.

К анализу проблем развития общественного питания в 1950–1980-е гг. обращаются С. Д. Бегиян, С. А. Ваксман, В. П. Зотов, В. И. Карсекин, В. Е. Колесникова, В. Р. Махнюк, Л. В. Опацкий, Ю. В. Пацук, В. И. Пивоваров, Б. П. Сажин, Н. Ф. Салова, Л. Н. Серебренникова, О. П. Сулейманова, И. М. Темкина, А. М. Чернышев, Л. И. Шпунгин¹. Авторы отмечают улучшения в работе

стической экономики СССР в послевоенный период. М., 1965 ; Успенский Ф. Я. Развитие общественного питания // 35 лет советской торговли. М., 1952.

¹ Бегиян С. Д. Рост материального благосостояния трудящихся Урала (1959–1965 гг.) // Ист. наука на Урале за 50 лет (1917–1967). Свердловск, 1967. Вып. 1 ; Ваксман С. А., Чернышев А. М. Факторы, влияющие на передвижение населения к общедоступным предприятиям обществ. питания // Вопр. повышения эффективности обслуживания населения. Свердловск, 1988 ; Зотов В. П. Легкая и пищевая пром-сть СССР (1959–1965). М., 1959 ; Колесникова В. Е. Экономическая реформа в действии // Вопр. экономики торговли. Свердловск, 1972 ; Махнюк В. Р. Некоторые вопросы повышения эффективности обществ. питания // Экономика и орг. торговли и обществ. питания. Киев, 1973 ; Он же. Роль общественного питания в увеличении свободного времени трудящихся // Социально-экон. проблемы непродовольств. сферы и услуг в свете решений XXV съезда КПСС. Львов, 1976 ; Махнюк В. Р., Карсекин В. И. О рациональной организации сети предприятий обществ. питания в крупных городах // Экономика и орг. торговли и обществ. питания. Киев, 1973 ; Они же. Формирование спроса на услуги общегородских предприятий обществ. питания // Экономика и орг. торговли и обществ. питания. Киев, 1974 ; Опацкий Л. В. Размещение пищ. пром-сти СССР. М., 1958 ; Пацук Ю. В., Салова Н. Ф., Темкина И. М. Некоторые вопросы совершенствования торгового и бытового обслуживания тружеников лес. пром-сти // Пути повышения эффективности пр-ва в лес. пром-сти. Свердловск, 1969 ; Передовой опыт предприятий обществ. питания РСФСР. М., 1967 ; Пивоваров В. И. Продовольственные комплексы – важное звено совершенствования торгового обслуживания населения // Социально-экономические проблемы непродовольств. сферы и услуг в свете решений XXV съезда КПСС. Львов, 1976 ; Развитие социалист. экономики СССР в послевоен. период... ; Сажин Б. П., Темкина И. М. Изменение объема и структуры товарооборота Свердловской области в период развернутого строительства коммунистического общества // // Вопр. экономики пром-сти. Свердловск, 1963 ; Серебренникова Л. Н. Розничный товарооборот – важный показатель жизненного уровня

отрасли, произошедшие в 1950–1960-е гг. в сравнении с послевоенным периодом, а также пишут о положительной динамике товарооборота и расширения сети предприятий общественного питания на протяжении всего периода 1950–1980-х гг.

Выявляя в целом положительную динамику развития отрасли в 1950–1980-е гг., авторы пишут и о некоторых недостатках. В. И. Пивоваров, сопоставляя долю общественного питания в товарообороте, приходит к выводу, что объем товарооборота отрасли «не соответствует ни ее потенциальным возможностям, ни предъявляемым требованиям. Продажи товаров через систему общепита составляют лишь минимально необходимую величину»¹. К аналогичным выводам приходит С. Д. Бегиян, отмечая, что на Урале в 1959–1965 гг. «торговые предприятия общественного питания во многих случаях работали ниже своих возможностей, кое-где еще не хватало столовых, буфетов, в ряде случаев плохо было организовано снабжение населения»². В. Н. Кузьмин и А. М. Чернышев³ среди недостатков развития отрасли в первую очередь выделяют нехватку посадочных мест в столовых (некоторые столовые перегружены до восьми раз), в то время как, по мнению А. М. Чернышева, мерой качества предприятия общественного питания являются именно посадочные места⁴. Освещая количественные достижения в развитии отрасли (увеличение количества предприятий общественного питания и посадочных мест в них), большинство авторов тем не менее приходит к выводу, что уровень развития системы общественного питания еще отстает от потребностей населения.

населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы круп. экон. района. Свердловск, 1976; Сулейманова О. П. Рост материального благосостояния раб. класса...; Чернышев А. М. К вопросу о становлении обществ. питания на Урале // Экономика совет. торговли. Свердловск, 1970. Вып. 17; Он же. Резервы улучшения обслуживания трудящихся в заводских столовых // Вопр. экономики торговли. Свердловск, 1972; Шпунгин Л. И. Улучшение планирования деятельности предприятия обществ. питания / НИИТОП. М., 1963.

¹ Пивоваров В. И. Указ. соч. С. 12.

² Бегиян С. Д. Указ. соч. С. 179.

³ Чернышев А. М., Кузьмин В. Н. Общественное питание на пром. предприятиях в условиях хоз. реформы // Экономика сов. торговли. Свердловск, 1970. Вып. 17.

⁴ Чернышев А. М. Социально-экономические предпосылки размещения и развития сети предприятий обществ. питания // Проблемы повышения эффективности обществ. пр-ва. Свердловск, 1969. Вып. 5.

Необходимо также отметить, что на протяжении всего советского периода общественное питание теоретически рассматривалось не как средство препровождения досуга, а как способ экономии свободного и рабочего времени горожан.

Первая попытка изучить проблемы влияния питания на производительность труда в нашей стране была предпринята в 1920-е гг. академиком С. Г. Струмилиным. Возобновление разработок в данной области происходит во второй половине 1960-х – 1970-е гг. Немаловажную роль в стимулировании данных исследований сыграл Февральский пленум 1969 г., в решениях которого подчеркивалось, что главной задачей дальнейшего подъема народного хозяйства является «всемерное повышение производительности труда и, как следствие, экономия рабочего времени».

Изучению вопросов питания рабочих на предприятиях посвящены работы Н. П. Калининой, А. И. Кочерги, В. Г. Макушина, А. А. Покровского, В. И. Семенова, А. С. Семикоза, Б. В. Цетлина¹. Авторы рассуждают о плюсах и недочетах в работе заводских столовых, об оптимальном количестве посадочных мест и необходимости сокращения времени обслуживания. Исследователи приходят к выводам о прямой зависимости здоровья, работоспособности и, как следствие, производительности труда рабочих от наличия на предприятии комбината общественного питания. Из уральских исследователей наибольший вклад в изучение проблемы развития сети столовых на предприятиях внес А. М. Чернышев²; также можно отметить его работу в соавторстве с В. Н. Кузьминым. По мнению исследователей, «обед в заводской

¹ Калинина Н. П., Макушин В. Г. Влияние условий труда на его производительность. М., 1970; Кочерга А. И., Семенов В. И. О влиянии орг. питания на производительность труда пром. рабочих // Обществ. питание. Кишинев, 1971. Вып. 7; Семенов В. И. Общественное питание и повышение эффективности труда в сфере мат. пр-ва // Социально-экономические проблемы непродовольств. сферы и услуг в свете решений XXV съезда КПСС. Львов, 1976; Семенов В. И., Семикоз А. С. Выигрыш – здоровье // Совет. шахтер. 1973. № 1; Покровский А. А. Беседы о питании. М., 1968; Цетлин Б. В. Условия труда и орг. пром. пр-ва. М., 1963.

² Чернышев А. М. Некоторые факторы повышения эффективности обществ. питания // Вопросы повышения эффективности торг. обслуживания. Свердловск, 1981; Он же. Общественное питание и его влияние на экономику пром. предприятия // Ассортимент товаров нар. потребления и вопросы совершенствования орг. торговли. Свердловск, 1971. Вып. 19; Он же. Резервы улучшения обслуживания трудящихся в заводских столовых...; Он же. Социально-экономические предпосылки размещения и развития сети предприятий обществ. питания... С. 223–228.

столовой – это кульминационный момент в деятельности коллектива. Если человек выходит из столовой с плохим настроением, это снижает выпуск производимой им продукции»¹.

Умеренный оптимизм исследовательских оценок по поводу перспектив и эффективности развития данных отраслей в советском обществе сменяется критикой в публикациях второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Авторы более резко отзываются о низком качестве услуг, оказываемых горожанам предприятиями бытового обслуживания. В качестве причин неудовлетворительного сервиса, нарушения сроков выполнения бытовых работ и других сбоев авторы называют недостатки плановой экономики – директивное планирование отрасли, которое копирует методологию планирования крупного производства, даже на тех объектах, где один-два работающих². По мнению исследователей, громоздкость и сверхцентрализация советской системы бытового обслуживания ограничивают выбор услуг и снижают уровень сервиса. Популяризируемые в более ранних публикациях успехи созданной в СССР сферы услуг, а также системы общественного питания в «перестроечной» историографии игнорируются или сводятся к минимуму. Скепсис по отношению к советским достижениям проявляется и в исчезновении из публикаций конца 1980-х – начала 1990-х гг. цифр официальной советской статистики, отражающей положительную динамику товарооборота и роста строительства сети предприятий быта и общественного питания.

Особо отметим следующий факт. Если применительно к отечественным публикациям, посвященным проблемам товарного дефицита и снижения доходов, справедливо утверждение, что усиление «перестроечной» критики сопровождалось увеличением количества публикаций по данной тематике, то применительно к историографии бытового обслуживания и об-

¹ Чернышев А. М., Кузьмин В. Н. Общественное питание на пром. предприятиях в условиях хоз. реформы... С. 184–185.

² Баринов В. Т. Указ. соч. ; Панферов В. В. О некоторых тенденциях науч.-техн. развития сферы услуг в условиях рыночных отношений // Бытовое обслуживание в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1991 ; Рыбаковский Л. А. Миграция населения : прогнозы, факторы, политика. М., 1987 ; Татаркин А. И. Указ. соч. ; Сфера услуг : новая концепция развития / под ред. В. М. Рутгайзера, Т. И. Коряжиной, Т. И. Арбузовой [и др.]. М., 1990.

щественного питания динамика исследовательского интереса была обратной – в период «перестройки» исследовательский интерес к данным темам падает; значительно уменьшается количество работ, посвященных проблематике бытового обслуживания. Публикации по развитию городской системы общественного питания в РСФСР фактически исчезают со страниц отечественных экономических изданий второй половины 1980-х – начала 1990-х гг.; их вытесняют статьи, посвященные более актуальным и злободневным проблемам российской советской действительности.

Общее снижение градуса исследовательского интереса к данным проблемам характерно и для современного отечественного гуманитарного дискурса. Конкретно-исторические работы по проблематике развития системы общественного питания в СССР единичны и посвящены более ранним периодам¹, а тематика советского бытового обслуживания вообще не фигурирует в современных отечественных разработках. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что некоторые аспекты советской системы общественного питания послевоенного сорокалетия получили рассмотрение в рамках уже упомянутого концепта истории повседневности. На первый план в русле данной методологической парадигмы выходит изучение трансформаций советского быта, публичности и идеологием общественного питания, нашедших отражение как в функциональной динамике данных учреждений, так и в изменениях смыслов и образов, связываемых с понятием «советский общепит».

Одной из таких работ является статья О. Н. Запорожец и Я. Н. Крупец «Советский потребитель и регламентированная публичность: новые идеологемы и повседневность общепита конца 50-х»². В фокусе авторского анализа, предпринятого в данной статье, – изменение идеологием общественного питания, произошедшее в 1950-е гг., а также особенности реализации

¹ Савельев А. В. Особенности развития ресторанного дела в Советской России в условиях новой экономической политики : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

² Запорожец О. Н., Крупец Я. Н. Советский потребитель и регламентированная публичность : новые идеологемы и повседневность общепита конца 50-х гг. // Сов. соц. политика : сцены и действующие лица 1940–1985 / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2008.

новых принципов функционирования отрасли в провинциальном советском городе Куйбышеве. Источниковую основу исследования составили рассказы и интервью с обывателями-современниками, чьи порой противоречивые сведения позволяют высветить нюансы советской социальной истории, придавая объем и живой биографический колорит эпохам, затертым в книжных формулировках «оттепели», «застоя», «перестройки».

Характеризуя советскую систему общественного питания, авторы не без иронии замечают, что в идеале советская столовая, устроенная в соответствии с принципами санитарии и гигиены, «напоминала скорее медицинское учреждение (с людьми в белых халатах)», где любые украшения должны быть сведены к минимуму¹. В 1950-е гг. при сохранении общей «медикизации» питания в системе общественного питания прослеживаются некоторые изменения – «в идеологический дискурс входят ранее не встречавшиеся, и на первый взгляд чуждые социалистическому обществу, категории „вкуса“, „разнообразия“ и „изобилия“, потеснив господствующие там с 20-х гг. категории „полезности“, „гигиеничности“ и „рациональности“»². Согласно формулировкам партийных документов и профессионального дискурса 1950-х гг. потребитель не только мог, но и должен был получать удовольствие от приема пищи (которая, в свою очередь, должна была быть разнообразной, вкусной, качественной).

Фиксируя трансформацию «идеологем общепита», О. Н. Запорожец и Я. Н. Крупец отмечают, что зачастую декларируемые принципы оказывались чрезвычайно далекими от повседневной жизни. В реальности советский потребитель сталкивался со значительным дефицитом мест общественного питания и низким качеством еды и обслуживания

Проведенный О. Н. Запорожец и Я. Н. Крупец анализ ответов респондентов позволяет утверждать, что, несмотря на относительную доступность питания в учреждениях общественного питания, при появлении возможности выбора, услуги столовых оказывались невостребованными, и предпочтение отдавалось

¹ Запорожец О. Н., Крупец Я. Н. Советский потребитель и регламентированная публичность... С. 321.

² Там же. С. 318.

домашнему питанию. Систематически питаться в столовых так и осталось «не принято». Одной из немногих ситуаций, легитимирующих в общественном мнении посещение столовых и ресторанов, на долгое время оставались командировка или отъезд.

Советские учреждения общественного питания не стали неотъемлемой частью досуговой сферы горожан, во-первых, по причине относительной финансовой доступности ресторанного досуга, а во-вторых, и это более важная причина сложившейся ситуации, по справедливому замечанию О. Н. Запорожец и Я. Н. Крупец, публичность советского общепита была жестко контролируемой, регламентируемой принципами советского идеологического проекта, партийными органами и профессионалами¹. Вся система советского общественного питания ни визуально, ни функционально не была ориентирована на развлечение и увеселение потребителя, оставляя для реализации «культурного» досуга (в соответствии с пропагандируемой идеологией «советского образа жизни») библиотеки, музеи, спорт и кружки по интересам. В результате одним из основных эффектов регламентированной публичности предприятий общественного питания стало создание советского «кухонного общества» и превращение на долгие годы обычных квартирных кухонь в импровизированные дискуссионные клубы — места свободного общения.

Еще одной из немногочисленных публикаций, в которых рассмотрена проблематика советской системы общественного питания, является статья С. А. Кириленко «Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта» (2002). Написанная с позиций культурологического анализа, данная работа посвящена изучению трансформаций стратегий удовольствия и формирования ценности вкуса в истории европейской культуры, хронологически охватывая период с XVIII по XXI в.

Рассуждая об эволюции стратегии удовольствия в СССР, С. А. Кириленко, как и О. Н. Запорожец и Я. Н. Крупец, акцентиру-

¹ Запорожец О. Н., Крупец Я. Н. Советский потребитель и регламентированная публичность... С. 333.

ет внимание на 1950-х гг., обозначая произошедшие в данный период изменения как «реабилитацию вкуса» в сравнении с рационально-валеологическими стратегиями питания, установившимися в 1920-е гг.¹ Именно в 1950-е гг. понятие «вкус» становится немаловажным элементом системы символов эпохи, формируя не только иное культурное пространство, но и создавая советского потребителя. Кульминацией и символическим отражением изменений становится упоминаемая нами выше «Книга о вкусной и здоровой пище» (М., 1952), в которой была предпринята попытка согласовать гастрономическую и валеологическую стратегии, а также интегрировать разнородные этнические традиции питания в единую систему, подчиняющуюся нормативным требованиям. С. А. Кириленко отмечает, что выпуск подобных изданий, создание системы общественного питания, наряду с активизацией отечественной пищевой промышленности, «способствовали культурной унификации и формированию единой телесности на всем пространстве советской страны», являвшихся магистральной задачей властного дискурса. Хотя, по мнению С. А. Кириленко, развитие пищевой промышленности в значительно большей степени «содействовало гомогенизации пищевых привычек, чем создание системы общественных столовых, поскольку позволяло подчинить единой стратегии питания семейное застолье, в рамках которого телесное единение сотрапезников опосредовалось стандартом, воплощенным в покупных продуктах»².

Вышеозначенный «культурологический» ракурс исследования проблематики функционирования отрасли, безусловно, актуален. Рассмотрение советской социальной реальности в данном ключе обогащает отечественный гуманитарный дискурс, высвечивая неявные, с позиций иных методологических подходов, смыслы и символы советской эпохи. В то же время можно не без сожаления отметить, что освещение проблематики советской системы общественного питания сегодня этим ракурсом и ограничивается, а тематика функционирования службы быта

¹ Кириленко С. А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта // *Studia culturae*. 2002. Вып. 3. С. 121.

² Там же. С. 122.

в СССР вообще не получает рассмотрения в современной отечественной литературе. Как правило, обращаясь к изучению вопросов уровня жизни советского населения 1946–1991 гг., авторы акцентируют внимание на «ключевых» характеристиках благосостояния граждан, определяемых через объемы доходов и потребления, упуская из вида такие «промежуточные» звенья советской системы распределения, как общественное питание и бытовое обслуживание. И это несмотря на то, что данные сферы являлись непосредственной частью советской реальности, и игнорирование их как «второстепенных» элементов экономической системы чревато упущением и неверным пониманием ключевой идеи, лежащей в основе советского социального проекта послевоенного сорокалетия, которая вопреки устоявшемуся и популяризируемому сегодня мифу о намеренном «уравнивании» и «обеднении» советского населения была направлена на построение социальной системы, призванной существенно облегчить жизнь советских тружеников, улучшая условия труда и освобождая их от хлопот домашнего быта путем существенной экономии времени, затрачиваемого на приготовление пищи и ремонт вещей. Вследствие изложенного выше изучение мероприятий, направленных на повышение уровня жизни населения, без анализа показателей системы обслуживания чревато существенными искажениями и деформацией трактовки результатов всей советской социальной политики периода 1946–1991 гг.

2.4. ДИСКУССИИ О КАЧЕСТВЕ СОВЕТСКИХ ТОВАРОВ

На протяжении всего исследуемого историографического периода (со второй половины 1940-х по настоящее время) проблематика качества советских промышленных и продовольственных товаров не теряла своей актуальности.

Качество – параметр, который достаточно сложно измерить из-за наличия различных критериев, предъявляемых к изделиям всевозможных товарных групп. Более того, сами требования к изделиям, определяющие критерии качества, также непрерывно претерпевают изменения, испытывая на себе влияние моды,

а также корректируясь в зависимости от социального статуса и финансовых возможностей покупателя. Несмотря на массу разнообразных критериев и требований, предъявляемых к изделиям, шкала измерения качества достаточно проста. По сути она включает лишь две характеристики – «удовлетворительное» либо «неудовлетворительное» качество товара. Несмотря на некоторую умозрительность и относительность данных формулировок, именно в таком «двуполярном» контекстном изложении проблематика качества советских товаров и получает рассмотрение в отечественном гуманитарном дискурсе. При этом интонационные акценты ее рассмотрения в рамках советской историографической традиции и современных гуманитарных исследованиях несколько разнятся.

В экономически сложные годы послевоенного восстановления проблема брака практически не получает рассмотрения в литературе. Это вполне объяснимо, так как голод и разорение остро ставили перед населением проблему фактического выживания, снижая до минимума потребности, в том числе и к качеству товаров. Одежда, сшитая зачастую из шинелей, непрерывно ремонтировалась и перешивалась не в угоду моде, а с целью максимального продления срока службы как вещи, защищающей в первую очередь от холода. Требования к качеству питания также были невысоки. Скорее в послевоенный период у горожан на первом плане были заботы о фактическом наличии продовольствия и необходимых промтоваров, а дискуссии о их качестве не являлись актуальной темой.

В 1950-е гг. постепенное восстановление ритма привычной мирной жизни (чему способствовали отмена карточек, ценовые снижения, повышение доходов) отодвинуло на задний план пережитые военные реалии с трудностями и лишениями. Расширение возможности покупать, приобретать, пользоваться вещами, круг которых не ограничивается предметами первой необходимости, привело к закономерному росту потребительских запросов горожан, в том числе к повышению требований к качеству товаров.

Начиная с 1950-х гг. в отечественных экономических изданиях появляются работы, посвященные проблематике качества

товаров. Авторы обращают внимание на наличие определенного объема бракованных товаров широкого потребления, качество которых «неудовлетворительно» и не соответствует потребительским запросам. Хотелось бы подчеркнуть, что в публикациях 1950-х – первой половины 1960-х гг. проблематика неудовлетворительного качества товаров звучит *исключительно* как проблема промышленного брака, подразумевая наличие в общей массе добротных и качественных товаров советского ширпотреба, представленных в торговой сети, *отдельных* образцов изделий, испорченных или не соответствующих по своим качествам установленным требованиям.

Впоследствии проблема промышленного брака регулярно обсуждалась в отечественной экономической литературе на протяжении всего исследуемого периода. Но тональность ее обсуждения, а также отношение авторов к данному вопросу не были статичными, а претерпевали изменения от десятилетия к десятилетию. В изданных в первой половине 1950-х гг. статьях А. Давыдова, П. Киреева, М. Макарова¹ в наличии брака обвинялись торговые работники, а чаще всего – продавцы, так как именно они должны были «изыскивать способы борьбы за ассортимент и качество товаров»². Поэтому, по мнению авторов, наиболее действенной мерой ликвидации брака является усиление идеологической работы и контроля за работниками торговли, «потворствующими бракоделам», которых необходимо не только наказывать рублем, но и привлекать к уголовной ответственности (для примера приводились списки уже наказанных «по всей строгости закона»)³. Такой настрой на борьбу и жесткий контроль, по всей видимости, отражает политико-идеологическую ситуацию в стране в начале 1950-х гг., связанную со сталинской моделью управления. Произшедшее в последующие годы смягчение идеологического давления, направленного на поиск внутренних и внешних врагов, находит отражение и в тональности публикаций, посвященных проблемам промышлен-

¹ Давыдов А. Влияние торговых организаций на ассортимент и качество товаров // Советская торговля. 1952. № 5; Кистанов Я. А. Указ. соч.

² Передовая // Советская торговля. 1952. № 1. С. 2.

³ Давыдов А. Указ. соч.

ного брака. Уже в конце 1953 г. Г. Прейсман и А. Сбродов, рассуждая о причинах наличия брака, объясняют его существование отсутствием хороших образцов, «с чем связаны сложности отделения бракованных изделий от небракованных»¹. В качестве решения проблемы промышленного брака авторы призывают к необходимости пересмотра эталонов и ГОСТов². К угрозам наказания и лишения свободы «бракоделов» авторы не прибегают.

В 1960–1980-х гг. проблема неудовлетворительного качества бракованных изделий отечественного ширпотреба получает рассмотрение в работах Н. С. Клебановой, В. И. Олигина-Нестерова, Я. Л. Орлова, С. В. Смирнова, В. А. Штонды³. В этих статьях, в отличие от публикаций 1950-х гг., предпринимаются некоторые попытки рассмотрения проблемы в масштабах отрасли с привлечением значительно большего количества статистических данных. Меняются и приводимые авторами причины брака. Всё чаще в качестве таковых исследователи называют «нежелание» или «незаинтересованность» промышленных предприятий улучшать контроль за выпуском продукции⁴.

Рассмотрение проблем неудовлетворительного качества советских товаров не ограничивается анализом вопросов промышленного брака. В публикациях второй половины 1960-х гг. впервые начинает обсуждаться проблема объективно низкого качества и неудовлетворительных потребительских характеристик выпускаемых в стране товаров широкого потребления. Данный аспект проблемы рассмотрен в работах Я. Л. Орлова⁵, а также в его монографии в соавторстве с Е. М. Каневским «Карандаш – оружие экономиста» (М., 1965). Рассуждая об объективно низких потребительских свойствах советских товаров, авторы в качестве

¹ Прейсман Г. Об ассортименте и качестве галантерейных товаров // Советская торговля. 1953. № 11.

² Сбродов А. За высокое качество продовольственных товаров // Советская торговля. 1953. № 10.

³ Клебанова Н. С. О заказах торговых организаций на швейные изделия // Вопр. экономики и организации торговли. Киев, 1965 ; Орлов Я. Л. Товары для народа... С. 16–30 ; Смирнов С. В., Олигин-Нестеров В. И. Роль снижения издержек потребления в повышении эффективности бытового обслуживания населения // Пути повышения эффективности бытового обслуживания населения. Свердловск, 1971 ; Штонда В. А. Совершенствование ассортимента и качества обуви // Вопр. повышения эффективности торговли. Свердловск, 1984.

⁴ Смирнов С. В., Олигин-Нестеров В. И. Указ. соч. С. 57.

⁵ Орлов Я. Л. Товары для народа... С. 29.

аргумента приводят ежегодные затраты на их ремонт. Так, по расчетам, на ремонт холодильников государство ежегодно тратит 100 тыс. р., на устранение дефектов в радиоприемниках – более 37 тыс. р.¹ По мнению авторов, расширение ассортимента производимых товаров не решает, а наоборот, усугубляет эту проблему. В частности, «безбрежное разнообразие» электротоваров (утюгов, телевизоров, стиральных машин и т. д.), производимых разными заводами, влечет за собой острую проблему запчастей, а также приводит к скорейшему моральному устареванию выпущенных изделий. В этой связи «врагами» потребителя, по мнению Е. М. Каневского и Я. Л. Орлова, являются: во-первых, количество продукции, на которое ориентирован план, так как выпуск вещей, и в частности одежды, большими партиями не удовлетворяет потребительский спрос, ведь «мало приятно ходить в одинаковой одежде»²; во-вторых, косвенной причиной, ведущей к снижению потребительских характеристик изделий, является экстенсивно расширенный ассортиментный ряд производимых в СССР товаров. В результате складывается ситуация, когда при наличии в производстве и продаже около 200 фасонов одежды покупаются не более десяти, а при «безбрежном разнообразии» электротоваров у выпускаемых в стране телевизоров только два размера экрана, вследствие чего большая часть выпускаемой продукции залеживается на складе и быстро устаревает³.

Рассуждая о проблеме качества товаров, А. И. Струев приходит к выводу, что одной из причин недовольства населения качеством выпускаемых изделий является не объективное ухудшение их качества, а произошедшее в 1960–1970-е гг. возрастание эстетических потребностей горожан, в результате которого «спрос стал более предметным и динамичным, а население предъявляет спрос преимущественно на высококачественные, красивые, модные, новые товары»⁴. К изделиям, не пользующимся спросом и не соответствующим быстро меняющимся требованиям (в первую очередь, к одежде), применим термин

¹ Каневский Е. М., Орлов Я. Л. Карандаш – оружие экономиста. М., 1965. С. 23.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20–25.

⁴ Струев А. И. Товаров больше – торговать лучше. М., 1971. С. 18 ; Он же. Торговля и спрос. М., 1965. С. 6.

«моральный износ». Наличие проблемы морального устаревания промышленных товаров в отечественной торговой сети отмечают также В. Алешин, Г. Д. Байков, А. П. Ильин, В. И. Кузнецов, Ф. М. Метельский, В. И. Олигин-Нестеров, Я. Л. Орлов, Т. Н. Саблина, В. М. Синютин, С. В. Смирнов¹. Авторы подчеркивают, что товары с низкими потребительскими характеристиками, оседа в торговой сети, формируют так называемые сверхнормативные товарные запасы, последующая уценка которых влечет за собой огромные экономические потери государства. Однако некоторые исследователи иначе расставляют акценты. А. М. Кузько отмечает, что уценка товаров, хотя и ведет к потерям, «обеспечивает определенный экономический выигрыш менее оплачиваемым слоям населения»², а экономисты Н. И. Бузляков и В. Ф. Майер утверждают, что беспокоиться не о чем, так как проблема накопления даже теоретически не угрожает советской экономике, потому что «социалистическому хозяйству не присуще наличие чрезмерных товарных запасов, образующихся в больших размерах при капитализме в силу таких органически свойственных ему пороков, как анархичность производства и затруднения в реализации товаров»³. В целом исследователи, даже отмечая прогрессирующую динамику роста товарных запасов, сходятся во мнении, что показатели уценки год от года будут сокращаться в связи с улучшением исследований в области спроса.

Актуализация в отечественных публикациях второй половины 1960–1970-х гг. проблематики низкого качества советских товаров ширпотреба не случайна. Отчасти популярность дан-

¹ Алешин В. Больше товаров культурно-бытового назначения // Сов. торговля. 1959. № 2 ; Байков Г. Д. О совершенствовании связей торговли с промышленностью // Вопр. экономики и организации торговли. Киев, 1965 ; Ильин А. П., Кузнецов В. И. Экономика общественного питания. М., 1969 ; Метельский Ф. М. Влияние качества товаров на экономичность потребления // Экономика и организация торговли. М., 1968 ; Саблина Т. Н. Определение норм обеспеченности населения товарами длительного пользования // Экономика и организация торговли. М., 1968 ; Синютин В. М. На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. М., 1964 ; Смирнов С. В., Олигин-Нестеров В. И. Роль снижения издержек потребления... Свердловск, 1971.

² Кузько А. М. Цена и состояние товарных запасов // Вопр. экономики и организации торговли. Киев, 1965. С. 190.

³ Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Повышение уровня жизни советского народа. М., 1965. С. 63–64.

ной темы обусловлена ростом и развитием потребностей городского населения¹, желающего получать товары разнообразного ассортимента и высокого качества. В то же время нельзя забывать, что тематика и векторность исследований советского периода определялись партийными директивами и отражали перспективную стратегию планирования. В этой связи обращение исследователей к проблемам качества советской сферы услуг было продиктовано сменой доктрины развития советского общества и заменой концепции «развернутого строительства коммунизма» на концепцию «развитого социализма», которая подразумевала переход экономики на «преимущественно интенсивный путь развития». Это определило большее внимание исследователей к качественным аспектам сферы услуг (проблемам брака, неудовлетворенного спроса), а также некоторый отход от разработки теоретических аспектов количественного потребления (рациональное нормирование продовольственных и промышленных товаров и услуг).

В отечественной «перестроечной» историографии размышления по поводу неудовлетворительного качества советских товаров отходят на задний план, уступая место более актуальным в те годы дискуссиям относительно количественного отсутствия товаров, или товарного дефицита.

Одной из немногих работ, авторы которых затрагивают данные проблемы, является коллективная монография «Народное благосостояние. Тенденции и перспективы» (М., 1991), в которой представлен достаточно интересный ракурс рассмотрения темы. В основе исследования – анализ данных социологических опросов населения СССР, проведенных в 1980-е гг., по поводу удовлетворенности граждан качеством советских промышленных товаров. На основании этих данных исследователи приходят к выводам, что степень удовлетворенности покупателей качеством изделий относительна и зависит от дефицитности товара: чем она выше (ткани, чулки, трикотаж, меха), тем больше доволен качеством товара покупатель. Эта взаимосвязь

¹ Применительно к 1960-м гг. можно говорить о формировании в СССР городского общества как в количественном (урбанизация), так и в качественном отношении (массовое производство, изменение жизненных стандартов, специфика воспроизводства).

объясняется, по мнению авторов, не абсолютно идеальным качеством дефицитной продукции, а отсутствием ассортимента, т. е. возможностью сравнить покупаемую вещь с лучшими образцами, поступающими в продажу. И наоборот: чем шире ассортимент, тем больше внимания и претензий к качеству товара; к этой группе авторы относят мебель, кожаную обувь, одежду и т. д.¹ Эти результаты не дают объективной информации о качестве товаров, но отражают отношение населения к качеству продукции в условиях дефицита – более важным для потребителя был факт получения остродефицитного товара, чем выяснение, насколько этот товар качественный.

В современных исследованиях, посвященных советской социальной истории, проблема качества советских продовольственных и промышленных товаров является наименее изученной. Отсутствуют обобщающие работы, анализирующие эволюцию и динамику изменения качества продуктов и товаров ширпотреба в РСФСР и регионах второй половины XX в.; нет и историографических исследований по данной теме. Возможно, объективной причиной сложившейся ситуации является справедливо отмеченная Г. И. Ханиным проблема, заключающаяся в том, что «удовлетворительного обобщающего измерителя динамики качества продукции не придумано до сих пор, да и вряд ли он возможен»².

Большинство авторов, в частности С. Г. Кара-Мурза, Л. Н. Мартюшов, С. Мерль, А. В. Пыжиков, А. В. Шубин и ряд других исследователей, определяют качество советских продовольственных товаров как невысокое. В частности, немецкий историк С. Мерль пишет о том, что «относительно большая часть предлагавшихся товаров была низкого качества или вовсе непригодна к употреблению вследствие брака. Раздражение потребителей вызывали поставка неисправной или поврежденной продукции и большие затраты на ремонт купленных вещей»³. Более детальную и развернутую характеристику проблемы автор не приво-

¹ Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. М., 1991. С. 146.

² Ханин Г. И. Советское экономическое чудо : миф или реальность // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С. 30.

³ Мерль С. Указ. соч. С. 112.

дит, а также не называет источники данных. По мнению А. В. Шубина, о низком качестве продовольственных товаров в СССР свидетельствует, как ни странно, статистика, а точнее – методика исчисления потребляемых населением товаров. При составлении таблиц, характеризующих потребление того или иного продукта, в графу включались и его заменители более низкого качества: в графу «мясо» включался суммарный объем потребленного населением сала, жира, лярда и субпродуктов; рыба учитывалась в живом весе (за рубежом – по рыбному филе) и т. д. Такие статистические хитрости, как считает автор, не только искажают выводы о количестве потребляемых продуктов, но и указывают на их более низкое качество (относительно зарубежных продовольственных товаров). По нашему мнению, приводимые автором доводы являются в известной степени косвенными и не свидетельствуют о низком качестве потребляемых в стране товаров по сравнению с зарубежными аналогами, отражая лишь различия в методике подсчета.

Достаточно распространенным аргументом в пользу тезиса о низком качестве советских продуктов является обращение авторов к статистике брака, допущенного при производстве продовольственных товаров. По данным Н. М. Римашевской и Л. А. Оникова, в конце 1980-х гг. в СССР было забраковано и снижено в сортности от 9 до 12% продовольственных товаров в каждой товарной группе (кондитерские изделия, сыры, колбасы, рыбопродукты, молоко, и т. д.)¹. По мнению Е. Т. Гайдара, низким было качество производимых в СССР продуктов в целом. Кризис в сельском хозяйстве, а также возникшие вслед за ним проблемы с продовольственным снабжением граждан и дефицит товаров «стимулировали попытки компенсировать недостаток предложения продуктов питания за счет ухудшения их качества (например, увеличением доли воды и крахмала в колбасе)»². Именно за счет роста объемов продукции, ухудшенного качества и повышения цен, как считает Е. Т. Гайдар, с середины 1970-х гг. достигалась примерно половина прироста товарооборота стра-

¹ Народное благосостояние. Тенденции и перспективы... С. 14.

² Гайдар Е. Т. Гибель империи... С. 185.

ны. Но каких-либо статистических или иных данных, подтверждающих эту гипотезу, автор не приводит, что делает выводы весьма умозрительными. Естественно, напрашивается сопоставление объемов воды и крахмала в сегодняшней колбасе или том же продукте середины 1990-х с аналогами «брежневского» периода, на основании которого можно было бы сделать более аргументированный вывод о динамике абсолютного и относительного качества продукта. Но, к сожалению, таких данных ни Е. Т. Гайдар, ни другие исследователи не приводят.

Рассуждая о причинах низкого качества советских продовольственных товаров, С. Г. Кара-Мурза называет отставание советской пищевой промышленности от международных стандартов по глубине переработки исходного сырья и качеству консервации. В качестве еще одной причины, влияющей на потребительские характеристики продовольственных товаров, современные исследователи называют отсутствие дорог и плохое хранение продуктов в распределительной сети. По расчетам А. В. Шубина, в середине 1980-х гг. до трети овощей доходило до прилавка уже в виде гнили¹. В. И. Болдин, В. М. Кудров отмечают, что всего сгнивало около трети урожая². Высококачественные же продукты, по мнению авторов, производились только семейными хозяйствами. По расчетам А. В. Летенко, цифры потерь были более масштабными, достигая 60% при транспортировке и хранении всех овощей, ягод и фруктов, что, безусловно, отражалось на качестве продовольственных товаров.

Большинство исследователей, приводя данные об экономических потерях, склонны рассматривать их как свидетельство «затратности» и расточительности плановой экономики, считая, что эти качества присущи только советской экономической модели. Тем не менее А. В. Летенко приводит данные о том, что и сегодня в России сумма потерь мяса в цепочке «производство – забой – фасовка – потребление» (при благоприятных условиях и соблюдении технологии на всех стадиях) составляет не менее 80–85% общего исходного биопотенциала животного. Из

¹ Шубин А. В. От застоя к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001. С. 111.

² Болдин В. И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 30 ; Кудров В. М. Крах советской модели экономики... С. 40.

этого можно сделать вывод, что высокий процент экономических потерь является традиционным для России в мирное время. Это мнение разделяют уральские историки А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов¹.

Проблема качества советских промышленных товаров несколько подробнее освещена в отечественном историческом дискурсе. Основная часть исследователей, как и в случае с продовольственными товарами, считает качество промтоваров в СССР низким. В подавляющем большинстве к таким оценкам склоняются историки и экономисты либерального толка. При этом многие авторы, рассуждая на тему качества советской продукции, зачастую не приводят фактических доводов, подтверждающих их точку зрения, говоря о низком качестве как о само собой разумеющемся и ссылаясь на теоретическую схему Я. Корнаи². (В рамках данной теории венгерский экономист доказал, что плановая негибкая «экономика дефицита», в силу монополизма и отсутствия рыночных механизмов управления, обрекает производителей на неуклонное ухудшение качества промышленных товаров.) Именно на таком – «теоретическом» – уровне рассуждают о низком качестве советских товаров, как следствии «нерыночности» советской экономики в своих работах Ю. А. Беляев, Л. И. Бородкин, М. Джилас, Т. А. Дробышевская, Е. В. Красникова, В. М. Кудров, В. Найшуль, Р. М. Нуреев и ряд других исследователей³. Безусловно, сама теория экономики дефицита имеет свою логику; тем не менее о фактическом низком качестве советских товаров она свидетельствует косвенно.

Более конкретные доводы, свидетельствующие о невысоком качестве советских товаров ширпотреба, выпускаемых во всех районах РСФСР, приводят Н. Г. Гаврилова, Л. С. Лисицына,

¹ Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Экономическая история России : стереотипы восприятия и концепции объяснения // Проблемы экономической истории Урала. Екатеринбург, 2004. С. 3–16.

² Корнаи Я. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту преобразований. М., 1990 ; Он же. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000.

³ Беляев Ю. А. Указ. соч. ; Бородкин Л. И., Дробышевская Т. А. Указ. соч. ; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992 ; Красникова Е. В. Указ. соч. ; Кудров В. М. Крах советской модели экономики...

Г. С. Остапкович и А. В. Шубин¹, ссылаясь на данные о количестве брака в процентном отношении ко всему объему продукции.

В отличие от большинства исследователей положительно отзывается о качестве советских промышленных товаров новосибирский исследователь Г. И. Ханин². Он рассматривает проблему качества товаров в СССР 1950-х гг., опираясь на свидетельства современников-пользователей, и приводит фрагмент из опубликованных воспоминаний академика А. Г. Аганбегяна: «Вспомним хотя бы пятидесятые годы. Да, наши вещи были не такими красивыми и не такими модными, как зарубежные, но зато любая из них была более долговечной. Неказистые отечественные радиоприемники работали десятилетиями. Наша автомашина „Победа“ (сейчас увидишь на улицах – волнуешься) даже для своего времени была не такой уж модной или быстроходной, но отличалась прочностью, надежностью. В середине 50-х гг., сразу после окончания института, я в ГУМе купил маме телевизор. Он проработал лет двадцать – и ничего в нем не ломалось. А наши первые холодильники „Саратов“ и „ЗИЛ“? Ведь раньше мы вообще не знали, что такое мастер по ремонту бытовой техники. Мы их никогда не вызывали, потому что она не ломалась»³. Иных свидетельств или аргументов, отражающих проблему качества советских промышленных товаров, кроме воспоминаний А. Г. Аганбегяна, Г. И. Ханин не приводит. Тем не менее из контекста его статьи следует, что мероприятия правительства, направленные на улучшение качества товаров ширпотреба, дали свои положительные результаты, и именно в этот период (1950-х гг.) качество советских изделий промышленности было на достаточно высоком уровне и не вызывало нареканий.

¹ Гаврилова Н. П. К проблеме повышения качества отечественных товаров легкой промышленности в первой пол. 70-х гг. // Сибирь – фронту : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 2000 ; Лисицына Л. С. Развитие легкой промышленности на юге Дальнего Востока СССР... ; Остапкович Г. С. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80–90-х гг. // Вопр. экономики. 1998. № 7 ; Шубин А. В. Указ. соч.

² Ханин Г. И. Советский экономический рост : анализ западных оценок. Новосибирск, 1993. С. 126.

³ Аганбегян А. Г. В первом эшелоне перестройки. Новосибирск, 1989. С. 22.

Качеству товаров, выпускаемых в 1950-е гг., посвящена статья А. П. Килина «Советское – значит отличное? (СТЗ в 1950-е гг.)», опубликованная в сборнике «Документ, архив, история, современность» (Екатеринбург, 2004). Хотя в фокусе исследования автора – качество товаров, выпускаемых Синарским трубным заводом (соответственно, не имеющих прямого отношения к продукции ширпотреба), тем не менее детальное рассмотрение проблемы производства, а также промышленного брака, заставляет подробнее остановиться на анализе данной статьи. Как и Г. И. Ханин, А. П. Килин в своей работе использует в качестве источника опубликованные воспоминания (в частности, воспоминания инженера Синарского трубного завода В. Б. Славина¹), но выводы автора разительно отличаются от заключений Г. И. Ханина.

По мнению А. П. Килина, качество продукции, выпускаемой в начале 1950-х гг., оставляло желать лучшего, в частности процент брака в некоторые смены достигал 67% или даже 74%². Рассуждая о причинах низкого качества товаров, автор не сводит всё только к «издержкам плановой экономики», называя в качестве причин моральное устаревание оборудования и самой технологии производства, нескоординированность взаимоотношений со смежниками (как с поставщиками сырья, так и с потребителями продукции предприятий), ориентацию производителей на плановые показатели (что увеличивало процент бракованных изделий), а также существование многочисленных градаций в оценке качества товара, при расплывчатом определении понятия «брак» (он мог быть «исправимым» или «окончательным»), что порождало стремление производителя скрыть брак на стадии производства или даже сбыта, стараясь не списывать бракованный товар, который не включался в выполнение плана). Все эти обстоятельства, как считает А. П. Килин, обуславливали низкое качество советской продукции, и данная проблема существовала не только в сфере тяжелой промышленности, но и в других отраслях.

¹ Славин В. Б. Записки заводского инженера. Екатеринбург, 2002.

² Килин А. П. Советское – значит отличное? (СТЗ в 1950-е гг.) // Документ, архив, история, современность. Екатеринбург, 2004. С. 199.

К аналогичным выводам при оценке причин неудовлетворительного качества товаров отечественного ширпотреба приходят Н. П. Гаврилова и Л. С. Лисицына в своих работах, посвященных изучению развития легкой промышленности Сибири и Дальнего Востока в 1940–1970-е гг.¹ Авторы отмечают, что незаинтересованность предприятий в улучшении качества изделий, а также отсутствие четкой координации действий с предприятиями смежных отраслей привели к тому, что качество продукции не было высоким. И хотя во второй половине XX в. происходило расширение системы контроля качества продукции, кардинальных улучшений в сфере качества не произошло.

В целом необходимо отметить, что фактически все исследователи, касающиеся в своих трудах проблемы качества советских продовольственных и промышленных товаров, пытаются определить его не в относительном плане (сравнивая с товарами постсоветского или довоенного периода, либо сопоставляя характеристики идентичных товаров разных стран), а в абсолютном значении – посредством наиболее банальной, но в то же время единственной шкалы качества «плохое (низкое) – хорошее (высокое)», что повышает субъективность оценки. Вероятно, относительная характеристика, основанная на сопоставлении аналогичных образцов товара, изготовленного в разные периоды (оценка технологии, качества и экологичности материалов), даст более объективные данные о качестве советских продовольственных и промышленных товаров, а также позволит сформировать представление о его динамике в РСФСР (СССР) – России.

¹ Гаврилова Н. П. К проблеме повышения качества отечественных товаров... С. 180–183; Лисицына Л. С. Указ. соч.

2.5. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (МАТЕРИАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ, ПОТРЕБЛЕНИЕ)

На протяжении всего периода изучения уровня жизни советского населения проблема международного сопоставления достигнутых в этой сфере результатов не теряла своей актуальности, так как сравнение позволяло подчеркнуть результаты советской социальной политики, выглядевшие более убедительно и объективно на фоне зарубежных достижений. Именно итоги международного сравнения уровня жизни, являясь наиболее востребованными и воспринимаемыми большей частью далекого от науки населения, не в последнюю очередь способствовали формированию общественного мнения о проживаемом времени, эффективности социальной политики и фактическом уровне жизни в стране. Место, занимаемое страной в так называемой международной иерархии благосостояния, более убедительно презентует достижения социальной политики государства, чем пресловутая динамика потребления или доходов населения относительно уровня 1940 или 1913 г., воодушевляя и стимулируя на трудовые подвиги под лозунгом «Догнать и перегнать!».

Разработки, посвященные тематике международного сравнения благосостояния, являясь инструментом корректировки и формирования общественного мнения, на протяжении всего исследуемого периода находились в плоскости идеологических интересов государства, что обусловило, с одной стороны, постоянный исследовательский интерес к проблемам международного сравнения уровня жизни, а с другой – значительно большее влияние политической конъюнктуры, которое проявлялось не только в необходимости соблюдения авторами официального идеологического комильфо, но и в достаточно высокой чувствительности результатов данных исследований к изменениям и импульсам, исходящим из политико-идеологической сферы. Модернизация существовавших идеологических конструкций неукоснительно и молниеносно отражалась на трансформации

исследовательских интерпретационных схем и подходов. Именно вследствие тесной взаимосвязи и обусловленности результатов изысканий по международной тематике официальным идеологическим дискурсом данные публикации могут служить источником, позволяющим проследить динамику изменений идеологии страны, определяющих относительно таких категорий, как «перспективные цели», «самооценка прошлых достижений», «внешнеполитическая презентация государства».

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению проблематики международного сравнения уровня жизни населения 1946–1991 гг., необходимо провести корректировку территориальных рамок и объекта исследования, связанную со спецификой разработок в обозначенной области. Хотя в фокусе данной работы – отражение в отечественном гуманитарном дискурсе проблематики уровня жизни *городского* населения, применительно к тематике международного сопоставления благосостояния объект будет расширен – до *всего населения*. Причина в том, что в работах зачастую проводилось сравнение усредненных показателей уровня жизни всего населения независимо от территории проживания. Коррективы коснутся и территориальных рамок, которые, не ограничиваясь *РСФСР*, будут увеличены до пределов *СССР*. В большинстве публикаций, посвященных международному сравнению уровня жизни, фигурируют показатели по странам *в целом*, и поэтому выделить только *РСФСР* не представляется возможным. Поэтому употребление термина «*советское население*» применительно к данной части работы не является ошибкой и небрежностью.

Переходя к рассмотрению в отечественной историографии проблематики международного сравнения уровня жизни населения, нужно отметить, что основным лейтмотивом в советской научной литературе 1950-х – первой половины 1980-х гг. становится тезис о преимуществах социализма над капитализмом. В качестве его аргументации авторы прибегают как к теоретическим рассуждениям, так и к сравнению фактических достижений по повышению уровня жизни и благосостояния населения.

Одним из направлений критики капиталистической системы являлась демонстрация социального расслоения в зарубеж-

ных странах. Можно отметить работы Г. Басовской, Б. И. Гоголя, В. Г. Сеницына, М. Торез, С. П. Фигурнова, П. С. Флоренса¹, опубликованные в период 1950-х – первой половины 1980-х гг. Особенностью таких публикаций (преследующих, не в последнюю очередь, пропагандистские цели) являлась экспрессивная стилистика изложения, избыточная эпитетами и нелюбимыми сравнениями, которая должна максимально способствовать воссозданию негативной картины капиталистического бытия, при минимальном использовании фактической базы. Так, рассуждая о проблеме дифференциации доходов в капиталистических странах, авторы не приводят конкретных цифр, сводя всё к описанию «морального разложения буржуазии», безрасчётно тратящей деньги на удовольствия, в то время как «большая часть честных тружеников голодает». Советскими авторами изобличались и осмеивались черты «американского образа жизни» как воплощения «философии скупости», «культы наживы и потребительства», «корысти и стяжательства». Эти и подобные эпитеты, по мысли авторов, выявляли истинную тлетворность капиталистического духа, низводившего человека до простого средства добывания денег, существующего в соответствии с ужасающей своей античеловечностью формулой: «Из скота добывают сало, из людей – деньги»².

Описывая фактическое материальное неравенство населения капиталистических стран, С. П. Фигурнов сравнивает СССР и США по степени фактической дифференциации заработной платы. Автор приходит к выводу, что «в СССР разница в среднем уровне личных доходов высших и низших по степени материального обеспечения групп составляет 6:1, в то время как соот-

¹ *Басовская Г.* Расточительство капиталистической торговли и попытки его оправдания буржуазными экономистами // Сов. торговля. 1954. № 3 ; *Гоголь Б. И.* О соотношении между спросом и предложением в социалистическом обществе // Там же. 1954. № 3 ; *Сеницын В. Г.* Быт эпохи строительства коммунизма. Челябинск, 1963 ; *Он же.* Рождение коммунистического быта. М., 1960 ; *Он же.* Советский образ жизни. М., 1959 ; *Тодоров А. С.* Качество жизни. Критический анализ буржуазных концепций. М., 1980 ; *Торез М.* О молодом поколении // Коммунист. 1958. № 10 ; *Флоренс П. С.* Структура промышленности и управление предприятиями Британии и США. М., 1958 ; *Экономические соревнования между СССР и США.* Критика взглядов американских буржуазных экономистов. М., 1959.

² *Шаповалов В. Ф.* Откуда придет «дух капитализма»? (О духовно-культурных предпосылках рациональных рыночных отношений) // Социс. 1994. № 6. С. 28.

ветствующий показатель в США в 4–5 раз больше, даже без учета накопленных капиталистами США огромных богатств, вместе с которыми разрывы в степени обеспеченности богатых и бедных достигают астрономической величины»¹. Таким образом, по мнению С. П. Фигурнова, доходами, близкими к средним, в СССР располагают до половины всех жителей, а в США – менее одной трети, что свидетельствует о преимуществах социализма.

В ряде отечественных публикаций 1950–1980-х гг. в качестве критерия сравнения доходов выступает фактическое сравнение объемов заработной платы населения капиталистических и социалистических стран. Отметим, что уровень аргументации в работах по данной проблематике также неодинаков. Ю. Кучинский, А. Мод, А. С. Тодоров и Г. С. Саркисян² ограничиваются констатацией перманентного снижения доходов жителей капиталистических стран как относительно СССР, так и в абсолютном значении. При этом фактических аргументов в пользу данного тезиса авторы не приводят.

Более развернутое сравнение уровня доходов американских и советских семей дано в работе И. Я. Матюхи³.

Автор приводит таблицу «Распределение личных доходов между группами семей в США в 1950–1970 гг.», составленную на базе сборника «Statistical Abstract of United States» за 1972 г. Семьи по доходам разделены на «низшую», «вторую», «третью» и т. д. группы без обозначения критерия деления, а также профессионально квалификационного состава групп. В этой же работе, через несколько страниц, автор приводит таблицу, отражающую динамику доходов советских рабочих, где размеры заработной платы приведены в рублевом эквиваленте, а критерием группового разделения является занятость рабочих и слу-

¹ Фигурнов С. П. Строительство коммунизма... С. 158–159.

² Кучинский Ю. Положение рабочего класса в Англии (1832–1856). М., 1958 ; Он же. Положение рабочего класса в Западной Германии (1945–1956). М., 1957 ; Мод А. Международное сравнение жизненного уровня // Жизненный уровень : сб. стат. материалов / [пер. с венг. под ред. Я. Н. Ханелиса]. М., 1966 ; Послевоенная экономика США. М., 1969 ; Саркисян Г. С. Рост благосостояния советского народа... ; Современный капитализм и буржуазная политическая экономия // Тр. Всесоюз. конф. по критике буржуазных экон. теорий. М., 1967 ; США : от «великого» к больному... М., 1969 ; Тодоров А. С. Качество жизни. Критический анализ буржуазных концепций. М., 1980.

³ Матюха И. Я. Статистика жизненного уровня населения...

жащих в той или иной отрасли народного хозяйства. И. Я. Матюха, проанализировав приведенные данные, приходит к выводу о более быстром количественном и качественном росте доходов в СССР по сравнению с США. Однако, на наш взгляд, эти выводы не вполне подтверждаются приведенными цифрами, так как при сопоставлении разноплановых величин непонятным остается фактическое соотношение доходов рабочих и служащих разных стран.

Отечественные исследователи обращались и к сравнению фактических достижений в области обеспечения населения СССР и капиталистических стран продовольствием. Основными источниками информации о питании населения являлись национальные статистические ежегодники зарубежных стран и ежегодные обзоры «Положение с продовольствием и сельским хозяйством» (The State of Food and Agriculture), «Статистический ежегодник по продовольствию и сельскому хозяйству» (Yearbook of Food and Agriculture Statistics) и другие официальные издания Продовольственной и сельскохозяйственной организации в рамках ООН.

Обращение именно к этим источникам не случайно. Начиная с 1961 г. все данные советской статистики по аграрно-промышленному комплексу (АПК) и о потреблении передавались в Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО), которая стандартизировала статистику всех стран-участниц и на ее основе публиковала сводные данные о производстве и потреблении различных продуктов питания, а также о средней калорийности рациона жителей той или иной страны.

Как справедливо замечает Н. А. Мендкович, наличие этих данных не только облегчало формирование статистических рядов, но и упрощало проведение международных сопоставлений с широким кругом иностранных государств.

Однако, работая с этими источниками, нужно иметь в виду, что в них не учитывалось создание населением и социальными институтами долгосрочных запасов продуктов и потери их из-за порчи, что может приводить к некоторому искажению и завы-

шению калорийности рациона во всех рассматриваемых государствах¹.

Отечественные авторы не ставили под сомнение подлинность зарубежной статистики, данные которой свидетельствовали, что среднедушевое потребление «высококачественных видов продовольствия» (мяса, молока) в развитых капиталистических странах, таких как США, Франция, Германия, превышало аналогичные показатели по СССР во второй половине XX в. Этот факт, признаваемый советскими исследователями, вместе с тем своеобразно интерпретировался ими. Так, по мнению П. С. Мстиславского, «среднедушевые показатели по капиталистическим странам нельзя относить к рабочим, трудящимся фермерам и мелким служащим, ибо их потребление существенно ниже среднедушевого»². Помимо этого, об очевидности неоспоримых преимуществ советской системы продовольственного обеспечения свидетельствовали факты практически перманентного голода значительной части населения капиталистических стран, широко цитируемые в подавляющем большинстве отечественных публикаций³. В целом тональность и стилистика изложения, а также приводимая авторами аргументация должны были убедительно свидетельствовать, что отставание СССР по показателям обеспечения населения продовольствием является временным, а поставленная советским правительством задача «Догнать и перегнать!» не должна оставлять сомнений в итогах этого международного соревнования.

В публикациях второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. проблема международного сопоставления уровня благосостояния не теряет своей «идеологической важности». Наоборот, усиливается интерес исследователей к данной тематике (как и к Западу в целом). Но произошедшие в стране изменения политиче-

¹ Мендкович Н. А. Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

² Мстиславский П. С. К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека... С. 143.

³ Басовская Г. Указ. соч. ; Гоголь Б. И. О соотношении между спросом и предложением в социалистическом обществе... С. 16–19 ; Кузьмин В. Рост цен и падение внутренней торговли в капиталистических странах // Сов. торговля. 1953. № 4.

ской конъюнктуры и рост антисоветской критики накладывают свой отпечаток на авторские оценки и трактовки вопроса.

Трансформации в советской идеологической сфере в период «перестройки» А. А. Зиновьев описывает следующим образом: «С началом кризиса (т. е. „перестройки“) произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее примеру и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации, советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но стали всячески помогать.

Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их стали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним стали обращаться за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу. Советская официальная идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массовой идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника»¹.

¹ Зиновьев А. А. Гибель «империи зла» (очерк российской трагедии) // Социс. 1995. № 1. С. 93.

Приведение столь объемной цитаты видится оправданным, так как А. А. Зиновьев достаточно (порой, даже излишне) красноречиво описывает ситуацию, сложившуюся в идеологической сфере СССР периода «перестройки». Справедливость обозначенной автором тенденции ускоренной идеологической вестернизации подкрепляется многочисленными примерами из «перестроечных» публикаций. Например, неоднократно заклеянный советской пропагандой аморальный «американский образ жизни», ориентированный на безграничное потребление и разложение личности, в работах рубежа 1980–1990-х гг. оценивается иначе. В частности, В. Ф. Шаповалов, ссылаясь на М. Вебера, пишет следующее: «Рациональному капиталистическому предпринимателю чужды показная роскошь и расточительство, упоение властью, нарочитая демонстрация того уважения, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна определенная аскетическая направленность, а в характере преобладают сдержанность и скромность»¹.

Произошедшие в идеологической сфере изменения не столько скорректировали реализуемые в отечественной литературе подходы к изучению проблематики международного сравнения показателей уровня жизни населения, сколько трансформировали (а точнее, перевернули с точностью до наоборот) существовавшие интерпретационные клише. Естественное следствие данной трансформации и примета «перестроечных» публикаций – исчезновение теоретических рассуждений о безусловных преимуществах плановой экономики в вопросе обеспечения народного потребления и замена их славословием капитализму и рынку.

Усиление критицизма в период «перестройки» повлекло за собой переосмысление опыта исследований 1950-х – первой половины 1980-х гг., вследствие чего были поставлены под сомнение результаты отечественных «доперестроечных» разработок в области международного сравнения уровня жизни. По этому поводу Ф. М. Бурлацкий в 1990 г. замечает, что «в предыдущие

¹ Шаповалов В. Ф. Откуда придет «дух капитализма»? (О духовно-культурных предпосылках рациональных рыночных отношений) // Социс. 1994. № 6. С. 28.

годы выкладки о темпах развития нашей экономики и экономики США фактически были взяты с потолка. Они выражали желаемое, а не действительное»¹.

Авторская «активность» реализовывалась не только в критике социализма и советского научного наследия, но и воплощалась в конкретных исследованиях, посвященных проблемам сравнения отечественного уровня жизни с зарубежным. К таким работам относится статья В. Куварина «Доля цены в зарплате» (1989 г.), в которой автор сопоставляет средний годовой уровень заработной платы промышленных рабочих в ряде городов мира за период 1982–1983 гг. в соответствующих ценах. Сравнивая объемы доходов, В. Куварин приходит к выводу, что годовые доходы московских рабочих, составляющие 2,5–2,7 тыс. р., значительно ниже годовых доходов их коллег из Нью-Йорка (15,1 тыс. дол.), Лондона (12,9 тыс. дол.), Токио (17,1 тыс. дол.) и Монреаля (14,5 тыс. дол.) и превышают лишь доходы строительных рабочих Стамбула, составляющие 2,1 тыс. дол.² При этом В. Куварин не считает нужным приводить показатели доходов к общему денежному эквиваленту, а также не сопоставляет затратную часть бюджета рабочих разных стран, из чего можно заключить, что данное сопоставление преследовало скорее популистские, нежели научные, цели. Задачей автора являлась демонстрация недостатков социалистической экономической системы, а не корректное международное сопоставление доходов как метод достижения данной цели.

Еще одна публикация периода «перестройки», автор которой сравнивает уровень благосостояния населения СССР и зарубежных капиталистических стран, – статья с красноречивым названием «США – СССР: личное потребление (некоторые сопоставления)» (1988 г.), написанная экономистом и политологом А. С. Зайченко. Сопоставления А. С. Зайченко охватывают значительный период – с 1913 по 1980-е гг. В качестве основного источника автором использованы результаты проводимых в США

¹ Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990.

² Куварин В. Доля цены в зарплате // Гласность. Насущные вопросы и необходимые ответы. М., 1989. С. 104.

экономических исследований, в частности работы Г. Шредера и И. Эдвардса. Критерием для международного сравнения доходов в работе является достаточно объемный показатель – доля общего фонда заработной платы в национальном доходе. Сравнение данных экономических величин СССР и США выявило существенное расхождение: в США этот показатель колебался от 60 до 80%, а в СССР был менее 50, т. е. по утверждению А. С. Зайченко, одним из самых низких в мире, свидетельствуя о катастрофически низком уровне жизни населения¹. Сопоставление по ряду других показателей (обеспеченность услугами, непродовольственными товарами, транспортом, качество здравоохранения, питания и т. п.) также не дает повода для гордости за СССР. В целом проведенное А. С. Зайченко исследование достаточно альтернативно для своего времени – довольно широкие хронологические рамки работы, использование результатов разработок советологов. Но в то же время эта статья по стилистике, интерпретационному ракурсу и общим интонациям является наиболее типичной публикацией периода «перестройки», с типичными для данного времени антисоветскими мифологемами и идеализацией капиталистического мира «справедливости и изобилия», а также попытками объяснить иную, чем в СССР, реальность в риторике и терминологии советского гуманитарного дискурса. В частности, А. С. Зайченко, описывая капиталистическую действительность, пишет следующее: «Ни одна из сторон не вправе выйти за рамки рыночного механизма спроса и предложения... любые попытки прибегнуть к использованию внеэкономических способов давления на партнера практически исключены. В этом смысле политическая инфраструктура американского общества не дает возможности буржуазии присваивать большую, чем это принято по историческим и социальным нормам, часть вновь созданного продукта»².

Подводя итоги анализа исследований советского историографического этапа, посвященных проблематике международного сравнения доходов и благосостояния населения, можно

¹ Зайченко А. С. США – СССР: личное потребление (некоторые сопоставления) // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12. С. 11.

² Там же. С. 12.

отметить, что в этот период были достигнуты определенные результаты, наиболее весомые в области сопоставления статистических данных. В то же время рассмотрение вопросов, касающихся благосостояния стран, через призму соревнования, а также через пропагандируемое положение о советском строе как «высшем достижении мировой цивилизации», сужало возможности объективного сравнения, в результате чего выводы, содержащиеся в публикациях 1950-х – первой половины 1980-х гг., имеют значительно большее отношение к политике и идеологии, чем к экономике и истории. В свою очередь, развернувшаяся в публикациях второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. прозападная кампания с присущей ей критицизмом и скепсисом по отношению к советским социально-экономическим реалиям также не позволила авторам избавиться от идеологической зашоренности и подойти беспристрастно к изучению проблемы международного сравнения уровня жизни населения. В результате существовавшей на протяжении всего советского периода идеологизации проблематики международного сравнения уровня благосостояния населения, ведущейся сначала в рамках концепций «развернутого строительства коммунизма», «развитого социализма», а затем – в рамках объяснительной схемы «тотального дефицита», данная проблема в конкретно-историческом плане предстает как наименее изученная.

В настоящее время и XX век, и СССР окончательно стали историей, но исследовательский интерес к изучению проблематики международного сравнения уровня жизни населения (1946–1991 гг.) не угасает. Подходы же к изучению данной темы претерпели определенные коррективы.

В первую очередь заметно изменились внешне- и внутрисоциальная ситуация, а также идеологическая система координат. Соревнование социализма с капитализмом уже не является животрепещущей темой, а понятия «рыночная экономика» и «общество потребления» не вызывают коннотаций ни враждебного мира, ни райских кущ изобилия. Вместе с тем существующий на современном историографическом этапе идейный и идеологический плюрализм оставляет свободу выбора авторской позиции.

Изменения коснулись и источниковой базы изысканий, расширив исследовательские возможности за счет относительной доступности зарубежных статистических выкладок, а также ранее не опубликованных архивных документов, что позволяет более объективно подходить к рассмотрению проблемы международного сравнения благосостояния населения периода 1946–1991 гг.

Применительно к обозначенному хронологическому отрезку можно говорить о неравномерности распределения исследовательского интереса – внимание авторов сфокусировано на анализе периода «перестройки» и сравнении результатов, достигнутых СССР в социальной сфере во второй половине 1980-х годов, с достижениями зарубежных стран в данной области.

Вероятно, актуальность «перестроечной» тематики не в последнюю очередь обусловлена тем, что именно этот период, по мнению большинства исследователей, отмечен «высшим уровнем благосостояния, достигнутым за всю историю советской власти»¹. Вследствие этого именно «перестроечные» показатели, отражающие результаты реализации советской социальной политики, фигурируют в международных сравнениях. Также обращение к реалиям второй половины 1980-х гг., по-видимому, объясняется тем, что именно этот финишный этап развития СССР притягивает к себе исследователей, стремящихся диагностировать причины кризиса советской системы и пытающихся выявить объективную весомость достижений советского прошлого, которая определяется, в числе прочего, путем сравнения советского уровня жизни с зарубежным.

Одной из таких работ, в которой рассмотрена социальная история периода «перестройки», является монография Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства» (М., 2000). Сравнивая доходы населения разных стран, авторы приходят к выводу, что «в середине 1980-х гг. заработная плата подавляющего большинства

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М., 2000. С 125.

рядовых работников уступала заработкам в наиболее развитых западных странах на порядок, в менее развитых странах – в несколько раз»¹. В качестве аргумента в пользу данного утверждения авторы сопоставляют заработную плату граждан разных стран в долларовом эквиваленте. Заработная плата советских рабочих и служащих (составлявшая чуть более 200 р. в месяц) при пересчете на доллары по курсу 1985 г. становится эквивалентной 240 дол. и 150 дол. исходя из паритета покупательной способности валют. Для сравнения Л. А. Гордон и Э. В. Клопов приводят данные о доходах рабочих других стран. Так, во второй половине 1980-х гг. в промышленности США, ФРГ, Великобритании, Франции, Италии средняя заработная плата колебалась в пределах 1 000–2 000 дол., а в таких странах, как Греция или Португалия, – в пределах 500–1 000 дол. Опираясь на данные показатели (рассчитанные на основе материалов зарубежной статистики), авторы заключают, что доходы населения нашей страны были значительно ниже, чем в западных странах. И даже ОФП было недостаточно, чтобы восполнить существующий колоссальный разрыв в показателях благосостояния.

К несколько иным результатам международного сравнения доходов населения разных стран в 1980-е гг. приходят В. А. Мельянцева и А. С. Селищев². По их расчетам, среднемесячная заработная плата в РСФСР была 541,6–583,3 дол., в то время как в Италии она равнялась 695,8–712,5 дол., что, безусловно, превышало заработка жителей РСФСР, но не на порядок, как пишут Л. А. Гордон и Э. В. Клопов.

Кардинально противоположного мнения относительно международного соотношения объемов доходов придерживается А. П. Паршев, отмечая, что «зарплата у нас (в СССР. – М. К.) была не ниже, а выше среднемировой»³. К такому выводу он приходит, отталкиваясь от гипотезы экономиста В. Клименко, предположившего, что объемы доходов населения, необходимые для

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства.

² Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии : уровни, темпы и факторы экономического развития // Восток. 1991. № 6. С. 68 ; Селищев А. С. Макроэкономика : учебник. М., 1994. С. 423.

³ Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М., 1999.

обеспечения приемлемых условий существования, зависят от климата и территории страны. Соответственно, чем холоднее климат и больше территория страны, тем должен быть выше необходимый объем доходов¹. Поэтому, как считает А. П. Паршев, учитывая суровые природно-климатические условия на значительной части СССР и большую территорию нашей страны, некорректно говорить о том, что зарплата в СССР ниже «среднемировой», «так как она не обеспечит в наших условиях физического выживания, просто не хватит средств на отопление, теплую одежду и питание»².

Доводы А. П. Паршева видятся не вполне убедительными. Во-первых, не внушает доверия само вводимое автором понятие «среднемировой зарплаты», непонятно каким образом исчисленное и чему эквивалентное. Во-вторых, данная гипотеза не подкреплена фактическими расчетами. Для аргументации тезиса о зависимости доходов от климатических особенностей территории необходимы серьезные экономические исчисления, а голословных выводов А. П. Паршева о том, что «ниже среднемировой наша зарплата просто не может быть»³ в этом случае явно недостаточно, хотя, нужно отметить, что предлагаемый А. П. Паршевым ракурс рассмотрения проблематики международного сравнения доходов достаточно альтернативен.

С целью международного сопоставления объемов доходов населения многие авторы сегодня сравнивают покупательную способность денежных единиц – рубля и доллара. В конце 1980-х гг. официальный обменный курс в СССР был равен 0,6 р. к одному доллару, но относительно того, насколько официальный обменный курс был приближен к реальному паритету покупательной способности (ППС) валют, авторы спорят.

Л. А. Гордон и Э. В. Клопов настаивают на существенном завышении официального советского обменного курса. Исследователи отмечают, что покупательная способность рубля была гораздо ниже. Исходя из ППС валют советские 200 р. конца

¹ Клименко В. Россия : тупик в конце тоннеля? // *Общественные науки*. 1995. № 5. С. 71–80.

² Паршев А. П. Горькая теорема // *Москва*. 2000. № 3. С. 35.

³ Там же. С. 37.

1980-х гг. приравнивались к 150 дол.¹, отсюда реальное соотношение, по мнению авторов, было 1,3 р. к одному доллару, т. е. более чем в 2 раза ниже официального курса.

Однако далеко не все исследователи разделяют данное мнение. Сегодня многие авторы склонны считать, что советский валютный курс не только не был завышен, но существенно занижался. Например, В. А. Невзоров в результате проведения экономического исследования доказывает, что реальный ППС в 1990 г. составлял не 60, а 52 к. за 1 дол., т. е. был выше официально установленного². В свою очередь, экономист Е. В. Гильбо в статье с красноречивым названием « $3\$ = 1$ „деревянный“ рубль» (2005 г.) пишет, что официальный советский курс валют был значительно занижен относительно реального ППС. Автор ссылается на свой опыт работы в Высшем экономическом совете РФ, где ему приходилось заниматься сведением показателей советской и западной экономических систем в целях оценки параметров структурных перестроек, предстоящих российской экономике. В рамках этой работы оценивался и ППС советского рубля к доллару; при этом учитывалось соотношение цен не только на потребительские, но и на товары производственного назначения, услуги и т. д. Как пишет Е. В. Гильбо, с учетом всех нюансов ППС рубля в 1986 г. был равен 36 к. за 1 дол. (по аналогичным оценкам американской рабочей группы, доллар приравнивался к 32 к.). Данное соотношение по покупательной способности валют соответствует 3 дол. = 1 советский рубль (плюс-минус 10%)³. По мнению Е. В. Гильбо, практика как нельзя лучше подтвердила абсолютную справедливость проводимых исследователями расчетов ППС валют. В период рыночной перестройки российской экономики, произошедшей в 1990-е гг., цены выросли в 100 раз, в результате чего установился курс в 30–32 р. за 1 дол.

Свой альтернативный критерий оценки ППС предлагает и С. Г. Кара-Мурза, он пишет: «Реальная ценность рубля на той

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых... С. 125.

² Невзоров В. А. Показатели доходов населения России и США : методы оценок и сопоставления : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. С. 10.

³ Гильбо Е. В. $3\$ = 1$ «деревянный» рубль // Дуэль : [сетевой журнал]. 2005. № 13. URL : www.duel.ru/200513/713_3_1.

территории, где он выполняет функции денег, была известна – 20 поездок на метро (по 5 к. поездка)». Иначе говоря, рубль был эквивалентен количеству стройматериалов, энергии, машин, рабочей силы и других реальных средств, достаточному, чтобы построить и содержать «частицу» московского метро, «производящую» 20 поездок. В Нью-Йорке одна поездка стоила 1,5 дол.; 20 поездок обходились американцу в 30 дол. Соответственно, СССР предлагал ту же (или лучшую) услугу по цене 0,05 дол. (по официальному курсу) против 1,5 дол., а по ценам «черного» валютного курса, якобы реальным, – «в три тысячи раз дешевле»¹. Данный пример, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, является неоспоримым свидетельством более высокой покупательной способности рубля в сравнении с долларом. (Ссылаясь на С. Г. Кара-Мурзу, этот пример также использовали в своих работах М. Кудрявцев, С. Миронин, А. Миров, Р. Скорынин².) В то же время некоторые исследователи, пересчитывая данные С. Г. Кара-Мурзы и учитывая различия в источниках финансирования метрополитена разных стран, обвиняют С. Г. Кара-Мурзу в намеренном искажении и неверной интерпретации фактов³.

С целью международного сравнения доходов и благосостояния населения авторы сегодня обращаются к сопоставлению ценовой доступности товаров для жителей разных стран. Интересна и альтернативна работа А. В. Шубина, в которой предпринята попытка оценить ценовую доступность товаров через трудовой эквивалент – количество рабочего времени, необходимого для того, чтобы заработать на покупку в розничной сети единицы товара. А. В. Шубин (ссылаясь на данные К. Буш) приводит следующее сопоставление по странам: на недельную потребительскую корзину, состоящую из 23 видов продуктов, среднему работающему москвичу в 1982 г. нужно было работать 53,5 ч, Вашингтонцу – 18,6 ч, лондонцу – 25,7 ч. А с учетом коммунальных платежей на месячную корзину им стоило работать 226 ч;

¹ Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М., 2002. С. 103.

² Кудрявцев М., Миров А., Скорынин Р. «Стать Америкой», оставаясь Россией : путь к процветанию : [в 2 т.]. М., 2006 ; Миронин С. Как Хрущев разрушил социализм. URL : www.rus-crisis.ru.

³ Ниткин Д. Советская экономическая система : С. Г. Кара-Мурза теоретизирует. URL : <http://antisqkm.by.ru/econ2.htm>.

125,2 и 130,8 ч соответственно¹. Таким образом, автор приходит к выводу, что экономическая доступность продуктов в СССР в сравнении с другими странами была ниже в 1,5–2 раза.

Оценивая результаты, приведенные А. В. Шубиным, также важно обозначить, что сегодня многие исследователи не склонны идеализировать ценовую доступность товаров и доходы населения в капиталистических странах. Убежденность в том, что «там лучше», популяризировалась в работах начала 1990-х гг. и строилась зачастую не на конкретных фактах и серьезных исследованиях, а на априори негативном отношении к советским экономическим реалиям. В частности, в своих работах В. Л. Иноземцев² убедительно доказывает, что Америка периода 1980-х гг. при снижении доходов и прогрессирующих темпах инфляции не являлась для всех американцев обществом благоденствия. Объективно низкий уровень жизни значительной части населения (около 20%) не позволял данной категории граждан удовлетворять потребности в полном объеме из-за ценовой недоступности большинства товаров. А специфика ценообразования в СССР обеспечивала всем гражданам доступ (в плане приемлемой цены) к необходимым продовольственным товарам.

Н. А. Мендкович в исследовании, посвященном рассмотрению социально-экономических проблем «брежневского» периода, обращается к международному сопоставлению калорийности, объема и качества питания жителей СССР и «иных промышленно развитых стран». В качестве источника он использует данные ООН. Н. А. Мендкович сводит показатели, отражающие уровень потребления населением продуктов, в достаточно информативные таблицы, анализ которых позволяет отследить динамику изменения калорийности и качества питания на протяжении периода 1961–1980 гг. В результате международного сопоставления Н. А. Мендкович приходит к выводу, что в рассматриваемые годы СССР был одним из лидеров по общей калорийности питания и опережал развитые страны Запада, включая США. Однако качество питания несколько уступало мировым

¹ Шубин А. В. Социальная структура СССР в канун перестройки... С. 143.

² Иноземцев В. Л. Указ. соч. С. 121.

стандартам из-за высокой доли растительной пищи в рационе, а также недостаточного потребления мясомолочных продуктов и фруктов. Этот недостаток постепенно исправлялся, но более медленно, чем, например, в социалистической Польше.

К 1980-м гг. по уровню потребления мяса и мясных продуктов СССР опередил Швецию и приблизился к Великобритании, хотя объем потребления молока и молочных продуктов, а также фруктов все еще оставался очень низким¹. Но в целом, по мнению Н. А. Мендковича, структура, калорийность и качество питания в СССР на протяжении 1960–1980-х гг. улучшались и были сопоставимы с аналогичными показателями стран Запада. Это позволяет говорить об эффективности советской социально-экономической политики в годы «застоя», опровергая гипотезу о голоде, свирепствовавшем в советской стране в этот период.

Резюмируя изложенное выше, можно обозначить ряд выводов относительно специфики освещения вопросов международного сравнения благосостояния населения (1946–1991 гг.) в отечественном гуманитарном дискурсе. В первую очередь важно отметить, что обозначенные на сегодняшний день подходы к рассмотрению проблемы небезынтересны и заслуживают внимания. В то же время каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны. Так, международное сравнение благосостояния населения, проведенное на основе сопоставления обобщенных среднестатистических показателей (активно практикуемое как в исследованиях советского историографического этапа, так и в современных разработках), в целом достаточно информативно, но формирует максимально обобщенную картину сравнения, не учитывающую имущественную дифференциацию различных категорий населения, а также распределение доходов в обществе, что может привести к существенному искажению выводов.

Подходы к сравнению уровней благосостояния населения разных стран через ППС денежных единиц, количество затраченного времени на приобретение определенного объема това-

¹ Мендкович Н. А. Питание в СССР в «эпоху застоя» // Актуальная история : [науч.-публицист. журн.]. URL : http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

ров и т. д. альтернативны и позволяют с новых ракурсов оценить проблему международного соотношения благосостояния и доходов населения. В то же время авторы, увлекаясь частными сопоставлениями, упускают из вида существенные отличия сравниваемых систем. В рамках советской системы жизнеобеспечения значительная часть благ распределялась через ОФП и предоставлялась в виде фактически бесплатных услуг (жилье, детские сады, отдых, здравоохранение). Без учета существенной специфики распределения благосостояния в рамках целостной экономической системы любые частные сопоставления ее отдельных элементов могут быть не вполне корректны.

Исходя из сказанного, с целью получения более объективных выводов относительно проблематики международного сравнения благосостояния населения разных стран периода 1946–1991 гг. необходимо провести масштабное комплексное исследование, базирующееся на различных видах источников (документах, статистике, материалах бюджетных обследований, источниках личного происхождения), в ходе которого будет предпринят анализ всех существующих сегодня день подходов к изучению темы. В частности, было бы небезынтересно сопоставить крайние в плане уровня материального обеспечения группы населения разных стран. Данное сопоставление помогло бы выявить, какой категории населения СССР соответствуют доходы беднейших граждан США и насколько расходятся в объемах доходов советская номенклатура и американская элита.

Помимо выводов относительно результатов разработок в данной области и возможных исследовательских перспектив, проведенный историографический анализ позволил сделать некоторые заключения относительно общей специфики публикаций по заявленной тематике. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что работы, в которых затронуты вопросы международного сравнения уровня жизни, отличаются высоким уровнем модальности и политической ангажированности в части суждений-комментариев, объясняющих причины занимаемого СССР места в международной иерархии благосостояния, а точнее — факты международного сравнения зачастую являются сюжетами-аргументами, развернутыми в пользу тех или

иных идейно-политических убеждений автора¹. Выявление этой особенности позволяет предположить, что, данная сфера и сегодня не утратила связи с политической конъюнктурой. Характерное для современного гуманитарного дискурса отсутствие довлеющего идеологического контроля, обозначающего рамки официально одобряемого «коридора» авторских интерпретаций, а также отсутствие столь характерной для периода «перестройки» идеологической революционности, пьянящих научные умы остротой критиканства и нигилизма и стягивающей исследования в конъюнктурное поле – исчезновение всего этого из современного отечественного научного пространства, казалось бы, должно было привести к «очищению» исследований, посвященных социальной истории, от идеологического влияния. Однако проведенный историографический анализ позволяет утверждать обратное.

Исходя из вышесказанного, именно «освобождение» разработок, ведущихся в данном направлении, от авторских политико-идеологических пристрастий является наиболее желательной перспективой дальнейших исследований, возможность воплощения которой видится более реальной по мере ухода в прошлое советской истории, являющейся на сегодняшний день частью биографий большинства отечественных авторов, и отчасти поэтому вызывающей столь эмоционально острые, практически – личностные переживания, препятствующие объективному и непредвзятому рассмотрению проблемы.

¹ Не вдаваясь в детали партийной дифференциации транслируемых авторами идей, условно, в зависимости от предлагаемых интерпретационных схем, можно разделить их на «просоветские», звучащие в тональности: «Ах, какую страну мы потеряли!», «Сегодня мы еще больше отстаем от Запада», либо «антисоветские», где между строк (либо открытым текстом) читаются восклицания о перманентной и беспросветной советской нищете и убогости в сравнении с зарубежным достатком и повсеместным благополучием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый историографический анализ уровня жизни городского населения РСФСР в период 1946–1991 гг. включает в себя рассмотрение общественных условий развития науки, ее институциональных начал, методов, круга и характера источников по интересующей нас проблематике, а также сравнительный анализ литературы, в которой разрабатывались различные проблемы уровня жизни городского населения РСФСР.

Изучение отечественной литературы второй половины XX – начала XXI в., занимающее ведущее место в данной работе, показало, что весь этот период в отечественной гуманитарной науке сохраняется устойчивый исследовательский интерес к проблематике динамики уровня жизни городского населения РСФСР на протяжении 1946–1991 гг.

В рамках исследуемого периода по обозначенной теме было защищено более 100 диссертационных работ; историками, экономистами, социологами и демографами опубликовано более 900 монографий и статей, прямо или косвенно затрагивающих проблематику уровня жизни горожан. На наш взгляд, внимание советских и современных исследователей к данной проблематике не в последнюю очередь обусловлено тем, что анализ векторности и динамики развития уровня жизни позволяет судить о результативности мероприятий советской социально-экономической политики, а также оценивать эффективность экономической модели существовавшей в СССР.

К настоящему моменту учеными проделана большая работа по осмыслению исследуемой проблемы. Изучение уровня жизни городского населения шло в русле процессов, происходивших в государстве. Интенсивность и направленность разработки темы зависели от конкретно-исторических условий, по-

литических и идеологических настроений, господствовавших в нашей стране в различные периоды.

По результатам проведенного историографического исследования выделены (в рамках периода изучения) два этапа, существенно отличающиеся друг от друга: советский, охватывающий большую часть второй половины XX в. до начала 1990-х гг., и современный – начало 1990-х – 2000-е гг.

Характерными чертами большей части советской историографии были строгое следование основополагающему принципу всех советских общественных наук – принципу партийности, а также наличие государственного контроля и планирования деятельности научного сообщества, что ограничивало теоретическую и методологическую базу исследований.

Для советского историографического этапа была характерна централизованная институциональная среда, интегрирующая научное пространство. Созданная к началу 1970-х гг. в СССР стройная система научно-исследовательских учреждений, построенная по отраслевому и проблемному принципу, включала в себя Академию общественных наук, а также ряд ведущих институтов страны: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР, Институт международного рабочего движения АН СССР, Институт экономики АН СССР. Научно-исследовательские институты общественных наук были созданы и в регионах. В стенах данных научных учреждений разрабатывались концепции, а также масштабные комплексные труды по обществоведческой проблематике.

Созданная в СССР форма институциональной организации позволяла вести централизованный контроль за деятельностью научного сообщества и в то же время способствовала комплексному исследованию проблем специалистами по различным областям экономики, истории, внутренней политики.

Методологические предпосылки развития науки в советский период выступали как экзогенный фактор, т. е. задавались «сверху» в виде решений партийных форумов, высказываний партийных руководителей, определяя векторность и содержательную составляющие исследований, посвященных анализу уровня жизни населения. Сформулированное в выступлениях

политических лидеров и закрепленное в партийно-государственных документах положение о строе в СССР как «высшем достижении мировой цивилизации» сужало возможности критики недостатков, анализа противоречий и причин трудностей советской экономической системы в решении проблем уровня жизни, ограничивало научные дискуссии, порождая комментаторство и цитатничество.

В исследуемом периоде советской историографии можно выделить несколько концептуальных моделей. Так, в 1950-е – начале 1960-х гг. оформляется концепция «развернутого строительства коммунизма», в русле которой была обозначена перспектива перехода к продуктообмену и распределению по потребностям при существовании общенародной собственности. Для решения поставленной задачи виделось необходимым создание системы материальных и моральных стимулов к труду на коллективистских началах и адекватной ей системы распределения предметов потребления. Такое видение перспектив дальнейшего развития простимулировало исследовательский интерес к изучению теоретических и фактических аспектов уровня жизни городского населения. В теоретической плоскости в рамках данной концепции начинают формироваться теоретико-методологическая база исследований уровня жизни, система критериев и оценок благосостояния, ведутся разработки проблематики рационального нормирования продовольственных и промышленных товаров и услуг. Исследования фактической проблематики уровня жизни горожан строились вокруг тезиса о непрерывной положительной динамике благосостояния населения в советском обществе, обусловленной объективными достижениями индустриального государства и социальной спецификой советской плановой экономики. В эти годы ученые преимущественно занимаются «количественными» проблемами уровня жизни. Также разрабатывается проблематика доходов, ОФП, динамики товарооборота и развития сети предприятий торговли.

В 1970-е гг., в связи с осознанием невозможности выполнения провозглашенной программы быстрого построения коммунизма, происходит корректировка концепции «развернутого

строительства коммунизма» и замена ее концепцией «развитого социализма». Высшей целью экономической стратегии данного этапа объявлялся неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа на базе роста производительности труда, интенсификации и улучшения качества работы всех звеньев народного хозяйства, а также последовательное развитие «социалистического образа жизни». Это позволило внести некоторые изменения в содержание и векторность исследований уровня жизни. В теоретической плоскости происходит снижение исследовательского интереса к вопросам рационального нормирования товаров и услуг, что связано, на наш взгляд, с отдалением перспективы построения коммунистического будущего при сохранении и расширении исследовательской проблематики в области критериев и составляющих уровня жизни. Усложняется теоретическое понимание материальных доходов в советском обществе, заработная плата начинает рассматриваться не как «материальный стимул», а как сложная категория, зависящая от производительности труда и отражающая комплекс экономических отношений между работником, коллективом, предприятием, обществом. Но такое теоретическое понимание доходов не переносится в практическую плоскость, где фактически на всем протяжении советского периода доминировали тенденции снижения дифференциации оплаты труда.

В отечественной научной литературе на протяжении всего советского историографического этапа велись теоретические дискуссии по проблемам уровня жизни, обсуждались вопросы соотношения спроса и предложения при социализме, рассматривались теоретические основы и области применения рациональных норм потребления. И хотя данные дискуссии не переводились в плоскость практической переоценки перспектив и выявления проблем развития уровня жизни в стране, их наличие, на наш взгляд, свидетельствует о том, что идеологический контроль и узость методологических поисков ограничивали, но не лишали общественные науки самостоятельности и научности.

В изучении фактической проблематики уровня жизни в рамках концепции «развитого социализма» сохраняется тезис о непрерывном росте благосостояния в стране. Число исследо-

ваний, посвященных количественным аспектам уровня жизни, непрерывно увеличивается. За несколько десятилетий работы экономисты, историки и социологи изучили и ввели в научный оборот значительный объем количественных материалов, отражающий социально-экономические процессы, происходившие в СССР (РСФСР) и его регионах. К наиболее детально изученным в рамках советского историографического периода можно отнести такие «количественные» аспекты уровня жизни городского населения, как потребление продовольственных и промышленных товаров, развитие сети предприятий (торговли, сферы услуг), динамика доходов горожан (преимущественно рабочих). В то же время можно отметить и некоторые изменения. В частности, поставленная в рамках концепции «развитого социализма» задача улучшения качества функционирования народного хозяйства обусловила большее внимание исследователей к качественным аспектам уровня жизни – неудовлетворенного спроса, качества товаров и услуг.

Анализ литературы советского периода показал, что несмотря на ограниченность концептуально-методологических поисков, а также учитывая директивность и контроль за деятельностью научного сообщества, исследователи в рамках концепций «развернутого строительства коммунизма» и «развитого социализма» проделали достаточно большую работу по изучению теоретических и фактических проблем уровня жизни городского населения. Безусловно, концептуально-объяснительный потенциал советских теоретических моделей, исходящий из идеи построения социализма–коммунизма, остался в прошлом. Вместе с тем проведенные авторами советского периода исследования, основанные на комплексном критическом анализе источников, а также четкая структуризация материала позволяют обращаться к этим работам и сегодня. Многие выявленные советскими исследователями факты и полученные данные находят подтверждение в публикациях современного историографического этапа.

В период «перестройки» в советской историографии, наряду с сохранением традиционных, происходит оформление новых подходов к рассмотрению исследуемой проблематики. На

волне гласности и плюрализма, в связи с ослаблением государственного контроля за обществоведческими исследованиями, а также усилением влияния на отечественную историографию западных либеральных схем, в отечественной историографии оформляется парадигма «тоталитаризма», а применительно к проблематике уровня жизни в ее русле формируется концепция «дефицита». В рамках данного объяснительного подхода ставилась под сомнение эффективность плановой советской экономики в вопросах достижения высокого или хотя бы достойного уровня жизни вследствие громоздкости и генетической склонности данной конструкции к сбоям в снабжении и дефициту. Критике подверглись советская система оплаты труда, а также все отрасли социальной сферы. Наметился отход от преимущественного освещения количественных характеристик проблемы, усилилось внимание к ее качественным аспектам (качество сферы услуг, реализация покупательского спроса, брак), расширилась источниковая база разработок. Нигилизм, политизация и критицизм, доминирующие в публикациях периода, зачастую не позволяли авторам избежать категоричности в оценках, но тем не менее в период «перестройки» за счет обращения к ранее запретным темам обогатилась эмпирическая составляющая отечественных разработок, возросла численность источников. Появление в эти годы новых подходов и ракурсов в изучении исследуемой темы позволяет характеризовать «перестроечную» историографию как переходную – носящую черты советского историографического этапа и давшую начало современному.

В хронологическом разрезе проблемы уровня жизни городского населения 1946–1991 гг. советскими историками исследованы неравноценно. Наиболее подробно рассмотрены вторая половина 1940-х–1960-е гг., значительно хуже – 1970-е гг. Конкретно-исторических исследований, посвященных 1980-м гг., фактически нет. Не в последнюю очередь такая избирательность связана с тем, что в советский период только начала складываться источниковая база для изучения проблем уровня жизни городского населения РСФСР периода 1970–1980-х гг., что удерживало от их изучения профессиональных историков. Также

в конце 1980-х – начале 1990-х гг. происходит снижение интереса к конкретно-историческим исследованиям, что определило фактическую неизученность советскими историками проблем уровня жизни в период «перестройки». Данное утверждение справедливо как для общероссийской, так и региональной историографии.

На современном историографическом этапе в силу объективных геополитических, экономических и политических трансформаций произошли существенные изменения, отразившиеся на организации и функционировании всей российской обществоведческой науки. Исчезли партийно-государственный контроль и идеологическое директивное давление, но в то же время произошла дезинтеграция единого научного пространства. Институциональная система, существовавшая в СССР (РСФСР), частично сохранилась на уровне РАН, НИИ РАН, обществоведческих кафедр вузов страны, где продолжают исследования социально-экономической тематики и проблем уровня жизни населения. Институциональная организация современной науки претерпела существенные изменения, например: появились новые структуры – независимые научно-исследовательские организации, в рамках которых идет изучение социально-экономических проблем (ИЭПП, ВЦУЖ, ИФИ, ВЦИОМ). В целом по стране существует несколько сотен независимых научных организаций (их деятельность имеет отношение к исследованию интересующей нас проблематики), задачи которых варьируют от проведения экономических, исторических и социологических исследований до «формирования общественного мнения». Появление независимых научно-исследовательских организаций, с одной стороны, отражает современные процессы либерализации и ликвидации государственного контроля за общественными науками, что, безусловно, является положительным моментом, а с другой – отсутствие сегодня централизованного научного пространства освобождает данные организации от ответственности как за квалификацию их кадрового состава, так и собственно за научную достоверность проводимых ими исследований.

В концептуальном плане на современном историографическом этапе произошли существенные подвижки, связанные

с расширением вариативности векторов современных методологических исследований. Появление новых концептуальных подходов (модернизационного, либерального), расширение источниковой базы за счет введения в научный оборот ранее недоступных архивных материалов, привлечения данных зарубежной статистики и альтернативных расчетов современных отечественных авторов, а также материалов социологических опросов и бюджетных обследований – всё это позволило с разных ракурсов подойти к рассмотрению проблем благосостояния городского населения РСФСР.

Анализ современной отечественной научной литературы, посвященной анализу проблем уровня жизни городского населения РСФСР в период 1946–1991 гг., дает все основания признать прогресс на рубеже XX–XXI вв. в изучении данной темы. Большинство вопросов, касающихся вышеозначенной проблематики, подверглось переосмыслению. Исследователи на основании обновленной методологической, источниковой и методической базы критически проанализировали традиционные проблемы уровня жизни, поставленные еще в советской историографии (вопросы количественной динамики доходов, потребления и эффективности сферы услуг), а также определили новые исследовательские проблемы, которые не могли рассматриваться в советский период в силу идеологических причин (недовольство населения социально-экономическими реалиями, негативная динамика цен, нетрудовые доходы населения, проблемы бедности и др.).

Анализ современной отечественной научной литературы по проблемам **материальных доходов и благосостояния** городского населения РСФСР в 1946–1991 гг. показал, что наиболее полно в ней разработаны проблемы динамики заработной платы рабочих, ценообразования и фактической динамики государственных цен, изменения покупательной способности граждан. Исследователи пришли к выводу, что на протяжении данного периода заработная плата горожан увеличивалась, росла их покупательная способность (этими выводами современные исследователи подтверждают положения, высказанные в рамках советского историографического этапа). Цены в большинстве сво-

ем были доступны (за исключением первых послевоенных лет), и проблемы дефицита связывались с ценообразованием косвенно.

Слабо разработанными в отечественной историографии проблемами остаются комплексное изучение рыночных цен и их динамики на протяжении второй половины XX в., а также проблема инфляции. Недостаточно изучены вопросы изменения заработной платы интеллигенции и служащих, низкооплачиваемых профессиональных групп населения (сторожа, уборщицы и т. д.), проблемы доходов советских руководящих работников. Более глубокого изучения с использованием новых подходов требуют проблемы сопоставления материальных доходов советского населения и жителей капиталистических стран, так как этот аспект темы, находясь в конъюнктурном поле, подвергся наибольшему идеологическому влиянию в рамках советского историографического периода.

Подводя итоги историографического изучения проблематики **потребления городского населения РСФСР** во второй половине XX в., следует признать, что отечественными исследователями в этом направлении проделана значительная работа: достаточно подробно проанализированы изменения в снабжении населения продовольственными и промышленными товарами; рассмотрены проблемы дефицита, его причины и проявления. Однако недостаточно изученными на сегодняшний день в современной историографии можно считать вопросы функционирования и развития городского общественного питания и бытового обслуживания в РСФСР. Требуют рассмотрения вопросы эволюции качества советских продовольственных и промышленных товаров и сравнение их с зарубежными и современными российскими аналогами, а также проблемы сверхнормативных запасов в торговой сети (мнения авторов относительно их объемов существенно разнятся).

Следствием методологического плюрализма – неотъемлемой черты современной отечественной историографии – стало появление различных, порой кардинально противоположных, позиций в рассмотрении и интерпретации вопросов уровня жизни советского городского социума в период 1946–1991 гг.

Достаточно широкое распространение в современной отечественной науке получила утрированно либеральная позиция, в русле рассмотрения которой сводятся на нет все сколько-нибудь существенные достижения советской социальной политики, направленной на повышение уровня жизни городского населения. Авторы отмечают, что на всем протяжении существования советское тоталитарное государство осуществляло политику геноцида собственного населения, намеренно сокращая доходы и потребление граждан с целью создания «винтика» – «индустриального бойца». Популяризируется мнение о генетической экономической неспособности советского государства обеспечить населению необходимый уровень потребления, вследствие чего граждане были обречены на дефицит и фактический голод.

Противоположной крайностью в рассмотрении исследуемой проблематики является популяризируемое в современной обществоведческой литературе мнение, согласно которому товарного дефицита в РСФСР (применительно к периоду 1960–1980-х гг.) не было, а существовало «ощущение дефицита», созданное объективными (форсированная урбанизация, рост потребностей, советская политика ценообразования) и субъективными (критика дефицита в прессе) причинами.

На наш взгляд, обе полярные позиции не вполне аргументированы. Либеральный подход, сторонники которого отрицают рост уровня жизни, выглядит недостаточно убедительным в отношении городского населения РСФСР, как, впрочем, и тезис о генетической неспособности советской системы к решению проблем потребления. В свою очередь, другая гипотеза – отрицание реальных проблем дефицита – вообще не опирается на фактические данные, существуя лишь в плоскости предположений о вероятностных эмоциональных характеристиках и психологических стереотипах советского населения. (Наличие в современном гуманитарном дискурсе «психологического» ракурса позволяет обозначить любопытный тренд, заключающийся в попытке объяснить фактические события реальности психологической спецификой современников, в этой реальности живущих. Вероятно, появление такого ракурса можно объяснить

«ветрами» постмодернизма, дующими на российских культурных (научных) просторах.)

Вышесказанное позволяет обозначить еще одну немаловажную проблему современной историографии – мифологизация советского прошлого. Руководствуясь политическими либо иными убеждениями и оперируя не столько фактами, сколько инструментами моделирования реальности, используемыми в художественной литературе, авторы путем масштабирования и намеренной гиперболизации одних аспектов темы при замалчивании и отрицании других создают конструкции, имеющие порой весьма отдаленное отношение к советской социальной реальности. И можно лишь с сожалением констатировать, что проблематика уровня жизни советского населения второй половины XX в. является достаточно привлекательным материалом для подобного рода работ. Уровень жизни советского населения позволяет говорить об эффективности реализации советской социальной политики, что в конечном счете дает основания оценить возможности и дееспособность советской политической системы (поэтому очевидными направлениями современного отечественного научного мифотворчества являются его просоветский и антисоветский варианты). Отсюда наиболее желательной перспективой дальнейших конкретно-исторических и историко-социологических изысканий по тематике уровня жизни населения РСФСР второй половины XX в. видится авторское освобождение (насколько это вообще возможно) от субъективных политико-идеологических установок и рассмотрение советского прошлого в русле максимально детального научного анализа, опирающегося на верифицируемые источники.

Автору данного исследования наиболее убедительной в трактовке фактических проблем уровня жизни городского населения РСФСР периода 1946–1991 гг. представляется модернизационная парадигма, объясняющая, что в 1950–1960-е гг. в силу объективных предпосылок и причин (механизации и автоматизации производства, развития средств массовой коммуникации, сферы услуг и урбанизации) в СССР складывается индустриаль-

ное общество, изменившее образ жизни и жизненные стандарты городского населения.

В силу индустриальной специфики советская экономико-политическая система была способна решать мобилизационные задачи в определенные периоды, но не умела улавливать «тонкие» вызовы постиндустриальной эпохи, так как могла существовать, немного трансформируясь, но в общем особо не меняя своего жесткого индустриального ядра. Задача повышения уровня жизни городского населения во второй половине XX в. в РСФСР была поставлена и в определенном объеме решена. Но в силу неадаптивности советской экономике не удалось избежать многих проблем (обострившихся в 1970–1980-е гг.), в том числе в плане обеспечения высокого (желаемого) уровня благосостояния и потребления граждан РСФСР.

Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что на протяжении 1940–2000-х гг. отечественными исследователями (историками, социологами, экономистами и т. д.) проделана значительная работа по изучению различных аспектов проблемы уровня жизни городского населения 1946–1991 гг. Несмотря на это, и сегодня в разработке данной темы существует много белых пятен и лакун, заполнение которых видится перспективным. Но главной проблемой историографии изучаемой темы является отсутствие до сих пор обобщающих трудов по вопросам истории уровня жизни городского населения РСФСР в период 1946–1991 гг. Работа над такими изданиями в современных условиях свободы выражения мнений и позиций позволила бы историкам сделать большой шаг вперед в изучении советской социальной истории. Именно в таких изданиях могут найти отражение малоизученные и неизученные сюжеты, отражающие историю существования и развития советского городского социума в годы послевоенного сорокалетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Т а б л и ц а 1

Заработная плата населения в 1952–1953 гг., р./мес.

Профессия	1952		1953		
	Д. В. Милохин, А. В. Сметанин	Л. И. Борозкин	В. П. Попов	В. Шарпаев	ГАСО*
Союзный министр				5 000	
Секретарь райкома КПСС				1 500	
Работник управления торгующей организации:					
Свердловска					737
Свердловской области					727
Рабочий угольной промышленности				1 465	
Рабочий цветной металлургии				1 343	
Шахтер и металлург-стахановец				8 000	
Молодой специалист – инженер				1 000	
Старший инженер				1 300	
Инженерно-технический сотрудник административного аппарата МТС	1 381				
Рабочий швейной и обувной промышленности				651	
Слесарь нефтебазы			500		
Работник промышленного предприятия:					
Свердловска					507
Свердловской области					334
Шофер грузовой машины	522				
Работник транспорта:					
Свердловска					508
Свердловской области					474
Работник розничной сети, базы, склада:					
Свердловска					425
Свердловской области					543

Окончание табл. 1

Профессия	1952		1953		
	Д. В. Милохин, А. В. Сметанин	Л. И. Бородкин	В. П. Попов	В. Шаранов	ГАСО*
Работник общественного питания: Свердловска Свердловской области					447 351
Санитарный врач в городском тресте столовых			880		
Стипендия слушателя курсов техникума			500		
Стипендия учащегося			140		
Среднемесячная заработная плата заключенного Норильлага (учитывая заключенных, лишенных заработной платы)**		225			

Примечания:

* Рассчитано по материалам ГАСО.

** По расчетам Л. И. Бородкина и С. Эрци, разброс в среднемесячной заработной плате заключенных был от менее чем 75 р. в месяц до более чем 1000 р.

Источники: *Бородкин Л. И., Эрци С.* Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе. Норильлаг, конец 30-х – нач. 50-х гг. // Экон. история : [ежегодник]. М., 2003. С. 230 ; *Милохин Д. В., Сметанин А. Ф.* Указ. соч. С. 94 ; *Попов В. П.* Экономическая политика советского государства... С. 65 ; *Шаранов В.* Указ. соч. ; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 54.

Уровень цен в СССР в послевоенный период, р.

Наименование товара	Кол-во	1946					1947		1953	
		Лето			Осень		(единые цены)		В. Шарпов	Продоволь- ственная безопасность
		Пайков.		Коммер.	Пайков.	Коммер.				
		Е. Ю. Зубкова	О. В. Хлевнюк, В. П. Попов	О. В. Хлевнюк, В. П. Попов	О. В. Хлевнюк, В. П. Попов	О. В. Хлевнюк	В. Шарпов	Д. В. Милохин, А. В. Сметнин		
Хлеб белый и хлебобулочные изделия	1 кг						5,5	7,8	3	2,8
Хлеб черный	1 кг	0,75–1,15	1,1	8–10	3,40	8	3	3,2	1	1,35
Мясо (говядина)	1 кг		12	120	30	80	30	32	12,5	15
Рыба (судак)	1 кг						12		7,1	
Молоко	1 л						3	5	2,24	2,9
Масло сливочное	1 кг						64	66	27,80	26,8
Яйца	10 шт.						12	18	8,35	
Сахар рафинад	1 кг		6		12		15	16,5	9,4	
Масло растительное	1 л						30	32	17	
Водка	0,5 л						60	60	22,8	
Пиво	0,6 л						5		2,96	
Крабы	1 банка						20		4,3	
Автомобиль «Победа»									16 000	
Автомобиль «Москвич»									9 000	
Обувь (ботинки)	1 пара						260		188,5	

Окончание табл. 2

Наименование товара	Кол-во	1946					1947		1953	
		Лето			Осень		(единицы цены)			
		Пайков.		Коммер.	Пайков.		Коммер.			
		Е. Ю. Зубкова	О. В. Хлевнюк, В. П. Попов	О. В. Хлевнюк, В. П. Попов	О. В. Хлевнюк, В. П. Попов	О. В. Хлевнюк	В. Шапов	Д. В. Милохин, А. В. Сметнин	В. Шапов	Продоволь- ственная безопасность
Ситец	1 м					10,1		6,1		
Шерстяная ткань	1 м					269		113		
Шелк натуральный	1 м					137		100		
Стоимость продовольственной корзины в месяц		700	116–206*			1 130	737,7**	510		

Примечания:

* Стоимость месячного продовольственного пайка для рабочего Москвы составляла в среднем 116 р., инженерно-технического работника – 136 р., рабочего-угольщика – 206 р.

**Без картофеля для третьего ценового пояса СССР.

Источники: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное общество... С. 70 ; *Милохин Д. В., Сметанин А. Ф.* Коми. Колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958 : соц.-экон. аспекты развития. М., 2005. С. 92, 275 ; *Попов В. П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы... С. 72, 76 ; *Продовольственная безопасность Урала в XX в. ...* С. 297 ; *Хлевнюк О. В.* Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» // *Отечеств. история.* 2001. № 3. С. 78 ; *Шапов В.* Указ. соч.

Таблица 3

Цены на колхозных рынках Свердловска за ноябрь 1953 г., р./кг

Тип продажи	Картофель	Капуста св.	Говядина	Баранина	Свинина	Молоко	Яйца (10 шт.)
Продажа колхозами	1,5	2,0	16	16	20	3,5	16
Продажа колхозниками-единоличниками	2,0	2,5	18	18	20	5,0	18

Источники: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 178.

Таблица 4

Цены на товары в СССР (середина 1980-х гг.), р.

Продукты	Масса	Цена	Продукты	Масса	Цена
Мясо	1 кг	2,00	Водка	0,5 л	≤ 4,0
Сливочное масло	1 кг	3,5–3,6	Шампанское	0,7 л	< 4,0
Молоко	1 л	0,30	Килька в томате	1 банка	0,33
Яйца	1 шт.	0,09	Икра красная	140 г	3,50
Сахар рафинад	1 кг	1,04	Сгущенка	1 банка	0,37
Хлеб белый	300–400 г	0,25	Сырок «Дружба»	1 шт.	0,16
Хлеб «Бородинский»	1 кг	0,14	Торт «Прага»	1 кг	3,50
Колбаса:			Мужской костюм		120–250
«Докторская»	1 кг	2,20	Туфли	1 пара	30–60
«Любительская»	1 кг	2,90	Сапоги женские	1 пара	150–250
«Ливерная»	1 кг	0,50	Телевизор:		
Ирис «Кис-кис»	1 кг	1,50	черно-белый		230–260
Бананы	1 кг	1,20	цветной		750
Апельсины	1 кг	1,40	Автомобиль «Жигули»		6–7 тыс.

Источники: Мухин Ю. И. Живем ли мы как в 1985 г.? Нет // Дуэль : [сетевой журнал]. 2004. № 32(380). 10 авг. URL : www.duel.ru/200432/?32_5_1.

Таблица 5

**Растраты и хищения на предприятиях Свердловской области
в 1950–1970 гг., р.**

Год	Вид деятельности	Отрасль, организация	Кол-во случаев	Сумма	Приблизительная сумма на один случай*
1950	Растраты и хищения	Торгующие организации Свердловской области		19 307	
1951				21 162	
1952				20 104	
1961	Растраты и хищения	Свердлгорпромторг	18	10 155	564
1962			21	11 898	567
1961	Растраты и хищения	Свердловское городское управление торговли	105	50 000	
1962			125	72 000	
1969	Хищения	Торговые организации	80	130 000	1 625
		Промышленные предприятия	121	48 000	397
1970	Растраты и хищения	Торговые организации	838	848 000	1 012
		Промышленные предприятия	3 541	436 000	123
		Подрядные и строительно-монтажные организации	204	52 000	255
		Предприятия связи	553	22 000	40

Примечание. * Расчет автора.

Источники: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 82; Оп. 1. Д. 34. Л. 17,20; Оп. 26. Д. 29. Л. 4, 7.

Нормы потребления продуктов питания, кг/чел. в год

Источник	Год публикации	Овощи и бахчевые	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Рыба и рыбные продукты	Сахар	Картофель
Васильев А.	1958	110					
Фигурнов С. П.	1960		85	460	15		
Мстиславский П. С.	1961	110–190	73–91	292–585	7–16	27–33	
Шнирлин Ю. Л.	1961	153	81 (в переводе на мясо –85)	322	14,2	33	103
Гоголь Б. И.	1962	164	87	467	16	44	
Задорожный В. К., Степанко М. М.	1965						110
Губарева О. Е.	1968	164	90–100	481	16,2	40–44	95
Мстиславский П. С.	1969		86	481	16		
Орлов Я. Л.	1971			Немногим более 400	18,2		
Матюха И. Я.	1973	146,0	81,8	433,6	18,2	36,5	96,7
Тылкин В. Б.	1979	181,9	75	439,2	20	35	120
Караулов В. П., Пряхин А. А.	1987	164	85		16,2	40–44	95
Иоффе Я. А.	1988	130	82	405	18,2		110
Бровко О. Г., Гордиенко А. С., Дмитриева А. Б. и др.	1989	130	75	476,3	18,2		110
Антонова Н. А., Голованова В. Г.	1989	161	73	389	23	38	126
Скурихин И. М., Нечаев А. П.	1991		70,1	359,9	18,3	36,5	96,7

Источники: Антонова Н. А., Голованова В. Г. Тенденции изменения потребления сельского населения // Соц. развитие села. М., 1989. Вып. 128. С. 28 ; Бровка О. Г., Гордиенко А. С., Дмитриева А. Б. Товароведение пищевых продуктов. М., 1989. С. 298 ; Васильев А. Правильно определять потребность населения в овощах // Сов. торговля. 1958. № 1. С. 17 ; Губарева О. Е. Источники роста народного благосостояния в СССР... С. 150 ; Гоголь Б. И. Торговля в период строительства коммунизма... С. 31 ; Задорожный В. К., Степанко М. М. Определение потребностей населения в картофеле и овощах // Вопр. экономики и орг. торговли. Киев, 1965. С. 30 ; Иоффе Я. А. Мы и планета. Цифры и факты. М., 1988. С. 203 ; Караулов В. П., Пряхин А. А. Указ. соч. С. 36 ; Матюха И. Я. Статистика жизненного уровня населения... С. 223 ; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... С. 141 ; Он же. К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека... С. 98 ; Орлов Я. Л. Товары для народа... С. 12 ; Скурихин И. М., Нечаев А. П. Всё о пище с точки зрения химика. М., 1991. С. 211 ; Товароведение продовольственных товаров / под ред. В. Б. Тылкина. Киев, 1979. С. 54 ; Фигурнов С. П. Реальная зарплата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР... С. 99 ; Шнирлин Ю. Л. Научно обоснованные нормы потребления... С. 38.

Таблица 7

**Нормы потребления непродовольственных товаров в СССР
на 1 чел. в год**

Источник	Год публикации	Хлопчатобумажные ткани, м ²	Шерстяные ткани, м ²	Шелк, м ²	Лен, м ²	Трикотаж, всего, шт.	Чулочно-носочные изделия, шт.	Обувь кожаная, пары
С. Г. Струмилин	1954	37,1	11,3	7,0				
А. М. Корнеев	1957	27,3	3,7	8,7				
С. П. Фигурнов	1960	35–70	2–5	5–12	3–6	6–12	10–19	2–4
П. С. Мстиславский	1961	31,4	5,3	12,8				
Ю. Л. Шнирлин	1961	37,5	5,25	9,5	5,9	8,2	9	3,5
В. М. Синютин	1964	37,4	5,13	10,3	5,18	8,25	9	3,3
В. Е. Комаров, У. Г. Чернявский	1973	37,4	5,33	11,7	5,18	8,25	9	3,3
Р. А. Чайнов, В. М. Синютин	1984	31,7	4,2	10,5	4,4	13,4	8,3	3,66

Источники: *Комаров В. Е., Чернявский У. Г.* Указ. соч. С. 134 ; *Корнеев А. М.* Текстильная промышленность и пути ее развития. М., 1957. С. 334 ; *Мстиславский П. С.* Народное потребление при социализме... С. 199 ; *Синютин В. М.* На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. М., 1964. С. 94 ; *Струмилин С. Г.* К вопросу об измерении народного благосостояния // Вестн. статистики. 1954. № 5. С. 22 ; *Фигурнов С. П.* Реальная зарплата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР... С. 103 ; *Чайнов Р. А., Синютин В. М.* Производство товаров народного потребления : соц.-экон. аспект. М., 1984. С. 87 ; *Шнирлин Ю. Л.* Научно обоснованные нормы потребления. М., 1961. С. 56–59.

Таблица 8

**Потребление населением СССР непродовольственных товаров
на 1 чел. в год**

Товар	1950	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Хлопчатобумажные ткани, м ²	13,9	19,2	19,1	21,2	22	23,8	25,9	26,9
Шерстяные ткани, м ²	1,3	2,2	2,5	2,7	2,8	2,7	2,4	2,6
Шелковые ткани, м ²	0,5	3,14	3,6	4,7	5,9	6,6	6,8	6,6
Льняные ткани, м ²	0,7	1,25	1,3	1,8	1,8	1,5	1,5	1,6
Трикотажные изделия, шт.	1,1	2,9	4,2	5,3	5,9	6,5	6,8	7,4
Чулочно-носочные изделия, шт.	2,6	4,9	5,8	6,0	6,1	6,8		
Обувь кожаная, пары	1,1	1,9	2,4	3,0	3,2	3,2	3,2	3,3

Источники: *Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968. С. 698 ; Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974. С. 631 ; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976. С. 595 ; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 142.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рис. 1. Соотношение норм и фактического потребления населением мясных продуктов, кг на 1 чел. в год

Источники: Народное хозяйство РСФСР М. : ЦСУ при Совете Министров РСФСР. 1968–1970, 1973 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Статистика 1974, 1976 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1983–1986, 1988–1991 ; Народное хозяйство СССР. М. : Госстатиздат, 1966, 1968, 1969, 1973–1976, 1979, 1983, 1985, 1986, 1988–1991 ; Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 2000. С. 14, 141 ; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 222. Л. 9, 17, 55 ; Д. 287. Л 36.

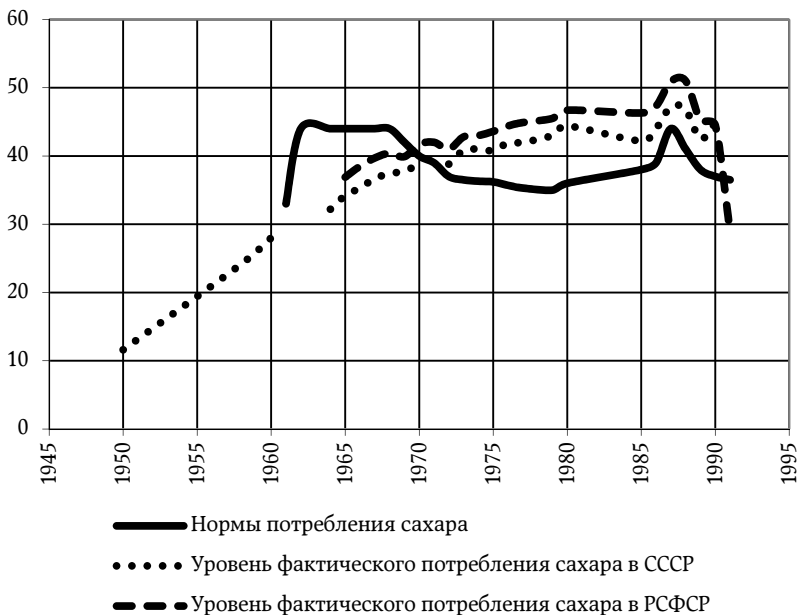

Рис. 2. Соотношение норм и фактического потребления населением сахара, кг на 1 чел. в год

Источники: Народное хозяйство РСФСР. М. : ЦСУ при Совете Министров РСФСР, 1968–1970, 1973 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Статистика, 1974, 1976 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1983–1986, 1988–1991 ; Народное хозяйство СССР. М. : Госстатиздат, 1966, 1968, 1969, 1973–1976, 1979, 1983, 1985, 1986, 1988–1991 ; Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 2000. С. 14, 141.

Рис. 3. Соотношение норм и фактического потребления населением рыбных продуктов, кг на 1 чел. в год

Источники: Народное хозяйство РСФСР М. : ЦСУ при Совете Министров РСФСР. 1968–1970, 1973 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Статистика 1974, 1976 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1983–1986, 1988–1991 ; Народное хозяйство СССР. М. : Госстатиздат, 1966, 1968, 1969, 1973–1976, 1979, 1983, 1985, 1986, 1988–1991 ; Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 2000. С. 14, 141.

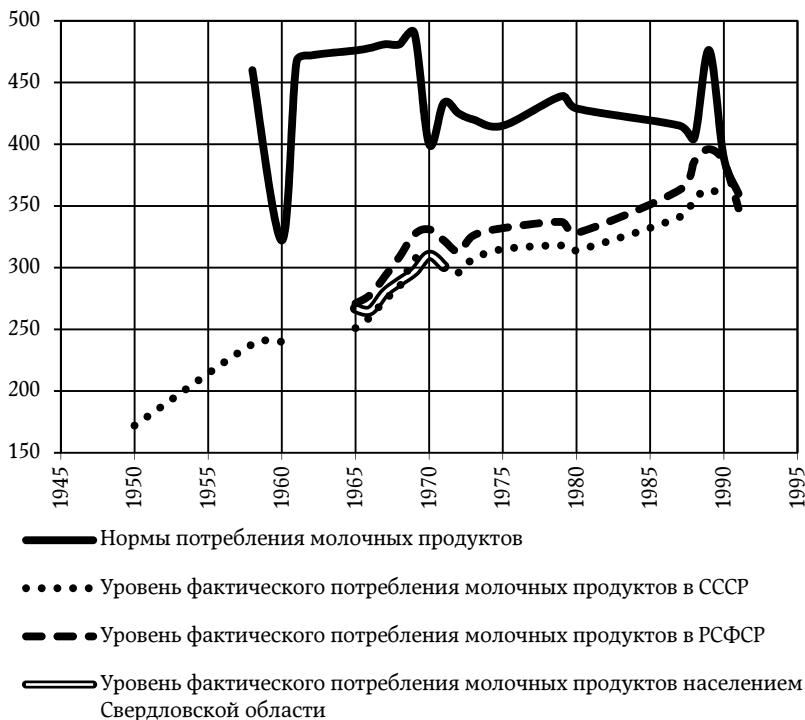

Рис. 4. Соотношение норм и фактического потребления населением молочных продуктов, л на 1 чел. в год

Источники: Народное хозяйство РСФСР. М. : ЦСУ при Совете Министров РСФСР, 1968–1970, 1973 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Статистика 1974, 1976 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1983–1986, 1988–1991 ; Народное хозяйство СССР. М. : Госстатиздат, 1966, 1968, 1969, 1973–1976, 1979, 1983, 1985, 1986, 1988–1991 ; Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 2000. С. 14, 141 ; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 222. Л. 9, 17, 55 ; Д. 287. Л. 36 ; Д. 251. Л. 55.

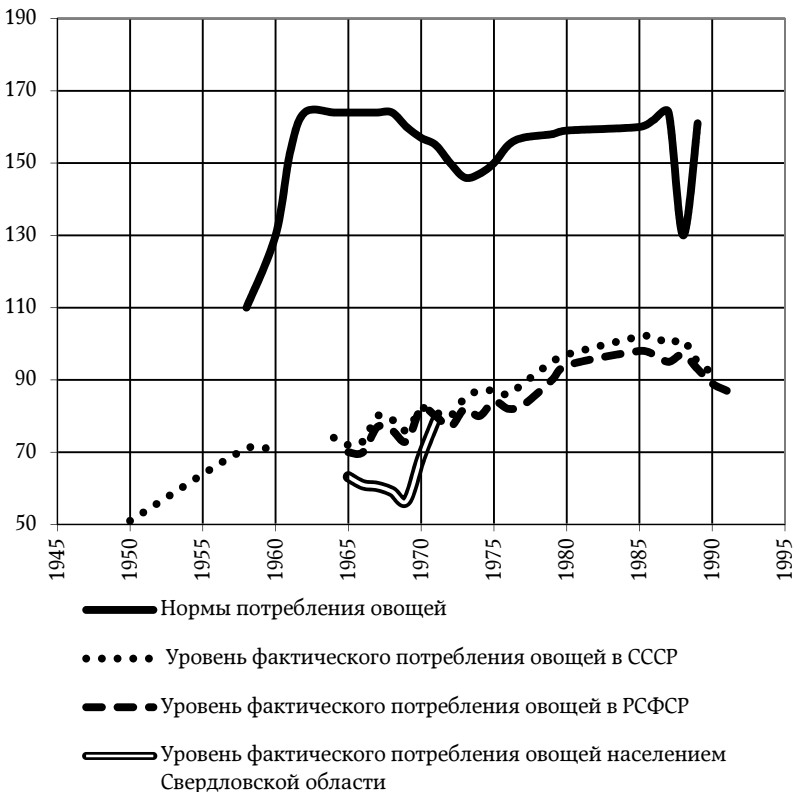

Рис. 5. Соотношение норм и фактического потребления населением овощей, кг на 1 чел. в год

Источники: Народное хозяйство РСФСР. М. : ЦСУ при Совете Министров РСФСР, 1968–1970, 1973 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Статистика 1974, 1976 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1983–1986, 1988–1991 ; Народное хозяйство СССР. М. : Госстатиздат, 1966, 1968, 1969, 1973–1976, 1979, 1983, 1985, 1986, 1988–1991 ; Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 2000. С. 14, 141 ; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 222. Л. 15 ; Д. 250. Л 1 ; Д. 260. Л. 88 ; Д. 287. Л. 37.

Рис. 6. Соотношение норм и фактического потребления населением картофеля, кг на 1 чел. в год

Источники: Народное хозяйство РСФСР. М. : ЦСУ при Совете Министров РСФСР. 1968–1970, 1973 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Статистика, 1974, 1976 ; Народное хозяйство РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1983–1986, 1988–1991 ; Народное хозяйство СССР. М. : Госстатиздат, 1966, 1968, 1969, 1973–1976, 1979, 1983, 1985, 1986, 1988–1991 ; Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 2000. С. 14, 141 ; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 222. Л. 15 ; Д. 250. Л. 1. ; Д. 260. Л. 88 ; Д. 287. Л. 37.

Научное издание

Клинова Марина Александровна

**Уровень жизни
городского населения РСФСР
(1946–1991 гг.)
в отечественной историографии**

Монография

Редактор и корректор *М. В. Баусова*

Компьютерная верстка *И. В. Засухиной*

Поз. 172. Подписано в печать 18.12.2014.

Формат бумаги 60 × 84/16. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 18,75. Усл. печ. л. 20,58. Заказ 831. Тираж 500 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета
в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета